

**ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»**

**РЕГУЛИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
ПРАВООТНОШЕНИЙ:
20-ЛЕТНИЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Сборник статей по материалам
Всероссийской научно-практической конференции
28 октября 2022 года

Санкт-Петербург

✦ Астерион

2023

УДК 343.1
ББК 67.410.2
Р32

DOI: 10.53115/9785001883289

Рецензенты:

Клейменов Иван Михайлович — советник Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук.

Коршунова Ольга Николаевна — заведующая кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Р32

Регулирование уголовно-процессуальных правоотношений: 20-летний опыт применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (28 октября 2022 г.) / Под. общ. ред. К.А. Корсакова, В.А. Шиплюка — СПб.: Астерион, 2023. — 320 с. — Системные требования: Windows 7/8/10; Adobe Reader. — https://asterion.ru/db/temp/Regulir_ugolov-process_pravo-otnosh_20-let_opyt_primenenia.pdf — Текст : электронный.

ISBN 978-5-00188-328-9

Сборник посвящен вопросам становления и развития уголовно-процессуальных институтов, опыту их правоприменения с момента введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, перспективам совершенствования уголовно-процессуального закона, актуальным проблемам правоприменительной практики по уголовным делам.

В материалы включены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Регулирование уголовно-процессуальных правоотношений: 20-летний опыт применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», проходившей в Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия» (г. Санкт-Петербург) 28 октября 2022 г., а также статьи участников Всероссийского круглого стола «Институт примирения в уголовном судопроизводстве: модель правового регулирования», проходившего в Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия» (г. Санкт-Петербург) 22 апреля 2022 г.

Издание предназначено для научных работников, практикующих юристов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также для всех, кто интересуется проблемными вопросами уголовного права и процесса.

© Коллектив авторов, 2023

ISBN 978-5-00188-328-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	6
Часть 1. Регулирование уголовно-процессуальных правоотношений: 20-летний опыт применения уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации	
Смирнов А.В. Вопрос о типологической принадлежности Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и его дальнейших перспективах	8
Судницын А.Б. Современная практика избрания меры пресечения в виде заключения под стражу: в поиске баланса частных и публичных интересов	19
Долгих Т.Н. Некоторые вопросы, возникающие при применении ч. 5 ст. 247 УПК РФ	25
Русман Г.С. Трансформация поощрительных форм в уголовно-процессуальном законе	29
Стрелкова Ю.В. Трансформация системы уголовно-процессуальных правоотношений при производстве в российском суде присяжных	35
Милич И.Д. Домашний арест	40
Кудрявцева А.В., Петров А.В. Доказывание и доказательства при осуществлении судебного контроля в уголовном судопроизводстве.....	44
Кукеев А.К. Роль уголовных процессуальных норм и действенность уголовного процессуального закона	53
Кубрикова М.Е. Подсудность гражданского иска в уголовном деле: актуальные проблемы правоприменительной практики.....	57
Зашляпин Л.А. Принцип уголовного процесса и модель правоотношений процессуального действия.....	62
Шиплюк В.А. Институт возвращения уголовного дела судом прокурору в УПК РФ: 20 лет эволюции	74
Сидоренко Е.В. К вопросу о возможности опроса присяжных заседателей в суде первой инстанции	80
Белоковылский М.С. Актуальные вопросы допустимости уголовно-процессуальных доказательств, полученных в результате применения специальных познаний	84
Конин В.В., Корсаков К.А., Сидоренко Е.В. Некоторые вопросы судопроизводства по преступлениям, предусмотренным ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ	92
Суханкина Л.И., Саяпин В.Г., Степанова В.В. Право на справедливое судебное разбирательство (проблемы применения ч. 2 и 2.1 ст. 281 УПК РФ с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ)	99

Филатьев В.А. Особенности завершения судебного разбирательства в условиях пробельности предварительного расследования	106
Гордиенко А.Ю. Темпоральные нормы в уголовно-процессуальном праве.....	123
Навалиев Н.М. Понятие и сущность уголовно-процессуального иммунитета	127
Миронова Е.Ю. Содержание принципа осуществления правосудия только судом в условиях внедрения искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство: проблемы и перспективы.....	131
Давыдовская М.В. О причинах проблемности общих правил производства следственных действий	136
Гаврилова-Петрова Л.А. К вопросу о понятии уголовно-процессуальных правоотношений	142
Калачёва А. В. О проблемах соблюдения сроков дознания: взгляд опытного практика и начинающего ученого	148
Лебедева М.Е. Проблемы правового регулирования проверочных действий следователя на стадии возбуждения уголовного дела	154
Мительская Д.Д. Судебный контроль при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу	160
Медведева Д.И. Актуальные проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста	164
Медовкин К.Р. Понятие и сущность назначения уголовного судопроизводства	170
Минеева А.С., Филатов Д.О. Некоторые вопросы стандарта доказывания в уголовном судопроизводстве.....	173
Ливенцева П.С. Использование материалов средств массовой информации в уголовном процессе	178
Кораблёва А.А. Адвокатское расследование в России: быть или не быть.....	181
Левин И.С. Активность судьи в уголовном судопроизводстве: проблемные вопросы	186
Волков А.А. Оценка прокурором качества досудебного производства по делу, поступившему к нему с актом, оканчивающим предварительное расследование с направлением дела в суд	192
Аскарлова А.К. Обеспечение следователем права подозреваемого и обвиняемого на защиту.....	198
Сафиулина К.А. Государственное обвинение в состязательном уголовном процессе	206

Часть 2. Институт примирения в уголовном судопроизводстве: модель правового регулирования

Корсаков К.А. Замечания и предложения по концепции законопроекта о расширении в уголовном судопроизводстве института примирения	214
--	-----

Белонос В.О. Сущность восстановительного правосудия и модель правового регулирования института примирения в уголовном судопроизводстве России	223
Александров А.С., Александрова И.А. Уголовно-процессуальное принуждение к миру	239
Артамонова Е.А. Размышления о разработанном СЗФ РГУП Проекте Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о введении в уголовное судопроизводство института примирения»	242
Муллахметова Н.Е. Примирение сторон по делам частного обвинения	247
Исакова Т.В. Возможности применения восстановительного правосудия и медиации при урегулировании конфликтов в сфере уголовно-процессуальных отношений	253
Васильев Ф. Ю. Примирение с пострадавшим (потерпевшим) как основание для отказа в возбуждении уголовного дела	259
Градский В.Е. Медиатор как участник уголовного процесса в Российской Федерации	263
Цыкунова И.Н. Медиатор как участник медиации по уголовным делам в законодательстве Республики Беларусь	268
Кленина К.А. Условия прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон	276
Великая Е.В. К вопросу о возможности прекращения уголовного дела о преступлениях, причинивших ущерб государству, в связи с примирением сторон	280
Исаев Ф.Р. Сравнительный анализ института примирения сторон в гражданском и уголовном процессе России	289
Николаева Е.А. Основания для отказа в возбуждении уголовного дела в суде	295
Морозова М.А. Нравственная проблема примирения в судебном производстве по уголовным делам: заглаживание вины, примирение в случае гибели потерпевшего	297
Наволоцкая М.Д. Отдельные элементы процедуры примирения: стадии процедуры примирения	300
Сажина И.А. Некоторые аспекты примирения в судебном производстве по уголовным делам: мнимое примирение	304
Сажина И.А. Участие прокурора в процедуре примирения по уголовным делам	308
Голод Е.П. Специфика осуществления переговорного процесса как одного из видов примирительных процедур в уголовном судопроизводстве	314

ПРЕДИСЛОВИЕ

С 1 июля 2002 года — момента принятия и вступления в силу основных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) прошло уже более 20 лет. За столь длительный период времени уголовно-процессуальный закон подвергся значительным изменениям как в результате развития существующих институтов, так и введения в российский уголовный процесс новых институтов, например, особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Закрепляя порядок и особенности производства по уголовным делам, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации отражает и существующие принципы функционирования демократического государства, необходимость обеспечения прав личности, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. С момента введения Кодекса в действие принято более 300 федеральных законов о внесении в него изменений и дополнений. Уголовно-процессуальные нормы видоизменялись и формировались, в том числе под влиянием правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

Вопросы становления и развития уголовно-процессуальных институтов, опыт их правоприменения с момента введения, перспективы совершенствования уголовно-процессуального закона, актуальные проблемы правоприменительной практики по уголовным делам стали темами обсуждения на Всероссийской научно-практической конференции «Регулирование уголовно-процессуальных правоотношений: 20-летний опыт применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», проведенной Северо-Западным филиалом Российского государственного университета правосудия» (г. Санкт-Петербург) при поддержке Ленинградского областного суда в г. Санкт-Петербурге 28 октября 2022 года.

Некоторые яркие и интересные выступления по независимым от ее организаторов причинам не были оформлены в виде текстов статей и потому не вошли в сборник. Среди них «20-летний опыт применения УПК РФ в Ленинградском областном суде» (выступление А.В. Лебедева, судьи Ленинградского областного суда); «Единообразие судебной практики применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации как средство совершенствования правосудия» (выступление О.А. Вагина, начальника Управления конституционных основ уголовной юстиции Конституционного Суда Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента, действительного государственного советника юстиции Российской Федерации 2 класса, Заслуженного юриста Российской Федерации); «Роль суда в толковании Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (выступление Н.А. Колоколова, профессора, доктора юридических наук, судьи Верховного

Суда Российской Федерации в почетной отставке); «О стандартах и стандартизации уголовного процесса» (выступление А.О. Машовец, профессора Уральского государственного юридического университета, доктора юридических наук); «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года: факты, гипотезы, оценки» (выступление С.Б. Россинского, главного научного сотрудника Института государства и права РАН, доктора юридических наук). Однако с содержанием перечисленных выступлений можно ознакомиться по видеозаписи, размещенной на сайте Международной ассоциации содействия правосудию по ссылке — URL: <https://www.iuaj.net/node/3164>.

В первую часть настоящего сборника включены тексты докладов и выступлений, прозвучавших на конференции.

Во второй части сборника представлены доклады и выступления участников Всероссийского круглого стола «Институт примирения в уголовном судопроизводстве: модель правового регулирования», проходившего в Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия» (г. Санкт-Петербург) 22 апреля 2022 года. Основной целью круглого стола являлось обсуждение возможности введения в российский уголовный процесс института примирения (медиации), в том числе обсуждение проектов возможных изменений, вносимых в законодательство в связи с формированием подобного института.

Организаторы конференции надеются, что ее материалы будут интересны научным работникам, судьям и другим практикующим юристам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, а также всем, кто интересуется проблемными вопросами конституционного и уголовно-процессуального права.

За большую помощь в организации и проведении конференции организационный комитет выражает признательность Перфильеву Геннадию Васильевичу, председателю Ленинградского областного суда, кандидату юридических наук, а также всем, кто принял участие в научной дискуссии.

ЧАСТЬ 1
РЕГУЛИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
ПРАВООТНОШЕНИЙ: 20-ЛЕТНИЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Смирнов А.В.*

Вопрос о типологической принадлежности
Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации
и его дальнейших перспективах

Аннотация: Анализируется типология российского уголовного процесса на современном этапе его эволюции, действие принципа состязательности на различных стадиях судопроизводства. Отмечена тенденция к сближению с англо-американской моделью уголовного судопроизводства. В сравнительно-правовом аспекте описаны особенности регламентации и функционирования отдельных процессуальных институтов.

Ключевые слова: уголовный процесс, типология, допустимость доказательств, сделки о признании, состязательность.

Smirnov A.V.

The question of the typological affiliation of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and its future prospects

Abstract: The typologies of the Russian criminal process at the present stage of its evolution, the effect of the adversarial principle at various stages of legal proceedings are analyzed in the article. The tendency towards convergence with the Anglo-American model of criminal proceedings is noted. In the comparative legal aspect, the features of the regulation and functioning of individual procedural institutions are described.

Keywords: criminal procedure, typology, admissibility of evidence, recognition transactions, adversarial.

Начиная разговор о действующем Уголовно-процессуальном кодексе, о его типологии, достоинствах, недостатках, следует сказать, что любые юри-

---

* Смирнов Александр Витальевич, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации; Smirnov Alexander Vitalievich, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the FSBEIHE «Russian State University of Justice», Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation.

дические формы ни в коем случае нельзя фетишизировать, ибо все они не более чем миф, на деле же — лишь условность, соглашение между людьми о том, как построить свои отношения удобным образом. Поэтому польза от правосудия определяется главным образом не качеством законов, а добродетелью судей. В общем, «не показывайте мне Кодекс, покажите мне судью».

С момента принятия действующего Уголовно-процессуального кодекса России прошло уже более 20 лет. Этот срок достаточен для оценки юридических качеств и практической эффективности этого детища судебных преобразований. Концепция судебной реформы в Российской Федерации в 1991 г. провозглашала, что ее целью является «пробуждение общественной совести во имя достижения правды в экстремальных условиях борьбы человека за свою жизнь, свободу и доброе имя»¹. Для уголовного судопроизводства это означало намерение защитить права человека и внедрить в него реальное равноправие и состязательность сторон. Кодекс должен был послужить пропуском новой России в сообщество цивилизованных государств, многие из которых и сами придают реформам уголовной юстиции немаловажное значение. Осознание необходимости новой философии и практики уголовного судопроизводства со второй половины XX в. породило в Европе волну судебных экспериментов и преобразований. Их идейной и социально-политической основой служит, на наш взгляд, борьба модернистских и постмодернистских тенденций, к чему мы вернемся чуть позже. Образно говоря, уголовное судопроизводство — это последняя «бастилия», историческое падение которой мы имеем возможность наблюдать прямо сейчас, если не в качестве исполнителей, то как свидетели. В целом ряде государств Западной, Восточной Европы, Средней Азии и других как на теоретическом, так и законодательном уровне идут поиски моделей уголовного процесса, отвечающих реалиям стремительно меняющегося мира. Найдена ли такая модель в современной России с принятием действующего УПК РФ 2001 г.?

Как показывает анализ его содержания, Кодекс воспроизвел по-прежнему смешанный, следственно-состязательный (континентальный) тип процесса с формальным преобладанием в нем по букве закона состязательных элементов, но фактически остающийся под сильным влиянием следственной (инквизиционной) парадигмы. Состязательность проявляется в нем преимущественно в судебных стадиях. Декларируется, что суд не является органом уголовного преследования, не должен выступать ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, а может лишь создавать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществ-

---

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации (Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 "О Концепции судебной реформы в РСФСР"). М., 1992. — С. 79.

ления прав (ч. 3 ст. 15). Так, он не имеет права возбуждать уголовные дела, поскольку движущей силой состязательного процесса является только спор сторон по поводу обвинения. По той же причине полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет прекращение уголовного дела либо уголовного преследования в целом или в соответствующей его части (ч. 7 ст. 246). Суд приступает к рассмотрению дела только по обвинению, представленному уголовным следователем, и не вправе выходить за рамки, очерченные в обвинении (ст. 252), т.е. не вправе допускать в судебном разбирательстве расширение и усиление обвинения. Это правило дополняется тем, что в УПК, пусть на данный момент и в значительной степени формально, не предусмотрено право суда возвращать уголовные дела для производства дополнительного расследования, ибо в случае обнаружения неполноты или предвзятости проведенного расследования, существенного нарушения прав участников предоставление стороне обвинения повторной возможности доказывать виновность означало бы нарушение принципа равенства сторон и объективно зачисляло суд в адепты уголовного преследования. Сторона защиты получила право самостоятельно, пусть и в ограниченном объеме, собирать доказательства (ч. 3 ст. 86); вызывать в суд свидетелей и специалистов, представлять другие необходимые ей доказательства (п. 6 ч. 1 ст. 220, п. 6 ч. 1 ст. 225, п. 4 ч. 2 ст. 231, ч. 4 ст. 271), что до известной степени уравнивает ее возможности в процессе доказывания со стороной обвинения. Усилено действие в суде состязательного принципа непосредственности исследования доказательств: оглашение и использование в судебном разбирательстве протоколов допросов неявившихся в судебное заседание свидетелей и потерпевших, допускается, как правило, с согласия сторон (ч. 1 ст. 281), хотя это их «право вето» и было во многом нивелировано многочисленными исключениями, добавленными позднее в данную статью.

Более того, в некоторых своих частных моментах российский уголовный процесс впервые в истории отечественного законодательства обнаруживает известную тенденцию к сближению с англо-американской моделью уголовного судопроизводства, которую по укоренившейся традиции принято считать полностью состязательной. При этом речь идет не только об английском по своему происхождению институте суда присяжных, который в первый раз был введен в России еще Уставами уголовного судопроизводства 1864 г., а в Российской Федерации воссоздан в 1993 г. Прямым англо-американским заимствованием является институт допустимости *доказательств*. Согласно ч. 1 ст. 75 УПК РФ недопустимые доказательства, т. е. полученные с нарушением требований Кодекса, не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из об-

стоятельств предмета доказывания. Причем данная норма, принята во исполнение требования п. 2 ст. 50 Конституции РФ. В этом отношении российский законодатель оказался даже «большим роялистом, чем король», потому что в уголовном процессе Англии и особенно США это правило не имеет универсального характера, распространяясь лишь на отдельные ситуации, связанные с получением тех или иных разновидностей доказательств (недопустимость показаний с чужих слов; результатов предъявления опознания без участия защитника; признательных показаний, полученных без надлежащего предупреждения задержанного о его процессуальных правах и т. д.) Норма же, закрепленная в ч. 1 ст. 75 УПК РФ, выражена предельно категорично и при буквальном ее толковании охватывает все без исключения случаи процессуальных нарушений, допущенных при собирании и проверке доказательств, невзирая, насколько существенным представляется каждое из них. Некритическое восприятие данного правила в его действующей российской формулировке причиняет значительные трудности судебной и следственной практике. Решение этого вопроса как на теоретическом, так и практическом уровне — одна из актуальных проблем российского уголовного судопроизводства.

Наиболее же экзотическим заимствованием из англо-саксонского типа процесса являются *сделки о признании*, которые, правда, были восприняты УПК РФ через их европейскую интерпретацию. Этот институт с недавних пор был усвоен уголовно-процессуальным законодательством и ряда западноевропейских государств (ст. 655, 689.2 УПК Испании, ст. 444-448 УПК Италии и др.). На практике подобные соглашения воспринимаются как соглашение сторон о виновности, отчего заслужили неофициальное название «медленного признания вины». Согласно УПК РФ, обвиняемый также вправе при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего заявить о согласии с предъявленным ему обвинением (т.е. фактически о признании виновности) и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести (ст. 314).

Не без влияния англо-саксонского типа изменил свою форму в российском процессе и институт предания обвиняемого суду, который назывался так прежде в ст. 109, 127, 254, 314, 374 УПК РСФСР, но по не вполне ясным причинам был переименован в действующем законе в стадию «подготовки к судебному заседанию». Главная цель, которую ранее преследовала стадия предания суду, состояла в определении судьей достаточности доказательств для рассмотрения дела в судебном заседании, т.е., иначе говоря, для вынесения обвинительного приговора, что вполне вписывалось в инквизиционный стандарт. Ныне такая задача перед судом уже не стоит. По

УПК РФ вопрос о достаточности доказательств может рассматриваться судьей лишь в форме предварительного слушания по вопросу о наличии оснований для приостановления или прекращения уголовного дела (ст. 238, 239), т.е. практически в качестве исключения. Таким образом, вопрос о достаточности доказательств для рассмотрения в судебном разбирательстве, как правило, решает прокурор, направляя дело в суд в порядке ст. 222, п. 1 ч. 1 ст. 226. Это позволяет говорить о переходе российского уголовного судопроизводства к состязательной *обвинительной* модели предания суду, когда данный вопрос фактически относится к компетенции обвинителя и решается им при окончании предварительного расследования. Данью определенной англоязычности российского уголовного процесса можно считать и само *предварительное слушание*, которое представляет собой подготовительный этап производства в суде первой инстанции, прообразом которого, вероятно, служит английская судебная процедура *arraignment* — привлечение к суду. В ходе реформ предварительное слушание появилось и в ряде стран континентального права (например, Италии и др.). Согласно УПК РФ, оно предназначено, в частности, для того, чтобы заранее выяснить или скорректировать позиции сторон по делу (например, обвинитель может здесь при определенных условиях изменить обвинение), а также проверить допустимость представленных доказательств (глава 34). Далее, с англо-американского образца в УПК РФ была списана весьма радикальная норма, полностью запрещающая пересмотр в надзорном порядке оправдательных приговоров, а также обвинительных приговоров по основаниям, влекущим ухудшение положения обвиняемого (ст. 405), хотя этот запрет и был позднее существенно смягчен как в кассации, так и надзоре (ст. 401.6, ч. 2 ст. 412.9).

Тем не менее общее требование Конституции РФ (ч. 3 ст. 123) и Кодекса (ч. 1 ст. 15) осуществлять уголовное судопроизводство на основе состязательности сторон, нельзя признать полностью реализованным, поскольку на досудебных стадиях процесса законодатель сохранил существенные элементы следственного (инквизиционного) порядка судопроизводства, при котором уголовный преследователь сосредотачивает в своих руках не только обвинительную, но и значительную часть судебной власти, которая в чисто состязательном типе процесса состоит в разрешении споров сторон, а значит, становясь отчасти «судьей в собственном деле». Так, следователь и дознаватель могут на досудебном производстве принимать окончательное решение по существу дела, прекращая его или уголовное преследование не только по реабилитирующим, но и по нереабилитирующим основаниям, по сути, устанавливая виновность лица в совершении преступления (глава 4). Именно уголовный преследователь (до-

знаватель, следователь) применяет ряд мер пресечения (подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым), а также принимает решение об отводе своих же процессуальных оппонентов — защитника или представителя гражданского ответчика (ст. 72).

Но главное, хотя и не для всех очевидное, наследие инквизиционного порядка в российском уголовном процессе состоит в том, что следователь и орган дознания наряду с судом собирают и используют доказательства, с помощью которых *устанавливают* наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 74). Т.е. они сразу получают *судебные* доказательства (например, прямо назначают «судебную экспертизу»), в то время как в процессуальных системах, последовательно придерживающихся состязательного начала (Англия, США, Италия и др.) применяется т.н. система «двух папок», где судебные доказательства могут формироваться не иначе как в судебных заседаниях. До этого момента они считаются лишь возможными в будущем, потенциальными доказательствами, т.е. материалами, которые стороны собирают для последующего представления суду, который только и вправе решать, допускать ли их в процесс в качестве судебных доказательств. Помимо того, именно органы предварительного расследования в российском уголовном процессе фактически решают вопрос, какие ходатайства стороны защиты и других участников процесса о приобщении к материалам дела доказательств удовлетворить, а какие нет (ст. 159). Наконец, следователь предъявляет официальное обвинение не в судебном заседании, перед лицом независимого суда, как это происходило бы в чисто состязательном судопроизводстве, а самостоятельно и без предъявления доказательств виновности, т.е. в сугубо инквизиционном порядке (глава 23). То есть уголовные преследователи — следователь или орган дознания — на досудебном производстве фактически являются не стороной в судебном споре, а «dominus litis» — хозяевами процесса, во многом замещая здесь судебное начало, что, собственно, и является главным признаком инквизиционной модели судопроизводства.

Вместе с тем преобразования предварительного следствия идут в России не в направлении строгого разделения функций обвинения и разрешения дела (юстиции), а по совершенно иному сценарию, а именно, путем размежевания функции предварительного расследования, которая сосредоточена в самостоятельном следственном органе, и функции уголовного преследования, остающейся за прокурором. Федеральным законом № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 5 июня 2007 г. прокурор был полностью освобожден от ответственности за руководство предварительным следствием. Таковые полномочия остались у него только в отношении дознания. Те-

перь функция уголовного преследования осуществляется прокурором на предварительном следствии главным образом постольку, поскольку он участвует в подготовке и формировании будущего государственного обвинения. Она проявляет себя здесь в основном на завершающем этапе расследования — в полномочиях прокурора при рассмотрении уголовного дела, поступившего к нему от следователя с обвинительным заключением (гл. 31 УПК)². Только с этого момента, но никак не ранее, прокурор становится ответственным за качество обвинения, которое ему придется поддерживать в суде. Таким образом, по всей видимости, предполагается, что прокурор должен стать более свободным для осуществления объективного надзора за соблюдением законности на предыдущих этапах предварительного следствия и в стадии возбуждения уголовного дела.

Что же касается органов предварительного следствия, то благодаря этим новациям их функциональная роль теоретически кардинально изменилась, причем вопреки тому, что в главе 6 УПК следователи и их руководство причислены к «участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения». Однако теперь они фактически выступают как носители самостоятельной процессуальной функции расследования, а не обвинения — именно потому, что разорвана их непосредственная связка с главным уголовным обвинителем — прокурором. Ведь иначе как решительным размежеванием процессуальных функций данных участников объяснить этот факт было бы невозможно.

Кстати, подобное представление о соотношении функций органа расследования, как бы он не именовался (полицией, следственным судьей или следователем), и уголовного преследователя (прокурора, атторнея и т.п.) нашло распространение главным образом в западной правовой традиции³. Считается, что снятие с органа расследования обвинительных задач способствует сохранению им непредвзятости⁴, а значит, и объективности всего предварительного расследования. Например, в США в ходе полицейского расследования полиция полностью отделена от прокурора (атторнея) и действует автономно; последний же выступает лишь как носитель функции обвинения перед судом⁵.

---

² В ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации» уголовное преследование названо как одно из направлений деятельности органов прокуратуры.

³ Однако, например, в УПК Республики Беларусь следователь не включен в число участников как сторона обвинения. Так, п. 40 ст. 6 УПК этой восточно-европейской страны устанавливает, что со стороны обвинения выступают государственный обвинитель, а также потерпевший (частный обвинитель), гражданский истец и их представители. В ч. 1 ст. 17 УПК Эстонской Республики следственные органы также не отнесены к стороне обвинения.

⁴ См.: Курс уголовного процесса. /Под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. — С. 48.

⁵ См.: Грызлов Д.В. Компаративистский анализ функциональных полномочий прокурора в уголовном процессе некоторых зарубежных государств // Закон и право. 2019. — № 1. — С. 111.

Вместе с тем идея выделения независимого органа предварительного расследования, лишённого обвинительной функции и действующего исключительно в интересах т.н. объективной истины, представляется нам искусственной и иллюзорной, не учитывающей реалий правоохранительной деятельности, в т. ч. психологических механизмов работы следователя и сотрудников дознания. Объективно, проводя оперативные и следственные действия, задержания, обосновывая подозрение и обвинение, они осуществляют, прежде всего, уголовное преследование. Субъективно же задача раскрытия преступления и изобличения виновных, обладая для них первородством, формирует в сознании следователя управляющую гипотезу обвинительного свойства, с которой психологически с трудом монтируются оправдательные версии. Реабилитация подозреваемого и обвиняемого в лучшем случае имеет для него второстепенное значение, а в худшем — вообще рассматривается как брак в работе. Следует также подчеркнуть, что сведение предварительной подготовки дела к осуществлению в основном функции расследования фактически исключает здесь состязательность и юридическое равенство сторон ввиду полного отсутствия самих сторон. Вместо них здесь есть лишь «верх» и «низ», характерный для инквизиционной модели, в которой задача достижения «объективной истины» хотя и декларируется, но на практике редко выполняется. При этом подлинным «хозяином процесса» является орган расследования, к которому другие участники могут обращаться лишь с просьбами, а значит по сравнению с состязательным порядком, где они равны, такая модель более опасна для обвиняемого.

В состязательном духе вопрос о построении предварительного расследования может быть решен лишь тогда, когда между уголовным преследователем (обвинителем) и стороной защиты будет поставлен независимый и беспристрастный судебный орган — следственный судья, который ни в коей мере не берёт на себя функции следователя.

Правда, в УПК РФ уже предусмотрен определенный противовес диктату органов уголовного преследования — судебный контроль над законностью и обоснованностью действий, бездействия, решений дознавателя, следователя и прокурора (ст. 125, 165 и др.). Однако, как представляется, такой судебный контроль не является вполне достаточным для обеспечения состязательного характера предварительного производства ввиду того, что имеет своим предметом не основной вопрос дела — об уголовной ответственности обвиняемого, — а лишь соблюдение прав участников процесса. Предварительное расследование сможет удовлетворить стандартам состязательности тогда, когда судебные полномочия здесь будут дополнены здесь разрешением таких вопросов, как: легализация судьей представленных сторонами доказательств в качестве судебных; контроль над процессом предъявления первоначального обвинения; решение вопроса о предании обвиняемого суду. В качестве приме-

ра можно привести испанский Органический закон о суде присяжных 1995 г., который ввел своеобразную процедуру досудебной подготовки, в рамках которой т.н. судебные следственные действия, направленные на собирание и закрепление доказательств (в основном по ходатайствам сторон) чередуются с состязательными предварительными слушаниями. На них стороны могут заявлять ходатайства о проведении судьей следственных действий, о прекращении дела, излагать свои соображения о квалификации, об изменении обвинительного заключения и т.д. Следственный судья на этих слушаниях принимает так называемое «постановление, констатирующее состав преступления». В конце предварительного следствия он же выносит постановление о назначении судебного разбирательства с участием присяжных, если для этого будет достаточно доказательств.

При этом в случае подобного же преобразования предварительного расследования, о предварительном следствии в российском процессе можно будет говорить лишь по делам с участием следственного судьи и только в процессуальных формах судебных заседаний, как правило, с участием обеих сторон. Прокурор же при таком построении процесса должен вернуться к естественной для него роли руководства публичным уголовным преследованием в виде деформализованного прокурорско-полицейского дознания, которое предшествует и сопровождает судебное предварительное следствие, и материалы которого становятся доказательствами лишь после состязательной проверки перед следственным судьей либо, будучи представлены прямо в стадии судебного разбирательства.

Закономерно у ряда ученых-правоведов возникает вопрос: а так ли необходимо подвергать досудебное производство в российском уголовном процессе столь революционным изменениям исключительно ради того, чтобы оно могло именоваться полностью состязательным? Так ли уж необходима здесь состязательность ⁶?

Прежде, чем ответить на этот вопрос, следует указать на тот факт, что современный состязательный процесс далеко ушел от частного-искового порядка уголовного судопроизводства, который господствовал когда-то, и представляет собой публично-правовой институт, в котором положение сторон характеризуется равенством возможностей, гарантируемых законом и государством, и не зависит, как раньше, в решающей степени от их экономического благополучия; где стороны совершенно свободны в осуществлении судебного дискурса, и где восстановительное правосудие считается наиболее желанным результатом.

---

⁶ См.: Баранов А.М. Состязательность в российском уголовном процессе: желаемое и действительность // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. — № 34. — С. 45.

Подавая свой голос в пользу состязательного начала, можно, конечно, было бы прибегнуть к чисто позитивистской аргументации, сославшись на Конституцию России, которая ясно требует строить любое судопроизводство на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123). Причем понятие «судопроизводство», как и в самом УПК (ч. 1 ст.1), используется здесь в широком, конституционном смысле слова для обозначения процесса в целом, а не только его судебной части. Однако такое объяснение, при всей его юридической достоверности, вряд ли убедит противников состязательного предварительного расследования, которые в защиту смешанного типа процесса сошлутся, скорее всего, на некие национально-государственные традиции, в силу которых "...состязательность в том виде, как она представлена в ст. 15 УПК РФ, русскому уголовному процессу в рамках предварительного расследования противопоказана»⁷.

Очевидно, не возымеет действия и призывание исторического опыта, свидетельствующего о том, что инквизиционные начала в уголовном процессе всегда были опасны для соблюдения прав человека, которые не имеют в нем никакой иной реальной защиты от охотничьего азарта всемогущего инквизитора, кроме как нечаянного вмешательства какого-нибудь политически авторитетного, внешнего для судопроизводства заступника. На этот аргумент ответят, что инквизитор движим лишь долгом службы, а не личным интересом, а потому обязан быть объективным. При этом забывается, что служебный успех, а вместе с ним и личный интерес чиновника от правосудия, обычно все равно измеряется цифирью раскрытых преступлений — хотя бы потому, что лучшего показателя пока еще никем придумано не было.

Думается, что, говоря о значении и роли состязательного процесса в его противостоянии следственному началу, нельзя оставаться в рамках лишь позитивистского правового анализа, потому что он ограничен «моментальной фотографией» действующего законодательства, а потому не позволяет видеть «видеоряда», т.е. динамики права, обусловленной, в свою очередь, более общими социально-историческими процессами. Чтобы обозреть общее магистральное направление движения форм судопроизводства, попробуем обратиться к некоторым фундаментальным понятиям теоретической социологии, не сводимым к прямолинейным вульгарным объяснениям типа «состязательность — для демократий, инквизиция — для деспотий».

Современный период развития культуры (в широком смысле) нередко характеризуется как глобальный переход от модернизма к постмодернизму. Причем модернизм, в общем и целом, можно соотнести индустриальному этапу цивилизационного развития, а постмодернизм — постиндустриально-

---

⁷ Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. — С. 94 и др.

му. Для модернизма характерны конструктивистские тенденции, когда во имя достижения высшей рациональной цели воедино могут эклектически соединяться самые разнородные элементы. При этом рациональность модернизма линейна, как заводской конвейер, и потому в социально-политическом отношении его идеал — запрограммированная вертикальная управляемость со стороны целого всеми элементами общественного механизма. Не так в постмодернизме. Он отрицает предопределенность и линейность отношений, которые имеют здесь не вертикальную, а горизонтально-сетевую структуру; рациональности же постмодернизм предпочитает иррациональность как стохастический, вероятностный выбор. В сфере судопроизводства это противопоставление можно обнаружить в конкуренции двух давно известных принципов: «Fiat justitia et pereat mundus» (лат., “да свершится правосудие, пусть даже рухнет мир”) и «onus probandi» (лат., бремя доказывания). Первый комплиментарен инквизиционно-следственному началу, второй составляет квинтэссенцию состязательности. Смешанный, следственно-состязательный тип уголовного процесса есть принадлежность стартовавшей в Новое время индустриальной модернистской эпохи; состязательный же процесс, в его новой, публично-правовой ипостаси, соотносится с постмодернизмом и постиндустриальным обществом, ввиду чего отдельные авторы именуют его «постсостязательным». И в этом качестве он, как представляется, более адекватен современным реалиям, ибо в отличие от предыдущих видов может быть нацелен не на безоговорочную победу в споре или суровую репрессию для проигравшей стороны, но благодаря изначально заложенным в нем возможностям диалога и дискурса — на урегулирование, погашение и профилактику конфликта, что в социальном отношении несравненно более продуктивно⁸.

Список литературы

1. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса / А.С. Барабаш. — Санкт-Петербург: Издательство "Юридический центр Пресс", 2009. — 420 с.
2. Баранов А.М. Состязательность в российском уголовном процессе: желаемое и действительность / А.М. Баранов // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2019. — № 34. — С. 44-52.
3. Грызлов Д.В. Компаративистский анализ функциональных полномочий прокурора в уголовном процессе некоторых зарубежных государств / Д.В. Грызлов // Закон и право. — 2019. — № 1. — С. 110-112.

---

⁸ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб, 2000. — С. 26–58; Состязательный процесс. СПб., 2001. — С. 27–55, 221–311; Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии. СПб., 2004. 265 с.

4. Курс уголовного процесса. / Под ред. док. юрид. наук, проф. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. — 1276 с.

5. Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии: специальность 12.00.09 "Уголовный процесс": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Макаркин Андрей Иванович. — Санкт-Петербург, 2001. — 205 с.

6. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса / А.В. Смирнов. — СПб.: Наука, 2000. — 222 с.

7. Смирнов А.В. Состязательный процесс / А.В. Смирнов. — СПб.: Альфа, 2001. — 315 с.

Судницын А.Б.*

Современная практика избрания меры пресечения в виде заключения под стражу: в поиске баланса частных и публичных интересов

Аннотация. Анализируются нормы уголовно-процессуального кодекса, регулирующие основания, порядок и особенности избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу. Высказываются предложения об индивидуализации избираемой меры пресечения в зависимости от содеянного и его последствий, грозящего наказания, осознания указанных обстоятельств лицом, совершившим преступное деяние.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, заключение под стражу, основания мер пресечения, тяжесть обвинения.

Sudnitsyn A.B.

Modern practice of choosing a preventive measure in the form of detention: in search of a balance of private and public interests

Abstract. The norms of the Criminal Procedure Code regulating the grounds, procedure and features of the election of detention as a preventive measure are analyzed. Proposals are made on the individualization of the chosen preventive measure depending on the deed and its consequences, the threatened punishment, the awareness of these circumstances by the person who committed the criminal act.

Keywords: criminal proceedings, preventive measures, detention, grounds for preventive measures, severity of the charge.

---

* Судницын Алексей Борисович, начальник кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
Sudnitsyn Alexey Borisovich, Head of the Department of Criminal Procedure of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Законодательство и правоприменительная практика, касающиеся применения мер пресечения продолжают совершенствоваться. За период действия УПК РФ глава 13, регламентирующая меры пресечения, изменялась Федеральными законами более 30 раз. Большинство нововведений указанной главы, состоявшихся в 2009-2019 гг., касались самой строгой меры пресечения — заключения под стражу. Среди них: ограничение случаев ее избрания в отношении лиц, обвиняемых в совершении отдельных преступлений (2009 г.); возможность изменения на более мягкую меру пресечения при выявлении у обвиняемого тяжелого заболевания (2010 г.); определение обстоятельств, препятствующих ее применению (2011 г.); увеличение срока санкции за преступление, в котором обвиняется лицо, как условие, позволяющее ее применение (2012 г.); усовершенствование порядка исчисления и продления срока ее применения на досудебной стадии уголовного судопроизводства (2018 г.); и другие⁹.

Приложенные усилия привели к уменьшению общего числа случаев заключения лиц под стражу с 2007 г. по 2020 г. в 2,6 раза (2007 г. — 223 тыс., 2020 г. — 84 тыс.). Гуманизация практики заключения под стражу лиц, обвиняемых в совершении преступлений, прослеживается и в общем снижении числа ходатайств об избрании этой меры пресечения, поступивших в суды для рассмотрения в ходе досудебного производства, в 2,5 раза (2007 г. — 246 тыс., 2020 г. — 96 тыс.)¹⁰.

Приведенные, а также ряд иных обстоятельств свидетельствуют, что правам личности на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве и следственно-судебной практике стало уделяться больше внимания. Однако, стремясь обеспечить частные интересы (даже такие важнейшие как права и свободы личности) невозможно забывать о потребностях в реализации публичных интересов, в эффективном осуществлении уголовного судопроизводства.

Утверждать, что имеющаяся законодательная регламентация и общераспространенная практика во всех случаях обеспечивают надлежащее поведение обвиняемых, к сожалению, не приходится.

Указанный довод подтверждается как числом лиц, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск — более 100 тыс. в год¹¹, так и распространенными примерами ненадлежащего поведения об-

---

⁹ Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу: учебное пособие / А.Б. Судницын, Д.А. Воронов. — Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. — С. 6-8.

¹⁰ Сводные статистические сведения о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: sdep.ru (дата обращения: 01.10.2022 г.).

¹¹ Гаврилов Б.Я. Досудебное производство в XXI веке: современное состояние и перспективы совершенствования / Б.Я. Гаврилов // Российская правовая система в условиях чет-

виняемых, имевшими место после отказа в удовлетворении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, замены этой меры пресечения на менее строгую и иных схожих случаев.

Кроме того, следует принимать во внимание, что уголовно-процессуальное законодательство охватывает далеко не все возможные ситуации, встречающиеся в действительности. Так, дефицит сведений, подтверждающих наличие основания, предусмотренного ч. 1 ст. 97 УПК РФ, характерный для целого ряда ситуаций по тяжким и особо тяжким преступлениям на первоначальном этапе производства по уголовному делу, как правило, препятствует избранию меры пресечения в виде заключения под стражу.

В связи с этим предлагалось индивидуализировать избрание указанной меры пресечения в зависимости от содеянного и его последствий, грозящего наказания, осознания указанных обстоятельств лицом, совершившим преступное деяние. А именно, использовать сведения о тяжести обвинения и возможности назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок в качестве достаточных фактических данных, подтверждающих наличие основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе производства по уголовному делу¹².

Реализация указанного предложения позволяет не только усовершенствовать уголовно-процессуальное законодательство и правоприменительную практику до уровня, обеспечивающего соразмерную и справедливую ответную реакцию на преступные деяния, в т. ч. отличающиеся уникальностью обстоятельств. Но и обеспечить повышение эффективности досудебного производства путем предоставления правоприменителям возможности избрания рассматриваемой меры пресечения в условиях дефицита фактических данных на начальном этапе производства по уголовному делу. Это может способствовать уменьшению количества лиц, скрывающихся от предварительного расследования.

Определенные предпосылки по реализации указанной идеи можно наблюдать в настоящее время.

Сначала отметим, что с 2021 г. наметилась (хотя и незначительная) тенденция к увеличению числа ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, поступающих в суды для рассмотрения в ходе

вертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения). Ч.3. М.: «Проспект», 2019. — С. 189.

¹² Судницын А.Б. Тяжесть обвинения (подозрения) и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок как фактические данные, подтверждающие основание избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе расследования / А.Б. Судницын. — Законодательство и практика. — 2018. — № 1 (40). — С. 46-50, и др.

досудебного производства: 2015 г. — 154 тыс., 2016 г. — 135 тыс., 2017 г. — 126 тыс., 2018 г. — 114 тыс., 2019 г. — 105 тыс., 2020 г. — 96 тыс., 2021 г. — 99 тыс., первое полугодие 2022 г. — 49 тыс.¹³

Увеличилось и количество лиц, подвергнутых заключению под стражу. Так, Председателем Верховного Суда Российской Федерации Л.М. Лебедевым отмечено, что за 9 месяцев 2022 г. мера пресечения в виде заключения под стражу избрана в отношении 65 850 лиц — на 0,7% больше, чем за аналогичный период прошлого года, а в Центральном федеральном округе за 9 месяцев этого года — 17 935 лиц, что на 358 лиц или на 2% больше, чем за аналогичный период прошлого года¹⁴. Приведенные численные значения не выглядят столь существенными, однако, они также могут указывать на наметившиеся изменения в практике избрания самой строгой меры пресечения.

Вернемся к ранее обозначенному предложению. Отслеживая правоприменительную практику, можно отметить, что предложенная идея находит свое отражение в постановлениях о возбуждении перед судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, постановлениях об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, апелляционных постановлениях и т.д. Но, если ранее это были единичные и особенные случаи (например, заключение под стражу фигурантов уголовных дел, связанных с пожаром в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня», г. Кемерово, унесшего жизни 60 человек, из них 37 детей), то с некоторых пор реализация указанной возможности получает все большее распространение, причем в «рядовых» ситуациях.

Так, в декабре 2021 г. Ленинский районный суд г. Красноярск отказал в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении А., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ, меры пресечения в виде заключения под стражу. Решение было обосновано тем, что тяжесть инкриминируемого преступления сама по себе не может служить основанием для избрания меры пресечения. Органом следствия не представлено доказательств того, что в случае нахождения А. на свободе, последний скроется от следствия и суда, продолжит заниматься преступной деятельностью, окажет воздействие на участников уголовного судопроизводства или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу. Красноярский краевой суд, отменяя в апелляционном порядке решение районного суда, отметил следующее: выводы

---

¹³ Сводные статистические сведения о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: sder.ru (дата обращения: 01.08.2022 г.).

¹⁴ Вячеслав Лебедев провел совещание с судьями ЦФО / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации // URL: https://vsrf.ru/press_center/news/31651/ (дата обращения: 27.10.2022 г.).

суда о том, что следствием не представлено доказательств, подтверждающих, возможность А. скрыться от следствия и суда, а тяжесть преступления, в совершении которого подозревается А., не может служить основанием для избрания меры пресечения, прямо противоречат п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹⁵. Согласно которому, о вероятности скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, на первоначальных этапах производства по уголовному делу могут свидетельствовать тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок¹⁶.

Отметим, что сравнительно недавно случаи подобные вышеприведенному (избрание меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальных этапах по п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, подтверждаемому тяжестью предъявленного обвинения (подозрения) и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок) стали более распространенными. При этом лица, в отношении которых принимается такое решение об избрании меры пресечения, обвиняются (подозреваются) в совершении «типичных» и широко распространенных преступлений (ч. 2 ст. 162 УК РФ¹⁷, ч. 3 ст. 158 УК РФ¹⁸, ч.3 ст. 30, п. «г» ч.2 ст.161 УК РФ¹⁹ и др.).

С одной стороны, складывающаяся практика подтверждает состоятельность ранее предложенной нами логики рассуждений. С другой, заключение под стражу не должно являться самоцелью. Да, необходим действенный способ обеспечения надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого). И для отдельных исключительных ситуаций заключение под стражу на первоначальном этапе расследования по п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, подтверждаемому тяжестью обвинения, вменяемого в вину лицу, и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок, возможно. Но при

---

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.10.2022 г.).

¹⁶ Информационное письмо Красноярского краевого суда от 21.12.2021 г.

¹⁷ Апелляционное постановление Саратовского областного суда № 22К-2931/2018 от 3 августа 2018 г. / Судебные и нормативные акты РФ — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6rOecJEPyXVw/> (дата обращения: 01.10.2022 г.).

¹⁸ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым № 22К-2478/2020 3/1-50/2020 от 26 августа 2020 г. / Судебные и нормативные акты РФ — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YPcSpXbUVQYx/> (дата обращения 01.10.2022 г.).

¹⁹ Апелляционное постановление Орловского областного суда № 22К-299/2022 от 28 февраля 2022 г. / «Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» — URL: https://oblsud--orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=ffa72553-c25c-4fa8-90e3-c11013992646&deloId=1540006 & caseType=&_new=4&srv_num=1&_hideJudge=1 (дата обращения: 01.10.2022 г.).

этом ограничение права на свободу лиц, обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступления, посредством заключения под стражу не должно быть возведено в абсолют.

Стремясь соблюсти баланс интересов, предлагается предусмотреть «противовес», частично ограничивающих обозначенную возможность. А именно, заключение под стражу при вышеуказанном варианте обоснования допускается избирать, но при этом продолжительность ее применения не может превышать более двух месяцев. По истечении указанного срока дальнейшее содержание под стражей, с использованием тех же самых сведений, недопустимо. При необходимости продления срока содержания под стражей свыше 2 месяцев следователь должен изыскать дополнительные сведения, подтверждающие наличие оснований применения меры пресечения (пп. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ), а также обосновать необходимость продления срока содержания под стражей. В противном случае мера пресечения должна быть отменена (заменена на менее строгую меру).

Приведенные положения демонстрируют, что теоретические разработки, уголовно-процессуальное законодательство, а также следственно-судебная практика в части избрания меры пресечения в виде заключения под стражу требуют дальнейшей проработки с позиций оптимального соотношения частных и публичных интересов, выработки и реализации мер по обеспечению надлежащего поведения обвиняемых (подозреваемых) и реализации их прав.

Список литературы

1. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство в XXI веке: современное состояние и перспективы совершенствования / Б.Я. Гаврилов // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения). Ч.3. М.: «Прспект», 2019. — С. 189–195.

2. Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу: Учебное пособие / А.Б. Судницын, Д.А. Воронов. — Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. — 64 с.

3. Судницын А.Б. Тяжесть обвинения (подозрения) и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок как фактические данные, подтверждающие основание избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе расследования / А.Б. Судницын. — Законодательство и практика. — 2018. — № 1 (40). — С. 46-50.

Некоторые вопросы, возникающие при применении ч. 5 ст. 247 УПК РФ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с постановлением приговора по уголовным делам о тяжких или особо тяжких преступлениях в отсутствие подсудимого, находящегося за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняющегося от явки в суд.

Ключевые слова: заочный приговор, подсудимый, находящийся за пределами Российской Федерации, подсудимый, уклоняющийся от явки в суд.

Dolgikh T.N.

Some issues arising from the application of Part 5 of Article 247 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Abstract. The article deals with some issues related to the decision of the verdict in criminal cases of serious or especially serious crimes in the absence of the defendant located outside the territory of the Russian Federation and (or) evading court appearance.

Keywords: sentence in absentia, defendant located outside the Russian Federation, defendant evading court appearance.

Согласно ч. 2 ст. 123 Конституции Российской Федерации заочное разбирательство уголовных дел в суде не допускается, за исключением случаев, предусмотренных законом. Такие исключения и содержатся в ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ, предусматривающих ситуации, при которых возможно рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого:

Согласно ч. 5 ст. 247 УПК РФ в исключительных случаях судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу.

В законе не разъясняется, что следует понимать под исключительными случаями судебного разбирательства по уголовным делам в отсутствие подсудимого, что необоснованно расширяет сферу судебного усмотрения.

---

* Долгих Татьяна Николаевна, доцент БФУ им. И. Канта, кандидат юридических наук, судья Калининградского областного суда.

Dolgikh Tatiana Nikolaevna, Associate Professor of the I. Kant BFU, PhD in Law, Judge of the Kaliningrad Regional Court.

Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 № 28 "О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству" под исключительными случаями предлагает понимать, например,

— особую общественную опасность преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый,

— необходимость возмещения потерпевшему существенного вреда, причиненного преступлением,

— случаи, когда розыск обвиняемого не дал положительных результатов,

— невозможность осуществить экстрадицию обвиняемого.

Однако закон не содержит критериев определения степени общественной опасности: особая, высокая, обычная и т.д., в то время как само по себе отнесение законодателем преступления к тяжкому, а тем более к особо тяжкой категории уже говорит о высокой степени его общественной опасности.

Следует вспомнить, что указанное дополнение было связано с принятием Федерального Закона "О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма" и Федерального Закона "О противодействии терроризму".

Это означает, что при определении степени общественной опасности преступлений, подпадающих под категорию, указанную в ч. 5 ст. 247 УПК РФ опираться необходимо не на категорию преступлений, предусмотренную ст. 15 УК РФ, а на их виды — преступления террористического характера.

Вместе с тем изучение уголовных дел показывает, что положения ч. 5 ст. 247 УПК РФ применяются не только по преступления террористической направленности.

Другой вопрос, который возникает у правоприменителя, связан с тем, что законодатель использует дефиницию и(или) и из буквального прочтения анализируемой нормы следует, что для постановления заочного приговора важно фактическое нахождение подсудимого в розыске без определения его территориального места нахождения, в условиях уклонения последнего от явки в суд.

В указанном выше пункте постановления Пленума Верховного Суда РФ также разъясняется, что по смыслу части 5 статьи 247 УПК РФ суд вправе рассмотреть уголовное дело в отсутствие обвиняемого, находящегося за пределами Российской Федерации, который уклоняется от явки в суд и не был привлечен к уголовной ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу, а также в случаях, когда обвиняемый, находящийся на территории Российской Федерации, уклоняется от явки в суд и его место нахождения неизвестно.

В таком случае остаются не ясным мотивы указания законодателем на обязательное условие о том, что такое лицо не должно быть привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу.

Европейский Суд по правам человека неоднократно подчеркивал, что из самого понятия "справедливое судебное разбирательство" следует, что лицо, которому предъявлено обвинение в совершении преступления, должно согласно общему принципу иметь право присутствовать и эффективно участвовать в разбирательстве по делу в суде первой инстанции (см., например, пункт 106 постановления от 20 октября 2005 года по делу "Романов против Российской Федерации").

Как отмечает Комитет ООН по правам человека, подпункт "d" пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает, чтобы лицам, обвиняемым в уголовном преступлении, было предоставлено право быть судимыми в их присутствии. Судебные разбирательства в отсутствие обвиняемых могут быть при некоторых обстоятельствах допустимыми в интересах надлежащего отправления правосудия, например, в тех случаях, когда обвиняемые, хотя и уведомленные о судебном разбирательстве достаточно заблаговременно, отказываются осуществлять свое право быть судимыми в их присутствии. Таким образом, подобные судебные разбирательства совместимы с подпунктом "d" пункта 3 статьи 14 указанного Международного пакта, только если предпринимаются необходимые шаги по своевременному вызову обвиняемых в суд и заблаговременному их информированию относительно даты и места суда и с требованием присутствовать (см., например, пункт 36 Замечания общего порядка № 32. Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство. Принято Комитетом по правам человека на его 90-й сессии (9–27 июля 2007 года). CCPR/C/GC/32).

Вместе с тем, устанавливая общий запрет на заочное разбирательство уголовных дел в судах, статья 123 (часть 2) Конституции Российской Федерации допускает исключения из этого правила на основании федерального закона, т.е. требование очности судебного разбирательства не является абсолютным.

Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее интерпретации Европейским Судом по правам человека также позволяет рассмотреть уголовное дело в отсутствие обвиняемого, если органы власти предприняли все возможное для того, чтобы найти его и сообщить ему о предстоящих слушаниях, и если обвиняемый сохраняет право на полный пересмотр дела (постановления от 12 февраля 1985 года по делу "Колоцца (Colozza) против Италии", от 13 февраля 2001 года по делу "Кромбах

(Krombach) против Франции", от 30 июля 2009 года по делу "Ананьев против России", от 22 мая 2012 года по делу "Идалов против России" и др.).

Однако Конституционный суд РФ, проверяя положения ч. 5 ст. 247 УПК РФ, указал, что уклонение находящегося за рубежом подсудимого от явки в российский суд, предусмотренное данной статьей в качестве дополнительного условия ее применения, свидетельствует о его отказе от осуществления права лично участвовать в рассмотрении дела (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 года № 105-О-О). При наличии гарантии повторного рассмотрения уголовного дела в обычном порядке, т.е. с личным участием подсудимого, такое регулирование не может расцениваться как не соответствующее конституционным нормам и положениям международно-правовых актов, правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека. (Определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2016 № 1002-О "По запросам Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части пятой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации").

При этом Конституционный Суд РФ не указывал на необходимость обязательного извещения подсудимого о дате, месте и времени судебного разбирательства.

Представляется, что установить факт уклонения подсудимого от явки в суд возможно установить посредством анализа иных обстоятельств: лицо покинуло РФ в период предварительного следствия после объявления о подозрении или предъявления обвинения, попросило политического убежища в иностранном государстве, приобрело второе гражданство и т.д.

Необходимость извещения подсудимого, находящегося за границей, сопряжена с обращением в Министерство Юстиции, которое минимум в течение года способно выполнить поручение суда об извещении подсудимого.

На возможность указанного подхода указывает и то, что Российская Федерация с 15 сентября 2022 года денонсировала международные договоры, Европейскую конвенцию по правам человека, вышла 15 марта 2022 года из Совета Европы.

В этой связи представляется избыточным указание в п. 7.2 Постановления Пленума Верховного Суда от 27 ноября 2012 года «О применении норм Уголовно-Процессуального Кодекса РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» положений о том, что уголовное дело по апелляционным жалобе, представлению на постановленный приговор или иное вынесенное решение по результатам судебного разбирательства в отсутствие подсудимого в случаях, предусмотренных частями 4 и 5 статьи 247 УПК РФ, подлежит рассмотрению в апелляционном порядке с соблюдением всех положений главы 45¹ УПК РФ, в том числе с направлением извещения о месте,

дате и времени заседания суда апелляционной инстанции осужденному (оправданному, лицу, в отношении которого уголовное дело прекращено) по адресу его регистрации или фактического проживания, если в материалах дела имеются сведения об этом. Такому лицу судом, постановившим приговор или иное обжалуемое решение, направляется копия судебного решения, а также копия жалобы, представления. В случаях, предусмотренных частью 3 статьи 18 УПК РФ, указанные документы переводятся на родной язык этого лица либо на другой язык, которым он владеет.

Кроме того, согласно ч. 7 ст. 247 УПК РФ в случае устранения обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, приговор или определение суда, вынесенные заочно, **по ходатайству осужденного или его защитника** отменяются в порядке, предусмотренном главой 48 УПК РФ. Судебное разбирательство в таком случае проводится в обычном порядке.

То есть для отмены заочного приговора достаточно только жалобы со ссылкой на возможность участия подсудимого в судебном заседании.

Удовлетворяя такие жалобы, суды не оценивают доводы о не извещении, о законности рассмотрения дела в отсутствие подсудимого, а ссылаются только на факт появившейся возможности участия подсудимого (определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18 августа 2022 года № 77-3903/2022, определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 мая 2021 по делу № 77-1806/2021).

Русман Г.С.*

Трансформация поощрительных форм в уголовно-процессуальном законе

Аннотация. В статье на основе анализа направлений реформирования уголовно-процессуального законодательства, послуживших триггером его трансформации, раскрываются характер и признаки поощрительных форм уголовного судопроизводства, подчеркивается взаимосвязь и взаимозависимость материально-правового поощрения и уголовно-процессуального механизма его реализации.

Ключевые слова: поощрительные формы в уголовном процессе, уголовно-процессуальный закон, дифференциация уголовно-процессуальной формы, упрощенные формы уголовного процесса, освобождение от уголовной ответственности.

---

* Русман Галина Сергеевна, заведующая кафедрой уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), кандидат юридических наук, доцент.

Galina S. Rusman, Head of the Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Department of South Ural State University (National Research University), PhD in Law, Associate Professor.

Transformation of incentive forms in the Criminal Procedure Law

Abstract. The article on the basis of the analysis of directions of reform of the criminal procedural law, which has served as a trigger for its transformation, reveals the nature and characteristics of incentive forms of criminal proceedings, emphasizes the interrelation and interdependence of substantive legal incentives and the criminal procedural mechanism of its implementation.

Keywords: incentive forms in criminal proceedings, criminal procedural law, differentiation of criminal procedure form, simplified forms of criminal proceedings, exemption from criminal liability.

Трансформация [лат. *transformatio*] в своем лексическом значении есть преобразование, превращение²⁰, видоизменение²¹. Будучи способом развития права, она не обошла стороной и уголовно-процессуальный закон. Обусловлены данные процессы во многом обозначенными в Концепции судебной реформы (1991 г.)²² в качестве генеральных направлений его реформирования, в том числе послуживших импульсом трансформации поощрительных форм уголовного судопроизводства, а именно: гуманизация уголовного судопроизводства; демократизация уголовно-процессуальных мер расследования и рассмотрения уголовных дел; повышение правовой защищенности личности; поиск оптимального баланса соблюдения публичных и частных интересов; недопустимость необоснованного ограничения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства; дифференциация процессуальной формы, направленная на упрощение ряда процедур; утверждение судебной власти, повышение независимости, авторитета и роли суда²³.

В «концентрированном» виде одной из задач трансформации уголовно-процессуального законодательства выступила необходимость оптимизации

---

²⁰ Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М.: Рус. яз. 1989. — С. 516.

²¹ Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Т. 4. С-Я. 1988. — С. 399.

²² Постановление правительства Верховного Совета РСФСР «О Концепции судебной реформы РСФСР». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102049597&backlink=1&&nd=102012853> (дата обращения: 10.09.2022 г.).

²³ Смолькова И.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации — новый этап в развитии уголовного судопроизводства // Уголовная политика на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, проходившей в рамках II Байкальского юридического форума, Иркутск, 23–25 сентября 2021 года. — Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021. — С. 213.

сроков производства по уголовным делам и обеспечение процессуальной экономии, что привело к постепенному отходу от единой формы уголовного судопроизводства и расширению дифференциальных начал.

Профессор В.М. Савицкий, отмечал, что на момент принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации²⁴ тенденция расширения поощрительных форм в уголовном судопроизводстве (нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела) была направлена на поощрение мирного, без применения мер государственного принуждения или минимизацией их урегулирования возникающих между гражданами конфликтов²⁵.

Вступивший в действие 1 июня 2002 года уголовно-процессуальный закон Российской Федерации перенял отдельные поощрительные формы из УПК РСФСР. В частности, законодатель заимствовал достаточно новые для УПК РСФСР основания прекращения уголовного дела — деятельное раскаяние и примирение с потерпевшим по делам публичного обвинения (были введены в действие с 1 января 1997 г. ФЗ от 21.12.1996 г. № 160-ФЗ). А также был закреплён особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (глава 40 УПК РФ).

В дальнейшем, следуя тенденции дифференциации и рационализации отдельных форм уголовного судопроизводства, отказа от привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление небольшой и средней тяжести, возместивших ущерб, загладивших причиненный преступлением вред, тем самым доказавших, что не представляют общественной опасности для общества, в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве появились институты, регламентирующие упрощенные порядки судебного разбирательства, новые виды освобождения от уголовной ответственности²⁶.

Так, за два десятилетия действия уголовно-процессуального закона России были введены: в 2009 году ФЗ № 141-ФЗ глава 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»; в 2011 г. ФЗ № 420-ФЗ статья 28.1 «Прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности», в последующем переименованная на «Прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба»; в 2012 г. ФЗ № 23-ФЗ глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме»; 2016 г. ФЗ № 323-ФЗ закреплена статья 25.1 «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа».

---

²⁴ Далее УПК РФ.

²⁵ Савицкий В.М. Последние новеллы в старом УПК. / Вступительное слово к Комментарию к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. / Под ред. В.М. Савицкого, Б.Т. Безлепкина, П.А. Лупинской, И.Л. Петрухина. — М.: Проспект, 1999. — С. 7.

²⁶ См.: Качалова О. В. Уголовно-процессуальный кодекс России: двадцать лет спустя (2001-2021) / О. В. Качалова, В. И. Качалов // Правосудие. 2021. — Т. 3. — № 3. — С. 167-188.

Не углубляясь в проблематику процессуальной реализации обозначенных институтов, стоит сказать, что системный анализ норм уголовно-процессуального закона, их предусматривающих, позволил выявить ряд характерных им закономерностей.

На наш взгляд, институт освобождения от уголовной ответственности по оценочным основаниям и упрощенные производства следует рассматривать через призму поощрения. По сути своей они являются поощрительными формами. При этом поощрительные формы уголовного судопроизводства являются собой систему процессуальных производств, норм, правил и условий реализации уголовно-процессуальных поощрительных правоотношений при рассмотрении уголовных дел.

Закрепленное уголовным законом материально-правовое поощрение, нуждается в механизме реализации в условиях уголовного процесса, что подчеркивает их взаимозависимость и взаимообусловленность с поощрительными формами. То есть они возникают, развиваются и успешно реализуются только во взаимодействии с материально-правовой нормой, предусматривающей соответствующий вид поощрения. При этом материально-правовое поощрение может быть реализовано и вне поощрительной процессуальной формы (например, поощрение в виде снижения наказания при смягчающих вину обстоятельствах).

В данном случае стоит подчеркнуть правильность мысли о том, что «уголовный процесс — единственная разрешенная государством форма реализации норм уголовного права. Поэтому в законодательстве об уголовном судопроизводстве концептуально должен получить закрепление, с одной стороны, механизм контроля над преступностью, с другой — механизм надлежащей правовой процедуры²⁷.

Реализация поощрительной нормы в уголовном судопроизводстве, ориентирована на конкретный процессуальный и материальный результат, достижение которого возможно только при соблюдении всех закрепленных обозначенной нормой условий. Вместе с тем результат реализации поощрительной формы облекается в соответствующее итоговое процессуальное решение (постановление о прекращении уголовного дела по оценочным нереабилитирующим основаниям, приговор, вынесенный в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением)²⁸.

В ходе реализации уголовно-процессуальной поощрительной формы, государство, в лице уполномоченных субъектов и потерпевший ожидают от

---

²⁷ Николюк В.В. Почему УПК РФ не мог быть другим? (к 20-летию принятия кодекса) // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. — Т. 2. — № 1 (3). — С. 30.

²⁸ Русман Г. С. Категория поощрения в уголовном судопроизводстве // Вестник Сургутского государственного университета. — 2022. — № 1(35). — С. 104.

лица, обвиняемого в совершении преступления, активного социально-положительного посткриминального поведения — раскаяния в содеянном, возмещения ущерба, принесения извинений и иной позитивной активности, свидетельствующей о намерении последнего минимизировать отрицательные последствия преступных действий, снизить их негативную оценку.

Таким образом, поощрительная форма уголовного судопроизводства, являясь внешним выражением механизма поощрения, отличается существенной особенностью, обуславливающей взаимовыгодность поощрения — упрощенный или сокращенный порядок его применения, в рамках которого иницируются, реализуются и развиваются соответствующие уголовно-процессуальные поощрительные правоотношения, многогранные не только по своему субъектному составу, но и по преследуемым интересам каждой из сторон.

Иными словами, поощрение в уголовном процессе, гарантируется посредством закрепления законодателем соответствующих материально-правовых норм, предусматривающих основания для освобождения от наказания или основания для льготного исчисления наказания, а также процессуального порядка применения данных поощрительных норм. Но при этом государство не обязуется реализовать такое поощрение в виду множественности лиц, принимающих участие в поощрительных уголовно-процессуальных отношениях и их интересов.

Вместе с тем поощрительная форма судопроизводства в виду своей взаимовыгодности приобретает черты универсальности, поскольку упрощенные и ускоренные порядки разрешения уголовных дел позволяют учесть интересы всех участвующих в деле лиц.

В свою очередь, упрощенный порядок реализации поощрительной формы судопроизводства обеспечивает эффективность уголовно-процессуальной деятельности в целом.

Поощрение в материально-правовом смысле предполагает конкретный результат (освобождение от уголовной ответственности, сниженный размер наказания), а в рамках процессуального понимания, «поощрительная форма судопроизводства» предполагает процедурный порядок инициирования, развития и реализации поощрительных правоотношений.

Несомненно, стремление законодателя решить проблемы рационализации и повышения эффективности уголовного судопроизводства посредством модернизации форм урегулирования уголовно-правового конфликта, снижения их порой избыточного формализма обусловлено идеей выработки лучшего с точки зрения достижения результата и экономичности варианта.

Но условия, требования и стандарты реализации поощрительных форм в уголовном процессе, должны быть четко определены в законе, равно

как и критерии оценки социально-положительного поведения лица, претендующего на получение поощрения. Отсутствие четкого определения такой оценки, допущение дискреционных полномочий должностного лица или суда при решении вопроса о поощрении, может существенно изменить суть и цель поощрения.

Таким образом, несмотря на проявляющиеся признаки универсальности поощрительных форм, закрепленных в УПК РФ, уголовно-процессуальная политика до настоящего времени не привела к выработке оптимально эффективной модели реализации поощрительных норм.

Следовательно, анализ освобождения от уголовной ответственности по оценочным основаниям и упрощенных порядков как поощрительных форм уголовного судопроизводства дает нам возможность выделить характерные признаки, которые их объединяют и отличают от остальных форм судопроизводства, а именно: взаимовыгодность, универсальность, гибкость, экономическая целесообразность и рационализация.

Но вместе с тем каждая из упомянутых нами поощрительных форм обладает своими особенностями, что позволяет их дифференцировать. Выделение единых признаков поощрительных форм дает возможность системно, единообразно, последовательно и логично развивать законодательство в данном направлении, поскольку изменения, которые вносятся, в том числе и в особые порядки, носят бессистемный, порой казуистичный, лоскутный характер.

Полагаем, что обозначенные признаки с точки зрения внедрения поощрения, в рамках тенденции гуманизации и постоянной трансформации поощрительных форм позволяют сформулировать и закрепить простые и понятные процедуры разрешения уголовного дела, освобождающие его участников от затруднительных и трудозатратных судебных процедур — полномасштабного судебного разбирательства по уголовному делу; а также блага в виде взаимовыгодной процессуальной формы удовлетворения субъектами правоотношений имеющихся интересов по уголовному делу.

Список литературы

1. Качалова О.В. Уголовно-процессуальный кодекс России: двадцать лет спустя (2001-2021) / О.В. Качалова, В.И. Качалов // Правосудие. 2021. Т. 3. — № 3. — С. 167-188. DOI10.37399/2686-9241.2021. 3.167-188.
2. Николюк В.В. Почему УПК РФ не мог быть другим? (к 20-летию принятия кодекса) // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 2. — № 1 (3). — С. 27-38.
3. Русман Г.С. Категория поощрения в уголовном судопроизводстве // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 1(35). — С. 101-106. — DOI 10.34822/2312-3419-2022-1-101-106.

4. Савицкий В.М. Последние новеллы в старом УПК. / Вступительное слово к Комментарию к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. / Под ред. В.М. Савицкого, Б.Т. Безлепкина, П.А. Lupинской, И.Л. Петрухина. М.: Проспект, 1999. 576 с.

5. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М.: Рус. яз. 1989. 624 с.

6. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Т. 4. С-Я. 1988. 800 с.

7. Смолькова И.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации — новый этап в развитии уголовного судопроизводства // Уголовная политика на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, проходившей в рамках II Байкальского юридического форума, Иркутск, 23–25 сентября 2021 года. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021. — С. 211-216.

Стрелкова Ю.В.*

Трансформация системы уголовно-процессуальных правоотношений при производстве в российском суде присяжных

Аннотация. В статье рассматривается влияние изменений текста закона и позиций Пленума Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ на положение участников судебного разбирательства в суде с участием присяжных заседателей. Автор приходит к выводу об изменении такого положения, а также трансформациях самих систем правоотношений между участниками, проявляющихся на отдельных этапах разбирательства.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, судебное разбирательство, уголовно-процессуальные правоотношения.

Strelkova Yu.V.

Transformation of the criminal procedural legal relations system in the proceedings in the Russian jury trial

Abstract. The article discusses the impact of changes in the text of the law and the positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation on the position of the partici-

---

* Стрелкова Юлия Владимировна, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, партнер в Адвокатском Бюро «Сословие», кандидат юридических наук;
Yuliya V. Strelkova, Advocate of the Moscow Bar Association, partner in the Law Firm “Soslovie”, PhD in Law.

pants of the jury trial. The author comes to the conclusion about the change in this position, as well as the transformations of the systems of legal relations between the participants, which appear at certain stages of the proceedings.

Keywords: jury trial, jurors, trial, criminal procedural legal relations.

С момента введения института суда присяжных в российское уголовно-процессуальное законодательство, положение участников процесса и специфика их взаимодействия неоднократно менялись. Эти трансформации происходили ввиду изменения текста 42 Главы УПК РФ и Постановления Пленума Верховного суда № 23²⁹ (далее — Постановление Пленума ВС РФ, Постановление), принятия ряда решений Конституционным Судом РФ, а также формирования некоторых тенденций и обыкновений судебной практики. Изучение рассматриваемых трансформаций через призму системы правоотношений, возникающих при рассмотрении уголовного дела, позволит проанализировать, как те или иные изменения влияли на взаимное положение участников судебного разбирательства на его различных этапах.

Этап формирования коллегии присяжных заседателей видоизменялся вследствие ряда поправок, принятых в текст закона. Так, уже в 2004 году была введена ч. 7 ст. 326, предусматривающая право кандидатов в присяжные заседатели заявить об их освобождении от исполнения обязанностей по ряду личных обстоятельств. Позже были также изменены редакции ст. 327 и 328 УПК РФ: сокращены пределы опроса кандидатов, а число возможных немотивированных отводов, доступных каждой из сторон, было ограничено до одного гарантированного в силу закона отвода и еще одного возможного по решению председательствующего (ранее — два и неограниченное число соответственно). В соответствии с рассмотренными изменениями редактировалось и Постановление Пленума, в котором был также сделан акцент на обязанность председательствующего отклонять вопросы, нарушающие новые и весьма узкие пределы опроса кандидатов³⁰. Таким образом, общая тенденция реформирования этапа формирования коллегии присяжных заседателей состоит в снижении числа отводимых кандидатов.

Положение участников вследствие принятых поправок трансформировалось: возможности сторон по участию в формировании коллегии были существенным образом снижены, как и дискреция председательствующего в

---

²⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 28.06.2022) "О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей" — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

³⁰ См. об этом: Насонов С.А. Формирование коллегии присяжных заседателей: проблемы законодательного регулирования и судебной практики// Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 12. — С. 2841–2846.

определении возможного количества дополнительных немотивированных отводов. При этом от председательствующего стала требоваться большая активность при проведении опроса кандидатов сторонами (отклонение вопросов), что также повлияло на специфику взаимодействия суда и сторон: в сравнении с первой редакцией УПК РФ, ослабленные в правовом положении стороны стали находиться в абсолютной зависимости от позиции председательствующего, также лишённого прежней дискреции. Положение же кандидатов в присяжные заседатели было улучшено путем предоставления им права заявить об освобождении от исполнения обязанностей присяжного.

Этапы судебного следствия и прений сторон не подвергались законодательным изменениям, однако специфика их проведения видоизменялась вследствие принятия новых редакций Постановления Пленума ВС РФ и формирования новых позиций Конституционного Суда РФ. В 2018 году в Постановление были введены поправки, закрепляющие предварительный допрос новых свидетелей в отсутствие коллегии присяжных и перечень действий, производимых в отсутствие коллегии присяжных заседателей при разрешении ходатайства сторон о вызове специалиста, включая дачу ему разъяснений о сведениях, которые запрещено сообщать присяжным. В 2022 году в Постановление были внесены дополнения, в которых в очередной раз подчеркивается обязанность председательствующего контролировать соблюдение пределов судебного разбирательства, однако, указывается на право стороны защиты использовать позицию о совершении преступления иным лицом³¹; также в рассматриваемой редакции подчеркивается право сторон оценивать достоверность и достаточность доказательств в судебных прениях. Общую тенденцию в регулировании этапов судебного следствия и прений сторон, таким образом, можно обозначить как стремление к «стерильному процессу»: превенцию максимального количества нарушений, обеспечение предсказуемости разбирательства. Наряду с этим явлением и КС РФ и ВС РФ приходится устранять злоупотребления, возникающие вследствие избыточного контроля: и если позиции защиты о совершении преступления иным лицом могли бы восприниматься неоднозначно в судебной практике, то необходимость подчеркивать на уровне Постановления право сторон оценивать достоверность и достаточность доказательств в прениях свидетельствует именно о распространенности явных злоупотреблений.

Из рассматриваемых изменений прослеживается признание на уровне разъяснений Пленума ВС РФ сложившейся практики предварительной «про-

---

³¹ Указанная позиция воспроизводит вывод из Определения Конституционного Суда РФ от 25.11.2020 № 2634-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ерохина Игоря Игоревича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

верки» некоторых новых доказательств, при этом председательствующему предоставляются необходимые для этого механизмы. Таким образом, формально положение сторон ослабляется: ключевым моментом при предоставлении новых доказательств становится не само их преподнесение коллегии присяжных, а предварительная демонстрация председательствующему. Фактически же происходит ослабление исключительно стороны защиты, поскольку новые доказательства представляет, как правило, именно она; участники стороны обвинения оказываются в более сильном положении: они могут заранее оспаривать относимость новых доказательств защиты, заранее готовиться оспаривать их содержательно в присутствии присяжных. Полномочия председательствующего при этом формально оставаясь прежними, обеспечиваются более эффективными средствами, что усиливает его положение в процессе: таким образом, в системе правоотношений усиливается различие между «ослабленными» участниками стороны защиты, стороной обвинения и председательствующим, обязанным осуществлять максимально полный превентивный контроль за действиями всех остальных участников процесса.

Этапы составления вопросного листа и вынесения вердикта остаются одними из самых проблемных в судебной практике: неверно использованное в вопросе слово, изначально заложенная противоречивость будущего вердикта или ошибка в заполнении вопросного листа присяжными нередко приводят к отменам вынесенных приговоров. При этом оба рассматриваемых этапа характеризуются активной деятельностью лишь одного участника процесса — председательствующего. При составлении вопросного листа стороны пользуются правом высказывать замечания и вносить предложения по постановке новых вопросов, однако уровень его фактической обеспеченности меняется негативным образом. Так, актуальная редакция Постановления указывает, что председательствующий «определяет время»³² для осуществления сторонами рассматриваемого права, в то время как предыдущая подчеркивала, что он «не вправе отказать сторонам в предоставлении времени». Между тем предоставление адекватного времени сторонам для подготовки к обсуждению проекта вопросного листа (в том числе, для подготовки письменных замечаний) могло бы снизить число отмен вынесенных приговоров, ведь тогда в составлении вопросного листа полноценно участвовали бы как минимум 3 профессиональных юриста вместо одного.

В 2002 году, спустя несколько месяцев после введения в действие УПК РФ, была устранена критичная ошибка: в первой редакции кодекса не содер-

---

³² П. 26, абз. 3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 28.06.2022) "О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей" — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

жалось указания на право председательствующего проверять непровозглашенный вердикт на предмет ясности и непротиворечивости³³. Очевидно, что с учетом формы вердикта, принятой в российском законодательстве, такая ситуация могла бы привести к отмене едва ли не каждого второго приговора, вынесенного судом присяжных. Таким образом, на этапе вынесения вердикта появились дополнительные «закрытые» процессуальные правоотношения между коллегией присяжных и председательствующим, стороны не могут принимать в них участия. Отстраненность иных, кроме председательствующего, участников процесса от проверки непровозглашенного вердикта, можно рассматривать как одну из гарантий соблюдения тайны совещательной комнаты. Однако нельзя не отметить, что во многих делах председательствующие не выявляли дефекты, впоследствии ставшие причиной для отмены вынесенных приговоров. По этой причине поиск эффективных и приемлемых, с точки зрения теории судопроизводства, способов увеличения числа лиц, осуществляющих проверку непровозглашенного вердикта, представляет собой важнейший запрос судебной практики. Вероятно, в перспективе оптимальным способом осуществления такой проверки могло бы стать использование современных технологий искусственного интеллекта.

Рассмотренные изменения в специфике взаимодействия между участниками процесса, свидетельствуют о том, что, несмотря на крайне незначительные законодательные реформы, произошли существенные изменения в фактическом положении сторон и председательствующего, и как следствие — значимые трансформации складывающихся при рассмотрении дела систем уголовно-процессуальных отношений. Обоснованность произведенных трансформаций во многом является спорной, приводит к злоупотреблениям и создает предпосылки фактического неравенства сторон. Вместе с тем отдельные изменения (такие как предварительная проверка непровозглашенного вердикта) нуждаются в дальнейшем развитии и всестороннем обсуждении.

Список литературы

1. Насонов С.А. Формирование коллегии присяжных заседателей: проблемы законодательного регулирования и судебной практики// Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 12. — С. 2841–2846.

---

³³ ФЗ от 29.05.2002 № 58-ФЗ. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

Домашний арест

Аннотация. По Уголовно-процессуальному Кодексу Республики Сербии в отношении обвиняемого может быть установлен домашний арест. В результате применения данной меры, в первую очередь, ограничивается свобода передвижения обвиняемого. Конечно, это не самая тяжкая мера пресечения, которая может быть избрана в его отношении. В работе рассматриваются отдельные вопросы, связанные с домашним арестом.

Ключевые слова: заключение под стражу, домашний арест, обвиняемый, тюрьма, запрет.

Milić I.D.

House arrest

Abstract. Pursuant to the Criminal Procedure Code of the Republic of Serbia, detention at home may be ordered against a defendant. This measure serves, above all, to limit the freedom of movement of the defendant. It is far from the most severe measure that may be ordered. This paper examines some of the questions regarding detention at home.

Keywords: detention, detention at home, defendant, prison, prohibition.

Обвиняемый — это лицо, в отношении которого проводится уголовный процесс, и которое в данном процессе обладает собственными правами и обязательствами. В отношении обвиняемого могут быть применены также меры, которые служат для обеспечения его присутствия в ходе уголовного процесса или его беспрепятственного проведения. Имеются в виду меры, которые могут быть менее или более строгими для обвиняемого. Конечно, речь идет о мерах, с помощью которых в отношении обвиняемого ограничиваются конкретные свободы или вводятся запреты. Самая мягкая мера - это привлечение к ответственности обвиняемого, тогда как самая строгая мера, которая может быть применена - это заключение под стражу³⁴. По УПК³⁵ в отношении обвиняемого могут быть избра-

---

* Милич Иван Д., ассистент кафедры уголовного права юридического факультета государственного Университета в городе Нови-Сад, Республика Сербия.

Milić Ivan D, Assistant at the Criminal Law Department of the Faculty of Law at the University of Novi Sad, PhD in Law.

³⁴ Выбор мер должен быть справедливым. См. К. В. Муравьев. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. — Омск: Омская академия МВД России, 2017. — С. 223-224.

ны следующие меры пресечения: 1) вызов; 2) привод; 3) запрет приближения, встречи или общения с конкретным лицом и посещения конкретных мест; 4) подписка о невыезде; 5) залог; 6) домашний арест; 7) заключение под стражу.

Современные уголовные кодексы³⁶ все чаще устанавливают наказание, отличное от лишения свободы. Так, например, вместо тюремного заключения устанавливается домашний арест. В связи с этим современные процессуальные кодексы вводят новые меры, которые служат для обеспечения присутствия обвиняемого в уголовном процессе: обвиняемый заключается под стражу в исправительном учреждении.

Заключение под стражу в РС, с точки зрения исполнения, как правило, тяжелее тюремного заключения, по той причине, что права лица, пребывающего в СИЗО, хуже, чем осужденных. Это нелогично, так как вина лица, находящегося в СИЗО, не доказана до тех пор, пока решением суда это не будет доказано правомочно. Это невыгодное положение выражается и в меньшем объеме определенных прав, которые уменьшены или ограничены, по сравнению с осужденными. В первую очередь, речь идет о правах, связанных во взаимодействии с внешним миром, и о невозможности получения преимущества выхода из исправительного учреждения на определенный срок. В РС любая тюрьма³⁷ оснащена специальным отделением для лиц, заключенных под стражу. В одном отделении не могут находиться заключенные под стражу и осужденные.

В качестве современной меры для обеспечения присутствия обвиняемого и беспрепятственного проведения уголовного процесса в действующем УПК установлен также домашний арест. Речь идет о более новой мере.

---

³⁵ Уголовно-процессуальный кодекс, «Службени гласник РС», № 72 от 28 сентября 2011 года, 101 от 30 декабря 2011 года, 121 от 24 декабря 2012 года, 32 от 8 апреля 2013 года, 45 от 22 мая 2013 года, 55 от 23 мая 2014 года, 35 от 21 мая 2019 года, 27 от 24 марта 2021 года — КС, 62 от 17 июня 2021 года — КС.

³⁶Такая же ситуация и в случае с Уголовным кодексом Республики Сербии, «Службени гласник РС», № 85 от 6 октября 2005 года, 88 от 14 октября 2005 года — поправки, 107 от 2 декабря 2005 года — поправки, 72 от 3 сентября 2009 года, 111 от 29 декабря 2009 года, 121 от 24 декабря 2012, 104 от 27 ноября 2013 года, 108 от 10 октября 2014 года, 94 от 24 ноября 2016 года, 35 от 21 мая 2019 года.

³⁷ О тюрьмах в Республике Сербии см.: Милич Иван. Где отбывают тюремное заключение самые опасные заключенные в Республике Сербия? // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы междунар. науч.-практ. конф., 20 сент. 2019 г.: в 2 т. / редкол.: А.Л. Осипенко, К.В. Вишневецкий, В.С. Соловьев и др. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. — Т. I. — С. 44-50. Милич Иван, Где исполняется наказание в виде лишения свободы в Республике Сербия? // Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание // журнал. — 2020 — № 3. — С. 168-174. Милич Иван, Направление наиболее опасных осужденных для отбывания наказания // Вестник Адвокатской палаты. 2020. — № 3. — С. 312-328.

Домашний арест, который по УПК называется «*запрет на выход из квартиры*», может быть установлен исключительно судом. Суд оценивает все обстоятельства, которые должен оценить по закону для избрания меры домашнего ареста. Бесспорно, домашний арест является несопоставимо лучшей мерой, по сравнению с заключением под стражу. Однако и в результате домашнего ареста временно заключенному под стражей (невиновному) ограничивается свобода перемещения на конкретный срок. Согласно УПК данная мера может сохраняться до тех пор, пока не будет правомочно завершён уголовный процесс. Суд каждые три месяца проверяет наличие необходимости для сохранения данной меры³⁸.

Если необходимость в данной мере отпала, она может быть заменена на менее строгую. Также она может быть и отменена. С другой стороны, суд может заменить домашний арест и на более строгую меру: заключение под стражу в исправительном учреждении — в случае, когда обвиняемый нарушит запрет, о чем он предупреждается на основании принятия решения об установлении домашнего ареста.

Основное обязательство обвиняемого заключается в том, что он не должен выходить из дома или квартиры, где исполняется данная мера. Если бы он это сделал, это бы значило, что он нарушил меру, и она заменяется на заключение под стражу. Обвиняемому разрешается в течение дня проводить не больше одного часа за пределами помещений, в которых исполняется мера, с 7 до 17 часов³⁹. Это право обвиняемого, но не обязательство. Однако обвиняемый может быть лишен и этого права, если злоупотребит (например, если превысит время нахождения за пределами помещений или выйдет в запрещенное время). Лишь суд может лишить обвиняемого данного права. Контроль над исполнением меры осуществляется поверенным, который уведомит суд, если обвиняемый злоупотребляет данным правом.

Что касается домашнего ареста, надо отметить, что суд обязан учитывать индивидуальные особенности обвиняемого. Итак, не все обвиняемые, в отношении которых устанавливается домашний арест, находятся в одинаковом положении. Их положение отличается с точки зрения прав и обязательств. Сначала обвиняемому, находящемуся под домашним арестом, может быть запрещено осуществление конкретных действий, таких как использование телефона, интернета или принятие гостей в квартире. Итак, таким образом, общение обвиняемого с другими лицами становится невозможным. На практике возникают проблемы, связанные с контролем обвиняемого. Во-вторых, в отношении обвиняемого может быть предписан *электронный контроль*. Речь идет о следующем: специа-

---

³⁸См. ст.199 и 200 УПК.

³⁹ См. Закон «Об исполнении санкций и мер вне исправительных учреждений», «Служебни гласник РС», № 55 от 23 февраля 2014 г, 87 от 13 ноября 2018 г.

лист из службы поверенных устанавливает устройство для слежения за обвиняемым (так называемый браслет на руку или ногу). Таким образом можно просто контролировать, покидает ли обвиняемый помещения, в которых проживает.

Бесспорно, что в результате домашнего ареста обвиняемому ограничивается свобода перемещения, а также иные права. Однако в отдельных случаях для обвиняемого может быть выгоден домашний арест. В том случае, когда в отношении обвиняемого избрана мера пресечения в виде тюремного заключения в исправительном учреждении. Речь идет о том, что время, проведенное обвиняемым под домашним арестом, засчитывается в продолжительность тюремного заключения, поэтому может случиться, что обвиняемый вообще не содержится в тюрьме, если назначенное наказание не превышает время, проведенное обвиняемым под домашним арестом. С другой стороны, если против обвиняемого не вынесен обвинительный приговор, у него есть право на компенсацию ущерба, так как он был безосновательно лишен свободы.

Список литературы

1. Закон «Об исполнении санкций и мер вне исправительных учреждений», «Службени гласник РС», № 55 от 23 февраля 2014 г, 87 от 13 ноября 2018 г.

2. Милич Иван. Где отбывают тюремное заключение самые опасные заключенные в Республике Сербия? // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы междунар. науч.-практ. конф., 20 сент. 2019 г.: в 2 т. / редкол.: А. Л. Осипенко, К. В. Вишневецкий, В.С. Соловьев и др. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. — Т. I. — С. 44-50.

3. Милич Иван. Где исполняется наказание в виде лишения свободы в Республике Сербия? // Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание. — 2020. № 3. — С. 168-174.

4. Милич Иван. Направление наиболее опасных осужденных для отбывания наказания // Вестник Адвокатской палаты, 2020, — № 3. — С. 312-328.

5. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. — Омск: Омская академия МВД России, 2017. — 228 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс. «Службени гласник РС», № 72 от 28 сентября 2011 года, 101 от 30 декабря 2011 года, 121 от 24 декабря 2012 года, 32 от 8 апреля 2013 года, 45 от 22 мая 2013 года, 55 от 23 мая 2014 года, 35 от 21 мая 2019 года, 27 от 24 марта 2021 года - КС, 62 от 17 июня 2021 года — КС.

7. Уголовный кодекс Республики Сербии. «Службени гласник РС», № 85 от 6 октября 2005 года, 88 от 14 октября 2005 года - поправки, 107 от 2 декабря 2005 года - поправки, 72 от 3 сентября 2009 года, 111 от 29 декабря 2009 года, 121 от 24 декабря 2012, 104 от 27 ноября 2013 года, 108 от 10 октября 2014 года, 94 от 24 ноября 2016 года, 35 от 21 мая 2019 года.

Доказывание и доказательства при осуществлении судебного контроля в уголовном судопроизводстве

Аннотация. В статье обосновывается необходимость разработки части теории доказывания в уголовном процессе для рассмотрения материалов судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Предлагается разработать особенности предмета доказывания, выделив общий, специальный и локальный предметы доказывания, особенности средств доказывания, рассмотреть и исследовать особенности действия принципов уголовного процесса при рассмотрении в судебном контроле и их влияние на доказывание.

Ключевые слова: судебный контроль, доказывание, установление обстоятельств, фактические обстоятельства, процессуальные обстоятельства.

Kudryavtseva A.V., Petrov A.V.

Proof and evidence in the exercise of judicial control in criminal proceedings

Abstract. The article substantiates the need to develop a part of the theory of evidence in criminal proceedings for the consideration of materials of judicial control in criminal proceedings. It is proposed to develop the features of the subject of proof, highlighting the general, special and local subjects of proof, the features of the means of proof, to consider and investigate the features of the operation of the principles of criminal procedure when considered in judicial control and their impact on proof.

Keywords: judicial control, proof, establishment of circumstances, factual circumstances, procedural circumstances.

Теория доказывания в уголовном судопроизводстве на протяжении всего своего развития исследовала и разрабатывала концепцию доказывания

---

* Кудрявцева Анна Васильевна, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор, судья Санкт-Петербургского городского суда. Kudryavtseva Anna Vasilyevna, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Judge of the St. Petersburg City Court,

Петров Александр Васильевич, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», докт. юрид. наук, профессор.

Petrov Alexander Vasilyevich, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor.

и доказательств, применимую для установления обстоятельств уголовного дела, прошлого события преступления. Введение судебного контроля в российском уголовном производстве поставило задачу перед теорией доказывания обратить внимание на установление обстоятельств при решении вопросов, составляющих предмет судебного контроля.

Изначально институт судебного контроля предназначался для повышения гарантии прав участников уголовного судопроизводства на обжалование действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование на досудебных стадиях.

Процедуры судебного контроля были разработаны применительно к его видам и представляют собой предусмотренную и регламентированную уголовно-процессуальным законодательством деятельность суда, инициированную участниками и субъектами уголовного судопроизводства. Она заключается в принятии процессуальных решений, по вопросам законности и обоснованности проведения отдельных процессуальных действий, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в том числе по проверке решений, действий (бездействия) дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора и принятию мер к устранению выявленных нарушений закона, которые ограничивают конституционные права невластных участников уголовного судопроизводства или ограничивают право на доступ к правосудию.

Необходимость в осуществлении судебного контроля во многом predeterminedена системой сдержек и противовесов между исполнительной и судебной властью, в результате действия которых должна повыситься защищенность прав участников уголовного судопроизводства, прежде всего, предусмотренных конституций права на свободу передвижения, право на труд, право собственности на досудебных стадиях.

Традиционно принято считать, что судебный контроль проявляет себя в четырех процессуальных формах:

- судебный контроль при избрании, продлении срока мер принуждения (пресечения) (ст. 105.1, 106, 107, 108, 109 УПК РФ);
- судебный контроль за действиями (бездействиями) и решениями лиц, осуществляющих уголовные преследования (за исключением тех, которые могут стать предметом судебного разбирательства в будущем) последующий контроль);
- судебный контроль над законностью и обоснованностью следственных действий, ограничивающих конституционные права участников уголовного судопроизводства (предварительный контроль);
- судебный контроль над возбуждением уголовных дел в отношении особых субъектов уголовного процесса (ст. 448 УПК РФ).

Все эти судебные-контрольные производства имеют свой особый предмет судебного следствия, но при этом их объединяет вопрос о законности и обоснованности принятого на досудебных стадиях решения. Следует акцентировать внимание не только на законности, но и на проверке обоснованности ходатайств и решений, принятых в ходе досудебного производства. Это предполагает установление фактической стороны принятого решения, соответственно, совершенно очевидно, что деятельность суда по получению, проверке и оценке представленной сторонами информации в рамках судебного контроля представляет собой доказывание определенных обстоятельств как фактического вида, так и сравнение этой фактической стороны с нормами уголовно-процессуального закона для оценки их соответствия этим нормам.

Очевидно, что ст. 73 УПК РФ, да и вся глава 10 УПК РФ, регламентирующая доказывание по уголовным делам, не предназначена для данных производств, и на практике применяется по аналогии, поскольку ни событие преступления, ни виновность лица в данных производствах не устанавливаются. Предмет исследования для принятия судом решения в данных производствах и по уголовным делам существенно отличается от предмета исследования (доказывания) по уголовным делам.

Деятельность по познанию фактической и процессуальной стороны в данных производствах мы можем назвать доказыванием.

В частности, доказыванием оно является потому, что по своей природе является познанием, познанием как фактической стороны принятия решений должностными лицами на стадии досудебного производства и связанной с уголовным преследованием, так и процессуальной стороны законности и обоснованности принятого решения, но познание протекает в рамках процессуального закона и по правилам доказывания, установленным главой 10 УПК, применяемой по аналогии.

При этом доказывание в судебных-контрольных производствах обладает отличными, присущими только ей чертами, которые требуют более подробного исследования в науке уголовно-процессуального права и регулирования в уголовно-процессуальном законодательстве.

В частности, такой особенной чертой является предмет доказывания, т.е. обстоятельства фактического и процессуального характера, которые необходимо установить суду для принятия решения по ходатайствам и жалобам. Объединяет эти обстоятельства фактического и процессуального характера то, что суд должен их установить для вывода о законности и обоснованности решений, принятых должностными лицами на стадии досудебного производства.

Казалось бы, решая вопрос о законности и обоснованности применения мер принуждения, осуществленного процессуального действия или решения

установлению подлежат только обстоятельства процессуального характера, т.е. другими словами соответствие конкретных действий должностных лиц уголовно-процессуальному закону.

Однако это не так, и при рассмотрении материалов в порядке судебного контроля не менее важное значение имеет установление фактической стороны, а только потом соответствия этой фактической стороны норме уголовно-процессуального закона, что мы и называем процессуальными обстоятельствами.

В качестве аргументации можно привести выдержки Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, из которых напрямую вытекает установление фактического основания применения мер принуждения, фактических оснований для производства следственных и процессуальных действий или принятия решений.

В качестве примера можно обратить внимание на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» в котором содержится положение, в соответствии с которым рекомендуется: «Обратить внимание судов на то, что проверка обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению не может сводиться к формальной ссылке суда на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению. При рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья обязан проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении». Положение, содержащееся в п 3 названного постановления, также рекомендует судам, «исходя из положений статьи 97 УПК РФ, ни одна из мер пресечения, предусмотренных в статье 98 УПК РФ, в том числе мера пресечения в виде заключения под стражу, не может быть избрана подозреваемому или обвиняемому, если в ходе судебного заседания не будут установлены достаточные данные полагать, что подозреваемый или обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, либо может продолжить заниматься преступной деятельностью, либо может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства или иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу». Положение, содержащееся в п. 5 этого же постановления: «В качестве оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу могут быть признаны такие фактические обстоятельства, которые свидетельствуют о реальной возможности соверше-

ния обвиняемым, подозреваемым действий, указанных в статье 97 УПК РФ, и невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства посредством применения в отношении лица иной меры пресечения».

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» содержатся следующие положения, которые рекомендуют судам при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ обращать внимание на фактическую сторону.

«Судьям надлежит на основе имеющихся данных и дополнительно представленных материалов проверять законность и обоснованность решений и действий (бездействия) должностных лиц, указанных в части 1 статьи 125 УПК РФ, касающихся заявленных требований граждан об устранении допущенных нарушений, ущемляющих их права и свободы».

«При проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора судья не должен ограничиваться установлением лишь того, соблюдены ли должностными лицами формальные требования закона, а обязан удостовериться в фактической обоснованности обжалуемого решения».

Данные рекомендации (приведены только отдельные из них) нацеливают суд на определенный предмет доказывания (установления), причем круг этих обстоятельств, например, применительно к мерам пресечения, определен уголовно-процессуальным законом и истолкован постановлением Пленума Верховного Суда РФ.

Если говорить об обстоятельствах, подлежащих установлению при рассмотрении жалоб, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ, то обстоятельства, подлежащие установлению, урегулировать в уголовно-процессуальном законе невозможно в силу их разнообразия. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) частично ликвидирует этот пробел и устанавливает локальный предмет доказывания по отдельным вопросам, наиболее часто встречающимся на практике. В качестве примера можно привести следующие положения постановления Пленума: «При поступлении жалобы на отказ в приеме сообщения о преступлении по мотиву отсутствия в нем сведений об обстоятельствах, указывающих на признаки преступления, судья должен проверить, в частности, обратился ли заявитель в соответствующие органы с сообщением о совершенном или готовящемся деянии, запрещенном Уголовным кодексом Российской Федерации, или подал иное обращение (заявление), которое не требует регистрации и проверки по правилам, установленным статьями 141-144 УПК РФ».

Так, в п. 14 этого же Постановления Пленума Верховного Суда РФ очень подробно указаны обстоятельства, которые необходимо выяснить су-

ду для принятия законного и обоснованного решения «Проверяя законность и обоснованность постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (часть 1 статьи 148 УПК РФ), судья обязан выяснить, соблюдены ли нормы, регулирующие порядок рассмотрения сообщения о совершенном или готовящемся преступлении (статьи 20, 144, 145 и 151 УПК РФ), рассмотрены ли доводы заявителя о фактических обстоятельствах, которые, по его мнению, указывают на признаки преступления, принято ли уполномоченным должностным лицом решение об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии к тому законных оснований и соблюдены ли при его вынесении требования статьи 148 УПК РФ. Суду также надлежит удостовериться, что выводы обжалуемого постановления основаны на материалах проведенной проверки всех обстоятельств, в том числе указанных заявителем, которые могли существенно повлиять на эти выводы. В случае несогласия с основанием отказа в возбуждении уголовного дела (например, при отказе за отсутствием в деянии состава преступления заявитель приводит доводы о недоказанности события преступления) суд проверяет правильность выбора должностным лицом реабилитирующего основания для решения об отказе в возбуждении уголовного дела».

Следует отметить, что обстоятельства, подлежащие установлению (доказыванию), следует отличать от вопросов, разрешаемых судом. Уголовно-процессуальное законодательство оперирует категориями вопросы, подлежащие выяснению судом, применительно к подготовке судебного заседания по уголовным делам в ст. 228 УПК РФ и относится, скорее к созданию условий для проведения судебного заседания, к проверке факта отсутствия препятствий фактического или процессуального характера для рассмотрения уголовного дела по существу. Глава 33 УПК, регламентирующая подготовку дела к судебному заседанию, к судебным производствам по судебному контролю также применяется по аналогии, поскольку рассчитана на рассмотрение уголовного дела, что вытекает из самой статьи. УПК РФ. О вопросах, подлежащих разрешению судом, говорится также в статьях 299, 300, 309 УПК РФ применительно к их решению в приговоре. Несомненно то, что вопросы, указанные в статьях 299, 300, 309 УПК РФ, это более подробное изложение ст. 73 УПК РФ применительно к итоговому судебному решению. Категории обстоятельств, подлежащих доказыванию, и вопросы, разрешаемые судом, на той или иной стадии процесса и в том или ином процессуальном документе, это связанные, но отличающиеся друг от друга категории.

Обстоятельства, подлежащие установлению (доказыванию), — это фактические, правовые и процессуальные обстоятельства, которые подлежат исследованию с помощью средств доказывания, а вопросы, подлежащие разрешению, это отражение этих обстоятельств фактического, правового и про-

цессуального характера в конкретных процессуальных документах в определенной последовательности. Безусловно, применительно к предмету доказывания связь обстоятельств, подлежащих доказыванию, и вопросов, подлежащих разрешению в судебном заседании, совершенно очевидна: ст. 73 УПК РФ и ст. 299 УПК РФ соотносятся между собой как общая и специальная нормы. В этой специальной норме (ст. 299 УПК РФ) указывается, что должно быть отражено в приговоре на основе установленных обстоятельств дела. Это определенный алгоритм деятельности суда при разрешении уголовного дела по существу. Обстоятельства — это то, что нужно установить, а вопросы — это результат установления этих обстоятельств, отраженный в процессуальном документе.

Перед наукой стоит задача сформулировать обстоятельства, подлежащие установлению (доказыванию) для различных процедур судебного контроля, а также вопросы, которые должны быть обсуждены и отражены в судебном решении по результатам рассмотрения материалов судебного контроля.

В связи этим необходимо разработать понятие общего, специального (для различных процедур судебного контроля) и локального предмета доказывания (применительно к конкретным жалобам и ходатайствам, разрешаемым в рамках судебного контроля).

Разработки также требуют средства доказывания, с помощью которых устанавливаются обстоятельства и разрешаются вопросы в судебных заседаниях.

При этом следует исходить из уже наработанной судебной практики. Как правило, что показывает анализ рассмотрения материалов в рамках судебного контроля, средствами, (видами) доказательств в суде первой инстанции, рассматривающим такие материалы, являются иные документы, протоколы следственных и процессуальных действий, объяснения сторон в ходе судебного заседания. Об объяснениях сторон говорит и п. 13 Постановления Пленума Верховного суда от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: В силу части 4 статьи 125 УПК РФ судье надлежит разъяснять явившимся по вызову лицам их права и обязанности, в частности их право принимать участие в судебном заседании: заявлять отводы, ходатайства, представлять документы, знакомиться с позицией других лиц, давать по этому поводу объяснения. Заявителю, кроме того, предоставляется право обосновать свою жалобу и выступить с репликой. В силу того, что объяснения, как вид доказательств по уголовным делам возможен только при сокращенном дознании и отсутствии оспаривания этих объяснений сторонами, необходимо исследовать структуру объяснения сторон, как средство доказывания при рассмотрении материалов в рамках судебного контроля и выявить в них информацию, которая может быть использована в качестве доказатель-

ства. И в этом смысле, процедура рассмотрения материалов в рамках судебного контроля (особенно ярко это проявляется при рассмотрении материалов в порядке статьи 125 УПК РФ) очень близко подходит к доказыванию в рамках гражданского процесса, одной из особенностей которого, в том числе, является и обязанность судьи на основе притязаний сторон, верно установить предмет доказывания, а объяснения сторон являются средством доказывания.

Теоретического осмысления и разработки требуют особенности проявления принципов уголовного процесса при рассмотрении материалов судебного контроля, в частности таких фундаментальных, как состязательность и презумпция невиновности, поскольку предметом рассмотрения является не обвинение, а совершенно иные вопросы и обстоятельства.

В связи с особенностями действия этих принципов, совершенно иначе распределяется бремя и обязанность доказывания при рассмотрении материалов в рамках судебного контроля, и распределение этого бремени доказывания требует четкого регулирования, как и особенности процессуального положения участников уголовного судопроизводства в данных производствах. О том, что вопрос о процессуальном положении участников рассмотрения материалов судебного контроля непростой, свидетельствуют изменения, внесенные в постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 10 февраля 2009 года, которые сделаны на основе Определения Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2009 г. № 1487-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Пановой Марины Викторовны на нарушение ее конституционных прав частями первой, второй и третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

В частности, заявительница утверждала, что оспариваемые ею законоположения, допуская возможность допроса лица в качестве свидетеля по уголовному делу об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью, без согласия доверителя, — при том, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не лишает подозреваемого, обвиняемого права защищаться всеми средствами и способами, не запрещенными законом, в том числе обжаловать в суд с помощью своего представителя действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования — нарушают конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи и противоречат принципу состязательности и равноправия сторон.

Не прошло и 13-ти лет с момента принятия Определения Конституционного Суда РФ, и были внесены изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ. Вместе с тем до этих изменений из ст. 125 УПК и положений постановления Пленума вытекало, что подозреваемый или обвиняемый, выступающий в качестве заявителя по ст. 125 УПК РФ, вправе иметь в качестве представителя, в том числе и по доверенности, любое лицо, что, конеч-

но, не соответствовало процессуальному положению подозреваемого, обвиняемого и конституционному смыслу права на защиту.

Вместе с тем в судебной практике интересы заявителя — подозреваемого и обвиняемого по своему статусу, до внесения изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 года № 1 Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2022 № 5 осуществлял представитель по доверенности, а не только профессиональный адвокат.

Конституционный Суд РФ, отказывая в рассмотрении жалобы за отсутствием ее приемлемости указал: «Регулируя судебный порядок обжалования решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, статья 125 УПК Российской Федерации предусматривает, что жалоба может быть подана в суд заявителем, его защитником, законным представителем или представителем (часть 2), а судебное заседание проводится с участием заявителя и его защитника, законного представителя или представителя, если они участвуют в уголовном деле (часть 3).

При этом Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предоставляет возможность иметь представителя лишь таким участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты, как гражданский ответчик (пункт 6 части 2 статьи 54, статья 55), несовершеннолетний подозреваемый и обвиняемый (статья 48) и лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера (статья 437). Из этого следует, что при обжаловании действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации у совершеннолетнего обвиняемого представителя быть не может (если только в отношении него не ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера или если он не выступает гражданским ответчиком), — его интересы может представлять защитник, допущенный к участию в деле».

Требуют научной разработки и осмысления особенности процесса доказывания, детальной проработки требует вопрос о том, каковы особенности собирания, проверки, использования, оценки доказательств применительно к особенностям предмета доказывания по производствам судебного контроля, каковы стандарты доказанности тех или иных обстоятельств.

Полагаем, что все эти вопросы требуют дальнейшего исследования и разработки в качестве одной из частей общей теории доказывания в уголовном процессе, которая бы устанавливала теоретические основы особенностей доказывания при осуществлении производств судебного контроля в уголовном судопроизводстве.

Роль уголовных процессуальных норм и действенность уголовного процессуального закона

Аннотация. В данной статье отмечается, что особенности формирования уголовных процессуальных норм обусловлены рядом факторов, являющихся системообразующими элементами нормотворчества в уголовном процессуальном законодательстве. Формирование уголовного процессуального закона определено как нормотворческий процесс создания и упорядочения уголовных процессуальных норм уполномоченным субъектом (парламентом), который происходит в пределах правовой политики государства, осуществляется с помощью общих правил юридической техники, присущей кодификационной деятельности, с учетом особенностей задач уголовного производства, целью эффективной их реализации. Учитывая это, дана характеристика отечественному уголовному процессуальному закону и определены показатели его качества.

Ключевые слова: закон, источники уголовного процессуального права, уголовно-процессуальный закон, уголовное процессуальное законодательство, кодекс, уголовные процессуальные нормы, проблемы уголовного процессуального закона.

Kukeev A.K.

The role of criminal procedural norms and the effectiveness of criminal procedural law

Abstract. This article notes that the peculiarities of the formation of criminal procedural norms are due to a number of factors that are the system-forming elements of rulemaking in criminal procedural legislation. The formation of a criminal procedural law is defined as a rule-making process of creating and streamlining criminal procedural norms by an authorized entity (parliament), which takes place within the legal policy of the state, is carried out with the help of general rules of legal technique inherent in codification activities, taking into account the specifics of the tasks of criminal proceedings, in order to effectively implement them. Taking this into account, the characteristic of the domestic criminal procedural law is given and its quality indicators are determined.

Keywords: law, sources of criminal procedural law, criminal procedural law, criminal procedural legislation, code, criminal procedural norms, problems of criminal procedural law.

---

* Кукеев Аскар Кульчимбаевич (Республика Казахстан, г. Шымкент) — старший преподаватель Южно-Казахстанского Университета им. М. Ауэзова.
Kukeev Askar Kulchimbayevich, (Republic of Kazakhstan, Shymkent city) — Senior lecturer at South-Kazakhstan University named after M. Auezov.

Содержательное наполнение уголовного процессуального законодательства имеет правовую регламентацию и представлен соответствующими положениями Конституции РК⁴⁰, международными договорами, согласие на обязательность которых предоставлено Парламентом РК, УПК РК⁴¹ и другими законами РК.

«Соответствующие положения» Конституции можно классифицировать по нескольким критериям, в контексте понимания как источника уголовного процессуального права: а) касающиеся обеспечения государством прав и свобод личности; (б) гарантирующих организацию правосудия (судопроизводства, совершение уголовного производства); (в) определяющих юридическую силу нормативно-правовых актов и их место в национальном. Большинство конституционных норм являются бланкетными и касаются разных сфер общественной жизни. Некоторые из них регулируют отношения только в сфере судопроизводства, уголовного производства или в обеих сферах. Для «терминологической чистоты» и согласованности обороты речи, используемые законодателем в определении одинаковых понятий, требуют корректировки, прежде всего, в аспекте соотношения категорий «судопроизводство» и «уголовное производство».

Поскольку к применению международного договора в качестве источника уголовного процессуального права выдвигается требование признания его обязательности только таким субъектом как Парламент РК, то кажется целесообразным под международным договором в правилах осуществления уголовного производства понимать именно договор, согласие на обязательность которого предоставлена парламентом. Об этом следует отметить в примечании к ст. 1 УПК РК, отметив: «Международные договорные и иные обязательства Республики Казахстан, а также нормативные постановления Конституционного Совета и Верховного Суда Республики Казахстан, регулирующие порядок уголовного судопроизводства, являются составной частью уголовно-процессуального права». В уголовном производстве допускается одновременное применение уголовного процессуального закона и международного договора, применение других законов и международных договоров, альтернативное применение этих законодательных актов и одно предметное применение международного договора. Закреплен приоритет международного договора.

Поддерживая целесообразность отнесения судебной практики к источникам уголовного процессуального права, следует согласиться с «осторожным» использованием судебного прецедента именно в уголовном процессе, учитывая

---

⁴⁰ Конституция Республики Казахстан 30.08.1995 года. URL: [https:// adilet.zan.kz/ rus/docs/ K950001000_](https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_) (дата обращения: 18.09.2022 г.).

⁴¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/ docs/K1400000231> (дата обращения: 18.09.2022 г.).

особенности регулирования уголовного процессуального права, в частности, использование решений отечественных судов. Решение относительно конституционности закона, его отдельных положений, международного договора имеет силу закона, ведь признание неконституционности влечет утрату (не вступление) в силу этого акта. Официальное толкование соответствующих положений Конституции РК является отдельным источником уголовного процессуального права, способствующего формированию внутреннего убеждения у субъекта правоприменения относительно правильности (справедливости, законности) тех или иных правил осуществления уголовного производства.

Несмотря на отсутствие официального определения понятия, кодификация признается приоритетной формой систематизации законодательства, в том числе и приоритетной формой правового регулирования процессуальных отношений. Слова «кодекс», «кодификация» иноязычны и имеют давние корни. Есть разные подходы к пониманию кодифицированных актов теории, науке и законодательству. Кодекс является результатом кодификации, ее внешней формой и отражает внутреннее единство той или иной отрасли по предмету и методу правового регулирования. В то же время с научной точки зрения кодекс представляется не системой законов, а единственным законом, сформированным в результате систематизации норм соответствующей отрасли.

В силу общих признаков, присущих процессуальным кодексам, действующий УПК РК:

- (1) не является стабильным;
- (2) содержит много новелл (как в направлении терминологического, понятийного аппарата, так и порядка осуществления уголовного производства на той или иной его стадии, усиление гарантий реализации прав и свобод субъектами уголовных процессуальных правоотношений);
- (3) унифицировано по применению общих межотраслевых понятий, категорий и институтов, процедур и правил;
- (4) с примером для других процессуальных кодексов;
- (5) является доступным и общественно истребуемым как со стороны профессиональных юристов, так и рядовых граждан;
- (6) имеет высокую степень понятности, о чем свидетельствуют разъяснительная практика высших судебных инстанций и правоохранительных органов;
- (7) постоянно находится под бдительностью общества, международного сообщества, правозащитников;
- (8) логически построен по формуле — от общего к конкретному⁴².

---

⁴² Сейтжанов О.Т., Брылевский А.В., Бачурин С.Н. и др. Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан. Общая часть. Учебник. — Костанай: Костанайская Академия МВД, 2016. — С.97.

Уголовный процессуальный закон должен соответствовать всем определенным в теории правилам формирования правовой нормы, упорядочению их совокупности и логическому расположению. Такими правилами признают соблюдение: логической последовательности изложения, взаимосвязи нормативных предписаний, отсутствия противоречий в структуре акта и системе законодательства, максимальной компактности изложенных норм при должной глубине и всесторонности их содержания, ясности и доступности языка нормативных актов, точности и определенности терминов и юридических конструкций⁴³.

Задания и назначение уголовного процессуального закона, являющиеся отправной точкой в правотворческой деятельности, характеризуются двумя направлениями: защита личности, общества и государства от уголовных правонарушений; применение надлежащей процедуры уголовного производства.

Характеристика использованных отечественным законодателем приемов содержательного наполнения уголовного процессуального закона охватывает понятийно-терминологический аппарат, юридические конструкции, язык и логику текста. Для понимания отдельных понятий и терминов нужно обращаться к другим законодательным актам или теории уголовного процессуального права. Особенностью является параллельное существование отдельных понятий и терминов уголовного процессуального права и науки уголовного процесса.

Уголовный процессуальный закон, его нормы представлены в виде текста — официального письменного документа, который в знаковой форме фиксирует нормативное содержание уголовного процессуального закона, имеет свою структуру, элементы которой объединены общим предметом и методом правового регулирования, а также лингвистическими и логическими связками. Налицо такие разновидности правовых конструкций как презумпции, фикции, аксиомы.

Качественный закон отличается легитимностью, согласованностью с международным и внутренним правом, способностью при определенных условиях (средах) к стабильному, прогнозируемому и эффективному действию. На эффективность уголовного процессуального закона обязана влиять стандартизация его формирования. Качество уголовного процессуального закона четко прослеживается через реализацию его предписаний субъектами, вовлеченными в криминальную процессуальную сферу. Показатели качества количественны, содержательны, с соответствующей степенью правоприменения.

---

⁴³ Когамов М.Ч. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан: 2014 года (постатейный, к нормам УПК в редакции Законов РК от 31 октября и 24 ноября 2015 года). — Астана, 2015. — С.12.

Список литературы

1. Когамов М.Ч. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан: 2014 года (постатейный, к нормам УПК в редакции Законов РК от 31 октября и 24 ноября 2015 года). - Астана, 2015. — 220 с.
2. Конституция Республики Казахстан 30.08.1995 года. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 18.09.2022 г.).
3. Сейтжанов О.Т., Брылевский А.В., Бачурин С.Н. и др. Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан. Общая часть. Учебник. — Костанай: Костанайская Академия МВД, 2016. - 197 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 18.09.2022 г.).

Кубрикова М.Е.*

Подсудность гражданского иска в уголовном деле: актуальные проблемы правоприменительной практики

Аннотация. Статья посвящена проблемам правоприменительной практики, возникающим при рассмотрении гражданского иска по уголовному делу, и их возможному разрешению. Обращается внимание на исключительные случаи, когда гражданский иск, вытекающий из уголовного дела, не подлежит разрешению в порядке уголовного судопроизводства. Автором сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования подсудности гражданского иска по уголовному делу.

Ключевые слова: подсудность, гражданский иск, уголовное дело, корпоративный спор, банкрот.

Kubrikova M.E.

Jurisdiction of a civil claim in a criminal case: actual problems of law enforcement practice

Abstract. The article is devoted to the problems of law enforcement practice that arise when considering a civil claim in a criminal case, and their possible resolution. Attention is drawn to exceptional cases when a civil claim arising from a criminal case is not subject to resolution in criminal proceedings. The author concluded that it is necessary to further improve the legal regulation of the jurisdiction of a civil claim in a criminal case.

Keywords: jurisdiction, civil claim, criminal case, corporate dispute, bankrupt.

---

* Кубрикова Мария Евгеньевна, судья Заднепровского районного суда города Смоленска, кандидат юридических наук.
Kubrikova Maria Evgenievna, a Judge of the Zadneprovsky District Court of the city of Smolensk, PhD in Law.

На протяжении 20 лет с момента вступления действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) в законную силу в него были внесены изменения 300 Федеральными законами, 36 Постановлениями и одним Определением Конституционного Суда РФ. Кроме того, в целях обеспечения единства практики применения судами уголовно-процессуального законодательства Пленумом Верховного Суда РФ было принято порядка 158 Постановлений.

Как обоснованно отмечал судья Верховного Суда РФ С.В. Асташов, «...право — живой организм, нуждающийся в постоянном развитии, альтернатива которому — стагнация, застой, упадок. И важнейшая роль в таком развитии принадлежит судебной практике, формируемой судами под руководством Верховного Суда Российской Федерации»⁴⁴.

13 октября 2020 г. в целях обеспечения единства судебной практики рассмотрения и разрешения гражданского иска по уголовному делу, а также в связи с возникающими вопросами Пленум Верховного Суда РФ постановил дать судам соответствующие разъяснения, в которых фактически обратил внимание на то, что из общего правила подсудности гражданского иска, определяемой подсудностью уголовного дела, в котором он предъявлен, имеется ряд исключений, когда такой гражданский иск будет подлежать рассмотрению только в порядке гражданского судопроизводства, и подсудность его будет определяться в соответствии с правилами, предусмотренными в главе 3 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) «Подсудность». К таким исключительным случаям Пленум Верховного Суда РФ отнес следующие:

— требования имущественного характера, хотя и связанные с преступлением, но относящиеся, в частности, к последующему восстановлению нарушенных прав потерпевшего (например, о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, о признании гражданско-правового договора недействительным, о возмещении вреда в случае смерти кормильца), а также регрессные иски (о возмещении расходов страховым организациям и др.) подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства (пункт 12 Постановления);

— при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства (часть 2 ст. 309 УПК РФ, пункт 27 Постановления);

---

⁴⁴ Асташов С.В. Право — живой организм, нуждающийся в постоянном развитии // Судья. — 2022. — № 6. — С. 7.

— при наличии иных оснований для постановления оправдательного приговора (например, в деянии подсудимого отсутствует состав преступления) либо иных оснований для прекращения уголовного дела, в том числе нереабилитирующих, суд оставляет гражданский иск без рассмотрения, указав в решении, что за истцом сохраняется право на предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства (абзац 2 пункта 30 Постановления);

— в тех случаях, когда в ходе апелляционного производства выявлены нарушения, допущенные судом в части рассмотрения гражданского иска и неустранимые в суде апелляционной инстанции, приговор в этой части подлежит отмене с передачей гражданского иска на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства (пункт 32 Постановления).

Однако ученые-процессуалисты обращают внимание на то, что в некоторых случаях гражданский иск, вытекающий из уголовного дела, подлежит рассмотрению в порядке арбитражного судопроизводства.

В частности, Д.П. Чекулаев полагает, что в рамках уголовного судопроизводства не должны рассматриваться иски требования акционеров (участников) корпорации в интересах корпорации даже в том случае, когда уголовное дело возбуждено и расследуется в связи с причинением преступления корпорации. Подобные споры, являющиеся экономическими, корпоративными, подлежат рассмотрению арбитражным судом. При предъявлении таких исков они должны быть оставлены рассматривающим уголовное дело судом общей юрисдикции без рассмотрения и, по аналогии в широком смысле процессуального закона, возвращены гражданскому истцу по предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ — дело неподсудно данному суду общей юрисдикции или подсудно арбитражному суду⁴⁵.

А.Г. Волеводз и А.В. Гриненко предлагают включить в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 разъяснение следующего содержания: «Требования имущественного характера, хотя и связанные с преступлением, но указывающие на существование корпоративных споров, связанных с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также некоммерческой организацией, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей (статья 225.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ), подлежат разрешению в порядке арбитражного судопроизводства (ч. 4.1 статьи 38 АПК РФ). В этой части гражданские иски по уголовному делу суд оставляет без

---

⁴⁵ Чекулаев Д.П. Гражданский иск в уголовном процессе. Должен ли учитываться при его рассмотрении вопрос компетенции судов? // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 20. — М.: ООО «Издательство «Юрист», 2020. — С. 300.

рассмотрения с указанием в постановлении (определении) мотивов принятого решения»⁴⁶.

В этой связи представляется обоснованным исключение из кодексов, а также некоторых федеральных законов термина «подведомственность» применительно к разграничению полномочий судов общей юрисдикции и арбитражных судов, поскольку в условиях новых правовых реалий формирование предметов ведения судов общей юрисдикции и арбитражных судов, объединенных конституционной компетенцией Верховного Суда Российской Федерации, должно производиться посредством института подсудности с использованием его отличительных особенностей⁴⁷.

Кроме того, необходимо обратить внимание и на подсудность гражданского иска по уголовному делу при банкротстве подсудимого.

Согласно пункту 4 ст. 213.24 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в действующей ред.) «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) в ходе процедуры реализации имущества гражданина требования конкурсных кредиторов и уполномоченного органа подлежат рассмотрению в порядке, предусмотренном статьей 100 настоящего Федерального закона.

Исключения составляют текущие платежи, предусмотренные статьей 5 Закона о банкротстве.

В силу пункта 1 ст. 100 Закона о банкротстве кредиторы вправе предъявить свои требования к должнику в любой момент в ходе внешнего управления. Указанные требования направляются в арбитражный суд и внешнему управляющему с приложением судебного акта или иных подтверждающих обоснованность указанных требований документов. Указанные требования включаются внешним управляющим или реестродержателем в реестр требований кредиторов на основании определения арбитражного суда о включении указанных требований в реестр требований кредиторов.

В соответствии с положениями абзаца 3 п. 2 ст. 213.11 Закона о банкротстве исковые заявления, которые предъявлены не в рамках дела о банкротстве гражданина и не рассмотрены судом до даты введения реструктуризации долгов гражданина, подлежат после этой даты оставлению судом без рассмотрения.

---

⁴⁶ Волеводз А.Г., Гриненко А.В. Гражданский иск в уголовном процессе: международные стандарты и отечественное законодательство // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2022. — № 1. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

⁴⁷ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

Возникает вопрос, как быть суду, рассматривающему уголовное дело, при разрешении гражданского иска в отношении подсудимого, признанного банкротом и в отношении которого введена процедура реализации имущества.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство ответа на данный вопрос не дает. Также отсутствуют и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в этой части.

При этом до вступления приговора в законную силу гражданский истец лишен возможности обратиться в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника, поскольку вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для арбитражного суда, как следует из части 4 ст. 69 АПК РФ, по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они определенным лицом.

На практике возникает коллизия. Суд в связи с банкротством подсудимого не может разрешить предъявленный гражданский иск по существу. В то же время признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска суд может в силу положений части 2 ст. 309 УПК РФ и абзаца 2 п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» лишь в случае необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства. Банкротство подсудимого в части 2 ст. 309 УПК РФ не предусмотрено.

Помимо этого указанная норма предусматривает передачу вопроса о размере возмещения для рассмотрения лишь в порядке гражданского судопроизводства. Возможность передачи данного вопроса для рассмотрения в порядке арбитражного судопроизводства в рамках дела о банкротстве действующее уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует.

Это объяснимо, поскольку часть 2 ст. 309 УПК РФ была введена в действие с 1 июля 2002 г. и не изменялась, а возможность банкротства физических лиц появилась с 1 октября 2015 г.

Обозначенные нами проблемы подсудности гражданского иска в уголовном деле требуют разрешения как на законодательном уровне, так и путем формирования единой судебной практики.

Соблюдение подсудности является не только важнейшей гарантией права на судебную защиту, но и гарантией вынесения законного судебного решения, поскольку в соответствии с частью 1 ст. 47 Конституции РФ никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Разрешение по существу гражданского иска, не подлежащего рассмотрению в порядке

уголовного судопроизводства, влечет изменение состоявшихся судебных решений⁴⁸.

Список литературы

1. Асташов С.В. Право — живой организм, нуждающийся в постоянном развитии // Судья. — 2022. — № 6. — С. 4-7.

2. Волеводз А.Г., Гриненко А.В. Гражданский иск в уголовном процессе: международные стандарты и отечественное законодательство // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2022. — № 1. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

3. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

4. Чекулаев Д.П. Гражданский иск в уголовном процессе. Должен ли учитываться при его рассмотрении вопрос компетенции судов? // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 20. — М.: ООО «Издательство «Юрист», 2020. — С. 293-300.

Зашляпин Л.А.*

Принцип уголовного процесса и модель правоотношений процессуального действия

Аннотация. Модель правоотношений в допросе эксперта, конструируемая на основании правил ст. 15 УПК РФ, не соответствует модели правоотношений в допросе эксперта, представленной в ст. 205 УПК РФ. Допрос эксперта может быть заменен получением объяснения эксперта.

Ключевые слова: принцип состязательности, допрос эксперта, уголовно-процессуальные отношения

---

⁴⁸ См., например, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 июня 2022 г. № 7-УД-22-5-К2; кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17 мая 2022 г. № 77-1607/2022. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

* Зашляпин Леонид Александрович, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент.

Zashlyapin Leonid Alexandrovich, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor.

Principle of criminal procedure and legal relations model of procedural action

Abstract. Model of interrogation of an expert, formed on the basis of the rules of Art. 15 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, does not correspond to the model of interrogation of an expert, presented in Art. 205 of Criminal Procedure Code of the R.F. Interrogation of an expert may be replaced by obtaining an explanation from an expert.

Keywords: adversarial principle, interrogation of an expert; criminal procedural relations.

Тематика научного мероприятия о правовых отношениях, возникающих на основе современного уголовно-процессуального закона, но в ракурсе его 20-ти летнего эволюционирования, видится исключительно актуальной для отечественной юриспруденции, позволяет взглянуть на закон и практику его применения многоаспектно. Подчеркивая важную роль правовых отношений для понимания сущности закона, базовых практик его применения, выявления реперных точек для определения направлений научных исследований в юриспруденции, на это обращают внимание В.В. Ершов, А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский⁴⁹.

Предоставляемую многоаспектностью возможность мы используем в синкретичном исследовании здесь принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве и его реализации в допросе эксперта в предварительном расследовании (процедурах формулирования и постановки вопросов эксперту).

Примененный в конструкции уголовно-процессуального закона тип состязательности (как ориентир его прогрессивного развития) имеет нормативное закрепление в правилах ст. 15 УПК РФ. В силу принципа уголовного судопроизводства, определенного в качестве такового в данной статье, состязательность сторон — нормативная реальность отраслевого законодательства, позволяющая уклониться от дискуссии о понимании принципа, его регулятивном значении. Одновременно процессуальные (регулятивные) по своей сути положения, формирующие содержание принципа состязательности, являются и признаком того типа процесса, который законодатель реализовал в УПК РФ в качестве модели для конструирования правил производства отдельных процессуальных действий, в том числе, допроса экс-

---

⁴⁹ Ершов В.В. Регулирование правоотношений: монография. М., — РГУП, 2020. — С. 12, 33, 37 и др.; Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. — М.: Норма: Информ-М, 2023. — С. 29, 116, 140 и др.

перта. Указанное позволяет сформулировать следующую гипотезу для настоящей статьи.

Принцип состязательности сторон — масштабируемое процессуальное правило, проявляющее качества регулятивности для допроса эксперта в предварительном расследовании (использовании вопросов в этом допросе). В этом принципе можно усматривать квинтэссенциальное содержание субъектного состава допроса эксперта, содержание полномочий (субъективных прав) и юридических обязанностей, объект, по поводу которого возникают уголовно-процессуальные отношения. Все это — модель использования вопросов в допросе эксперта, а правила ст. 15 УПК РФ о состязательности сторон в уголовном судопроизводстве с очевидностью взаимно масштабируются в отдельных уголовно-процессуальных институтах (группах норм, отдельных нормах), позволяя видеть основные элементы конструкции допроса эксперта в предварительном расследовании в принципе состязательности сторон, как и наоборот — в институте допроса эксперт различать принципиальные положения принципа состязательности сторон, содержащиеся в нормах ст. 15 УПК РФ. Нормативная разноразмерность принципа и рассматриваемого института не может исключать нормативное подобие.

Анализ ст. 15 УПК РФ позволяет выделить в ней следующие положения, которые определяют правила допроса эксперта в предварительном расследовании.

1. Допрос эксперта как некий минимальный фрагмент уголовного судопроизводства осуществляется на основе состязательности сторон. Из этого следует, что доминирующая процессуальная активность в допросе эксперта в предварительном расследовании (использовании вопросов) должна проявляться стороной обвинения (следователем, потерпевшим и т.д.) и стороной защиты (защитником, обвиняемым). На данное указывают правила ч. 1 и 2 ст. 15 УПК РФ.

2. Предмет допроса эксперта отличается для носителей функции обвинения и защиты. Надо полагать, что следователь может и должен задавать вопросы, отличающиеся от вопросов защитника (обвиняемого). Различающая данных участников судопроизводства уголовно-процессуальная функция детерминирует различные направления их деятельности, то есть различающиеся (противоположные) задачи процессуальной деятельности и применяемые процессуальные средства — вопросы. База для данного суждения содержится в положениях ч. 2 ст. 15 УПК РФ.

3. Суд не является субъектом реализации уголовно-процессуальной активности в допросе эксперта постольку, поскольку он не рассматривается субъектом состязания. Судебная деятельность не соотносится с предметом доказывания, не подразумевает формулирование какого-то особого предмета

допроса эксперта (содержания вопросов в допросе) судом, а должна связываться с обеспечением прав сторон на вопросы эксперту, регулированием их взаимных обязанностей друг перед другом в порядке постановки вопросов и их содержании. К указанному позиционированию нас подводит ч. 3 и 4 ст. 15 УПК РФ.

4. Уголовным судопроизводством является лишь производство по уголовному делу в судебных инстанциях. Производство по факту, исследуемому в предварительном расследовании, не является уголовным судопроизводством. В противном случае принцип состязательности сторон должен был бы применяться к допросу эксперта следователем (или иным участником, уполномоченным на это). Принцип состязательности сторон категорично коррелируется для правовых отношений, включающих деятельность состязющихся сторон и суда (трехсубъектность правовых отношений). Та деятельность, которая не включает в свое содержание суд, не является уголовным процессом. Сущность этой деятельности при этом соответствует той идее, которую заложил законодатель в предварительную подготовку судебного разбирательства по уголовному делу.

Уяснение содержания норм ст. 205 УПК РФ позволяет выявить следующие, соотносимые с изложенными выше, правила.

1. В институте допроса эксперта фиксируется реализация уголовно-процессуальной активности носителя функции обвинения, то есть следователя. Именно он может инициировать допрос. В этом случае могут возникать правовые отношения между лицом, осуществляющим предварительное расследование (лицом, уполномоченным на допрос), и допрашиваемым лицом — экспертом. Основанием этого является то, что законодатель, как минимум, прямо предусматривает субъективное право следователя на допрос эксперта.

Защитник же (иной участник со стороны защиты) видится потенциально ограниченным в этом праве. Конструкция ст. 205 УПК РФ включает в свое содержание субъективное право защитника (обвиняемого) на заявление ходатайства о допросе эксперта. При этом, естественно, могут возникать лишь правовые отношения между защитником (обвиняемым) и следователем, который обременен юридической обязанностью разрешить это ходатайство (статьи 121–122 УПК РФ). Объектом же этих правоотношений является процессуальное решение по заявленному ходатайству. Правовых отношений, связанных с допросом эксперта, в этот момент не возникает. Модель правовых отношений между управомоченным субъектом и юридически обязанным лицом по поводу показаний эксперта (как классическое понимание правоотношений), описанная в анализе положений ст. 15 УПК РФ выше, не обнаруживается.

Процессуальное решение о допросе эксперта по ходатайству защитника (обвиняемого) или отказе в удовлетворении этого ходатайства — усмотрение следователя. Носитель функции обвинения в этом случае определяет содержание деятельности носителя функции защиты (возникновение его субъективного права и предоставление возможности задать вопросы эксперту). Само же решение об удовлетворении ходатайства может касаться лишь части ходатайства. Реальная модель правовых отношений в этом случае может содержать решение об удовлетворении ходатайства о допросе эксперта и отказе в удовлетворении ходатайства защитника (обвиняемого) об участии в этом допросе. Перспектив возникновения правовых отношений с участием защитника (обвиняемого) в допросе эксперта в этом случае не возникает, образуются лишь правовые отношения между следователем и экспертом.

2. Если же ходатайство защитника о допросе эксперта и участии в этом допросе удовлетворено полностью, то в этом случае уголовно-процессуальная активность (субъективное право) также принадлежит следователю. Диспозиция ч. 1 ст. 205 УПК РФ субъективное право на допрос (толкуем как право на вопросы эксперту) связывает с процедурой, реализуемой непосредственно следователем. Фактически в данном случае мы видим повторение нормативной идеи, реализованной в ст. 192 УПК РСФСР («следователь вправе допросить эксперта»). Защитник же не упоминается ни в ст. 205 УПК РФ, ни в правилах допроса эксперта в советском уголовно-процессуальном законе. В старом и действующем законе мы видим достаточно категорично зафиксированную конструкцию правовых отношений, содержанием которой является субъективное право на вопросы следователя (допрос следователем) и противоположная (предполагается) обязанность эксперта дать показания. Однако в действующем УПК (в отличие от предыдущего) присутствует принцип ст. 15 о состязательности сторон. Иного нормативного правила, устанавливающего построение уголовно-процессуального закона и деятельности участников, например, по розыскному началу (в качестве нормативного принципа), нет.

Участие защитника в допросе эксперта ограничено усмотрением следователя. Вопросы эксперту данный участник может задавать с разрешения следователя (ч. 2 ст. 53 УПК РФ), при этом мы понимаем данное правило буквально. Разрешение на вопросы появляется до момента их постановки и образует гипотезу регулятивной нормы («если следователь разрешит защитнику задавать вопросы, то...»). Заданные же вопросы могут быть отведены следователем (ч. 2 ст. 53 УПК РФ).

Возникновение правовых отношений в допросе между защитником (обвиняемым) и экспертом, таким образом, блокируется дважды. Невластный

участник правовых отношений прежде ожидает разрешения следователя задать вопрос, которое является юридическим фактом. Если нет разрешения следователя, то вопрос не задается (допрос не начинается), правовые отношения не возникают. Далее, если разрешение на постановку вопроса получено и вопрос задан, то необходимо ожидать решения следователя о снятии или не снятии данного вопроса. Фактически в этом случае блокируется субъективное право на ответ эксперта.

Проведенный анализ нормативной базы позволяет сделать промежуточный вывод о том, что, несмотря на регулируемую роль правил ст. 15 УПК РФ о состязательности сторон, этим правила не реализуются в институте допроса эксперта в предварительном расследовании (процедурах формулирования и использования вопросов). Модель правоотношений в допросе эксперта по правилам ст. 15 УПК РФ и модель допроса эксперта по правилам ст. 205 УПК РФ определяет различающееся содержание правовых отношений (коллизии моделей).

Приступая к анализу теоретической базы нашей статьи, прежде всего, отметим существовавший в советской науке подход, согласно которому допрос является проявлением правовых отношений⁵⁰. В связи с тем, что данная позиция определена без оговорки на тип или вид допроса, не исключаем, что конструкция современного закона может представляться более ослабленной в части проявления связи между субъектом, осуществляющим допрос, и допрашиваемым лицом, в нашем случае — экспертом. Для этого есть вполне определенные основания.

Советское уголовно-процессуальное законодательство было более стабильным, опирающимся на идеологические принципы, конструировалось относительно его нормативного ядра, установленного правилами ст. 20 УПК РСФСР 1961 г. о всесторонности исследования обстоятельств дела, полноте данного исследования и его объективности. Опираясь на эту целевую установку для деятельности всех участников уголовного процесса (без выделения функционально противоположных сторон), советский законодатель создавал весьма гармоничную систему отношений, в которой обвиняющий (преследующий) субъект (имеющий право) почти всегда имел связь с участником, обремененным обязанностью. Содержание правовых отношений и в допросе эксперта было достаточно ясным. Уполномоченным субъектом вести допрос эксперта был следователь (ст. 192 УПК РСФСР), защитник (обвиняемый) не имели очевидного права на участие в допросе эксперта (статьи 46 и 51 УПК РСФСР). Прямой юридиче-

---

⁵⁰ См.: Далин В.Е. Некоторые вопросы реализации уголовно-процессуальных отношений при производстве следственных действий // Уголовно-процессуальная деятельность и правоотношения в стадии предварительного расследования. Сб. науч. тр. / отв. ред. С. П. Ефимичев. Волгоград, 1981. — С. 93.

ской обязанности у эксперта дать показания хотя и не было, но это предусматривалось из нацеленности всех субъектов на достижение объективной истины. Если следователь реализовывал через допрос эксперта процессуальную задачу ее поиска, то эксперт (как предполагается) обязан был дать показания, иначе он становился субъектом противодействия в установлении истины. Достижению в этой части отношений между допрашивающим лицом и допрашиваемым экспертом содействовало иное законодательство, в том числе и правило ст. 6 Конституции СССР о ядре политической системы, образуемом Коммунистической партией Советского Союза, которая ориентировала все правоохранительные органы (как предварительного следствия, так и экспертные учреждения) на установление истины в уголовном судопроизводстве, что создавало ясность отношений в уголовном судопроизводстве.

Современная теория уголовного судопроизводства несколько иначе подходит к рассмотрению исследуемой проблемы.

Проведенным нами анализом научных статей о допросе эксперта в предварительном расследовании в Научной электронной библиотеке «eLIBRARY.RU» установлено, что лишь отдельные авторы (и то лишь в части) подходят к допросу эксперта как к правовым отношениям. Так, Л. И. Ильницкая и Н.В. Савельева, например, пишут о недостаточности субъективных прав невластных участников предварительного расследования в допросе эксперта⁵¹. Данными авторами подчеркивается та регулятивная ситуация, которую мы изложили выше при описании нормативной базы нашего исследования, в которой невластные участники (защитник, обвиняемый) рассматриваются лишь в качестве носителей права на заявление ходатайства о допросе эксперта, но не права участия в этом допросе (права на вопросы эксперту в ходе его допроса).

При этом в современной науке уголовного процесса достаточно солидарно многие исследователи рассматривают основным элементом допроса эксперта задаваемые вопросы⁵². Подобное является основой и нашей позиции, представленной в предыдущих работах по данной теме.

Фокусировка допроса эксперта на вопросах, задаваемых носителю специальных знаний, позволяет конкретизировано рассмотреть уголовно-

---

⁵¹ См.: Ильницкая Л.И., Савельева Н.В. О необходимости закрепления процессуальных прав участников в ходе допроса эксперта на предварительном расследовании // Право и государство: теория и практика — 2018. — № 2 (168). — С. 140–141.

⁵² См., напр.: Неймарк М.А., Гавло В.К. Особенности допроса специалистов и экспертов по делам о хищениях денежных средств в сфере банковского кредитования // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2006. — № 10. — С. 61–64; Гайнелъзянова В.Р. Особенности допроса специалиста и эксперта в процессе расследования уголовного дела // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 2(93). — С. 315–317.

процессуальную активность сторон (содержание уголовно-процессуальных отношений).

В статье Л.И. Ильницкой и Н.В. Савельевой отмечается сосредоточенность российского законодателя на использовании вопросов в допросе, прежде всего, лицом, осуществляющим предварительное расследование, и умолчанием законодателя относительно прав защитника (обвиняемого) на постановку вопросов эксперту⁵³. Такой подход базируется на диспозиции нормы ст. 205 УПК РФ. По этой причине указанные соавторы отчасти правы. Однако надо учитывать то обстоятельство, что обвиняемый имеет право на использование тех средств, которые прямо не запрещены УПК РФ (п. 21 ч. 4 ст. 47). К таким средствам относятся и вопросы обвиняемого, которые он может задать эксперту в ходе допроса последнего. Защитник также вправе задавать вопросы допрашиваемым лицам в тех действиях, об участии в которых ходатайство защитника или обвиняемого удовлетворено (ч. 2 ст. 53 УПК РФ). В принципе право на вопросы эксперту обвиняемого или защитника (пусть и не явным образом) допускается, однако реализация этого права связывается с усмотрением следователя. Это усмотрение имеет два этапа: первый, когда следователь удовлетворяет или отказывает в удовлетворении ходатайства обвиняемого или его защитника об участии в допросе; второй, когда следователь снимает вопрос защитника (обвиняемого) или оставляет его для ответа эксперта.

С.В. Немира, исследуя ту же объектную область, что и предыдущие авторы, фиксирует отсутствие субъективного права невластных участников на вопросы эксперту в ходе допроса последнего, называя по этой причине нормы ч. 1 ст. 205 УПК РФ декларативными⁵⁴. Конечно же, в ситуации регулирования, когда законодатель в ч. 1 ст. 205 УПК РФ, связывает правила допроса лишь с реализацией уголовно-процессуальной активности следователя, не упоминая обвиняемого и его защитника, возникают явные трудности стороны защиты для участия в допросе эксперта. Модель состязательного допроса эксперта в предварительном расследовании (в части предоставления стороне защиты соответствующих прав) не реализуется. В законе консервативно заимствована та модель регулирования, которая предусматривалась в ст. 192 УПК РСФСР 1960 г., но которая не базировалась на принципе состязательности сторон.

Несостязательное правосознание лиц, осуществляющих предварительное расследование, практически влечет процессуальную ситуацию, когда следователи (иные лица, уполномоченные на производство следствен-

---

⁵³ См.: Ильницкая Л.И., Савельева Н.В. О необходимости закрепления процессуальных прав участников в ходе допроса эксперта на предварительном расследовании. // Право и государство: теория и практика — 2018. — № 2 (168). — С. 140–141.

⁵⁴ См.: Немира С.В. Допрос эксперта как способ проверки его достоверности / С.В. Немира // Общество и право. — 2012. — № 2(39). — С. 172–177.

ных действий и принятие процессуальных решений) исключают участие защитника (обвиняемого) в допросе эксперта, проводимого по ходатайству данных лиц. Эмпирические исследования И.А. Суровенко подтверждают это⁵⁵. Такая позиция видится закономерной. Современный следователь, осуществляя уголовное преследование, преимущественно ориентируется на функцию обвинения.

Разделение уголовно-процессуальной деятельности на функциональные сегменты во всем имеет существенное значение. Следуя правилам уголовно-процессуального закона (ч. 1 ст. 205 УПК РФ) в науке уголовного процесса считается, что предмет допроса эксперта связан с его заключением. Все вопросы, которые можно задавать эксперту, имеют свою основу (повод) в заключении эксперта. Так считают В.К. Гавло, М.А. Неймарк, С.В. Немира⁵⁶. Отдельные авторы расширяют предмет допроса эксперта на все исследование, выполненное экспертом, что мы видим, например, у Г.Н. Назаркуловой⁵⁷. Из этого следует, что все вопросы, которые могут задавать лица, осуществляющие предварительное расследование, и участники — носители функции защиты должны быть разными, но все о заключении эксперта. Закон подчеркивает это указанием на реализацию в ходе допроса эксперта процессуальной задачи разъяснения заключения (ч. 1 ст. 205 УПК РФ). Содержательное различие вопросов есть проявление состязательности сторон, а использование в допросе лишь односторонних вопросов следователя — розыскного начала.

Однако необходимо учитывать то, что в любом случае экспертное задание в постановлении о назначении экспертизы; объекты, представляемые эксперту для исследования; лица, которым поручается производство экспертизы — доминирующая процессуальная компетенция следователя. Субъектом принятия этих процессуальных решений и совершения процессуальных действий является лицо, осуществляющее предварительное расследование. Носитель специальных знаний, производя экспертное исследование и следуя экспертному заданию следователя, формулирует свои выводы в заданных следователем пределах.

---

⁵⁵ См.: Суровенко И.А. Ошибки при назначении экспертиз и допросе эксперта в досудебном производстве по уголовному делу // Криминалистика — наука без границ: традиции и новации: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 ноября 2020 года / Составители: А.В. Бачиева, Э.В. Лантух. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. — С. 303–306.

⁵⁶ См.: Неймарк М.А., Гавло В.К. Особенности допроса специалистов и экспертов по делам о хищениях денежных средств в сфере банковского кредитования. — С. 63.; Немира С.В. Допрос эксперта как способ проверки его достоверности. — С. 174.

⁵⁷ См.: Назаркулова Ч.Н. Допрос эксперта и специалиста при расследовании преступлений, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной или межрегиональной ненависти или вражды // Вестник Российского университета кооперации. — 2016. — № 4(26). — С. 125.

Предмет допроса эксперта, таким образом, определяется субъективным восприятием заключения эксперта следователем. Неясный фрагмент заключения, детерминируется материалами и перечнем вопросов, представленных следователем, отсутствием компетенций следователя в использованной при производстве экспертизы научной отрасли и т. п. Из этого следует, что предмет допроса эксперта следователь определяет субъективно, в аспекте реализации функции обвинения. Парадокс же в том, что следователь уже использовал свое право на применение специальных знаний при назначении судебной экспертизы, не настала ли очередь стороны защиты проверить на данном этапе предварительного расследования полученные результаты?

Фактически разнопредметное проведение допроса эксперта, если в нем не участвует защитник или обвиняемый, оказывается невозможным. Построение реальных правовых отношений в ходе допроса эксперта, если в нем не участвует защитник (обвиняемый), не позволяет реализовать состязательность сторон. Вновь можно констатировать, что модель института допроса эксперта по правилам ст. 205 УПК РФ не соответствует модели допроса эксперта, базирующейся на положениях принципа ст. 15 УПК РФ.

Логично, что российские ученые-процессуалисты не касаются проблем участия в допросе эксперта в стадии предварительного расследования суда, поскольку законом подобное не предусматривается. Получается, что отечественная доктрина пока не сформулировала для себя научную задачу о понимании допроса эксперта в предварительном расследовании как фрагмента уголовного процесса, предполагающего трехсубъектность (трехсторонность) правовых отношений состязательного типа уголовного процесса.

По этой причине в работах, которые мы изучили при подготовке настоящей статьи, систематически проявляются и следующие суждения.

Ряд авторов (Л.И. Ильницкая, Н.В. Савельева) видят в допросе эксперта возможность решения процессуальной задачи оценки заключения эксперта⁵⁸. Надо полагать, однако, что оценка всех доказательств (если не оговаривается ее предназначение для принятия локальных процессуальных решений) есть компетенция суда. Именно суд, с одной стороны, подводя итог уголовного процесса, оценивает доказательства, включая заключение эксперта. Примечательно, что законодатель подчеркивает это, определяя правила оценки доказательств в нормах ч. 1 ст. 88 УПК РФ: «доказательство подлежит *оценке ... для разрешения* уголовного дела (курсив наш. — Л. З.)». Именно в ходе судебного разбирательства уголовного дела, с другой стороны, есть возможность состязательной деятельности, результаты которой объективно дают суду возможность оценить доказательство (в том числе и заключение эксперта).

---

⁵⁸ См.: Ильницкая Л.И., Савельева Н.В. О необходимости закрепления процессуальных прав участников в ходе допроса эксперта на предварительном расследовании. — С. 140.

В этом случае и правовые отношения в допросе эксперта строились бы между тремя субъектами процесса. Для предварительного расследования по уголовному делу предусматривается лишь процедура раскрытия доказательств — заключения и показаний эксперта (п. 6 ч. 1 ст. 198 УПК РФ: право защитника ознакомиться с заключением эксперта и протоколом допроса эксперта), но не исследовать данные доказательства как это предусматривается в нормах ч. 1 ст. 240 УПК РФ для судебного разбирательства.

Если же мы (в силу установленных правил для предварительного расследования) не можем состязательно (противоположными сторонам) исследовать заключение эксперта, то мы не можем и совершить логических операций оценки этого доказательства. Оценка доказательств — это не их процессуальное созерцание, а логическое имплицитное суждение о том, что «если истинно основание суждения, то истинно и следствие суждения» («если ложно основание суждения, то ложно и следствие суждения»). Оценка заключения эксперта — формально-логическая процедура, указанные же авторы в своей теоретической позиции пытаются приспособить для оценки доказательств процедуру проверки доказательств (ст. 87 УПК РФ).

Можно считать, что наш уголовно-процессуальный закон имеет лишь эпигенез норм о состязательности сторон в части использования специальных знаний в предварительном расследовании. При назначении судебной экспертизы следователь обязан ознакомить защитника и обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы, т. е. раскрыть сформулированное экспертное задание — перечень вопросов; представляемые для экспертного исследования объекты; лицо (или организацию), которым поручается производство экспертизы (ст. 195 УПК РФ). Логично было бы для реализации идеи состязательности завершить этап применения специальных знаний участием обвиняемого и его защитника в допросе эксперта в предварительном расследовании, даже в тех случаях, когда он производится по инициативе следователя.

Если же мы не обеспечиваем последнего (не предусматриваем субъективного права невластных участников правовых отношений на свои вопросы эксперту), то, вероятно, у нас нет надлежащих оснований рассматривать предварительное расследование уголовным судопроизводством (уголовным процессом). Это может быть профессиональной деятельностью (условным первым этапом собирания доказательственного материала, в которой не действуют принципы уголовного процесса), близкой по своему содержанию к полицейскому дознанию, не имеющему уголовно-процессуальной формы, системно базирующейся на иных принципах, отличных от предусмотренных в главе 2 УПК РФ.

В итоге мы можем констатировать, что допрос эксперта в предварительном расследовании не позволяет реализовать модель правовых отношений, соответствующих состязательному типу процесса, принципу состязательности

сторон, указывает на коллизионность моделей этих правоотношений, предлагаемых правилами ст. 15 УПК РФ и ст. 205 УПК РФ. Допрос эксперта может быть заменен, например, объяснением эксперта в предварительном расследовании.

Список литературы

1. Гайнельзянова В.Р. Особенности допроса специалиста и эксперта в процессе расследования уголовного дела // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 2(93). — С. 315–317.

2. Далин В.Е. Некоторые вопросы реализации уголовно-процессуальных отношений при производстве следственных действий. // Уголовно-процессуальная деятельность и правоотношения в стадии предварительного расследования. Сб. науч. тр / отв. ред. С.П. Ефимичев. Волгоград, 1981. — 112 с.

3. Ершов В.В. Регулирование правоотношений: монография. М., — РГУП, 2020. — 563 с.

4. Ильницкая Л.И., Савельева Н.В. О необходимости закрепления процессуальных прав участников в ходе допроса эксперта на предварительном расследовании // Право и государство: теория и практика — 2018. — № 2 (168). — С. 140–141.

5. Назаркулова Ч.Н. Допрос эксперта и специалиста при расследовании преступлений, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной или межрегиональной ненависти или вражды // Вестник Российского университета кооперации. — 2016. — № 4(26). — С. 123–129.

6. Неймарк М.А. Особенности допроса специалистов и экспертов по делам о хищениях денежных средств в сфере банковского кредитования // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2006. — № 10. — С. 61–64.

7. Немира С.В. Допрос эксперта как способ проверки его достоверности // Общество и право. — 2012. — № 2(39). — С. 172–177.

8. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. — 8-е изд., перераб. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 784 с. - ISBN 978-5-00156-039-5 — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1902468> (дата обращения: 28.10.2022 г.).

9. Суровенко И.А. Ошибки при назначении экспертиз и допросе эксперта в досудебном производстве по уголовному делу // Криминалистика — наука без границ: традиции и новации: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 ноября 2020 года / Составители: А.В. Бачиева, Э.В. Лантух. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. — С. 303–306.

Институт возвращения уголовного дела судом прокурору в УПК РФ: 20 лет эволюции

Аннотация. В статье описывается история эволюция норм института возвращения судом уголовного дела прокурору с точки зрения изменения и формирования новых оснований и особенностей порядка возвращения под влиянием правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации

Ключевые слова: уголовный процесс, возвращение дела прокурору, препятствия рассмотрения судом.

Shipluk V.A.

Institute of the returning a criminal case by the court to the prosecutor under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: 20 years of evolution

Abstract. The article describes the history and evolution of the norms of the institution of the return of a criminal case by a court to a prosecutor from the point of view of changing and forming new grounds and features of the order of return under the influence of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation

Keywords: criminal procedure, return of the case to the prosecutor, obstacles to consideration by the court.

Институт возвращения уголовного дела судом прокурору, появившийся в отечественном уголовном процессе в связи с принятием и введением в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, вероятно, изначально задумывался законодателем исключительно как механизм устранения формальных недостатков, препятствующих рассмотрению судом уголовного дела по существу. Вместе с тем в настоящее время с учетом 20-летней эволюции института, возможно констатировать, что полной замены ранее действовавшего института возвращения уголовного дела судом прокурору для дополнительного расследования не произошло. Под влиянием правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, формировавшейся судебной практики, направленных на реализацию прав лиц на доступ к правосудию, а по-

---

* Шиплюк Владимир Анатольевич, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент.

Shipluk Vladimir Anatolievich, Associate Professor of the Criminal Procedure Law Department of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor.

терпевших — на возмещение ущерба, причиненного преступлением, институт возвращения уголовного дела судом прокурору претерпел существенные изменения как в части оснований, так и порядка возвращения уголовных дел.

Еще в период действия УПК РСФСР 1960 г. процессуалисты указывали на то, что необходимо отличать направление уголовного дела на дополнительное расследование от иных, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством мер, направленных на устранение недостатков предварительного расследования. Так, О.В. Кузьмина отмечала, что в теории советского уголовного процесса, в уголовно-процессуальном законе и на практике должны быть установлены четкие рамки понятия «дополнительное расследование»; этот термин можно употреблять, когда необходимо дополнительное установление каких-либо обстоятельств по делу, входящих в предмет доказывания; ему не соответствует устранение нарушений уголовно-процессуальной формы при предъявлении обвинения, при окончании предварительного расследования, при составлении обвинительного заключения, при утверждении обвинительного заключения⁵⁹. А.А. Петуховский указывал, что «...необходимо отграничивать направление судом дел на дополнительное расследование и возвращение дела прокурором или судом для пересоставления обвинительного заключения...»⁶⁰. В этой связи предлагалось предусмотреть в законе возвращение уголовных дел не только на дополнительное расследование, но и для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона.

Следует вместе с тем отметить, что современная форма возвращения судом уголовного дела прокурору имеет значительные отличия от направления судом уголовного дела на дополнительное расследование судом. Так, существенно изменились нормы, входящие в него, порядок возвращения уголовного дела и сама сущность данного правового явления. Все перечисленное является результатом изменения процессуальной функции суда.

Наиболее значимые уголовно-процессуальные нормы, регулирующие возвращение уголовного дела прокурору содержатся в статье 237 УПК РФ. Именно в данной статье определяются основания и порядок возвращения судом уголовного дела прокурору.

В первоначальной редакции УПК РФ (до внесения изменений и дополнений Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ) в качестве осно-

---

⁵⁹ См.: Кузьмина О.В. Возвращение уголовных дел на дополнительное расследование из стадии предания суду. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Л. 1987. — С.13.

⁶⁰ См.: Петуховский А.А. Направление уголовных дел на дополнительное расследование и проблемы повышения качества дознания и предварительного следствия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. М. 1991. — С.9.

ваний возвращения уголовного дела судом прокурору были указаны три положения:

1) обвинительное заключение или обвинительный акт составлены с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения или акта;

2) копия обвинительного заключения или обвинительного акта не была вручена обвиняемому;

3) есть необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера.

Позднее в 2003 году перечень был дополнен еще двумя основаниями в новых пунктах 4 и 5 части 1 статьи 237 УПК РФ: «4) имеются предусмотренные ст. 153 УПК РФ основания для соединения уголовных дел; 5) при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные частью пятой статьи 217 УПК РФ». А также и нормами о порядке производства по возвращенному судом уголовному делу, предусмотренными в частях 4 и 5 ст. 237 УПК РФ (действовавшими вплоть до признания их утратившими силу Федеральным законом от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»): «4. Производство каких-либо следственных или иных процессуальных действий, не предусмотренных настоящей статьей, по уголовному делу, возвращенному прокурором, не допускается; 5. Доказательства, полученные по истечении процессуальных сроков, установленных частью второй настоящей статьи, либо при производстве процессуальных действий, не предусмотренных настоящей статьей, признаются недопустимыми».

Положения статьи 237 УПК РФ в различных её редакциях неоднократно являлись предметом проверки Конституционного Суда Российской Федерации, а сам институт возвращения уголовного дела судом прокурору формировался под воздействием таких правовых позиций.

В хронологическом порядке первым из таких значимых решений необходимо указать постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.03 г. № 18-П, которым часть 1 статьи 237 УПК РФ признана не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в ней положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм не исключают правомочие суда по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвратить дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом во всех случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные

нарушения закона, не устранимые в судебном производстве, если возвращение дела не связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия⁶¹. Одновременно данным Постановлением Конституционный Суд Российской Федерации признал ч. 4 ст. 237 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ, отметив, что положение части 4 статьи 237 УПК РФ, не позволяющее осуществлять необходимые для устранения обнаруженных нарушений следственные и иные процессуальные действия, исключает какое бы то ни было эффективное восстановление нарушенных прав участников судопроизводства не только допущенными этими нарушения органами расследования, но и при последующем разбирательстве дела судом, что не согласуется с требованиями независимого, беспристрастного и справедливого осуществления правосудия. Профессор В.П. Божьев отметил, что применение положений постановления Конституционного Суда РФ от 08.12.03 г. № 18-П фактически означает не что иное, как частичное восстановление института возвращения уголовного дела на дополнительное расследование⁶². Уже на этом этапе развития института конституционно-правовой смысл уголовно-процессуальных норм позволил судам возвращать уголовные дела прокурору для устранения существенных нарушений закона, не устранимых в ходе судебного производства. Вместе с тем при вынесении соответствующих решений у судов осталось достаточно много вопросов о том какие именно нарушения могут повлечь возвращение уголовного дела на досудебные стадии, а также о формах и последствиях устранения таких нарушений.

Следующим значимым решением Конституционного Суда Российской Федерации для института возвращения судом уголовного дела прокурору стало Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П⁶³, которым признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации положения пункта 2 части 2 и части 3 статьи 413 и статьи 418 УПК РФ во взаимосвязи с статьей 237 УПК РФ в той части, в какой они позволяют отказывать в возобновлении производства по уголовному делу и пересмотре принятых по нему решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств

---

⁶¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.03 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судом общей юрисдикции и жалобами граждан» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.10.2022 г.).

⁶² См.: Божьев В.П. Правовое регулирование первой стадии судебного производства. // Уголовное право. — 2007. № 6 (ноябрь-декабрь). — С.74

⁶³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.10.2022 г.).

при возникновении новых фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления. Данная правовая позиция была воспринята законодателем лишь в 2013 году с принятием Федерального закона от 26.04.2013 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым ст. 237 УПК РФ дополнена новой частью 1.2, предусматрившей основания для возвращения судом уголовного дела прокурору, связанные с возникновением новых общественно опасных последствий деяния после направления уголовного дела в суд.

Этапом законодательных изменений непосредственно в ст. 237 УПК РФ стало принятие Федерального закона от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым были разрешены некоторые спорные с точки зрения правоприменителей процедурные особенности института. Так, были признаны утратившими силу части вторая, четвертая и пятая ст. 237 УПК РФ, закреплявшие положения о 5-суточном сроке устранения прокурором выявленных судом нарушений, содержавшие запрет на производство каких-либо процессуальных действий, не предусмотренных непосредственно ст. 237 УПК РФ и положения о недопустимости полученных в нарушение указанных норм доказательств. Часть третья ст. 237 УПК РФ, кроме того, дополнена нормами о порядке продления меры пресечения в виде заключения под стражу по правилам ст.ст.108, 109 УПК РФ.

Одним из наиболее важных решений Конституционного Суда Российской Федерации, сформировавшим рассматриваемый институт в современном виде стало Постановление от 02.07.2013 № 16-П⁶⁴, которым признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации положения части 1 статьи 237 УПК РФ, в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с частью 2 статьи 252 УПК РФ, исключают в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоя-

---

⁶⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.10.2022 г.).

тельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления. Данная правовая позиция воспринята законодателем в 2014 году в Федеральном законе от 21.07.2014 № 269-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым часть 1 дополнена новым пунктом 6, предусмотревшим основание для возвращения уголовного дела судом прокурору, бывшее предметом анализа Конституционным Судом Российской Федерации, а также новой частью 1.3, закрепившей процессуальные вопросы вынесения судом таких решений.

Подводя итог, отметим, что институт возвращения судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения за период его 20-летнего существования в российском уголовном процессе претерпел стержневые изменения его сути под воздействием правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. Однако признать, что институт сформировался в окончательном виде вряд ли возможно, так как и действующие нормы ст. 237 УПК РФ критикуются правоприменителями, в том числе с точки зрения необходимости их соответствия назначению уголовного судопроизводства во взаимосвязи с ролью суда в уголовном процессе.

Список литературы

1. Божьев В.П. Правовое регулирование первой стадии судебного производства // Уголовное право. — 2007. № 6 (ноябрь-декабрь). — С.70-74.
2. Кузьмина О.В. Возвращение уголовных дел на дополнительное расследование из стадии предания суду. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук, Ленинград, ЛГУ им. А.А. Жданова 1987. — 16 с.
3. Петуховский А.А. Направление уголовных дел на дополнительное расследование и проблемы повышения качества дознания и предварительного следствия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.09 / Акад. МИД СССР. — Москва, 1991. — 21 с.

К вопросу о возможности опроса присяжных заседателей в суде первой инстанции

Аннотация. В соответствии с решением Конституционного Суда Российской Федерации суд апелляционной инстанции может заслушать объяснения присяжных заседателей, чтобы разрешить сомнения в справедливости, безупречности и правосудности судебного решения, однако в теории и практике возникают проблемы применения этой нормы. В статье ставится вопрос о необходимости выработки четкой процедуры получения объяснений присяжных заседателей. Рассматривается возможность получения таких объяснений в суде первой инстанции.

Ключевые слова: апелляционная инстанция суда, объяснения присяжных заседателей, правосудность судебного решения.

Sidorenko E.V.

On the question of the possibility of questioning jurors in the court of first instance

Abstract. In accordance with the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation, the court of appeal may hear the explanations of jurors in order to resolve doubts about the fairness, flawlessness and justice of the judicial decision, but in theory and practice there are problems with the application of this rule. The article raises the question of the need to develop a clear procedure for obtaining explanations from jurors. The possibility of obtaining such explanations in the court of first instance is being considered.

Keywords: court of appeal, explanations of jurors, justice of the judgment.

УПК РФ содержит указание на возможность участникам уголовного судопроизводства давать объяснения как на досудебной, так и на последующих стадиях (например, ст. 46, 47, 144, 399, 400, 437, 473 и др. статьи УПК РФ).

Мы придерживаемся мнения, что объяснение не может являться доказательством, так как не отвечает требованиям, предъявляемым к доказательствам.

---

* Сидоренко Елена Васильевна, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук.

Sidorenko Elena Vasilyevna, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law.

Существует проблема использования таких объяснений в качестве доказательств в суде, в том числе оглашение подобных объяснений в порядке ст. 285 УПК РФ под видом «иного документа» в случае невозможности в дальнейшем допросить лицо, давшее объяснение⁶⁵.

Уголовно-процессуальное законодательство знает способ использования объяснения в уголовном процессе в случаях, не связанных с вопросами доказывания вины. Так, например, право дать объяснения предусмотрено законодателем в случаях заявления отвода судьё. Согласно ч. 2 ст. 65 УПК РФ, «судья, которому заявлен отвод, вправе до удаления остальных судей в совещательную комнату публично изложить свое объяснение по поводу заявленного ему отвода». Особо отметим, что дать объяснение — это право судьи, а не обязанность.

Очевидно, что и присяжный заседатель, на которого в период исполнения обязанностей распространяются все гарантии правового статуса судьи, как судья должен иметь право изложить свою позицию по поводу заявленного ему отвода. Однако правила ч. 4 ст. 333 УПК РФ, регулирующие вопросы отстранения присяжного заседателя по инициативе судьи или по ходатайству сторон в случае нарушения требований, предусмотренных ч. 2 ст. 333 УПК РФ, не содержат указаний о том, что присяжный заседатель имеет право дать объяснения.

Судьи, рассматривавшие уголовные дела с участием присяжных, в беседах, ссылаясь на нормы ст. 333 УПК РФ в сочетании со ст. 65 УПК РФ, исходя из того факта, что присяжные заседатели в период исполнения своих обязанностей, являются судьями, в личных беседах высказывали мнение о необходимости предоставить право давать присяжным объяснения в случае заявления им отвода. Тем более, что по мнению судей, такие объяснения адресуются не только председательствующему судье, который решает вопрос об обоснованности отвода, но и вышестоящему суду для последующей проверки решения, которым был разрешен отвод присяжному заседателю, на предмет законности и обоснованности.

Представляется, что таким правом присяжный заседатель должен быть наделен в обязательном порядке, поскольку оценка таких объяснений позволит принять справедливое решение об отстранении присяжного заседателя от дальнейшего участия в рассмотрении дела, или об отказе в отстранении, и это может отразиться на законности состава суда, на справедливости и правосудности итогового решения.

Конституционный Суд РФ в своём Постановлении от 7 июля 2020 года № 33-П ввёл понятие «пояснение» и разъяснил, что суд апелляци-

---

⁶⁵ Конин В.В., Сидоренко Е.В., Суханкина Л.И. Доказательственное значение объяснений в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2021. — № 1. — С. 83-90.

онной инстанции может заслушать такие пояснения присяжных заседателей, чтобы разрешить сомнения «в справедливости, безупречности и правосудности судебного решения»⁶⁶. Вопрос возник в связи с необходимостью проверки фактов о возможном нарушении тайны совещательной комнаты, попытки воздействовать на присяжных заседателей при принятии ими решения, голосовании. Конституционный Суд РФ рассматривал пояснения присяжного заседателя в суде апелляционной инстанции не как новое доказательство, исключительно как средство, позволяющее апелляционному суду сделать обоснованный вывод о законности вынесенного вердикта, поскольку в предмет доказывания, предусмотренный ст. 73 УПК РФ, не входит обстоятельство доказывания законности состава суда и обоснованности вынесенного решения.

Практика показывает, что существует потребность такой проверки не только в суде апелляционной инстанции, но и при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции.

Поскольку законодателем или Верховным Судом РФ не выработана четкая процедура получения объяснений и пояснений присяжных заседателей, на практике возникают сложности их правоприменения.

Примером может служить Постановление Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2022 года № 35-П⁶⁷.

В 2020 году Брянский областной суд на основании вердикта присяжных заседателей приговорил В. Борисова к лишению свободы на 17 лет, штрафу в 200 000 руб. и ограничению свободы на 1,5 года. Защита обжаловала приговор со ссылкой на письменные утверждения присяжных об оказанном на них воздействии со стороны старшины. Для проверки этих сведений суд апелляционной инстанции поручил областному суду опрос коллегии присяжных. Поручение исполнил судья, председательствовавший при рассмотрении уголовного дела. Объяснения дали пять основных присяжных и двое запасных. Трое присяжных отказались от дачи объяснений.

В ходе апелляционного разбирательства после оглашения объяснений присяжных, опроса одного присяжного и старшины защита просила о вызове в заседание еще восьми присяжных. Однако суд в этом ходатайстве отказал и решил, что сведения о предполагаемых нарушениях закона при вынесении

---

⁶⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2020 года № 33-П по делу о проверке конституционности п.1 ч.3 ст. 56 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Р.А. Алиева — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2022 г.).

⁶⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2022 года № 35-П "По делу о проверке конституционности частей 1, 2, пункта 1 части 3 статьи 56 и статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина В.И. Борисова" — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2022 г.).

вердикта не нашли подтверждения. Вышестоящие судебные инстанции согласились с данным выводом.

В своем Постановлении Конституционный Суд РФ подтвердил правомочие суда апелляционной инстанции по обоснованному ходатайству стороны, оспаривающей приговор, постановленный судом с участием присяжных, пригласить присяжных в судебное заседание для выяснения обстоятельств предполагаемого нарушения тайны их совещания или иных нарушений уголовно-процессуального закона при обсуждении и вынесении вердикта, но предполагает именно их право, а не обязанность дать пояснения суду апелляционной инстанции по поводу таких обстоятельств, не разглашая при этом сведения о суждениях, имевших место во время совещания, высказанное в Постановлении от 7 июля 2020 года № 33-П.

При этом следует иметь в виду, что требования инстанционности уголовного судопроизводства исключают выполнение судом первой инстанции процессуальных действий и принятие процессуальных решений после завершения им производства по делу, когда его итоговые решения оспорены и подлежат проверке в вышестоящем суде и тем более само дело уже находится в таком суде. Это обусловлено как самой логикой уголовного процесса, так и необходимостью не допустить коррекцию судом своих действий и решений, в сохранении юридической силы которых он заинтересован и правомерность которых подлежит оценке вышестоящим судом⁶⁸.

Вынесение судом апелляционной инстанции решения без непосредственного выяснения обстоятельств предполагаемого нарушения, в том числе путем приглашения им лиц, участвовавших в деле в качестве присяжных, для дачи ему пояснений — противоречило бы требованиям непосредственности и устности судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции. В этом смысле значимым является и то, что стороны могут задавать данным лицам вопросы и реакция на них вносит свой вклад в формирование того внутреннего убеждения, на основе которого суд выносит свои решения.

Кроме того, получение судом первой инстанции объяснений от присяжных по запросу суда апелляционной инстанции в связи с подготовкой последним дела к слушанию способно затруднить получение информации от этих лиц уже в качестве доказательств: они могут счесть свой гражданский долг — содействовать установлению истины — исполненным после дачи объяснений в нижестоящем суде и в судебное заседание по приглашению су-

---

⁶⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2017 года № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Савченко» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2022 г.).

да апелляционной инстанции не явиться, имея в виду отсутствие у них соответствующей обязанности.

В итоге мы снова приходим к выводу о необходимости выработки законодательной позиции или позиции Верховного Суда РФ о процедуре получения объяснений и пояснений присяжных заседателей.

Список литературы

1. Конин В.В., Сидоренко Е.В., Суханкина Л.И. Доказательственное значение объяснений в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2021. — № 1. — С. 83-90.

Белоковылский М.С.*

Актуальные вопросы допустимости уголовно-процессуальных доказательств, полученных в результате применения специальных познаний

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам регламентации уголовно-процессуальных доказательств, полученных с применением специальных познаний. Автор анализирует значение проблем правового регулирования процедуры назначения судебной экспертизы для оценки допустимости заключения эксперта.

Ключевые слова: доказательство, допустимость доказательств, заключение эксперта, назначение судебной экспертизы, судебная экспертиза, уголовный процесс.

Belokovylsky M.S.

Current issues of the admissibility of criminal procedural evidence obtained as a result of special knowledge use

Abstract. The article is devoted the actual questions of law regulation of criminal evidences, contained with the usage of special knowledge. The Author analyzes the law regulation of procedure of ordering of expert assessment for the appraisal of admissibility of expert opinion.

Keywords: evidence, admissibility of evidences, expert opinion, ordering of expert assessment, forensic examination, criminal process.

Несмотря на то, что прошло почти десять лет после последних законодательных изменений процедуры проведения судебной экспертизы, новеллы

---

* Белоковылский Максим Сергеевич, адвокат Первомайской коллегии адвокатов г. Ижевска.

Belokovylsky Maxim Sergeevich, a Lawyer of the Pervomaisky Bar Association of Izhevsk-city.

до сих пор нуждаются в осмыслении. Не достигнуто единообразного понимания и по ряду иных положений правового регулирования применения специальных познаний в уголовном судопроизводстве.

Итак, что же нового в использовании специальных познаний в уголовном судопроизводстве произошло за последние десять лет?

Во-первых, необходимо упомянуть новую редакцию ч.1 ст. 144 УПК РФ, существенно расширившую возможность доказывания на стадии возбуждения уголовного дела. Попытки, правда не всегда последовательные, расширить возможности получения доказательств на данной стадии, законодатель предпринимал с момента принятия УПК РФ. Примером этого является его стремление закрепить в ч. 4 ст. 146 УПК РФ в первоначальной редакции возможность освидетельствования и назначение судебной экспертизы на данной стадии, а затем исключение назначения судебной экспертизы Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации».

Наконец, Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» была принята редакция ч. 1 ст. 144 УПК РФ, позволяющая дознавателю, орган дознания, следователю, руководителю следственного органа на стадии проверки сообщения о совершении преступления не только производить осмотр места происшествия не только в случаях, не терпящих обстоятельств (данная оговорка, содержащаяся в ч. 2 ст. 176 УПК РФ, впрочем, никогда не стеснявшая правоприменителя, исчезла), но также и иные следственные действия, такие как получение образцов для сравнительного исследования, производства осмотра документов, предметов, трупов (что ранее делали в рамках осмотра места происшествия) также назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок.

Помимо этого, указанные должностные лица и органы вправе на данной стадии производить иные процессуальные действия, направленные на получение доказательств: истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ; требовать производства документальных проверок; требовать производства ревизий; требовать исследования документов; требовать исследования предметов; требовать исследования трупов.

Ч. 1 ст. 144 УПК РФ позволяет лицу или органу, проводящем проверку сообщения о преступлении, привлекать к участию в этих действиях специалистов.

Также лицам и органам, ведущим проверку о совершении преступления, дозволено получать объяснения.

В соответствии с ч. 2.1 ст. 144 УПК РФ, если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению.

Какова практическая ценность данных новелл в аспекте расширения возможностей специальных познаний в уголовном процессе?

На первый взгляд, они выглядят позитивными (в основном, это относится к возможности назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела), расширяют набор средств доказывания на стадии проверки сообщения о преступлении, следовательно, повышают вероятность принятия на данной стадии законного и обоснованного итогового решения. Кроме того, они призваны реализовать предложения ряда процессуалистов [2; 3] по поводу устранения имеющейся двойственности доказывания при помощи специальных познаний (сначала при помощи исследования на стадии проверки сообщения о совершении преступления, а второй раз повторно, после возбуждения уголовного дела, на стадии предварительного расследования).

С другой же стороны, назначение и производство судебной экспертизы, результатом которой является такое важное (в глазах ряда правоприменителей своего рода современная «царица доказательств») доказательство, как заключение эксперта, на стадии возбуждения уголовного дела, где еще не определен статус участников процесса, чреват нарушением их прав, предусмотренных законом на этапе назначения судебных экспертиз (для подозреваемых, обвиняемых, их защитников и представителей в ст. 198 УПК РФ).

Законодатель разрешает эту коллизию положением, введенным Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ, дополнившим статью 144 УПК РФ частью 1.2, согласно которой, если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению.

Рассмотрим, насколько это решение эффективно?

Практика показывает, что данное положение, в свою очередь, порождает новые проблемы. Суть их в следующем:

Во-первых, правоприменитель далеко не всегда пользуется своим правом назначать судебную экспертизу. И дело тут не только в пресловутой инерции правоприменителя. Причем это касается не только экспертиз, подэкспертными в которых являются живые лица (психиатрические, психологиче-

ские, медицинские), процессуальный статус которых на этапе возбуждения уголовного дела еще не определен, и от статуса зависит сама возможность производства такого рода экспертиз (согласие и несогласие).

И это несмотря на то, что Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ дополняет ч. 4 ст. 195 УПК РФ, обуславливающую производство судебной экспертизы в отношении потерпевшего и свидетеля дачей согласия указанных лиц или их законных представителей указанием на то, что судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела. Т.е. своего рода подсказка неразборчивому правоприменителю о том, чтобы это положение он толковал данное положение как исключение из общего правила, назначал судебную экспертизу на стадии возбуждения уголовного дела, не стесняясь требованием согласия подэкспертного.

Касаясь этого дополнения, необходимо отметить, что оно содержит в себе внутреннее противоречие: как можно выяснить, согласны ли потерпевший, свидетель или их законные представители на производство судебной экспертизы в отношении них на стадии возбуждения уголовного дела, если на этой стадии потенциальные подэкспертные еще не обладают соответствующим процессуальным статусом?

Применительно к данным случаям (где подэкспертными являются живые лица и возможность производства указанных экспертиз зависит от волеизъявления последних) производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела особенно угрожает нарушением прав граждан, нарушением, которое не может быть компенсировано последующим правом на назначение повторной или дополнительной экспертизы по ходатайству заинтересованного лица. В связи с этим неиспользование правоприменителем права о назначении таких экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела понятно и оправдано.

Чем обусловлено такое слабое желание правоприменителя назначать судебные экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела?

Представляется, что ответ лежит в следующем. Смоделируем ситуацию. Подозреваемый (обвиняемый), их защитник, потерпевший, их законные представители, недовольные произведенной судебной экспертизой, произведенной на стадии возбуждения уголовного дела, обращаются с ходатайством о назначении повторной экспертизы (т.е. к экспертам той же специальности, что и первоначальная экспертиза и по тем же вопросам).

Категорический характер формулировки части 1.2 ст. 144 УПК РФ говорит о том, что ходатайство о назначении повторной судебной экспертизы должно быть удовлетворено правоприменителем безоговорочно, без каких-либо изъятий (т. е. всю просительную часть ходатайства целиком).

Это означает, что если вопросы в ходатайстве о назначении повторной судебной экспертизы а priori совпадают с поставленными перед экспертом при назначении первоначальной судебной экспертизы (впрочем, они могут быть дополнены новыми вопросами, которые также должны быть переданы на рассмотрение эксперта, производящего повторную экспертизу в силу того же положения части 1.2 ст. 144 УПК РФ), то кандидатура эксперта (экспертов) уже не будет совпадать в силу категорического требования ч. 2 ст. 207 УПК РФ. Что касается экспертного учреждения (ч. 1 ст. 198 УПК РФ), представляемых на экспертизу объектов и пр., вопросов, могущих содержаться в ходатайстве о назначении судебной экспертизы, то они также могут не совпадать с теми, что были при производстве первоначальной судебной экспертизы.

Таким образом, назначать судебную экспертизу на стадии возбуждения уголовного дела для правоприменителя — подвергать себя риску получить заключение повторной экспертизы, не совпадающее по выводам с первоначальным заключением, содержание которого обычно легко спрогнозировать.

Особенно такая вероятность высока в отношении тех видов экспертиз, у которых отсутствует единая, признанная научным и экспертным сообществом, это относится к экспертизам социально-гуманитарного цикла (лингвистических, религиоведческих, политологических и т. п.), которые судебная практика признает необходимыми по уголовным делам по обвинению, в частности, в экстремистской деятельности, о разжигании возбуждении ненависти или вражды и т. п.

Таким образом, решив воспользоваться правом назначать судебную экспертизу на стадии возбуждения уголовного дела, правоприменитель рискует получить два заключения экспертов (полученных в результате экспертизы, проведенной на стадии возбуждения уголовного дела и проведенной на стадии предварительного расследования), с различными выводами и, как следствие этого, необходимость назначать третью.

Во-вторых, нечастое использование права назначать судебную экспертизу на стадии возбуждения уголовного дела обусловлено тем, что наряду с назначением судебной экспертизы на данной стадии законодатель легализовал и ранее практиковавшиеся и не имевшие процессуального статуса внеэкспертные исследования, обозначив их в ч. 1 ст. 144 УПК РФ как документальные проверки, ревизии, исследования документов, предметов, трупов, требовать производство которых вправе лицо или орган, проводящее проверку.

При этом законодатель не разграничил, в каких случаях необходимо проводить исследования, а в каких назначать и проводить судебную экспертизу.

Не прояснил данную ситуацию и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам»⁶⁹.

Ситуация еще более осложняется неразрешенным законодателем вопросом: каков процессуальный статус лица, проводящего подобные исследования?

В той же ст. 1 ст. 144 УПК РФ вроде бы содержится ответ на этот вопрос: после перечисления следственных и иных процессуальных действий, направленных на получение доказательств, на производство которых уполномочено лицо (орган), проводящее проверку сообщения о преступлении (т.е. в том числе, и на исследования), закрепляется право привлекать к участию в этих действиях специалистов.

Однако, если речь идет о специалисте в процессуальном смысле этого слова, права и обязанности которого закреплены в ст. 58 УПК РФ, то возникает противоречие.

Из содержания УПК РФ явствует, что лишь эксперты, но отнюдь не специалисты правомочны проводить исследования. Правовая позиция Верховного Суда РФ, сформулированная в п. 1 Постановления Пленума от 21.12.2010 № 28 (с изм. и доп.) «О судебной экспертизе по уголовным делам», подтверждает это: «Обратить внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Если же проведение исследования не требуется, то возможно привлечение к участию в судебном разбирательстве специалиста в порядке, предусмотренном частями 3 и 4 статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ).

Получается, что данный тезис не охватывает все случаи участия специалиста в уголовном процессе.

И, наконец, в третьих, разрешение коллизии между процессуальной экономией (ликвидацией удвоения при использовании специальных познаний) и соблюдением прав граждан-участников уголовного судопроизводства в виде обязательного удовлетворения ходатайства стороны защиты и потерпевшего о назначении повторной и дополнительной экспертизы (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ) влечет за собой опасность размывания понятия повторной экспертизы.

---

⁶⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

По сути, в ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ законодатель предлагает нам третье основание назначения повторной экспертизы.

Напомним, легальное определение, и традиционное для российского уголовного процесса, повторной судебной экспертизы дано в ч. 2 ст. 207 УПК РФ, согласно которому повторная экспертиза — судебная экспертиза, назначаемая в случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту.

Итак, причины назначения повторной экспертизы — субъективные (сомнения правоприменителя в обоснованности заключения эксперта) и объективные (наличие противоречий в выводах эксперта или экспертов).

Требования же к процедуре проведения повторной экспертизы — по кругу вопросов (по тем же вопросам, что были поставлены перед экспертом при производстве повторной) и по субъектному составу (производство повторной судебной экспертизы должно быть поручено иному эксперту, нежели тому, который проводил первоначальную судебную экспертизу).

Смысл требования о производстве повторной экспертизы другим экспертом (экспертами) — не допустить опасности того, чтобы вместо объективного, полного, всестороннего нового исследования представленных объектов, эксперт вольно или невольно не стал отстаивать ранее сформулированные им выводы.

Соответственно, специфика назначения и производства судебной экспертизы обусловлена лишь ее повторностью, т.е. существованием ранее проведенной (проведенных) судебной экспертизы (экспертиз), но не стадией, на которой она производится.

Тем не менее законодатель в ч. 4 ст. 283 УПК РФ, по сути, формулирует еще одно определение повторной судебной экспертизы, специально применительно к стадии судебного разбирательства: «Суд по ходатайству сторон либо по собственной инициативе назначает повторную либо дополнительную судебную экспертизу при наличии противоречий между заключениями экспертов, которые невозможно преодолеть в судебном разбирательстве путем допроса экспертов».

Иными словами, основание назначения правоприменителем повторной судебной экспертизы лишено какого-либо субъективного аспекта и является простым следствием наличия двух заключений экспертов с противоположными выводами.

Непонятно, как действовать суду, если он усмотрит основания для назначения повторной экспертизы, предусмотренные в ч. 2 ст. 207 УПК РФ, если в деле имеется лишь одно заключение эксперта?!

К сожалению, Пленум Верховного Суда РФ от 29.06.2021 г., затронув эти вопросы, постановлением № 22, так и не дает на них исчерпывающих ответов, ограничившись новой редакцией пункта 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» следующего содержания: «Согласно части 2 статьи 207 и части 4 статьи 283 УПК РФ при возникновении сомнений в обоснованности заключения эксперта или при наличии в выводах экспертов по тем же вопросам противоречий, которые невозможно преодолеть в судебном разбирательстве путем допроса экспертов, может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту».

Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ несколько искусственно объединил в одно целое два основания назначения повторной судебной экспертизы, предусмотренные законодателем отдельно для стадии предварительного следствия и стадии судебного разбирательства.

Так, остался нерешенным вопрос о том, возможно ли назначение повторной судебной экспертизы на стадии предварительного следствия в связи с наличием противоречий в выводах экспертов, которые невозможно преодолеть в судебном разбирательстве путем допроса экспертов.

Нет ответа на вопрос, о том, возможно ли назначение на стадии судебного разбирательства повторной судебной экспертизы, по основанию, предусмотренному ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, в том случае, если ходатайство потерпевшего или стороны защиты о назначении повторной экспертизы, не было удовлетворено на стадии предварительного расследования, но было вновь заявлено на стадии судебного разбирательства.

Что касается исследований в стадии возбуждения уголовного дела, для которых правоприменителю дозволено привлекать специалистов, то ни УПК РФ, ни Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (с изм. и доп.) «О судебной экспертизе по уголовным делам» ни словом не упоминает о процессуальном результате таких исследований.

Из ч. 3-4 ст. 80 УПК РФ явствует, что результатом процессуальной деятельности специалиста могут быть либо показания, либо заключение. Системный анализ ч. 1 ст. 144, ч. 3 ст. 80 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что результатом произведённых специалистом исследований в стадии возбуждения уголовного дела является заключение.

Однако УПК РФ не содержит какого-либо перечня требований к заключению специалиста, как это сделано применительно к заключению эксперта (ч. 1 ст. 204 УПК РФ). Полагаю, что системный анализ норм УПК РФ позволяет выделить критерии допустимости заключения специалиста: 1) оно должно быть назначено на основании постановления надлежащего субъекта (лица, ведущего проверку сообщения о преступлении); 2)

лицом, обладающих специальными познаниями, которым разъяснены их права и обязанности, предупрежденным об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ; 3) отвечать на поставленные перед специалистом вопросы; 4) быть результатом проведенных исследований; 5) обладать критерием проверяемости (ст. 87 УПК РФ).

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что многозначность правовых терминов, отсутствие единообразной судебной практики в применении специальных познаний в уголовный процесс, помимо прочего, существенно затрудняют оценку допустимости результатов применения этих специальных познаний в качестве доказательств.

Список литературы

1. Дьяконова О.Г. К вопросу о возможности производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2009. № 1. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

2. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. Москва: Проспект, 2011. — 464 с. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

Конин В.В., Корсаков К.А., Сидоренко Е.В. *

Некоторые вопросы судопроизводства по преступлениям, предусмотренным ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ

Аннотация. С развитием информационных технологий заведомо ложная информация распространяется стремительно, её вредные последствия трудно переоценить. В связи с насущной потребностью противостоять этим негативным про-

---

* Конин Владимир Владимирович, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент.

Konin Vladimir Vladimirovich, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor; Корсаков Константин Александрович, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент.

Konstantin Korsakov, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor; Сидоренко Елена Васильевна, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук.

Sidorenko Elena Vasilyevna, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law.

явлениям, стало уделяться внимание и вопросам криминализации распространения заведомо ложной информации. В статье рассматриваются вопросы судопроизводства по преступлениям, предусмотренным ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ.

Ключевые слова: ложная информация, публичность распространения информации, общественно значимые сведения, судопроизводство.

Konin V.V., Korsakov K.A., Sidorenko E.V.

Some issues of judicial proceedings on crimes provided for by articles 207.1, 207.2, 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation

Abstract. With the development of information technologies, deliberately false information is spreading rapidly, its harmful consequences can hardly be overestimated. Due to the urgent need to counter these negative manifestations, attention has also been paid to the criminalization of the dissemination of deliberately false information. The article deals with the issues of judicial proceedings for crimes under Articles 207.1, 207.2, 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: false information, publicity of information dissemination, socially significant information, legal proceedings.

Введение норм ст. 207.1 и 207.2 УК РФ в 2020 году⁷⁰ были вызваны объявлением пандемии в связи с COVID-19 и распространением ложной информации о ней.

Мы согласны с мнением Трахова А.И., Бешуковой З.М., которые полагают, что «в 2020 г. своего рода катализатором установления уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации выступило изображение якобы копии приказа министра обороны Российской Федерации о «введении в г. Москве комендантского часа», появившееся в сети Интернет в середине марта того же года. Вскоре «документ» заполнил современные мессенджеры (WhatsApp, Viber и др.), с использованием которых он распространялся с молниеносной скоростью от пользователя к пользователю. Впрочем, его высокая виральность была вполне очевидна на фоне текущих событий в стране»⁷¹.

---

⁷⁰ Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.10.2022 г.).

⁷¹ Трахов А.И., Бешукова З.М. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43789827_64321572.pdf (дата обращения: 21.09.2022 г.).

После того как была выведена российская вакцина «Спутник V», в сети «Интернет» среди врачей, а также граждан, не связанных с медициной, возникла дискуссия «за» и «против» вакцинации от COVID-19.

Посредством распространения ложной информации о коронавирусной инфекции и вакцинации люди дезинформируют других граждан, тем самым вызывая общественный коллапс и страх. Таким образом, среди населения сеется паника, что может привести к массовой истерии и разрушительным последствиям⁷².

Введение в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) статьи 207.3 в 2022 году⁷³ обусловлено распространением после начала специальной военной операции на территории Украины заведомо ложных сведений относительно действий военнослужащих, участвующих в проведении военной операции, нередко сопровождающихся обвинениями российской стороны в совершении воинских преступлений.

Общими условиями, при которых наступает уголовная ответственность по ст. 207.1 - 207.3 УК РФ, являются публичность и заведомая ложность распространяемой информации. При этом законодатель во всех трёх случаях указывает о распространении ложной информации «под видом достоверной».

Итак, рассматриваемые преступления совершаются в публичном пространстве, чаще всего в сети Интернет, однако, распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации может происходить не только в интернете, но и в публичных выступлениях, например, на митингах, в выступлениях по телевидению или радио и пр.

Если ложная информация распространялась в сети интернет, следует иметь ввиду особенности выемки, осмотра, изъятия компьютерной информации⁷⁴. В случае распространения информации в других публичных пространствах доказательствами могут служить аудио- и видеозаписи, свидетельские показания.

---

⁷² Соболева К.В. К вопросу о необходимости формирования криминалистической характеристики нового состава преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» // Сборник трудов конференции «Актуальные проблемы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Иркутск, 10 декабря 2021. — С. 161.

⁷³ Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.). Статья действует в редакции Федерального закона от 25.03.2022 № 63-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁷⁴ См. об этом Кушниренко С.П., Панфилова Е.И. Тактика изъятия компьютерной информации // Курс криминалистики под ред. д.ю.н. О.Н. Коршуновой, СПб, «Юридический центр», 2016. — С. 685-709.

Субъектами преступлений могут быть как граждане, так и лица, которым информация доступна в силу выполнения своих служебных обязанностей (например, врачи, отрицающие значение вакцинации против COVID-19, или военнослужащие, использующие свое служебное положение и пр.).

В данной группе преступлений в ходе расследования есть сходные и специальные обстоятельства, подлежащие исследованию и доказыванию.

При этом мы не рассматриваем случаи распространения такой информации средствами массовой информации, регулируемые Законом РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 14.07.2022) "О средствах массовой информации"⁷⁵. При формировании изложенного мы учитывали разъяснения, данные Пленумом Верховного суда Российской Федерации⁷⁶.

К сходным относятся следующие обстоятельства:

1. Заведомая ложность информации.

Заведомость, то есть осознание того, что распространяемая информация не соответствует действительности.

Однако в данном случае «заведомость» следует понимать иначе.

Распространение ложной информации, так называемых «фейков», в русском переводе подделок, лжи, представляет опасность для безопасности общества и государства, поэтому общество и государство вправе требовать от распространителей информации, влияющей на их безопасность, проверки такой информации на ее подлинность и соответствия действительности перед тем как она будет распространена.

Следует отличать распространение заведомо ложной информации от обсуждения такой информации в целях её изобличения, выяснения соответствия действительности, влияния на общественное мнение и тому подобных случаях.

Может иметь место и добросовестное заблуждение, когда достоверная информация трансформируется в несоответствующую действительности вследствие индивидуальных особенностей личности либо внешних условий, воздействий, повлиявших на форму восприятия, запоминания и воспроизведе-

---

⁷⁵ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 14.07.2022) "О средствах массовой информации" — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2022 г.).

⁷⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2022 г.); Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016 г.) "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2022 г.); Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности". — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2022 г.).

дения какой-либо информации. Добросовестное заблуждение может возникать и развиваться на всех трёх стадиях формирования распространяемой данной личностью информации.

Во всех трёх случаях указывает о распространении ложной информации «под видом достоверной».

Способы придания заведомо ложной информации достоверного вида могут быть различны, например сфальсифицированные ссылки на компетентные источники, перефразированные высказывания публичных лиц и прочее, использование поддельных видео- и аудиозаписей, фальшивых документов либо записей, якобы имеющих отношение к рассматриваемым событиям.

1. Публичное распространение информации.

В рассматриваемой группе преступлений, под публичностью следует понимать деятельность по распространению ложной информации как в отношении неограниченной группы лиц, так и отдельных физических или юридических лиц.

Необходимо отличать публичность от частного, не общественного, носящего личностный, индивидуальный характер, в то же время, если распространение информации носит качество системности или систематичности, её нельзя рассматривать как частную.

Рассматривая данный вопрос по аналогии с ранее упомянутыми разъяснениями Пленума⁷⁷ Верховного Суда РФ под публичностью, следует понимать «выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам», «обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.п.». «Решая вопрос об использовании средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет" для публичных призывов к совершению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма (часть 2 статьи 205.2 УК РФ), необходимо учитывать положения Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации" и Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информа-

---

⁷⁷ Ст. 18, 19, 21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2022 г.); ст. 4, 7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности" — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2022 г.).

ции"⁷⁸).». «...совершены публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет" (например, выступления на собраниях, митингах, распространение листовок, плакатов, размещение соответствующей информации в журналах, брошюрах, книгах, на сайтах, форумах или в блогах, массовая рассылка электронных сообщений и иные подобные действия, в том числе рассчитанные на последующее ознакомление с информацией других лиц)»).

Основным отличием между рассматриваемыми составами является характер распространяемой информации.

В соответствии со ст. 207.1 УК РФ информация должна представлять угрозу жизни и безопасности граждан.

В примечании к статье 207.1 УК РФ разъяснено, что «обстоятельствами, представляющими угрозу жизни и безопасности граждан, в настоящей статье признаются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения»).

Примером может служить уголовное дело в отношении пассажира авиарейса «Бангкок — Шанхай — Южно-Сахалинск», который на мобильный телефон произвел, а затем распространил на сайте, видеозапись с комментариями о том, что пассажиры были обеспечены средствами индивидуальной защиты лишь по прибытии самолета в город Южно-Сахалинск, а действия представителей государственных органов и учреждений обусловлены желанием ввести в заблуждение население. В ходе следствия установлено, что на самом деле еще в аэропорту города Бангкока (Королевство Таиланд) пассажиры данного авиарейса, выполняемого АО «Авиакомпания Аврора» заранее на безвозмездной основе были обеспечены средствами индивидуальной защиты, в том числе защитными комбинезонами, и проинструктированы о необходимости их использования на протяжении всего полета до пункта назначения. Действия мужчины, безусловно, причинили вред охраняемым уголовным законом отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности. Приговором суда гражданин признан виновным по ст. 207.1 УК РФ, ему назначено наказание в виде крупного штрафа⁷⁹.

---

⁷⁸ Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 № 149-ФЗ. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2022 г.).

⁷⁹ «На Сахалине вынесен первый приговор по уголовному делу о публичном распространении ложной информации о неэффективных мерах борьбы с коронавирусной инфекци-

В ст. 207.2 УК РФ говорится о распространении заведомо ложной общественно значимой информации.

К общественно значимой информации следует относить информацию, которая удовлетворяет потребности граждан в знании и понимании общественных процессов. Это информация, отвечающая актуальным потребностям пользователей. Она способствует обеспечению качества и безопасности жизни человека, реализации его социальной активности. Сюда входят вопросы, связанные с деятельностью государственных и муниципальных органов, социальной защитой граждан, состоянием окружающей среды, организацией здравоохранения.

Заведомо ложная информация, предусмотренная ст. 207.3 УК РФ, должна содержать данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а равно содержащей данные об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации.

Так, П. Мыльников, являясь администратором открытой группы «опубликовал изображения сфальсифицированных текстовых документов Министерства обороны России, а также видеозаписи с информацией, содержащей заведомо ложные сведения о целях, задачах и порядке проведения специальной военной операции на Украине ... Своими действиями он хотел сформировать негативное отношение к армии России, участвующей в спецоперации, а также к российским государственным органам в целом».

Он осуждён Оловянинским районным судом Забайкальского края по ч. 1 ст. 207.3 УК РФ⁸⁰.

Таким образом, не смотря на незначительное количество уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 207.1-207.3 УК РФ, рассмотренных судами в силу незначительного промежутка времени, можно более квалифицированно раскрыть характеристику рассматриваемых преступлений.

Список литературы

1. «Армию дискредитировали на миллион» // Интернет-ресурс URL: www.kommersant.ru (дата обращения: 21.09.2022 г.).

2. Кушниренко С.П., Панфилова Е.И. Тактика изъятия компьютерной информации // Курс криминалистики под ред. док. юрид. наук. О.Н. Коршуновой, СПб, «Юридический центр», 2016. — 649 с.

ей» // Интернет-ресурс СК РФ. — URL: [http:// sledcom. ru/news/item/1465561/](http://sledcom.ru/news/item/1465561/) (дата обращения: 22.09.2022 г.).

⁸⁰ «Армию дискредитировали на миллион» // Интернетресурс www.kommersant.ru (дата обращения: 21.09.2022 г.).

3. «На Сахалине вынесен первый приговор по уголовному делу о публичном распространении ложной информации о неэффективных мерах борьбы с коронавирусной инфекцией» // Интернет-ресурс СК РФ. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1465561/> (дата обращения: 22.09.2022 г.).

4. Соболева К.В. К вопросу о необходимости формирования криминалистической характеристики нового состава преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» // сборник трудов конференции «Актуальные проблемы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Иркутск, 10 декабря 2021. — С. 160-163.

5. Трахов А.И., Бешукова З.М. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43789827_64321572.pdf (дата обращения: 21.09.2022 г.).

Суханкина Л.И., Саяпин В.Г., Степанова В.В. *

Право на справедливое судебное разбирательство (проблемы применения ч. 2 и 2.1 ст. 281 УПК РФ с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы использования при постановлении приговора оглашенных в суде в порядке ч. 2, 2.1 ст. 281 УПК РФ показаний неявившихся потерпевших и свидетелей и их допустимости, реализации права на оспаривание обвиняемым на досудебных стадиях показаний свидетельствующих против него лиц с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: потерпевший, свидетель, оглашение показаний, конвенционное право оспорить показания.

---

* Суханкина Людмила Ивановна, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», Заслуженный юрист Российской Федерации, судья в отставке.

Sukhankina Lyudmila Ivanovna, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation, Retired Judge;

Саяпин Виталий Геннадиевич, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», судья в отставке.

Sayapin Vitaly Gennadievich, Lecturer of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Retired Judge;

Степанова Виктория Викторовна, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», судья в отставке.

Stepanova Victoria Viktorovna, Lecturer of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Retired Judge.

The right to a fair trial (problems of application of Parts 2 and 2.1 of Article 281 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, taking into account legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation)

Abstract. The article contains the problematic issues of using testimonies of victims and witnesses who did not appear and admissibility of those testimonies in the court (in accordance with Part 2, 2.1 of Art. 281 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), the Implementation of the accused rights to challenge the testimony against him at the pre-trial stages, taking into account the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: victim, witness, reading out testimony, conventional right to challenge testimony.

Проблема условий и оснований оглашения в суде показаний, данных потерпевшими и свидетелями в ходе предварительного расследования и не явившимися в судебное заседание, оставалась дискуссионной многие десятилетия как в научном мире, так и среди правоприменителей, споры продолжают до настоящего времени, для чего, очевидно, имеются веские причины. В любом случае необходимость положительного решения вопроса о возможности оглашать в суде показания неявившихся лиц не вызывала сомнений и никем не оспаривалась. Признавая, что оглашение показаний является исключительной мерой и отмечая особую важность этого вопроса, большинство авторов делают вывод о том, что он не нашел должного разрешения в законодательстве. Не следует игнорировать, что показания потерпевших и свидетелей являются по большинству дел основным источником сведений об обстоятельствах преступления, а в отдельных случаях такие показания в значительной мере влияют на итоговое судебное решение о виновности или невиновности подсудимого для постановления приговора именем государства. При таком положении отсутствие четкой правовой регламентации не способствует цели уголовного судопроизводства, сформулированной в статье 6 УПК РФ о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Законодатель всегда уделял внимание этому вопросу и при очевидной сложности его правовой регламентации демонстрировал кардинально отличающиеся подходы. Так, ст. 626 (глава V. раздела 4) Устава уголовного судопроизводства 1864 года не воспрещалось «прочтение» письменных показаний свидетелей, не явившихся в суд, в связи с их смертью, болезнью, а также «совершенной дряхлостью или дальней

отлучкой»⁸¹. УПК РСФСР 1923 года разрешал оглашение показаний неявившихся в суд свидетелей, данных ими на предварительном следствии или на дознании, без каких либо ограничений (ст. 297 УПК РСФСР), в то время как УПК РФ 1960 года позволял такое оглашение лишь «по причинам, исключающим возможность» явки свидетелей, потерпевших в суд» (п. 2 ч. 1 ст. 286 УПК РСФСР). Имплементация норм международного права в российскую правовую систему отразила новый подход к положениям закона о возможности огласить в суде показания неявившихся лиц. Введенным с 1 июля 2002 года в действие УПК РФ предлагалось совершенно иное видение разрешения этой проблемы. Вопрос был урегулирован в значительной степени жестко, в первоначальном варианте (в редакции до 04.07.2003 № 2-ФЗ) дозволялось оглашение показаний неявившихся лиц только при согласии сторон. В.П. Божьев указывал на неоднозначное восприятие этого правила судами. Анализируя практику Верховного Суда РФ, автор приводил примеры прямо противоположных подходов к разрешению проблемного вопроса: в одних случаях суды ориентировались на конституционный принцип о состязательности процесса и субъектах, наделенных полномочиями собирать доказательства, и считали возможным оглашение показаний неявившихся потерпевших и свидетелей без согласия одной из сторон со ссылкой на ст. 15 и ч.1 ст. 86 УПК РФ, отдавая при этом предпочтение общим нормам УПК РФ. В других случаях суды исходили из буквального смысла положений закона, «абстрагируясь» от этого принципа, и руководствовались специальным правилом ч.1 ст. 281 УПК РФ о возможности использования в качестве доказательств показаний неявившихся лиц только с согласия сторон. Автор назвал свое исследование «Разнобоем в применении ч.1 ст. 281 УПК РФ»⁸², при этом обращал внимание на коллизию общих и специальных норм. Однако такое положение в законе просуществовало чуть более года и претерпело изменения: в статье 281 УПК РФ законодатель расширил возможность оглашения показаний неявившихся в суд лиц в силу обстоятельств, исключающих возможность явки, и указанных в пунктах 1-5 части 2 данной статьи, в т.ч. смерть, тяжелая болезнь, отказ иностранного гражданина явиться по вызову суда; стихийные бедствия или иные чрезвычайные обстоятельства, а также невозможность в результате принятых мер установить место нахождения. (№ 92-ФЗ от 04.07.2003). Такая редакция закона вошла в противоречие с нормами международного права и решения судов, основанные на оглашенных в суде по правилам ч. 2 ст. 281 УПК РФ пока-

---

⁸¹Российское законодательство X — XX веков: Судебная реформа. В 9-ти томах. Т. 8 / Отв. ред.: Виленский Б.В.; под общ. ред.: Чистяков О.И. — М.: Юрид. лит., 1991. — <http://lawlibrary.ru/izdanie6508.html>

⁸²Божьев В.П. Разнобой в применении ст. 281 УПК РФ. Законность. 2006. № 6 (860) — С.29-32.

заниях неявившихся лиц, в значительном количестве отменялись ввиду новых обстоятельств, связанных с несоблюдением международных принципов и правил, конвенционных стандартов, в тех случаях, когда обвиняемый был лишен возможности реализовать право задать вопросы показывающим против него лицам или чтобы указанные лица были допрошены. Вновь потребовалось изменение закона, и в редакции от 02.03.2016 № 40-ФЗ в части 2.1 ст. 281 УПК РФ оглашение показаний неявившихся лиц, воспроизведение видеозаписи или киносъемки следственных действий и т.д., (вследствие тяжелой болезни, препятствующей явке в суд; отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову суда; стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд) стало возможным при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. Изменения закона справедливо связывают с поиском разумного баланса при достижении целей уголовного судопроизводства. Однако нововведения вновь породили обоснованную активную научную дискуссию. Вопросы вызвало юридическое значение словосочетания «возможность оспорить», при том, что слово «оспорить» с точки зрения отечественных лингвистов означает «объявить спорным, заявить свое несогласие о чем-нибудь», что не является синонимом конвенционного права, связанного с допросами. Одновременно вставал вопрос о процессуальном механизме и законных способах оспаривания с указанием следственных действий (кроме очной ставки), где такое право может быть реализовано. Разъяснения правовых позиций Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ также не внесли достаточную ясность. Условия правомерности оглашения показаний неявившихся потерпевших и свидетелей назвал Верховный Суд РФ в п. 4 Постановлении Пленума⁸³, где указал на единственное следственное действие на досудебных стадиях, где возможно было «оспорить» сведения, полученные в ходе допроса лиц, показывающих против обвиняемого, и задать им вопросы — это очная ставка. Нам представляется, что такое разъяснение носило достаточно определенный характер. Дополнил условия, позволяющие огласить в суде показания неявившихся лиц, Конституционный Суд РФ в Определении⁸⁴, указав на то, что отсутствие активной формы поведения и без-

---

⁸³Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» — С. 3. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/64775cc017e83233b4b24725792dd1058dba726e/ (дата обращения: 01.10.2022 г.).

⁸⁴Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2017 № 2252-О "По жалобе гражданина Хасенова Ибрагима Насрудиновича на нарушение его конституционных прав частью второй 1 статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291022/ (дата обращения: 01.10.2022 г.).

действие стороны защиты (обвиняемого, защитника) не может расцениваться как непредоставление возможности оспорить показания предусмотренными законом способами, при этом сделан акцент на ст. 159 УПК РФ. Определением создан ориентир для правоприменения. Однако и этими разъяснениями, на наш взгляд, не внесена ясность в основания применения положений ч. 2 и 2.1 ст. 281 УПК РФ. Спорной является возможность ставить в зависимость оглашение в суде показаний неявившихся лиц от наличия (отсутствия) таких ходатайств при ознакомлении с материалами дела. Нам представляется необходимым остановить внимание на наличии или отсутствие реальной возможности получить по заявленному ходатайству положительный результат (очная ставка, допрос, иные «предусмотренные законом способы»). И дело даже не в том, что для реализации этого права требуется возобновление предварительного расследования, а, возможно, и продление срока содержания под стражей. Удовлетворение такого ходатайства на этапе ознакомления с материалами дела напрямую зависит от момента наступления обстоятельств, исключающих возможность допросить показывающих против обвиняемого лиц, и осведомленности органов предварительного расследования о наступлении таких обстоятельств (тяжелая болезнь и другие «случаи», указанные в ч.2.1 ст. 281 УПК РФ). В противном случае заявление соответствующего ходатайства, очевидно, утрачивает всякую актуальность, и в такой ситуации не применимо положение, изложенное в названном Определении Конституционного Суда РФ. С учетом длительности предварительного расследования (в т.ч. в случае особой сложности уголовного дела) вероятность наступления названных последствий к моменту окончания расследования очень велика, и время их наступления — до выполнения требований ст. 217 УПК РФ или после направления дела в суд — должно быть учтено при решении вопроса о возможности оглашения в суде показаний неявившихся лиц. Брусницын Л.В.⁸⁵, кроме того, усматривает негативные последствия не включения в ч. 4 ст. 47 и 217 УПК РФ права допрашивать показывающих против обвиняемого свидетелей или иметь право, чтобы они были допрошены, поскольку это право при неявке свидетелей в суд может быть реализовано исключительно на досудебных стадиях, а статья 281 УПК РФ «адресована» судьям, а не следователям. Такие аргументы нам видятся убедительными.

Предметом активного обсуждения является необходимость определить значимость для итогового решения по делу показаний потерпевших и свидетелей, оглашаемых по правилам ст. 281 УПК РФ. Лукашевич В.А.⁸⁶, анализируя

---

⁸⁵ Брусницын Л.В. К вопросу о надзоре прокурора за соблюдением права обвиняемого допрашивать свидетелей обвинения. Законность. 2022. — № 1 (1047). — С. 42-46.

⁸⁶ Лукашевич В.А. Использование показаний отсутствующих свидетелей: основные принципы в практике Европейского суда. Судья, 2017, — № 4 (36) — С. 48-51.

практику применения норм международного права по исследуемому вопросу и ссылаясь на нее, считает, что в целях вынесения справедливого решения перед оглашением показаний неявившихся лиц судья должен ответить на ряд вопросов, в том числе — «являются ли оглашаемые показания единственным или решающим доказательством против обвиняемого». Если показания относятся к таковым, то принятие решения об их оглашении должно быть поставлено в зависимость от обеспечения права, связанного с допросами. Отсюда следует, что если показания не являются «единственными или решающими», то к обоснованию возможности огласить их можно подойти с меньшей требовательностью. Таким образом, вопрос о степени значимости того или иного доказательства, о том, является ли оно «единственным» «решающим», т.е. как оно может повлиять на решение вопроса о виновности (невиновности) обвиняемого предлагается решить не после исследования всех доказательств по делу, а предрешить его перед принятием решения о возможности огласить показания. Нам такой вывод также представляется весьма спорным, а названные критерии оценки показаний на этапе их исследования — неопределенными. Не «решающее», на первый взгляд, доказательство — показания свидетеля, опровергающее какой-либо довод защиты, может в значительной степени подтвердить или разрушить цепочку доказательств, повлиять на их достаточность. В связи с чем конвенционные правила не разделяют доказательства — показания свидетелей по указанному критерию. Помимо приведенных аргументов, нам представляется необходимым обратить внимание еще на одно обстоятельство, ставящее под сомнение возможность оглашения показаний неявившихся лиц без реализации права их допросить в состязательном процессе. Возвращаясь к первой редакции ст. 281 УПК РФ об оглашении показаний неявившихся потерпевших и свидетелей только при согласии сторон, следует констатировать, что ни одной из сторон эти показания не оспаривались, в частности, не оспаривалась законность их получения (допустимость). При отсутствии согласия стороны на оглашение показаний, напрашивается вывод, что они оспариваются. Уместно вспомнить убедительные аргументы К.Б. Калиновского о презумпции недопустимости доказательств, которой суд обязан руководствоваться⁸⁷. Возникает вопрос, как проверить допустимость показаний неявившихся лиц в их отсутствие. Ответ очевиден — только по внешним признакам, однако, с формальной стороны можно убедиться лишь в том, что в деле имеется документ, именуемый протоколом, что он не имеет внешних признаков нарушения закона. Для оглашения показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе предварительного расследования и не подтвер-

---

⁸⁷Калиновский К.Б. Презумпция недопустимости доказательства, полученного с нарушением уголовно-процессуального закона. // Актуальные проблемы права и судебной власти в современном российском обществе. Материалы конференции. Северо-Кавказский филиал Российской академии правосудия 11 апреля 2008 года. Краснодар, 2009. — С. 34-37.

жденных в суде, законодатель предусмотрел особое правило в п.1 ч.2 ст. 75 УПК РФ, поставив оценку таких показаний по критерию допустимости в зависимости от участия при допросе защитника. Таким образом, законодатель предупреждал возможность получения показаний с применением недозволённых методов. Можно ли полностью и однозначно утверждать, что оглашенные показания неявившихся потерпевших и свидетелей получены в строгом соответствии с законом, если они получены не в состязательном процессе, а в условиях господствующего положения следователя на досудебных стадиях? Для сравнения, до оглашения в суде протокола допроса свидетеля, сославшегося на запоминание событий, следует убедиться, что они допустимы⁸⁸. Если свидетель находится в суде, этот вопрос с той или иной степенью сложности разрешаем. Проверить аналогичным способом допустимость показаний неявившегося свидетеля невозможно, как невозможно убедиться в том, что свидетель вообще допрашивался, что записи в протоколе о правильности фиксации показаний выполнены самим свидетелем. Уместно привести суждения Шейфера С.А о том, что при оглашении показаний, зафиксированных в протоколе допроса, они воспринимаются судом «опосредованно — через восприятие и фиксацию их лицом, осуществлявшим расследование». В заключение отметим, что полученные в ходе предварительного расследования показания не должны исследоваться без проверки законности их получения и не должны быть отвергнуты без достаточных к тому оснований. Лаконичность закона не способствует справедливости принимаемого судом решения, употребление в законе неопределённых понятий порождает обоснованные дискуссии и сложности в правоприменении. В этих условиях необходимо найти такое решение проблемы, которое не подрывало бы назначение уголовного судопроизводства и способствовало разрешению дела в справедливом судебном разбирательстве.

Список литературы

1. Божьев В.П. Разнойой в применении ст. 281 УПК РФ. Законность. 2006. № 6 (860) — С.29-32.
2. Брусницын Л.В. К вопросу о надзоре прокурора за соблюдением права обвиняемого допрашивать свидетелей обвинения. Законность. 2022. № 1 (1047). — С. 42-46.
3. Калиновский К.Б. Презумпция недопустимости доказательства, полученного с нарушением уголовно-процессуального закона. // Актуальные проблемы права и судебной власти в современном российском обществе. Материалы конференции. Северо-Кавказский филиал Российской академии правосудия 11 апреля 2008 года. — Краснодар, 2009. — С. 34-37.

---

⁸⁸Практика применения уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Под ред. председателя Верховного Суда РФ. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2016, — С.109.

4. Лукашевич В.А. Использование показаний отсутствующих свидетелей: основные принципы в практике Европейского суда. Судья, 2017, — № 4 (36) — С. 48-51.

5. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ в 2 ч. Часть 1: практическое пособие / В. М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В. М. Лебедев. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2016. — 231 с. — (Профессиональные комментарии). — ISBN 978-5-9916-7200-9. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/391957> (дата обращения: 23.10.2022 г.).

6. Российское законодательство X - XX веков: Судебная реформа. В 9-ти томах. — Т. 8 / Отв. ред.: Вилен. URL: http://lawlibrary.ru/izdanie_6508.html. (дата обращения: 01.10.2022 г.).

Филатьев В.А.*

Особенности завершения судебного разбирательства в условиях пробельности предварительного расследования

Аннотация. Невосполнимые пробелы предварительного расследования являются существенными процессуальными нарушениями, если они препятствуют принятию правосудного итогового решения. Такое понимание пробелов, однако, не согласуется с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ по вопросам возвращения уголовных дел прокурору — в том их смысле, каким они наделяются в судебной практике. Ставится вопрос о необходимости корректировки этих разъяснений.

Ключевые слова: неэффективность, односторонность и неполнота, пробел предварительного расследования, возвращение уголовного дела прокурору, дополнительное расследование.

Filatiev V.A.

Features of the conclusion of the trial in the context of a gaps in the preliminary investigation

Abstract. Irreparable gaps in the preliminary investigation are significant procedural violations if they impede the adoption of a just final decision. Such an understanding of the gaps, however, is not consistent with the explanations of the Plenum of the Su-

---

* Филатьев Владислав Александрович, аспирант кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, управляющий партнёр АБ «Филатьев, Уваров и партнеры», адвокат.

Filatiev Vladislav Aleksandrovich, Postgraduate student of the Department of Criminal Procedural Law named after N.V. Radutnaya of the Russian State University of Justice, Managing Partner of “Filatiev, Uvarov and Partners”, Lawyer.

preme Court of the Russian Federation on the return of criminal cases to the prosecutor - in the sense that they are given in judicial practice. The question is raised about the need to correct these clarifications.

Keywords: inefficiency, one-sidedness and incompleteness, gap in the preliminary investigation, return of the criminal case to the prosecutor, additional investigation.

Проблемы предварительного расследования являются одной из проблем, с которыми сталкивается суд при рассмотрении и разрешении уголовных дел. Поэтому его способность справляться с данной проблемой имеет важное практическое значение. Вместе с тем осуществление от имени государства уголовного преследования в целях изобличения обвиняемого в совершении преступления по делам публичного и частно-публичного обвинения относится к задачам правоохранительных органов. Поэтому закон не относит пробельность расследования саму по себе к основаниям для возвращения уголовного дела прокурору в целях устранения препятствий его рассмотрения судом (ст. 237 УПК РФ).

Во вновь принятом и введённом в действие с 1 июля 2002 г. УПК РФ институт направления уголовных дел из судебных стадий для производства дополнительного расследования, предусмотренный ранее действовавшим УПК РСФСР 1960 г., был упразднён. Это привело к возникновению в правоприменительной практике множества спорных вопросов и вызвало их широкое обсуждение в научном сообществе. Условно участников полемики можно разделить на две группы, представители которых придерживаются полярных взглядов. Одни утверждают, что сама возможность принятия судом по рассматриваемому уголовному делу решения о его направлении для производства дополнительного расследования является недопустимым средством продолжения и усиления обвинительной деятельности⁸⁹. Другие, напротив, не усматривают достаточных оснований для отказа от этого института⁹⁰.

Понимая, что судьба дополнительного расследования должна решаться на рациональном, а не эмоциональном уровне, попытаемся выработать подходы к разрешению обозначенной дилеммы, способные обеспечивать завершение судебного разбирательства достижением назначения уголовного судо-

---

⁸⁹ См., напр.: Кругликов А.П. Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование // Российская юстиция. 2013. — № 10. — С.38.; Пашин С.А. Новеллы УПК: назад к доследованию (мнение эксперта) // Закон. 2013. № 5. — С. 61.; Конин В.В. Институт возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования: прошлое и настоящее // Адвокат. 2012. — № 9. — С. 21–23.

⁹⁰ См., напр.: Балакшин В.С. Институт направления уголовных дел для производства дополнительного расследования: аргументы "за" и "против" // Актуальные проблемы российского права. 2014. — № 4. — С. 610–618.

производства посредством вынесения правосудного итогового решения при соблюдении разумного баланса прав и правовых интересов потерпевших и обвиняемых.

В науке уголовного процесса деятельность по обеспечению прав и свобод личности рассматривается сквозь призму теории уголовно-процессуальных правоотношений. Как считает Д. А. Ловцов, наряду с правовой системой и правосознанием правоотношения являются одним из базовых взаимосвязанных функциональных компонентов (подсистем) соответствующей системы правового регулирования⁹¹. Стадийное построение уголовного судопроизводства, разнообразный субъектный состав участников как его досудебных, так и судебных стадий порождают многообразные уголовно-процессуальные правоотношения, что обуславливает активное включение в указанные правоотношения суда. Смешанный — как это принято считать — тип российского уголовного процесса предполагает проявление судом процессуальной активности при отправлении правосудия. На значимость для всей юридической науки задачи изучения активной роли суда «в процессе индивидуального судебного регулирования правоотношений, например, толкования и преодоления коллизий между принципами и нормами права, применения относительно определенных и диспозитивных норм права, преодоления пробелов в отдельных формах международного и внутригосударственного права», обращает внимание В.В. Ершов⁹². Он же полагает, что «...теоретические и практические вопросы права необходимо исследовать с позиции теории систем, а суд — как элемент системы органов государственной власти»⁹³.

Учитывая, что пробелы, которые могут обнаруживаться в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, образуются вследствие процессуальных нарушений, допущенных на стадии его предварительного расследования, исследование уголовно-процессуальной деятельности суда предопределено необходимостью использования системного подхода, прежде всего на основе положений общей теории систем, социального управления и теории информации.

Для этого, в частности, требуется проведение анализа вопросов отнесения пробелов предварительного расследования к нарушениям, препятствующим разрешению уголовного дела по существу, а также изучение практики возвращения уголовных дел прокурору в связи с выявлением этих наруше-

---

⁹¹ Ловцов Д.А. Системология правового регулирования информационных отношений в инфосфере: архитектура и состояние // Государство и право. 2012. — № 8. — С. 18.

⁹² Ершов В.В. Регулирование правоотношений: Монография. М.: РГУП, 2020. — 562с.

⁹³ Ершов В.В. Суд в системе органов государственной власти // Российское правосудие. 2006. — № 1. — С. 39–52.

ний и возможных проблем, связанных с обнаружением таковых судом первой инстанции как на стадии подготовки к судебному заседанию, так и на стадии судебного разбирательства — до удаления суда в совещательную комнату для вынесения приговора и на этапе постановления такового.

Государство обязано организовать уголовное судопроизводство таким образом, чтобы обеспечивалась защита правомерного частного интереса, являющаяся также элементом интереса публичного⁹⁴. При рассмотрении в процессуальном смысле публичный интерес заключается в том, чтобы уголовно-правовой конфликт был разрешён на основании правильного установления фактических обстоятельств дела при условии соблюдения прав лиц, принимающих участие в процессе, прежде всего — права на защиту. Это право гарантировано каждому ст. 45 и 46 Конституции РФ, а потому речь нужно вести и об обвиняемых, и о потерпевших. Последним ст. 52 Конституции РФ предоставляет дополнительные гарантии — их права не только охраняются законом, но государство обеспечивает им доступ к правосудию и компенсацию причинённого ущерба.

Европейский Суд по правам человека указывал, что обязанность расследовать — это не требование получить результат, а необходимость принять меры. Не каждое расследование должно быть непременно успешным, однако, оно должно в принципе вести к выяснению обстоятельств дела и, если событие преступления оказалось подтверждённым, — к установлению и наказанию виновных. Исследование заслуживающих внимания сведений должно быть тщательным, то есть власти в каждом случае должны, используя все разумные и доступные им меры, предпринимать серьёзную попытку установить, что произошло, не применяя поспешные или беспочвенные выводы с целью прекратить расследование или в качестве основы для своих решений⁹⁵.

Специфика уголовно-правовых отношений как особой разновидности публично-правовых отношений, возникающих в связи с совершением общественно опасных деяний, обуславливает особенности механизма осуществления судопроизводства по уголовным делам, в рамках которого уголовное преследование лица, предполагаемо виновного в совершении такого деяния, его привлечение к уголовной ответственности и возложение на него мер уголовно-правового воздействия принимает на себя государство в лице специально уполномоченных органов, в частности — дознания и предвари-

---

⁹⁴ Головкин Л. В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. — № 6. — С. 115.

⁹⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2008 г. по делу «Владимир Романов против России», решение того же Суда от 11 октября 2011 г. по делу «Алоян и Надрян против России» и др. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

тельного следствия. Последние обязаны в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке принимать все зависящие от них меры к тому, чтобы установить обстоятельства происшедшего, определить формальные основания для начала публичного уголовного преследования от имени государства в связи с совершённым преступным деянием и, соответственно, для последующих процессуальных действий органов предварительного расследования. На них возлагаются обязанности по раскрытию преступлений, изобличению виновных, формулированию обвинения и его обоснованию с тем, чтобы уголовное дело могло быть передано в суд, разрешающий его по существу и тем самым осуществляющий правосудие. Поэтому невыполнение указанными органами своих обязанностей принимать соответствующие меры надлежащим образом, в том числе, когда в проведённом расследовании образовались пробелы, свидетельствует о допущенных процессуальных нарушениях. При рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу суд осуществляет проверку процессуальных актов и других материалов досудебного производства. В случае обнаружения неэффективности предварительного расследования, вызванной указанными нарушениями, включая выявление недостаточности принятых в досудебном производстве мер, — в целях защиты нарушенных прав и свобод суд вправе потребовать их устранения, а равно восполнить эти нарушения самостоятельно, если такое представляется возможным.

Как разъяснил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П, основанием для возвращения дела прокурору во всяком случае являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, совершённые дознавателем, следователем или прокурором, в силу которых исключается постановление судом приговора или иного решения. Подобные нарушения в досудебном производстве требований УПК РФ, которые не могут быть устранены в судебном заседании и исключают принятие по делу судебного решения, отвечающего требованиям справедливости, всегда свидетельствуют в том числе о несоответствии обвинительного заключения или обвинительного акта требованиям данного Кодекса (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

По смыслу подп. «б» п. 3 ч. 1 ст. 226.8, ч. 1 ст. 389.17 и ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ, под существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, допущенными в ходе досудебного производства, следует понимать такие нарушения требований данного Кодекса, которые путём ущемления прав и правовых интересов участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путём могут повлиять на вынесение законного и обоснованного итогового судебного решения. Такие нарушения — выявление части которых при рассмотрении уголовных дел не

вызывает затруднений вследствие их очевидности, а порой и явного сходства с нарушениями, которые в самом законе — как во всяком случае влекущие отмену или изменение судебного решения в апелляционном порядке — приведены в качестве существенных (ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ), служат основанием для возвращения уголовного дела прокурору (необеспечение обвиняемого на стадии предварительного расследования защитником вопреки требованию закона об обязательном его участии; вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого следователем, не принимавшим уголовное дело к своему производству; отсутствие подписи соответствующего должностного лица в важном процессуальном документе; направление уголовного дела в суд с обвинительным заключением, которое не было утверждено прокурором; отсутствие в формулировке предъявленного обвинения описания обстоятельств, обязательных для признания инкриминированного обвиняемому деяния преступным; неверная юридическая оценка изложенных в формулировке обвинения фактических обстоятельств или их неконкретизированность и т.п.).

Неэффективность предварительного расследования, выраженная в его пробелах⁹⁶, может возникать при указанных нарушениях. Но на практике она, как правило, является результатом иных — неочевидных — устанавливаемых уже в ходе или по итогам судебного разбирательства процессуальных нарушений, подлежащих признанию существенными, в случае если таковые препятствуют разрешению уголовного дела постановлением правосудного приговора и неустранимы в судебном разбирательстве.

Понятие пробелов предварительного расследования в законе не определено, но это не значит, что подобные явления малозначительны. Если их рассматривать в уголовно-процессуальном аспекте, они представляют собой недостатки досудебного производства по уголовному делу как отрицательные качественные или количественные характеристики неэффективно осуществляемого уголовного преследования, указывающие на ограниченность по широте охвата сведений об элементах состава преступления или иных обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по уголовному делу (односторонность), либо на недостаточность совокупности доказательств в отношении данных обстоятельств (неполнота). Мы не говорим о необъективности, поскольку это свойство внешне как раз и проявляется в пробелах предварительного расследования, а её обнаружение во всяком случае свидетельствует о существенном процессуальном нарушении, которое заключается в осуществлении досудебного производства лицом, подлежащим отво-

---

⁹⁶ Эти явления исследовались в юридической науке. См., напр.: Веретихин Е.Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции / Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988.

ду ввиду его заинтересованности в исходе данного уголовного дела (ст. 61 и 62 УПК РФ). Односторонность и неполнота как пробелы досудебного производства могут приводить к неправильному установлению фактических обстоятельств совершённого деяния, неверному применению уголовного закона и всегда сопряжены с нарушением прав и правовых интересов потерпевшего или обвиняемого. Эти пробелы обусловлены процессуальными нарушениями — следственными ошибками, которые являются результатом неправильной оценки собранных по уголовному делу доказательств, неверного применения принципов и норм материального или процессуального права, несоблюдения методики расследования или тактики производства отдельных следственных действий и заключаются, в частности, в том, что по уголовному делу не проверены все возможные версии, не установлены все причастные к совершению преступления лица, не допрошены лица, чьи показания имеют существенное значение для дела, или не проведена экспертиза, когда её проведение по закону является обязательным, а равно не истребованы документы или вещественные доказательства, имеющие важное значение, не установлены с достаточной полнотой данные о личности обвиняемого и т.п.

Пробелы, являющиеся результатом допущенных в досудебном производстве нарушений процессуальных требований, предписывающих квалифицировать совершённое деяние в строгом соответствии с положениями уголовного закона, могут выражаться в ошибочной юридической оценке органом предварительного расследования установленных им фактических обстоятельств этого деяния либо в их неправильном формулировании в обвинении. Неслучайно неверная квалификация органом дознания или предварительного следствия фактических обстоятельств совершённого преступления — что может как вытекать из описания деяния, изложенного в формулировке обвинения, и следовать из обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления, так и быть выявлено судом по результатам оценки совокупности исследованных им в ходе рассмотрения дела доказательств — в случаях, когда лицу должно было быть предъявлено обвинение в совершении более тяжкого деяния, в силу положений п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ служит основанием для возвращения уголовного дела прокурору.

Установление в досудебном производстве фактических обстоятельств, существенно отличающихся от имевших место в действительности, влечёт неверную последующую оценку совокупности взаимосвязанных с ними иных значимых для дела обстоятельств. При этом один и тот же пробел расследования способен одновременно затрагивать как фактическую, так и юридическую стороны уголовного дела, а также становиться причиной возникновения дру-

гих пробелов. К примеру, если в ходе предварительного расследования действия лица, совершившего преступление в соучастии с другими лицами, привлечёнными в качестве обвиняемых, ошибочно не были признаны преступными и обстоятельства соучастия этого лица в преступлении не отражены в предъявленном им обвинении, — налицо процессуальное нарушение, не только выражающееся в ошибочной квалификации действий обвиняемых и указанного лица, но и влекущее неверное установление фактических обстоятельств преступления в части ролей и степени участия обвиняемых в его совершении, то есть образующее пробел предварительного расследования. Таким образом, пробелы являются сложными явлениями, принятие мер к обнаружению и восполнению которых требует серьёзных затрат интеллектуальных и волевых ресурсов от конкретного правоприменителя.

В отдельных случаях о наличии пробелов потерпевшему или обвиняемому известно на стадии предварительного расследования. Таковые, однако, могут выявляться и в судебном разбирательстве, например в связи с возникновением или обнаружением новых обстоятельств. Но при всём многообразии пробелов досудебного производства определяющее значение для суда имеет лишь решение по вопросу об их устранимости в судебном разбирательстве. Неустранимость таковых всегда свидетельствует о существовании угрозы установления им фактических обстоятельств, не соответствующих действительности, либо неверного применения уголовного закона в случае продолжения рассмотрения дела.

Исходя из принципа разделения властей, на суд не может быть возложено выполнение обязанностей, которые не согласуются с принципом состязательности и равноправия сторон, а также препятствуют осуществлению независимого, объективного и беспристрастного правосудия. Поэтому закрепление с учётом этого на практике в качестве общего правила принципа недопустимости ухудшения положения подсудимого путём возобновления предварительного расследования само по себе не нарушает принципов справедливости, состязательности и равноправия сторон. Он в определённой мере компенсирует подсудимому то фактическое неравенство, которое существует между стороной обвинения в лице большого аппарата обвинительной и следственной власти и стороной защиты в лице подсудимого и его защитника. В случае принятия судом по своей инициативе решения о возвращении уголовного дела прокурору и формулирования требования к органам обвинительной власти представить доказательства виновности обвиняемого, наносился бы серьёзный ущерб доверию, которое должны внушать органы правосудия в демократическом обществе, появлялись бы основания подозревать суд в так называемом обвинительном уклоне. Правовое регулирование в части, ограничивающей возможность направления дела прокурору по инициативе суда в связи с обнаруже-

нием неполноты расследования, направлено на защиту не только прав сторон, но и на дополнительную гарантию независимости и беспристрастности правосудия, освобождение его от несвойственной ему функции обвинения. Если органы уголовного преследования не смогли доказать виновность обвиняемого в полном объёме, то в силу ч. 3 ст. 49 Конституции РФ в его отношении должен быть постановлен оправдательный приговор или обвинительный приговор, констатирующий виновность обвиняемого в менее тяжком преступном деянии.

Вместе с тем принципиально другая ситуация возникает в том случае, когда о наличии пробелов предварительного расследования, в том числе его неполноты, заявляет одна из сторон, которая ходатайствует перед судом о принятии мер к их восполнению и устранению нарушений, а равно если сам суд приходит к выводу о том, что пробелы препятствуют осуществлению правосудия. С учётом положений ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства. При этом право человека на справедливое судебное разбирательство следует понимать как право на должную (справедливую) правовую процедуру, предназначенную для установления истины и защиты прав и свобод человека. Исходя из ряда постановлений Европейского Суда по правам человека, представляется, что это обстоятельство является бесспорным⁹⁷.

Разрешая дело, суд на основе исследованных в судебном заседании доказательств формулирует выводы об установленных фактах, о подлежащих применению в данном деле нормах права и, соответственно, об осуждении или оправдании лиц, в отношении которых велось уголовное преследование. Это во всяком случае предполагает наличие у суда возможности самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, по своему внутреннему убеждению оценить обстоятельства конкретного дела, не вторгаясь в функцию обвинения, равно как и обязанности вынести на этой основе правосудное решение по делу при соблюдении процедуры, гарантирующей реализацию процессуальных прав участников судопроизводства. Принцип состязательности и равноправия сторон предполагает такое построение судопроизводства по уголовным делам, при котором суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение дела, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, с тем чтобы ни одна из

---

⁹⁷ Трубникова Т.В. Проблемы доказывания в справедливом судебном разбирательстве и их отражение в правовых позициях ЕСПЧ: вызовы для Российской науки уголовного процесса и правоприменительной практики // Уголовная юстиция. 2016. — № 1 (7). — С. 136.

них не оказалась в худшем положении. Поскольку правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах, закон должен предусматривать механизмы, обеспечивающие вынесение правосудных, то есть законных, обоснованных и справедливых, судебных решений.

Законом предусмотрен целый комплекс правовых механизмов, обеспечивающих возможность исправления ошибок в деятельности по осуществлению уголовного преследования обвиняемого, в том числе по доказыванию фактических обстоятельств уголовного дела, на стадии предварительного расследования. Но ни один из них, включая осуществляемый по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ оперативный судебный контроль, не гарантирует достижение назначения уголовного судопроизводства и не может считаться эффективным. Аналогичного мнения придерживаются многие учёные и практики⁹⁸. «Возможно, решение этой проблемы мы увидим при дальнейшем обсуждении и внедрении института следственных судей» — считает К. Б. Калиновский⁹⁹. На сегодняшний день основным для сторон средством правовой защиты является институт возвращения уголовного дела прокурору из судебного производства, который призван обеспечить исправление допущенных в ходе предварительного расследования нарушений, с тем чтобы — исходя из принципов справедливости, соразмерности и правовой безопасности — гарантировать эффективную защиту конституционных ценностей, прежде всего прав и свобод человека и гражданина.

Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П, безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны. Между тем и оставление судом без внимания доводов ходатайства о возвращении уголовного дела прокурору, заявленного любой из сторон в связи с пробельностью предварительного расследования, а также результатов самостоятельного обнаружения обстоя-

---

⁹⁸ См., напр.: Зорькин В.Д. Конституция живёт в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. — № 3. — С. 1–5.; Алексеева Л.Б. Защита прав и законных интересов потерпевших по УПК РФ и в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001 — 2011 гг.: сборник научных статей / Л.Б. Алексеева, Г.Н. Ветрова, Л.М. Карнозова и др.; под ред. И.Б. Михайловской. М.: Проспект, 2012.

⁹⁹ Калиновский К.Б. Новые позиции КС РФ о судебном контроле по жалобам участников процесса. Что учесть суду и сторонам // Уголовный процесс. 2020. — № 5. — С. 26.

тельств, указывающих на невозможность достижения целей правосудия без возвращения дела прокурору, — с тем чтобы после проведения по нему в целях устранения допущенных процессуальных нарушений, в том числе при необходимости получения дополнительных доказательств, необходимых следственных, иных процессуальных действий или даже оперативно-розыскных мероприятий, потерпевшему или обвиняемому было обеспечено право на справедливое судебное разбирательство — представляло бы собой недопустимое ограничение права на судебную защиту.

Конституционный Суд РФ неоднократно подчёркивал, что право на судебную защиту, признаваемое и гарантируемое согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ, не подлежит ограничению и предполагает наличие гарантий, позволяющих реализовать его в полном объёме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям равенства и справедливости. Суды при рассмотрении конкретных дел обязаны исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, а отсутствие необходимого правового механизма не может приостанавливать реализацию вытекающих из Конституции РФ прав и правовых интересов граждан¹⁰⁰.

На наш взгляд, не может рассматриваться как принятие на себя судом не свойственной ему функции обвинения вынесение решения, направленного на устранение органами, осуществляющими уголовное преследование, пробелов расследования по ходатайствам сторон, поскольку иное обязывало бы его принять несправедливое решение по существу уголовного дела, основываясь на одностороннем или неполном восприятии фактов, игнорируя приведённые сторонами доводы о затрагивающих их права и интересы ошибках предварительного расследования, в условиях невозможности самостоятельного представления ими на текущей стадии судопроизводства дополнительных доказательств в подтверждение занимаемой позиции по делу, если таковые могут быть получены, а нарушения исправлены в досудебном производстве. При этом само по себе возвращение судом уголовного дела прокурору, при наличии к тому оснований, принцип презумпции невиновности не умаляет. Угроза нарушения прав обвиняемого — если заявление ходатайства стороной обвинения имеет характер злоупотребления — не может служить серьёзным аргументом в пользу отказа от применения указанного

---

¹⁰⁰ Постановления Конституционного Суда РФ от 6 июня 1995 г. № 7-П, от 13 июня 1996 г. № 14-П, от 28 октября 1999 г. № 14-П, от 22 ноября 2000 г. № 14-П, от 14 июля 2003 г. № 12-П, от 12 июля 2007 г. № 10-П, от 31 марта 2015 г. № 6-П, от 5 июля 2016 г. № 15-П и др. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

института, тем более что сторона защиты вправе обжаловать законность и обоснованность принятого судом решения в апелляционном порядке, если ходатайство было удовлетворено.

Как это ни парадоксально, в условиях существующей модели уголовного процесса — при отсутствии состязательности сторон и эффективных средств защиты нарушенных прав в досудебном производстве — предоставление суду возможности возратить дело прокурору отвечает не только интересам потерпевшего, но и обвиняемого. Некоторые практикующие адвокаты уверены в том, что рассчитывать на оправдание подсудимого в связи с недоказанностью предъявленного обвинения, основываясь единственно на наличии в деле недостаточного количества доказательств, и придерживаться при этом пассивной линии защиты, уповая на применение названной презумпции — верный путь к тому, чтобы «проиграть» процесс. С этим трудно не согласиться, поскольку в ходе рассмотрения таких дел суд прежде всего пытается понять, почему пробелы не были выявлены своевременно и какие меры для этого предпринимала сторона защиты. Поскольку ответы на эти вопросы не могут не отражаться на внутреннем убеждении суда в силу субъективных причин, стороне защиты желательно продемонстрировать свою добросовестность, что становится возможным, как правило, лишь при условии активно и последовательно занимаемой позиции не только на стадии судебного разбирательства, но и в ходе досудебного производства. Это получается не всегда, что — если говорить откровенно — способно оказать влияние на процесс оценки доказательств и в итоге привести к установлению нежелательных для стороны защиты фактических обстоятельств, не соответствующих действительности. При этом нельзя не учитывать, что до постановления приговора стороне защиты не может быть достоверно известно о том, будут ли вообще её доводы о наличии невосполнимых пробелов расследования признаны заслуживающими внимания. Даже идеальная модель состязательного процесса с высоким уровнем правосознания и подлинной независимостью судей, не лишённых, однако, человеческих эмоций, не может в подобных случаях со стопроцентной уверенностью обеспечить оправдание невиновного.

Действительно, с точки зрения интересов защиты возвращение дела прокурору в связи с пробельностью расследования не является необходимым, поскольку при недоказанности, а также сомнительности обвинения защита вправе рассчитывать на вынесение судом оправдательного приговора. Такая позиция защиты является допустимой формой отстаивания интересов подсудимого, поскольку суд при этих обстоятельствах обязан следовать принципу презумпции невиновности. Однако в равной степени допустима и

иная её позиция, согласно которой выявленные пробелы подлежат восполнению посредством возобновления предварительного расследования, например для проверки версии подсудимого о непричастности к совершению преступления, когда для этого необходимо проведение большого объёма следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий. Аналогичной позиции может придерживаться и потерпевший.

Поэтому сама возможность возвращения судом по собственной инициативе или по инициативе одной из сторон уголовного дела прокурору в связи с выявлением пробелов расследования, не устранимых на стадии судебного разбирательства, служит для потерпевших и обвиняемых, а в особенности для тех из них, защита прав и правовых интересов которых в ходе досудебного производства осуществлялась ненадлежащим образом, — дополнительной гарантией справедливого правосудия. Никакие ошибки либо упущения сторон не должны становиться причиной оправдания или осуждения.

По смыслу закона, в судебном разбирательстве суд принимает меры, направленные на обеспечение возможности реализации сторонами принадлежащих им процессуальных прав, а значит, основанием для возвращения судом уголовного дела прокурору в силу п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ являются неустранимые в судебном разбирательстве пробелы предварительного расследования как существенные нарушения уголовно-процессуального закона, восполнение которых входит в компетенцию органа предварительного расследования, разумно возможно в досудебном производстве и наличие которых исключает постановление правосудного приговора.

Для обеспечения баланса конституционно значимых ценностей исключения из данного правила на этапе постановления приговора применяются к четырём ситуациям. Во-первых, когда при итоговой оценке собранных доказательств — в условиях всесторонне проведённого предварительного расследования и принятия осуществляющими уголовное преследование органами всех разумно необходимых и зависящих от них мер по установлению события преступления, а также соблюдения принципа справедливости судопроизводства в отношении обеспечения потерпевшего и обвиняемого правом на представление доказательств — суд придёт к выводу о том, что указанное событие имело место, но причастность подсудимого к нему не доказана, и в связи с этим обнаружит неполноту предварительного расследования. Во-вторых, когда в тех же условиях суд придёт к выводу о том, что в действиях подсудимого применительно к установленному событию деяния нет состава преступления, и потому обнаружит пробел расследования как результат неверной юридической оценки действий обвиняемого в качестве преступных. В-третьих, когда в аналогичных условиях суд придёт к выводу об отсут-

ствии события преступления, а потому — о наличии пробела расследования как результата допущенной в ходе досудебного производства ошибочной оценки установленных обстоятельств дела в качестве преступных. В-четвёртых, когда при итоговой оценке собранных по уголовному делу доказательств суд придёт к выводу о наличии пробела предварительного расследования, не устранённого в судебном заседании, в случае если по данному делу отсутствует лицо, подлежащее признанию в качестве потерпевшего. При отсутствии в уголовном деле иных данных, дающих основание для его возвращения прокурору, в приведённых случаях должен быть вынесен оправдательный приговор, а обусловившие пробельность расследования процессуальные нарушения не могут признаваться существенными. Иное означало бы возрождение института дополнительного расследования в его прежнем виде — когда возвращение дела прокурору нарушало бы принципы презумпции невиновности и состязательности, приобретало заведомо «неблаговидные» цели и становилось посягательством на фундаментальные процессуальные ценности¹⁰¹.

Таким образом, положения п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, уполномочивающие суд вернуть уголовное дело прокурору в том случае, если обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление составлены с нарушением требований настоящего Кодекса, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, акта или постановления, — в системе действующего правового регулирования не препятствуют принятию судом в предусмотренном указанной нормой порядке соответствующего решения для устранения пробелов предварительного расследования, являющихся существенными процессуальными нарушениями, когда их восполнение в ходе судебного разбирательства невозможно.

Между тем в сохраняющих свою силу разъяснениях, изложенных в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, по-прежнему говорится о праве суда вернуть уголовное дело прокурору по ходатайству сторон или по своей инициативе в случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, не устранимые в судебном заседании, при условии, что это не будет связано с восполнением неполноты произведённого дознания или предварительного следствия¹⁰². В то же самое время на

---

¹⁰¹ См. подробнее: Головки Л.В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве // Государство и право. 2009. — № 11. — С. 55 — 57, 62.

¹⁰² Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству», от 19 декабря

запрет возвращать дело прокурору, если с восполнением неполноты взаимосвязь будет образована, Пленумом не указано. Несмотря на то что перед вводимым в приведённой формулировке условием («при условии, что...») отсутствуют слова «только», «лишь» или «единственно» (например, «только при условии, что...»), данное разъяснение на практике вызывает его интерпретацию в качестве констатирующего запрет на возвращение уголовного дела прокурору для устранения существенных нарушений закона, если это будет связано с восполнением неполноты расследования. Данное обстоятельство обусловлено тем, что при ином понимании дословного содержания фразы ссылка на восполнение неполноты лишается смысла, поскольку недопустимость образования взаимосвязи с таким восполнением не определена в качестве условия обязательного, а само по себе наличие у суда права вернуть уголовное дело прокурору в связи с допущенными в досудебном производстве существенными нарушениями закона — общеизвестно.

Результаты интервьюирования судей подтвердили наделение разъяснений Пленума искажённым, не вытекающим из их буквального содержания, смыслом. В соответствии с ним возвращение уголовного дела прокурору не допускается не только для восполнения собственно неполноты предварительного расследования, то есть напрямую с указанной целью, но и для устранения любых способных повлечь или неизбежно влекущих одновременное восполнение такой неполноты процессуальных нарушений — когда устранение пробела может произойти опосредованно и быть расценено со стороны как осуществляемое судом для достижения поставленной им косвенной цели. При таком понимании необходимость учёта судом специфики допущенных в досудебном производстве нарушений по значимым для определения сущности расследования как пробельной вопросам — о том, осуществлено ли уголовное преследование эффективно, соблюден ли принцип справедливости судопроизводства, в частности обеспечена ли потерпевшему и обвиняемому возможность реализации прав на представление доказательств, — отсутствует. В то же время большинство опрошенных высказалось за то, чтобы односторонность, неполноту предварительного расследования, необходимость изменения подсудимому обвинения на существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от предъявленного ранее, а также привлечения по данному уголовному делу к уголовной ответственности иного, помимо обвиняемого, лица, уголовное преследование которого в отдельном производстве невозможно, — включить в предусмотренный ч. 1 ст. 237 УПК РФ перечень оснований для возвращения уголовного дела прокурору.

2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

Как представляется, в условиях сохранения перечисленных разъяснений Верховного Суда РФ в неизменном виде и отсутствия Постановлений Конституционного Суда РФ, которыми бы признавалась неопределённость действующего правового регулирования по вопросу допустимости возвращения уголовного дела прокурору при выявлении влекущих сомнения в виновности обвиняемого в предъявленном ему обвинении пробелов расследования (за исключением тех, по поводу которых Конституционным Судом РФ вынесено Постановление от 2 июля 2013 г. № 16-П, послужившее основанием для корректировки УПК РФ путём дополнения его ч. 1 ст. 237 пунктом б), практика принятия судами итоговых решений при наличии указанных пробелов может объясняться тем, что в законе прямо не закреплено полномочие суда вернуть уголовное дело прокурору для устранения нарушений, перечисленных в предыдущем абзаце.

В правосознании судей, как правило, господствуют идеи юридического позитивизма, что нашло своё подтверждение при применении нами вербально-коммуникативных методов исследования. Если бы в своей деятельности судьи исходили из научно-обоснованной концепции интегративного правопонимания, отсутствие в перечне предусмотренных законом оснований для возвращения дела прокурору пробелов расследования не препятствовало бы принятию ими соответствующих решений. При таком — интегративном — понимании права, как указывает В.В. Ершов, «в единую систему форм национального и международного права, реализуемого в государстве, объективно включены основополагающие (общие) принципы российского права, правовые акты, правовые договоры, обычаи российского права, основополагающие (общие) принципы международного права, международные договоры и обычаи международного права»¹⁰³. Тот же автор отмечает, что с позиции теории разделения властей правовое регулирование фактических общественных отношений включает в себя «не только процессы собственно правового регулирования, но также и объективно неизбежные процессы, как правообразования..., так и индивидуального регулирования общественных отношений с учётом фактических обстоятельств и в пределах принципов и норм права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и международного права»¹⁰⁴.

Следовательно, при отсутствии специальной нормы, предусматривающей возможность возвращения уголовного дела прокурору при обнаружении пробела предварительного расследования, суд — как элемент системы органов государственной власти, которая на практике должна поддерживаться в

---

¹⁰³ Там же: Ершов В.В. Регулирование правоотношений: Монография. М. : РГУП, 2020. 562 с.

¹⁰⁴ Там же: Ершов В.В. Суд в системе...— С. 47.

состоянии подвижного равновесия, гомеостаза и относительного саморегулирования в пределах принципов и норм права, — вправе применить общую норму, уполномочивающую его принять данное процессуальное решение в случаях, если обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление составлены с нарушением требований настоящего Кодекса, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, акта или постановления (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

В связи с этим можно предположить, что принятие Верховным Судом РФ дополнительных разъяснений, учитывающих пересмотр Конституционным Судом РФ в 2013 г. ранее занимаемой позиции о недопустимости возвращения судом уголовного дела прокурору при выявлении процессуальных нарушений, связанных с фактическими обстоятельствами, вопросами квалификации действий и доказанности вины обвиняемых, равно как и вынесение Конституционным Судом РФ постановлений в отношении ранее не рассмотренных им случаев пробельности предварительного расследования — способствовало бы реализации цели обеспечения правосудности приговора при завершении судебного разбирательства по рассматриваемым судами уголовным делам.

Список литературы

1. Алексеева Л.Б. Защита прав и законных интересов потерпевших по УПК РФ и в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001 — 2011 гг.: сборник научных статей / Л.Б. Алексеева, Г.Н. Ветрова, Л.М. Карнозова и др.; под ред. И.Б. Михайловской. М.: Проспект, 2012. — 172 с.
2. Балакшин В.С. Институт направления уголовных дел для производства дополнительного расследования: аргументы "за" и "против" // Актуальные проблемы российского права. 2014. — № 4. — С. 610–618.
3. Веретихин Е.Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции /Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. — 86с.
4. Головкин Л.В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве // Государство и право. 2009. — № 11. — С. 54–67.
5. Головкин Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. — № 6. — С. 107–118.
6. Ершов В.В. Регулирование правоотношений: Монография. М.: РГУП, 2020. — 562 с.
7. Ершов В.В. Суд в системе органов государственной власти // Российское правосудие. 2006. — № 1. — С. 39–52.

8. Зорькин В.Д. Конституция живёт в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. — № 3. — С. 1–5.

9. Калиновский К.Б. Новые позиции КС РФ о судебном контроле по жалобам участников процесса. Что учесть суду и сторонам // Уголовный процесс. 2020. — № 5. — С. 18–26.

10. Конин В.В. Институт возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования: прошлое и настоящее // Адвокат. 2012. — № 9. — С. 21–23.

11. Кругликов А.П. Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование // Российская юстиция. 2013. — № 10. — С.37–41.

12. Ловцов Д.А. Системология правового регулирования информационных отношений в инфосфере: архитектура и состояние // Государство и право. 2012. — № 8. — С. 16–25.

13. Пашин С.А. Новеллы УПК: назад к доследованию (мнение эксперта) // Закон. 2013. — № 5. — С. 57–62.

14. Трубникова Т.В. Проблемы доказывания в справедливом судебном разбирательстве и их отражение в правовых позициях ЕСПЧ: вызовы для Российской науки уголовного процесса и правоприменительной практики // Уголовная юстиция. 2016. — № 1 (7). — С. 135–147.

Гордиенко А.Ю.*

Темпоральные нормы в уголовно-процессуальном праве

Аннотация. В статье анализируются особенности действия некоторых темпоральных уголовно-процессуальных норм, а также разбираются примеры «нестандартного» действия уголовно-процессуальных норм во времени.

Ключевые слова: действие уголовно-процессуального закона во времени, ультраактивное действие закона во времени, темпоральные коллизионные нормы.

---

* Гордиенко Александр Юрьевич, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», главный консультант Управления конституционных основ уголовной юстиции Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации.

Gordienko Aleksandr Yu. Lecturer of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Chief Consultant of the Office of the Constitutional Bases of Criminal Justice of the Secretariat of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Temporal norms in criminal procedural law

Abstract. This article analyzes the peculiarities of the operation of certain temporal criminal procedure norms, as well as examines examples of "non-standard" operation of criminal procedure norms in time.

Keywords: the effect of the law of criminal procedure in time, the ultra-active effect of the law in time, temporal norms, temporal conflict norms.

В УПК РФ правило о действии уголовно-процессуального закона во времени сформулировано в статье 4 этого Кодекса, согласно которой при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено настоящим Кодексом. Однако наряду с данным правилом так же есть нормы, которые регулируют те или иные вопросы действия уголовно-процессуального закона во времени.

Поскольку периодически в правоприменительной практике возникают ситуации, при которых некоторые отмененные уголовно-процессуальные нормы продолжают в определенных случаях действовать, постольку вызывает интерес соотношение «основного правила», закрепленного в статье 4 УПК РФ, и так называемых «исключений из правила», закрепленных в других нормах.

Для разрешения данной задачи ответим на несколько вопросов. Во-первых, являются ли вышеприведенное правило и исключения сугубо темпоральными нормами или их можно отнести к темпоральным коллизионным нормам или же только к коллизионным нормам. Во-вторых, существуют «исключения» из основного «правила» только ли в самом УПК РФ, либо они находятся и в Кодексе и в других федеральных законах, вносящих изменения в УПК РФ, или же только в таких федеральных законах. В третьих, могут ли темпоральные уголовно-процессуальные нормы находиться не только в УПК РФ и в иных федеральных законах, но и в других юридических документах, в том числе постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Коллизионные нормы помогают выбрать применимую норму права для урегулирования тех или иных правоотношений. Для такого выбора выполняются не только задачи определения действия закона во времени, но и задачи, связанные с их выявлением их юридической силы, сферы действия и др. Темпоральные же правила к тому же регламентируют и вопросы вступления норм в силу, введения в действие и прекращения дей-

ствия¹⁰⁵. При этом в научных публикациях встречается точка зрения, что темпоральные коллизионные нормы выступают разновидностью скорее коллизионных, чем темпоральных норм права¹⁰⁶.

Представляется что, в уголовно-процессуальном праве статью 4 УПК РФ можно отнести к темпоральным нормам, как содержащую только общее правило о действии уголовно-процессуального закона во времени. А содержащиеся в федеральных законах, вносящих в названный Кодекс изменения, положения о порядке вступления в силу этих изменений в некоторых случаях можно назвать коллизионными нормами, когда предыдущая редакция нормы не утрачивает окончательно свою силу, а может применяться при наличии некоторых условий, указанных в таком федеральном законе. Такие нормы фактически определяют не столько вопрос о действии во времени, сколько вопрос применимого права. Однако в уголовно-процессуальном праве таких норм не так уж и много.

В качестве примера можно привести Федеральный закон от 11 июня 2022 года № 180-ФЗ, которым внесены изменения в отдельные положения статьи 413 и части 5 статьи 415 УПК Российской Федерации. Этим законом в том числе признан утратившим силу пункт 2 части четвертой статьи 413, который ранее относил к числу новых обстоятельств установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела.

Примечательно, что определяя порядок вступления в силу рассматриваемых изменений, федеральный законодатель установил, что в целях исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека, вступивших в силу до 15 марта 2022 года включительно, суды Российской Федерации могут при необходимости применять пункт 2 части четвертой статьи 413 и пункт 3 части 4 статьи 414 УПК РФ (в редакции, действовавшей до дня вступления в силу настоящего Федерального закона) в порядке, предусмотренном частью 5 статьи 415 УПК РФ (в редакции нового Федерального закона).

Таким образом, получается достаточно редкая и неоднозначная для уголовно-процессуального права ситуация, когда в зависимости от фактических обстоятельств может по-разному разрешаться вопрос о том какая процедура пересмотра дела в порядке главы 49 УПК РФ должна быть выбрана:

---

¹⁰⁵ Бахрах Д.Н. Действие норм права во времени: теория, законодательство, судебная практика. М., 2004. — С. 11.

¹⁰⁶ См.: Голубцов В.Г. Темпоральные коллизионные нормы как юридические средства преодоления временных противоречий между правовыми нормами // Российский юридический журнал. 2022. № 1. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2022 г.).

«старая» утратившая силу — когда установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела являлось новым обстоятельством, либо же новая редакция, в которой решение Европейского Суда по правам человека уже не считается новым обстоятельством для возобновления производства по уголовному делу ввиду нового обстоятельства.

Изложенное подтверждает наш вывод о том, что содержащиеся в иных федеральных законах, вносящих изменения в УПК, положения о вступлении в силу этих изменений, дополняют общее правило статьи 4 УПК и могут носить характер коллизионной нормы.

Некоторые иные положения, касающиеся вступления в силу каких-либо новых правил (например, новых правил апелляционного производства с 1 января 2013 года, или же положений о рассмотрении дел кассационными и апелляционными судами общей юрисдикции с 1 октября 2019 года), могут быть отнесены к темпоральным нормам, поскольку определяют дату вступления в силу новой редакции нормы (группы норм), а также особенности начала функционирования этих новых норм и как таковые вопросы выбора (квалификации) применимого права не регулируют.

В некоторых случаях, особенно когда в новом законе отсутствуют переходные положения об особенностях вступления его в силу, некоторые разъяснения об этом могут содержаться и в правоприменительном решении высшей судебной инстанции. Например, в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации разъяснены особенности вступления в силу положений Федерального закона от 29.12.2010 № 433-ФЗ, внесшего значительные изменения в УПК РФ¹⁰⁷.

Список литературы

1. Бахрах Д.Н. Действие норм права во времени: теория, законодательство, судебная практика. М.: Норма, 2004. — 224 с.
2. Голубцов В.Г. Темпоральные коллизионные нормы как юридические средства преодоления временных противоречий между правовыми нормами / В.Г. Голубцов // Российский юридический журнал. — 2022. — № 1(142). — С. 20-33.

---

¹⁰⁷ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26.12.2012 "О рассмотрении вопросов, возникших у судов в связи со вступлением в силу с 1 января 2013 года Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации"// — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2022 г.).

Понятие и сущность уголовно-процессуального иммунитета

Аннотация. В статье дана сущностная характеристика уголовно-процессуального иммунитета на примере положений главы 52 УПК РФ. Выявляются проблемы соотношения уголовно-процессуального иммунитета и иных правовых преимуществ, также предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: процессуальные гарантии, правовое преимущество, привилегия, льгота, уголовно-процессуальный иммунитет, уголовно-правовой иммунитет, особая правовая процедура.

Navaliev N.M.

The concept and essence of criminal procedural immunity

Abstract. The essential characteristic of criminal procedural immunity is given by the example of the provisions of Chapter 52 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The problems of the correlation of criminal procedural immunity and other legal advantages are identified, and ways to solve them are also proposed.

Keywords: procedural guarantees, legal advantage, privilege, privilege, criminal procedural immunity, criminal legal immunity, special legal procedure.

Иммунитеты, пишет А.В. Красильников — это специальные нормы права, устанавливающие требование об изъятии отдельных категорий лиц, обладающих достаточной правоспособностью для реализации общей отраслевой правосубъектности, из сферы действия соответствующей отрасли права и прекращении (разрыве) конкретного правоотношения, возникшего в связи с юридическим фактом при участии указанных лиц¹⁰⁸.

В свою очередь, В.Г. Даев понимает под иммунитетом «исключительное право не подчиняться некоторым правилам»¹⁰⁹. А.В. Наумов определяет имму-

---

* Навалиев Навали Магомедович, адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России (научный руководитель: начальник кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России доктор юридических наук, профессор Кутуев Эльдар Кяримович).

Navaliev Naval Magomedovich, Adjunct of the Department of Criminal Procedure of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Scientific supervisor: Kutuev Eldar Karimovich, Head of the Department of Criminal Procedure of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor).

¹⁰⁸ Красильников А.В. Уголовно-процессуальные привилегии отдельных категорий лиц: дисс. ... канд. юрид. наук: М., 2006. — С. 7.

¹⁰⁹ Даев В.Г. Иммунитеты в уголовно-процессуальной деятельности // Правоведение. 1992. — № 3. — С. 48.

нитет как «... нераспространение общих правил об ответственности за правонарушения на определенных лиц, включая освобождение от ответственности. Такое исключение вытекает обычно из особого юридического статуса этих лиц»¹¹⁰. А.Г. Кибальник утверждает, что изъятия из общего порядка реализации уголовной ответственности получили наименование «иммунитета», традиционно рассматриваемого в качестве института уголовно-процессуального права»¹¹¹.

Проанализировав указанные выше понятия, А.Т. Маматкулов пишет вывод, что большинство ученых применительно к уголовно-процессуальному законодательству определяют иммунитеты как дополнительные гарантии неприкосновенности и неответственности, связанные с усложненным порядком производства процессуальных действий и сходятся во мнении, что положения правового иммунитета — это нормы исключительные, образующие самостоятельный уголовно-процессуальный институт исключительного права¹¹².

Подобная трактовка уголовно-процессуального иммунитета делает его и особый правовой режим практически синонимичными категориями, ведь любые правила в уголовном процессе, по сути, это гарантии от незаконного и необоснованного обвинения, соответственно если к определенному лицу закон устанавливает особые, усложненные правила, то мы констатируем тот факт, что этому лицу по определенной причине предоставлены дополнительные гарантии. Поэтому основу и иммунитета, и особого правового режима составляет совокупность процессуальных гарантий. Главный вопрос, по нашему мнению, здесь заключается в том, что в чем качественное отличие данных правовых категорий.

Здесь вполне уместно поразмышлять над этим вопросом на конкретном примере. Так в части первой статьи 450 УПК РФ написано, что после возбуждения уголовного дела либо привлечения лица в качестве обвиняемого в порядке, установленном статьей 448 УПК РФ, следственные и иные процессуальные действия в отношении такого лица производятся в общем порядке с изъятиями, установленными статьей 449 УПК РФ и данной статьей. Следовательно уголовно-процессуальный иммунитет хоть и содержит совокупность специальных правил, регламентирующих порядок привлечения отдельных категорий лиц к уголовной ответственности, но практически все эти специальные правила могут быть преодолены с согласия того или иного органа. Их же преодоление возвращает процесс привлечения таких лиц к уголовной ответственности к общему порядку. Поэтому иммунитет хоть и можно рас-

---

¹¹⁰ Наумов А.В. Иммуитет в уголовном праве // Уголовное право. 1998. — № 2. — С. 24.

¹¹¹ Кибальник А.Г. Иммуитет как основание освобождения от уголовной ответственности // Российская юстиция. 2000. — № 8. — С. 34.

¹¹² Маматкулов А.Т. Особенности уголовного судопроизводства в отношении отдельных категорий лиц по законодательству Кыргызской Республики и Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019. — С. 29-30.

смагивать в качестве изъятия из общего порядка реализации уголовной ответственности¹¹³, но отличительной его чертой по отношению к особым правовым режимам является возможность лишиться иммунитета.

Например, в части 3 статьи 450 УПК РФ указано, что судебное решение об избрании в отношении члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы, Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в качестве меры пресечения заключения под стражу или о производстве обыска исполняется с согласия соответственно Совета Федерации или Государственной Думы. Соответственно получение такого согласия лишает лиц, перечисленных в этой статье иммунитета от заключения под стражу.

В это же самое время положения части 1¹ статьи 108 УПК РФ, как элемент особого правового режима привлечения к уголовной ответственности предпринимателей императивно предписывают, что заключение под стражу в качестве меры пресечения при отсутствии обстоятельств, указанных в пунктах 1-4 части первой данной статьи, не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных рядом статей УК РФ, если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности. Нивелировать данный элемент особого правового режима предпринимателей с чьего либо согласия нельзя.

Таким образом, основным отличием уголовно-процессуального иммунитета от особого правового режима заключается в том, что особые правила, составляющие иммунитет, могут быть преодолены, в то время как особые правила, составляющие особый правовой режим, преодолены быть не могут.

Так, лица, перечисленные в главе 52 УПК РФ, обладают именно уголовно-процессуальным иммунитетом. Вынесение обвинительного приговора суда в отношении депутата Государственной Думы констатирует как факт наличия основания уголовной ответственности - совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления, - так еще и служит основанием для досрочного прекращения его полномочий (п. «д» части 1 статьи 4 ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹¹⁴).

---

¹¹³ Кибальник А.Г. Иммунитет как основание освобождения от уголовной ответственности // Российская юстиция. 2000. — № 8. — С. 34.

¹¹⁴ Федеральный закон от 08 мая 1994 года № 3-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 28. Ст. 3466.

Иммунитет защищает этих лиц от незаконного и необоснованного уголовного преследования¹¹⁵. Принципиально важным для устойчивого развития правового государства является запрет на использование в политической борьбе за власть мер уголовной репрессии. Дело здесь не в значимости выполняемой определенными высшими должностными лицами функции, а в том, что бы в борьбе за эти должности конкретные лица или группы лиц не могли использовать меры репрессии.

Орган, принимающий решение о лишении лица уголовно-процессуального иммунитета оценивает обоснованность подозрений в адрес своего коллеги. В случае если такие подозрения вполне обоснованы, то единственный вариант, возможный в правовом государстве, это лишение неприкосновенности для полноценного расследования.

Поэтому отказ от лишения уголовно-процессуального иммунитета, в случае обоснованности подозрения, есть не что иное, как факт злоупотребления, предоставленными законом привилегиями.

При этом важно отметить, что отличительной особенностью иммунитета является метод, используемый для обеспечения преимущественного положения лица, им обладающего. Так, если тот же особый правовой режим состоит из совокупности льгот или привилегий, которые предоставляют определенному лицу дополнительные гарантии защиты его прав и свобод, то иммунитет обеспечивает эти самые права и свободы посредством изъятия лица из сферы действия порядка привлечения к уголовной ответственности. Преодоление же иммунитета возвращает такое лицо в юрисдикцию правоохранительных органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность.

Список литературы

1. Алексеев И.М. К вопросу о сущности уголовного судопроизводства. Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2017. — С. 9-13.
2. Даев В.Г. Иммунитеты в уголовно-процессуальной деятельности // Правоведение. 1992. — № 3. — С. 48-52.
3. Красильников А.В. Уголовно-процессуальные привилегии отдельных категорий лиц: дисс. ... канд. юрид. наук: М., 2006. 203 с.
4. Маматкулов А.Т. Особенности уголовного судопроизводства в отношении отдельных категорий лиц по законодательству Кыргызской Республики и Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 217 с.
5. Наумов А.В. Иммунитет в уголовном праве // Уголовное право. 1998. — № 2. — С. 24-27.

---

¹¹⁵ Алексеев И.М. К вопросу о сущности уголовного судопроизводства. Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2017. — С. 9-13.

Содержание принципа осуществления правосудия только судом в условиях внедрения искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство: проблемы и перспективы

Аннотация. В статье анализируются вопросы влияния применения систем искусственного интеллекта в сфере уголовного судопроизводства на содержание принципа осуществления правосудия только судом. Автор приходит к выводу, что применение при принятии судебного решения каких-либо алгоритмических систем посредством программных или программно-аппаратных комплексов, наделенных функциями, сходными с человеческим мышлением, неизбежно приводит к нарушению принципа осуществления правосудия только судом, поскольку в процесс принятия судом решения неминуемо «вмешиваются» третьи лица (разработчики программ, обладатели программно-аппаратных комплексов и др.). Такая ситуация требует законодательного разрешения, а также создания условий для соблюдения и защиты принципов уголовного судопроизводства и гарантий независимости судебной власти.

Ключевые слова: принципы уголовного судопроизводства; осуществление правосудия только судом; цифровизация уголовного судопроизводства; цифровизация судебной деятельности; «сквозные» цифровые технологии; искусственный интеллект.

Mironova E.Yu.

The content of the principle of administration of justice only by a court in the context of the introduction of artificial intelligence in criminal proceedings: problems and prospects

Abstract. The article analyzes the issues influence of using system artificial intelligence in the field of judicial proceedings for the content of principle implementation of justice only by court. The author comes to the conclusion that the use of artificial intelligence in making a judicial decision violates the principle of implementation of justice only by court. In this case, the developers of artificial intelligence intervene in judicial activities. Thus, it is necessary to create legal norms to protect the principles of criminal procedure and guarantee the independence of the judiciary.

Keywords: principles of criminal procedure; implementation of justice only by court; digitalization of criminal procedure; digitalization of judicial activity; «end-to-end» digital technologies; artificial intelligence.

---

* Миронова Екатерина Юрьевна, аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета.
Mironova Ekaterina Yurievna., Postgraduate of Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of Baikal State University.

Человеческой цивилизации присущи такие черты, как движение вперед, стремление к совершенствованию существующих систем и процессов, непрерывное развитие. Научно-технический прогресс — бессменный спутник человечества в его шествии к совершенству. Он неизбежен и зачастую жесток по отношению к отдельным людям, но в глобальном, социальном, экономическом аспектах выступает как чрезвычайно эффективный и необходимый инструмент улучшения жизни людей на Земле.

Нынешний век демонстрирует неминучесть наступления очередной вехи в научно-техническом прогрессе. Для четвертой промышленной революции, проходящей под лозунгом всеобщей цифровизации, характерна поэтапность и тотальное изменение всех сфер жизни с проникновением в них цифровых технологий. Постепенность цифровизации обусловлена необходимостью подготовки технической и технологической ресурсной базы для объявления новейшей научно-технической революции состоявшейся, а также обеспечения всесторонней подготовленности государств, социума и индивидов к новому формату жизни, не укладывающемуся в существующее представление о бытии, привычном ходе вещей, где придется столкнуться не только с новыми техническими средствами и освоить их, но и принять существование новых, прежде неизвестных человечеству, объектов (а, возможно, и субъектов) права, имитирующих «когнитивные» функции, сходные с человеческими, а также быть готовыми к многоаспектному взаимодействию с ними.

Наиболее прогрессивными являются «сквозные» цифровые технологии, способные пронизывать все существующие отношения, институты и системы в мире. К ним относятся большие данные, нейротехнологии, технологии виртуальной и дополнительной реальности, блокчейн и др. Одной из самых обсуждаемых, востребованных и в то же время этически противоречивых «сквозных» цифровых технологий является искусственный интеллект, способный составить конкуренцию человеку в множестве областей жизнедеятельности, включая уголовное судопроизводство и судебную деятельность. Примечательно, что в некоторых странах уже сегодня применяются искусственные интеллектуальные системы в сфере осуществления правосудия по уголовным делам.

Так, например, П.Н. Бирюков, анализируя зарубежный опыт внедрения искусственного интеллекта в сферу судопроизводства, указывает на общепризнанность и общепринятость в Европе такого термина, как «предсказанное правосудие»¹¹⁶, суть которого состоит в возможности программ-

---

¹¹⁶ Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // *Lex Russica*. 2019. — № 11(156). — С. 81.

ных комплексов прогнозировать исход того или иного судебного дела или правового спора.

Американская судебная практика уже пополнилась как минимум одним казусом неэтичного, несправедливого, дискриминационного подхода к разрешению дела в процессе применения программы прогнозирования возможности совершения человеком нового правонарушения. Так, в деле «Лумис против Висконсина» обвиняемый оспаривает результаты оценки рисков таким инструментом как Профилирование управления исправительными учреждениями для определения альтернативных санкций при вынесении приговора «COMPAS», в связи с тем, что программа при оценке риска рецидива учитывала пол и расу обвиняемого, а суд, в свою очередь, обосновал обвинительный приговор результатами, выданными указанной программой¹¹⁷.

С недавних пор в Китае судьям при вынесении решения по делу необходимо «держать совет» с искусственным интеллектом¹¹⁸, запущен сервис умного правосудия, являющегося частью схемы новой модели суда в КНР¹¹⁹, а также к 2025 году планируется повсеместное функционирование в Китае интеллектуальных судов четвертого поколения¹²⁰.

В Российской Федерации взят курс на цифровизацию системы государственного управления¹²¹ и правосудия¹²², закладываются основы технического¹²³, правового¹²⁴ и этического¹²⁵ регулирования применения искусственного

---

¹¹⁷ Loomis v. Wisconsin // URL: <https://www.scotusblog.com/case-files/cases/loomis-v-wisconsin> (дата обращения: 22.10.2022 г.); Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. — № 11(156). — С. 81.

¹¹⁸ Chen, S. China's court AI reaches every corner of justice system, advising judges and streamlining punishment // South China Morning Post. Jul 13, 2022. — URL: https://www.scmp.com/news/china/science/article/3185140/chinas-court-ai-reaches-every-corner-justice-system-advising?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article&campaign=3185140 (дата обращения: 22.10.2022 г.).

¹¹⁹ Умные суды в Китае: как они работают и почему судьи должны советоваться с искусственным интеллектом // Processer.Media. 2022. 1 авг. — URL: <https://processer.media/ru/umnye-sudy-v-kitae-kak-oni-rabotajut-i-pochemu-sudi-dolzny-sovetovatsya-s-iskusstvennym-intellektom/> (дата обращения: 22.10.2022 г.).

¹²⁰ Lau, M. China's courts use data analytics and blockchain evidence storage on the way to first AI-integrated legal system // South China Morning Post. 2021. 10 March. — URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3124815/chinas-courts-use-data-analytics-and-blockchain-evidence?module=inline&pgtype=article> (дата обращения: 22.10.2022 г.).

¹²¹ Распоряжение Правительства РФ от 22.10.2021 № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402867092/> (дата обращения: 23.10.2022 г.).

¹²² Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы». — URL: <https://base.garant.ru/70292624/> (дата обращения: 23.10.2022 г.).

¹²³ Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 23.12.2020 № 1372-ст «Об

интеллекта. В таких условиях, несомненно, актуальным предстает вопрос содержания принципа осуществления правосудия только судом в условиях внедрения искусственного интеллекта в сферу уголовного судопроизводства, которая и без того полна трудностей¹²⁶.

По справедливому замечанию И.П. Поповой, «замена машиной человека при отправлении правосудия не просто наполняет новым смыслом содержание принципов уголовного судопроизводства, а ставит под угрозу их реализацию»¹²⁷. Тот же автор отмечает, что алгоритмы принятия решений и толкования права, и созданные на их основе программы для применения в сфере правосудия, создаются людьми — программистами, разработчиками. Таким образом, даже если судья будет применять полученные с помощью программы данные хотя бы в качестве ориентира для принятия решения, то неизбежно «выработанный на основе работы искусственного интеллекта вывод будет предрешать мнение судьи»¹²⁸. Это будет означать, что к любому судебному решению, принимаемому посредством программ искусственного интеллекта, всегда будут «прикладывать руку» разработчики этих программ, не являющиеся носителями гарантий независимости судебной власти, не присягавшие на честное и добросовестное исполнение обязанностей по справедливому и беспристрастному отправлению правосудия. В контексте принципа осуществления правосудия только судом это означает создание условий невозможности соблюдения одного из базовых принципов уголовного судопроизводства, его попрание.

Учитывая, что искусственный интеллект совершенствуется и по прогнозам определенно будет применяться в судебной деятельности и уголовном судопроизводстве, возникает потребность в сохранении незыблемости принципов уголовного судопроизводства, включая принцип осуществления только судом, создании «защитного» нормативного регулирования в целях поддержания жизнеспособности системы принципов уголовного судопроизводства и соблюдения гарантий осуществления правосудия, основанного на

утверждении национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 59277-2020 «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_376254/ (дата обращения: 24.11.2022 г.).

¹²⁴ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 25.10.2022 г.).

¹²⁵ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта от 12.11.2021. — URL: <https://www.aiethic.ru/code> (дата обращения: 25.10.2022 г.).

¹²⁶ Шигуров А.В. Проблемы реализации принципа осуществления правосудия только судом // Вестник Мордовского университета. 2009. — № 4. — С. 188-191.

¹²⁷ Попова И.П. Реализация принципов судебной власти в условиях цифровизации судопроизводства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. — № 4 (91). — С. 240.

¹²⁸ Там же. — С. 240-241.

самостоятельности и независимости судебной деятельности, при подчинении судей только закону, а не указаниям искусственного интеллекта.

Представляется, что в перспективе, безусловно, невозможно будет избежать внедрения искусственного интеллекта в сферу осуществления правосудия по уголовным делам. Учитывая это, следует заблаговременно на законодательном уровне обозначить статус искусственного интеллекта исключительно как инструмента для облегчения решения технических задач судебного делопроизводства. Таким образом удастся создать условия для сохранения истинного содержания принципа осуществления только судом.

Список литературы

1. Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. — № 11(156). — С. 79-87.
2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта от 12.11.2021. — URL: <https://www.aiethic.ru/code> (дата обращения: 25.10.2022 г.).
3. Попова И.П. Реализация принципов судебной власти в условиях цифровизации судопроизводства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. — № 4 (91). — С. 235-246.
4. Умные суды в Китае: как они работают и почему судьи должны советоваться с искусственным интеллектом // Processer.Media. 2022. 1 авг. — URL: <https://processer.media/ru/umnye-sudy-v-kitae-kak-oni-rabotajut-i-pochemu-sudi-dolzheny-sovetovatsya-s-iskusstvennym-intellektom/> (дата обращения: 22.10.2022).
5. Шигуров А.В. Проблемы реализации принципа осуществления правосудия только судом // Вестник Мордовского университета. 2009. — № 4. — С. 188-191.
6. Chen, S. China's court AI reaches every corner of justice system, advising judges and streamlining punishment // South China Morning Post. Jul 13, 2022. — URL: https://www.scmp.com/news/china/science/article/3185140/chinas-court-ai-reaches-every-corner-justice-system-dvising?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article&campaign=3185140 (дата обращения: 22.10.2022 г.).
7. Lau, M. China's courts use data analytics and blockchain evidence storage on the way to first AI-integrated legal system // South China Morning Post. 2021. 10 March. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3124815/chinas-courts-use-data-analytics-and-blockchain-evidence?module=inline&pgtype=article> (дата обращения: 22.10.2022 г.).
8. Loomis v. Wisconsin. URL: <https://www.scotusblog.com/case-files/cases/loomis-v-wisconsin> (дата обращения: 22.10.2022 г.).

О причинах проблемности общих правил производства следственных действий

Аннотация. В настоящей статье ставится вопрос об оптимальности перечня общих правил производства следственных действий, предусмотренного ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК). Его упречность выводится из отсутствия законодательного определения следственного действия, фрагментарности, наличия дублирующих положений, неточности некоторых положений, смешении правил и условий производства процессуальных действий.

Ключевые слова: собирание доказательств, следственные действия, общие правила производства следственных действий, общие условия производства следственных действий.

Davydovskaya M.V.

About the reasons for the problematic nature of the general rules of investigative actions

Abstract. This article raises the question of the optimality of the list of general rules for the conduct of investigative actions provided for in Article 164 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CPC). Its reproachfulness is deduced from the absence of a legislative definition of the investigative action, fragmentation, the presence of duplicate provisions, inaccuracy of some provisions, confusion of rules and conditions for the production of procedural actions.

Keywords: collection of evidence, investigative actions, general rules for the production of investigative actions, general conditions for the production of investigative actions.

Собирание доказательств является элементом процесса доказывания, его иницирующим. Именно соблюдением порядка собирания доказательств определяется такое их свойство, как допустимость. В этой связи четкость процессуальной регламентации процессуальных действий, направленных на получение доказательств, является важным фактором, обуславливающим законность действий должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу. Качество процессуальной регламентации порядка собирания доказательств создает необходимые условия для правильного толкования

---

* Давыдовская Марина Владимировна, адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

Davydovskaya Marina Vladimirovna, Post-graduate officer of the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

процессуальных норм, применения аналогии закона и аналогии права¹²⁹. Обозначив, что собирание доказательств осуществляется посредством следственных и иных процессуальных действий (ч. 1 ст. 86 УПК), законодатель длительное время оставляет без внимания ключевую проблему, от решения которой прежде всего зависит выбор системы процессуальных норм, применимых к конкретному способу собирания доказательств. Это вопрос о понятии следственного действия, посредством которых в уголовном процессе статус доказательств приобретают большинство сведений о фактах.

По справедливому мнению О.Я. Баева, такого рода законодательный пробел является упущением, порождающим многолетние и многочисленные дискуссии¹³⁰.

Больше вопросов, чем ответов порождает п. 32 ст. 5 УПК, которым определяется процессуальное действие. В частности, может ли судебное действие быть следственным? Какие иные действия имеет в виду законодатель, и чем они отличаются от судебных и следственных? Поистине законодатель определяет «неизвестное через неизвестное»¹³¹. Доктринальные подходы к понятию следственного действия также разнятся. Известно, в литературе предлагаются разные перечни следственных действий. Сегодня, действительно, уже не является основной трактовка следственного действия, как любого процессуального действия, производимого следователем. В свое время такой подход к понятию следственного действия широко поддерживался в науке¹³². Однако и после кардинально нового подхода к следственным действиям, предложенного С.А. Шейфером¹³³, выделившим ряд их признаков, в числе которых поисково-познавательная направленность, определить бесспорный их перечень не удалось.

---

¹²⁹ Автор исходит из того, что применение аналогии в уголовном судопроизводстве при соблюдении определенных условий допустимо. См.: Победкин А.В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. — № 4 (56). — С. 66-77.

¹³⁰ Баев О.Я. Тактика следственных действий: учебное пособие / О.Я. Баев. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2012. — С. 32. — 440 с.

¹³¹ Воронин С.Э., Меремьянина О.В. Основания проведения следственных действий Красноярск, 2004. — С.12.

¹³² Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. — М.: Юридическая литература, 1970. — С. 147.; Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юридическая литература, 1973. — С. 385.; Быховский И.Е. Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий: автореф. дисс. ... док. юрид. наук. — М, 1976. — С. 6.; Комлев Б.А. Следственные действия // Российская юридическая энциклопедия / гл. ред. А.Я. Сухарев. — М.: Инфа-М, 1999. — С. 892.; Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск: СЮИ, 1975. — С. 64-70.; Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. — М.: Юридическая литература, 1973. — С. 94.

¹³³ Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. — М.: Юрлитинформ, 2001. — С.38.

С.А. Шейфер сформулировал понятие следственного действия с точки зрения его познавательной сущности, как предусмотренные уголовно-процессуальным законом поисково-познавательные и удостоверительные операции, приспособленные к эффективному приданию процессуальной формы следам определенной физической природы и формы¹³⁴.

Собственно такой подход не исключает отнесение к числу следственных действий и действия, производимые судом (осмотр, следственный эксперимент, освидетельствование и др.)¹³⁵. Иную позицию сегодня занимает С.Б. Россинский, который под следственными действиями понимает уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на собирание полноценных доказательств и сохранение их для предстоящего судебного разбирательства, производимые следователем или дознавателем (органом дознания), для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела¹³⁶. Иначе говоря, С.Б. Россинский не считает следственными действиями поисково-познавательные мероприятия, производимые судом, а также судебную экспертизу, поскольку в ходе ее производства сведения, имеющие значение для дела, формируются поисково-познавательной активностью судебного эксперта, а не следователя (дознателя)¹³⁷. Кроме того, контроль и запись переговоров, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, данный автор считает «специфическими» следственными действиями, поскольку в их ходе процессуальное получение информации следователем перемежается с непроцессуальной деятельностью иных субъектов¹³⁸. Другие авторы называют следственным действием только контроль телефонных переговоров следователем без их записи; контроль следователем почтово-телеграфных отправок, как самостоятельные следственные действия видят их осмотр и выемку, а получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами следственным действием вообще не считают, полагая, что речь идет лишь об их выемке и осмотре¹³⁹.

---

¹³⁴ Шейфер С.А. Методологические и правовые проблемы собирания доказательств в советском уголовном процессе: дисс. ...док. юрид. наук. Куйбышев, 1981. — С. 281.

¹³⁵ Победкин А.В., В.Н. Яшин Следственные действия: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. — С. 17.

¹³⁶ Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М.: Норма, 2021. — С. 126.

¹³⁷ Там же. — С. 110-112.

¹³⁸ Там же. — С. 137-138, 142.

¹³⁹ Титов П.С. Средства собирания доказательств при производстве предварительного расследования / отв. ред. док. юрид. наук. профессор В.С. Джатиев. СПб: Издательство «Юридический центр», 2021. — С. 129-135.

Известны дискуссии об отнесении к следственным действиям задержания, эксгумации, получения образцов для сравнительного исследования; реализации, утилизации или уничтожения вещественных доказательств.

Итак, не только на законодательном уровне, но и в науке уголовного процесса, не предложено бесспорного понятия следственного действия и их перечня.

Между тем очевидный нормативный пробел в части понятия следственного действия не помешал законодателю предложить общие правила их производства (ст. 164 УПК). Логично предположить, что эти правила распространяются на все следственные действия, перечня которых мы в УПК не увидим. Мало того, и система общих правил производства следственного действия вызывает вопросы с точки зрения, как полноты, так и правомерности включения в нее отдельных «общих правил».

Производство следственных действий урегулировано «общими правилами» лишь фрагментарно, только применительно к отдельным следственным действиям, категориям уголовных дел, некоторым участникам уголовного судопроизводства, что в принципе не позволяет предложенный перечень правил назвать действительно «общими правилами».

О полноценном содержании некоторых общих правил законодатель и вовсе умалчивает, тем самым формируя противоречивую правоприменительную практику, связанную с ограничиванием прав и свобод лиц, привлекаемых для участия при производстве следственных действий (чч. 3, 7 ст. 164 УПК). Наличие ч. 7 ст. 164 УПК среди общих правил лишней раз подчеркнуло тенденцию к смешению оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Действующая редакция ч. 7 ст. 164 УПК создает условия для осуществления в рамках процессуальной формы непроцессуальных мероприятий¹⁴⁰, тем самым ставя под сомнение законность производства следственного действия.

Отдельные общие правила налагают запреты, несоблюдение которых не в каждом случае должно влиять на допустимость полученных доказательств. Так, ч. 3 ст. 164 УПК необоснованно запрещает производить следственные действия в ночное время в ситуациях, не связанных с привлечением к их производству невластных участников судопроизводства. В самом деле, почему бы следователю в ночное время не осмотреть предмет, документ, если он является единственным участником этого следственного действия¹⁴¹.

---

¹⁴⁰ Победкин А.В. Доказательство совести (Светлой памяти Юрия Васильевича Астафьева) // Вестник криминалистики. Издательство: автономная некоммерческая организация "Центр судебных экспертиз Государственного социально-гуманитарного университета "ФАКТ" (Коломна), 2017. — № 3-4. — С. 224.

¹⁴¹ Давыдовская М.В. Общие правила производства следственных действий: являются ли они общими? / М.В. Давыдовская // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 3(195). — С. 227.

Для чего дублировать в системе общих правил производства следственных действий (ч. 4 ст. 164 УПК) принцип уважения чести и достоинства личности, который предусмотрен ст. 9 УПК?

Оценке на обоснованность внесения в совокупность общих правил производства следственных действий подлежит новелла, заложенная в ч. 4¹ ст. 164 УПК, которая, во-первых, распространяется только на отдельные категории уголовных дел, во-вторых, по неясной причине касается только следственных действий, а не всех процессуальных решений (что было бы логично), в-третьих, запрещает «необоснованные» действия. Будто бы ранее предполагалось обратное.

Редакция ч. 5 ст. 164 УПК не соответствует уголовному законодательству, уголовно-процессуальному определению показаний. По сути, эта норма допускает применение не предусмотренного законодательством принуждения в виде предупреждения об уголовной ответственности в ситуациях, когда она наступить не может¹⁴². Речь о том, что предупреждение об уголовной ответственности по указанным в данной норме статья Уголовного кодекса Российской Федерации должно осуществляться далеко не по каждому следственному действию.

Предложенный законодателем в ст. 164 УПК РФ перечень, как представляется, включает в себя не только правила.

Правило является понятием, означающим совокупность положений, определяющих установленный порядок действий¹⁴³, соблюдение которых позволит достигнуть большей эффективности ожидаемого результата. В то время как понятие условия связывается с обстоятельством, от которого что-нибудь зависит¹⁴⁴.

Положения, предусмотренные в ч. 1-3, 4¹, 5 ст. 164 УПК, явно не имеют ничего общего с правилами осуществления поисково-познавательных мероприятий, поскольку очевидно направлены на создание необходимых условий производства, связанных либо с эффективной организацией действия, либо обеспечением прав и законных интересов его участников, либо пресечением неблагоприятных последствий для общественных отношений, не являющихся уголовно-процессуальными (ч. 4¹ ст. 164 УПК). Указанное свидетельствует о том, что положения ст. 164 УПК содержат не только правила, но и усло-

---

¹⁴² Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия: монография. М: Юрлитинформ, 2016. — С. 60.

¹⁴³ Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. — Санкт-Петербург: Норинт, 1998. — С. 951.

¹⁴⁴ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под. ред. Л.И. Скворцова. — 26-е изд., испр. и доп. — М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2010. — С. 671.

вия производства следственных действий, которые, как представляется, распространяются не только на поисково-познавательные мероприятия. Например, в ночное время, как видится, нельзя знакомить с материалами уголовного дела, предъявлять обвинение, проводить судебные заседания по избранию мер пресечения.

Таким образом, перечень общих правил производства следственных действий порочен генетически, поскольку понятие и перечень следственных действий весьма дискуссионны. Кроме того, к нему можно предъявить претензии по существу. Он не является системным, его положения фрагментарны, зачастую неточны, и, кроме, того, не все можно назвать правилами производства поисково-познавательных мероприятий, которые, как представляется, должны составлять существо следственных действий.

Список литературы

1. Баев О.Я. Тактика следственных действий: учебное пособие / О. Я. Баев. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2012. 440 с.
2. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. Исследований. Сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. - Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.
3. Быховский И.Е. Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий: автореф. дисс. ... док. юрид. наук. — М, 1976. 32 с.
4. Воронин С.Э., Меремьянина О.В. Основания проведения следственных действий Красноярск, 2004. 94 с.
5. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск: СЮИ, 1975. 184 с.
6. Давыдовская М.В. Общие правила производства следственных действий: являются ли они общими? / М.В. Давыдовская // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 3(195). — С. 225-228.
7. Комлев Б.А. Следственные действия // Российская юридическая энциклопедия / гл. ред. А.Я. Сухарев. — М.: Инфа-М, 1999. 1110 с.
8. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. - М.: Юридическая литература, 1970. 223 с.
9. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. — М.: Юридическая литература, 1973. 215 с.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под. ред. Л.И. Скворцова. — 26-е изд., испр. и доп. — М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2010. 1104 с.
11. Победкин А.В. Доказательство совести (Светлой памяти Юрия Васильевича Астафьева) // Вестник криминалистики. Издательство: Автономная не-

коммерческая организация "Центр судебных экспертиз Государственного социально-гуманитарного университета "ФАКТ" (Коломна), 2017. — № 3-4. — С. 215-231.

12. Победкин А.В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. — № 4. — С. 66-77.

13. Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия: монография. М: Юрлитинформ, 2016. 185 с.

14. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М.: Норма, 2021. 408 с.

15. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юридическая литература, 1973. 736 с.

16. Титов П.С. Средства собирания доказательств при производстве предварительного расследования / отв. ред. док. юрид. наук, профессор В.С. Джатиев. СПб: Издательство «Юридический центр», 2021. 212 с.

17. Шейфер С.А. Методологические и правовые проблемы собирания доказательств в советском уголовном процессе: дисс...док. юрид. наук. Куйбышев, 1981. 424 с.

18. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. — М.: Юрлитинформ, 2001. 206 с.

Гаврилова-Петрова Л.А.*

К вопросу о понятии уголовно-процессуальных правоотношений

Аннотация. В статье приводится анализ уголовно-процессуальных правоотношений с выведением их специфики, а также приводится понятие уголовно-процессуальных правоотношений на основе выделения специфических и структурных признаков.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные правоотношения, субъект правоотношений, объект правоотношений, содержание правоотношений.

---

* Гаврилова-Петрова Лилия Алексеевна, администратор юридической клиники, студентка 1 курса магистратуры факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридического факультета) Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Gavrilova-Petrova Lilia Alekseevna, Administrator of the legal clinic, 1st year master student of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law) of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice.

To the question of the concept of criminal procedural legal relations

Abstract. The article provides an analysis of criminal procedural legal relations with the derivation of their specifics, as well as the concept of criminal procedural legal relations based on the allocation of specific and structural features.

Keywords: criminal procedural legal relations, subject of legal relations, object of legal relations, content of legal relations.

Вопрос о регулировании правоотношений становится всё более актуальным с течением времени. Подтверждением тому является увеличившееся количество научных исследований на данную тематику, в том числе появление большего числа научных конференций по регулированию правоотношений в различных отраслях права.

Вместе с тем научные исследования по уголовно-процессуальным правоотношениям представляются достаточно скудными: из масштабных работ такого рода правоотношениям посвящены лишь докторская диссертация В.П. Божьева «Уголовно-процессуальные отношения» 1975 года и кандидатская диссертация И.И. Ахматова «Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений» 2017 года¹⁴⁵.

Общая теория правоотношений, на наш взгляд, разработана достаточно полно: указанной теме уделяется внимание в любом учебнике теории государства и права, в различных научных статьях. Разработано и понятие правоотношений. Например, С.С. Алексеев указывает, что «правовое отношение — это возникающая на основе норм права общественная связь, участники которой имеют субъективные права и юридические обязанности, обеспеченные государством»¹⁴⁶. По сути, указанное определение создано на основе выделения структурных признаков. Представляется, что применительно к конкретной отрасли права понятие правоотношения следует выводить, опираясь не только на их структуру, но и иные отличительные особенности - функциональные, целевые, etc.

И.И. Ахматов определяет уголовно-процессуальные правоотношения как «форму развития уголовного процесса, регламентированную

---

¹⁴⁵ Божьев В.П. Уголовно-процессуальные отношения [Текст]. — Москва: Юрид. лит., 1975. — 176 с.; Ахматов И.И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Уральск. гос. юрид. ун-т. Екатеринбург, — 2017. — 33 с.

¹⁴⁶ Алексеев С.С., Архипов С.И. и др. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. — 2005. — С. 293.

нормами уголовно-процессуального права двусторонняя правовая связь субъектов уголовного процесса, носящую властный характер, функционирующую в системе процессуальных взаимодействий, обусловленную уголовно-правовым отношением и направленную на его установление»¹⁴⁷, однако, данное понятие отделяет уголовно-процессуальные правоотношения от иных, как представляется, через приведение отрасли и некоторых аспектов отраслевой специфики (властный характер, связь с материальным правом, etc.). Кроме того, приведение двусторонней правовой связи представляется ограниченным ввиду особенностей уголовного процесса, о чем будет упомянуто ниже.

Уголовно-процессуальные правоотношения обретают свою специфику за счет специфики самой отрасли: являясь отраслью процессуального публичного права, уголовно-процессуальное право зиждется преимущественно на императивном методе правового регулирования, буквально балансируя между несколькими интересами (публичным интересом государства, частным интересом потерпевшего и частным интересом подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, etc.) с целью, с одной стороны, привлечь лицо к ответственности за совершенное преступление, с другой — не допустить необоснованного обвинения и осуждения впоследствии лица, в его совершении невиновного.

Нельзя в данном контексте не упомянуть и тот факт, что в уголовном процессе используется и арбитражный метод правового регулирования, который профессор А.В. Смирнов и вовсе считает основным процессуальным методом в состязательном уголовном процессе. В данном случае речь идет о том, что в уголовно-процессуальные правоотношения строятся по такой схеме, при которой основные вопросы разрешаются посредством привлечения беспристрастного арбитра — суда, а потому рассматриваемые правоотношения носят трехсторонний характер, образуя своего рода состязательный «треугольник»: сторона обвинения - сторона защиты — суд¹⁴⁸.

В качестве еще одного специфического свойства уголовно-процессуальных правоотношений можно выделить «проистекание» одних правоотношений из других. В рамках уголовного процесса правоотношения, как правило, буквально идут друг за другом: так, например, проверка сообщения о преступлении может перейти в возбуждение уголовного дела и следовать дальше, а может окончиться отказом в возбуждении уголовного дела, который, в свою очередь, может быть обжалован. В указанном примере можно увидеть, что уголовно-процессуальные правоотношения динамичны, последовательны, а их система образует целые ветви возможных сценариев.

---

¹⁴⁷ Ахматов И.И. Указ. соч. — С. 10.

¹⁴⁸ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. — СПб.: «Наука», ООО «Издательство "Альфа"», 2000. — С. 20, 21.

Рассмотрим специфику уголовно-процессуальных правоотношений и с точки зрения их структуры. Структура правоотношений, как правило, сводится к наличию субъекта, объекта и содержания. Однако в уголовно-процессуальных правоотношениях данная структура имеет некоторые особенности, в связи с чем рассмотрим отдельно каждый их элемент.

Начнем с субъекта. В общей теории правоотношений субъектами могут выступать лица — физические и юридические. Однако в уголовно-процессуальных правоотношениях так категорично утверждать нельзя. Из основ уголовного права, с которым уголовно-процессуальное право непосредственно связано, следует, что в качестве субъекта преступления может выступать исключительно вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности (ст. 19 УК РФ). Следовательно, процессуальным статусом подозреваемого с дальнейшим его преобразованием в обвиняемого юридическое лицо обладать не может, а потому в таком контексте субъектом не является. Несмотря на это, участвовать в уголовно-процессуальных правоотношениях юридические лица могут, но с некоторыми исключениями: они могут быть наделены статусами потерпевших (ст. 42 УПК РФ), гражданских истцов, гражданских ответчиков (ст. 44-45, 54-55 УПК РФ). Законом предусмотрены и иные формы участия юридических лиц в процессе, например, ст. 106 УПК РФ предусматривает возможность внесения юридическим лицом залога¹⁴⁹.

В качестве специфических субъектов уголовно-процессуальных правоотношений можно выделить и должностных лиц. В связи с тем, что в рассматриваемых правоотношениях присутствует публичный интерес, появляется обязательный субъект, наделенный конкретными властными полномочиями (дознатель, следователь, прокурор, государственный обвинитель, etc.). Без его участия невозможно достижение цели уголовного процесса, в качестве которой ряд ученых выделяет установление истины по уголовному делу¹⁵⁰.

Выделяется два объекта уголовно-процессуальных правоотношений: общий и специальный. В качестве общего объекта подразумевается то, в связи с чем возникает совокупность отношений по конкретному уголовному делу. Специальный же объект подразумевает ожидаемый результат поведения участников в каждом конкретном правоотношении в процессе движения определенного уголовного дела¹⁵¹.

---

¹⁴⁹ Подробнее см. Азаров В.А. Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика: монография / В.А. Азаров, М.Х. Абдрахманов, М.Р. Сафаралеев. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. — 400 с.

¹⁵⁰ Ткачева Н.В. Особенности уголовно-процессуальных правоотношений: философско-правовой аспект // Философия права. 2022. — № 2 (101). — С. 22.

¹⁵¹ Рыбина Н.С. Уголовно-процессуальные правоотношения: понятие, цели, правовая основа и структура // Вестник Московского университета МВД России. 2011. — № 7. — С. 206.

В общей теории права под содержанием правоотношения понимаются корреспондирующие субъективные права и юридические обязанности субъектов правоотношения. В уголовно-процессуальных правоотношениях наряду с указанными элементами в содержании появляются еще и полномочия, которыми законом наделяются суд, органы, осуществляющие предварительное расследование, прокурор.

Полномочия представляют собой комплекс прав и обязанностей, носящих властный характер. В тексте закона они могут выражаться в разных лексических формах: «вправе», «обязан», «уполномочен», а также с использованием глаголов несовершенного вида настоящего времени (например, «поддерживает», «выносит», etc.). В рамках же самих правоотношений они «распадаются» на права и обязанности, при этом одно полномочие может выступать правом в одних правоотношениях и обязанностью в других. В качестве примера такого расщепления К.Б. Калиновский приводит полномочие следователя возбуждать уголовное дело.

Так, в правоотношении с заявителем о преступлении следователь является обязанным лицом, обеспечивающим право управомоченного лица на удовлетворение его заявления в случае его обоснованности. В ином правоотношении с участием прокурора возбуждение уголовного дела становится правом следователя, и корреспондирующей обязанностью в данном случае будет выступать обязанность прокурора признать акт о возбуждении уголовного дела законным¹⁵².

Подобная ситуация обусловлена тем, что на лиц, наделенных полномочиями, т.е. должностных лиц, распространяется запретительный метод правового регулирования, то есть должностные лица могут совершать те действия или принимать те решения, которые прямо законодательно предусмотрены для совершения или принятия.

В связи с указанным выше, а также в связи с динамичностью и последовательностью правоотношений в рамках производства по уголовному делу сложно определить конкретных управомоченных и обязанных лиц, однако, такое определение необходимо, например, при определении санкций в отношении обязанных лиц за неисполнение ими установленных законом обязанностей.

В рамках уголовно-процессуальных правоотношений вопросы вызывает и аспект корреспондирования прав и обязанностей. Как правило, корреспондирование прослеживается, в том числе и на уровне полномочий. Например, праву на судебную защиту потерпевшего корреспондирует обя-

---

¹⁵² Калиновский К.Б. Механизм правового регулирования // Выступление на летней школе Института проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге. — 2012 г. — URL: <https://youtu.be/JLWYvTaurbA?t=3076> (дата обращения: 27.10.2022 г.).

занность органов, уполномоченных проводить предварительное расследование, возбудить уголовное дело при обнаружении признаков преступления. Полномочию следователя, дознавателя проводить допрос корреспондирует обязанность допрашиваемого явиться по повестке.

В рамках уголовного процесса значение имеют непосредственно правоотношения, предусмотренные УПК РФ, потому важное значение приобретает процессуальная форма — «совокупность условий, установленных процессуальным законом для совершения органами следствия, прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, а также для совершения гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности¹⁵³». Установленная законом процессуальная форма, с одной стороны, ограничивает рассматриваемые правоотношения, с другой — упорядочивает их.

Подводя итог, приведем авторское определение уголовно-процессуальных правоотношений на основе структурных и специфических их признаков.

Так, уголовно-процессуальные правоотношения — возникающая на основе норм уголовно-процессуального права общественная связь между субъектами (физическими, юридическими — с изъятиями) — носителями субъективных прав и юридических обязанностей, а также субъектами - обладателями полномочий, реализуемых в определенной УПК РФ процессуальной форме, направленная на реализацию социальных потребностей в совершении процессуальных действий, результатах правового поведения, защите материальных и нематериальных благ, в состязательном уголовном процессе выражающаяся в виде трёхсторонних отношений с участием стороны защиты, стороны обвинения и суда как беспристрастного арбитра.

Список литературы

1. Азаров В.А. Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика: монография / В.А. Азаров, М.Х. Абдрахманов, М.Р. Сафаралеев. — Омск: Издательство Омского государственного университета, 2010. — 400 с.
2. Алексеев С.С., Архипов С.И. и др. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. — 2005. — 496 с.
3. Ахматов И.И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Уральск. гос. юрид. ун-т. Екатеринбург, — 2017. — 33 с.

---

¹⁵³ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. — М.: Наука, — 1968. — Т.1: Основные положения науки советского уголовного процесса. — С. 51.

4. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные отношения [Текст]. — Москва: Юрид. лит., 1975. — 176 с.
5. Калиновский К.Б. Механизм правового регулирования // Выступление на летней школе Института проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге. — 2012 г. - URL: https://youtu.be/JLWyyTa_yrbA?t=3076 (дата обращения: 27.10.2022 г.).
6. Рыбина Н.С. Уголовно-процессуальные правоотношения: понятие, цели, правовая основа и структура // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 7. — С. 204-208.
7. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. — СПб.: «Наука», ООО «Издательство "Альфа"», 2000. — 224 с.
8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. — М.: Наука, — 1968. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. — 470 с.
9. Ткачева Н.В. Особенности уголовно-процессуальных правоотношений: философско-правовой аспект // Философия права. — 2022. — № 2 (101). — С. 17-25.
10. Токтоматов А.Р. К вопросу о правовом положении юридического лица в уголовно-процессуальных правоотношениях // Академическая мысль. — 2021. — № 2 (15). — С. 94-98.

Калачёва А. В.*

О проблемах соблюдения сроков дознания: взгляд опытного практика и начинающего ученого

Аннотация. В статье освещаются некоторые существующие в современной правоприменительной практике факторы, которые негативно сказываются на соблюдении установленных законом сроков дознания, лишают участников уголовного судопроизводства возможности своевременного доступа к правосудию и затрудняют реализацию положений о разумном сроке уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: дознаватель, дознание, разумный срок уголовного судопроизводства, срок дознания, предварительное расследование.

---

* Калачёва Алина Владимировна, начальник отдела организации дознания УМВД России по Вологодской области; адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, полковник полиции.
Kalacheva Alina Vladimirovna, Head of the Department of Organization of inquiry of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Vologda region; Associate at the Department of Management of Crime Investigation Bodies Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel.

**On the problems of compliance with terms of inquiry:
the view of an experienced practitioner
and a novice scientist**

Abstract. The article highlights some factors existing in modern law enforcement practice that negatively affect compliance with the terms of inquiry established by law, deprive participants in criminal proceedings of the possibility of timely access to justice and complicate the implementation of provisions on a reasonable period of criminal proceedings.

Keywords: inquirer, inquiry, reasonable term of criminal proceedings, term of inquiry, preliminary investigation.

Современные реалии развития общества и государства, объективно требуют принципиально новых правотворческих и, самое главное, правоприменительных подходов к механизмам предварительного расследования по уголовному делу, обусловленных общим назначением уголовного судопроизводства в целом и гарантиями обеспечения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу процессуального регулирования, в частности. Причем среди всех подобных гарантий достаточно большое значение приобретают установленные законом сроки дознания и предварительного следствия — четко определённые промежутки времени, за которые дознавателю или следователю надлежит завершить досудебное производство, разрешив все стоящие перед ними задачи. О важности процессуальных сроков как неперемennых атрибутов предварительного расследования, об их существенном влиянии на повышение уровня правовой защищенности подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и других субъектов, вовлеченных в сферу досудебного производства по уголовному делу, уже неоднократно говорилось в работах ведущих ученых-процессуалистов¹⁵⁴, а также отмечалось в решениях Конституционного Суда РФ¹⁵⁵.

---

¹⁵⁴ См.: Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.В. Смирнова. 3-е изд. М., 2007. — С. 363; Стельмах В.Ю. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов. — М., 2020. — С. 6; Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: учебник. — М., 2022. — С. 116 и др.

¹⁵⁵ См.: определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. № 985-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Катаранова Эдуарда Ринатовича и Трухина Петра Юрьевича на нарушение их конституционных прав частью пятой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; определение Конституционного Суда РФ от 19 октября 2010 г. № 1412-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фирулева Александра Андреевича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и др. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

Именно поэтому в современной правоприменительной практике вопросам соблюдения сроков предварительного расследования, в частности сроков дознания, уделяется повышенное значение. Указанные вопросы — предмет пристального внимания со стороны различных должных лиц прокуратуры, остро реагирующих на ненадлежащее исполнение органами дознания положений о разумности срока уголовного судопроизводства, особенно в контексте обеспечения качества досудебного производства и соблюдения конституционных прав граждан.

Существующие в настоящее время сроки дознания, производимого в общем порядке (так называемого ординарного дознания), установлены ч. 3, 4, 5 ст. 223 УПК РФ. Вместе с тем подобный нормативный подход был установлен не сразу, а поэтапно — вследствие ряда изменений, внесенных за последние годы в уголовно-процессуальное законодательство. Так, первоначальная редакция указанной нормы предусматривала обязанность окончить дознание в 15-суточный срок с возможностью его продления прокурором не более чем на 10 суток; в дальнейшем законодатель увеличил изначально установленный срок дознания до 20 суток, сохранив возможность его продления не более чем на 10 суток¹⁵⁶. И наконец, в 2007 г. изначально установленный срок дознания был увеличен до 30 суток с возможностью его продления: еще на 30 суток — при необходимости, до 6 месяцев — в особо сложных случаях, в частности обусловленных потребностью в производстве судебной экспертизы, и до 12 месяцев — в исключительных случаях, связанных с исполнением запроса о международной правовой помощи¹⁵⁷.

Вместе с тем изменения, неоднократно вносимые в правовой режим дознания, касались не только его сроков. С момента вступления в действие УПК РФ существенным корректировкам подверглись и другие правовые условия данной формы предварительного расследования, плохо согласующиеся с установленными ст. 3, 4, 5 ст. 223 УПК РФ сроками дознания. Как показывает анализ современной правоприменительной практики органов дознания, в первую очередь территориальных подразделений дознания УВД Вологодской области, вверенных в управление автору настоящей статьи, указанные сроки явно не рассчитаны на возможность должного выполнения дознавателями всего объема возложенных на них процессуальных полномочий в установленном порядке.

---

¹⁵⁶ Федеральный закон от 04 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

¹⁵⁷ Федеральный закон от 06 июля 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

Не в последнюю очередь это связано с чрезмерно высокой нагрузкой дознавателей, обусловленной увеличением количества уголовных дел, подлежащих расследованию в форме дознания. Например, в Вологодской области за последние несколько лет наблюдается неуклонный рост преступлений, предварительное расследование которых проводилось (проводится) в форме дознания: в 2019 г. — 8367; в 2020 г. — 8641 (+3,3%); в 2021 г. — 9075 (+5,02%); за первые 9 мес. 2022 г. — 7412 (+8,76% по сравнению с аналогичным периодом 2021 г.). Кроме того, увеличение реальных сроков дознания, в том числе по самым незначительным уголовным делам, обуславливается тенденциями, выраженными в явном усложнении механизмов этой «упрощенной» формы предварительного расследования, в ее постепенном сближении с предварительным следствием¹⁵⁸, в обременении дознавателя обязанностью составлять множество трудоемких процессуальных и служебных документов¹⁵⁹.

И наконец, сроки дознания увеличиваются ввиду все новых и новых требований прокуратуры и суда, формально мотивированных необходимостью повышать качество дознания и обеспечивать права и законные интересы, участвующих лиц. Исходя из анализа правоприменительной практики Вологодской области особую остроту эта проблема приобретает ввиду позиций судов и органов прокуратуры об обязательном назначении судебно-психиатрических экспертиз по всем уголовным делам, по которым прогнозируется особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный гл. 40 УПК РФ, что существенно затягивает сроки дознания. Суды Вологодской области, а соответственно и органы прокуратуры, обосновывают подобный подход разъяснениями, содержащимися в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»¹⁶⁰, в соответствии с которыми по каждому уголовному делу назначение и производство судебно-психиатрической экспертизы обязательно, если необходимо установить психическое состояние подозреваемого, обвиняемого, подсудимого при возникновении сомнений в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве. Кроме того, существуют и «регио-

---

¹⁵⁸ См.: Россинский С.Б. Указ. соч. — С. 106.

¹⁵⁹ На эту же проблему, но в части работы органов предварительного следствия обращает внимание и О.И. Цоколова. См.: Цоколова О.И. О процессуальных сроках (тезисы доклада) // «Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования»: материалы Международной научно-практической конференции (к 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ). Ч. 2. Орёл, 2022. — С. 171.

¹⁶⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

нальные» позиции Третьего кассационного суда общей юрисдикции, фактически предрешающие требование об обязательном назначении судебно-психиатрических экспертиз при проведении судебного разбирательства в особом порядке — для устранения сомнений в осознании обвиняемыми сущности данной формы правосудия и последствий заявляемых ими ходатайств¹⁶¹. Аналогичного подхода придерживается и Вологодская областная прокуратура в части уголовных дел, подлежащих прекращению органами дознания по нереабилитирующим основаниям.

К слову, на сроках дознания негативно сказывается не столько сама обязанность назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы, время проведения которой в среднем колеблется от 10 дней до 1 месяца, сколько длительность ее ожидания, обусловленная большой загруженностью судебно-экспертных учреждений психиатрической направленности — в среднем от 1 до 2 месяцев. Поэтому общий «цикл» назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы (от вынесения постановления об ее проведении до получения дознавателем соответствующего экспертного заключения) даже по самым простым уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести в Вологодской области в среднем составляет от 2 до 3 месяцев. Попытки преодоления указанных трудностей, в частности выработки каких-то компромиссных позиций с прокуратурой и судом, предпринимаются руководителями многих подразделений дознания региональных и специализированных органов внутренних дел начиная с 2018 года. Однако, несмотря на все усилия и принимаемые меры, существующая проблема до настоящего времени остается неразрешенной. Поэтому количество уголовных дел, оконченных дознавателями с превышением разумных сроков по причине производства судебно-психиатрических экспертиз, в Вологодской области увеличивается с каждым: в 2019 г. — 269 дел, в 2020 г. — 309 дел, в 2021 г. — 371 дел, за первые 9 мес. 2022 г. — 340 дел.

Существует и еще одно обстоятельство, весьма негативно сказывающееся на соблюдении установленных законом сроков дознания — обязанность выполнения дознавателями требований, предусмотренных ст. 160.1 УПК РФ и состоящих в принятии мер по установлению и аресту имущества подозреваемого, стоимость которого может обеспечить возмещение причиненного имущественного вреда. Ведь ввиду отмеченного выше сближения правовых режимов дознания и предварительного следствия, выраженного в установлении единых условий для обеих форм предварительного расследования, дознавателю в независимости от суммы причиненного преступлением ущерба надлежит выполнить указанные требования, которые наряду с

---

¹⁶¹ См., например: кассационные определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06 июля 2021 г. № 77-1492/2021 и от 15 июля 2021 г. № 77-1657/2021.

УПК РФ закреплены в межведомственных приказах, регламентирующих деятельность по возмещению ущерба, причиненного преступлением¹⁶². В противном случае возникают основания для возвращения уголовного дела для производства дополнительного дознания. Вместе с тем мероприятия по отысканию обозначенного имущества (подготовка и направление соответствующих запросов, получение ответов на них, проведение обысков, других следственных действий и т.д.) занимают значительное время, чем весьма негативно сказываются на сроках дознания, нередко обуславливая необходимость его продления.

В современной правоприменительной практике можно встретить и ряд других обстоятельств, негативно сказывающихся на соблюдении сроков дознания, а, следовательно, лишаящих участников уголовного судопроизводства права на своевременный доступ к правосудию и затрудняющих реализацию положений о разумном сроке уголовного судопроизводства. Однако установленный редакцией небольшой объем настоящей статьи вынуждает ограничиться освещением лишь рассмотренных вопросов.

В любом случае ясно одно: на сегодняшний день проблема соблюдения сроков дознания требует широкого обсуждения и разрешения на комплексном уровне, включающем принятие серии мер организационно-правового характера. Вполне возможно, что эти вопросы все же удастся разрешить посредством достижения некоего приемлемого компромисса между судом, прокуратурой и различными органами дознания. Однако не исключается и потребность внесения ряда изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство, предполагающих уравнивание сроков дознания и сроков предварительного следствия — ввиду явного сближения этих форм предварительного расследования.

Список литературы

1. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: учебник — М.: Норма, 2022. — 232 с.

2. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.В. Смирнова. 3-е изд. — М.: КНОРУС, 2007. — 704 с.

---

¹⁶² Приказ ГП РФ, МВД России, МЧС России, ФСБ России, СК РФ, ФСКН России, ФТС России, ФССП России, Федеральной службы по финансовому мониторингу от 29.03.2016 № 182, 189, 153, 243, 33, 129, 800,220,105 «О порядке взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в сфере возмещения ущерба, причиненного государству преступлениями» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.); Приказ СУ СК России по Вологодской области, УФСБ России по Вологодской области, УМВД России по Вологодской области, УФССП России по Вологодской области, ГУ МЧС России по Вологодской области от 23.08.2017 № 100/144/41/974/517/333 «Об организации межведомственного взаимодействия при возмещении причиненного преступлением ущерба».

3. Стельмах В.Ю. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов. — М.: Юрайт, 2020. — 121 с.

4. Цоколова О.И. О процессуальных сроках (тезисы доклада) // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: материалы Международной научно-практической конференции (к 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ. Ч. 2. — Орёл: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022. — С. 169–172.

Лебедева М.Е.*

Проблемы правового регулирования проверочных действий следователя на стадии возбуждения уголовного дела

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования процессуальных действий, перечисленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Уделено внимание проблемам производства следственного осмотра, в частности, осмотра места происшествия, совпадающего с жилищем, на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, доследственная проверка, следственный осмотр, осмотр места происшествия, осмотр жилища.

Lebedeva M.E.

Problems of legal regulation of the investigator's verification actions at the stage of initiating a criminal proceeding

Abstract. The article examines peculiarities of legal regulation of procedural actions listed in part 1 of Art. 144 of Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Attention is paid on problems related to investigative view at the stage of initiating a criminal proceeding and to view of place of occurrence congruent with dwelling in particular.

Keywords: stage of initiating a criminal proceeding, pre-investigation verification, investigative view, view of place of occurrence, view of dwelling.

---

* Лебедева Маргарита Евгеньевна, обучающаяся 2 курса магистратуры факультета подготовки криминалистов ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» (научный руководитель: Хорьяков С.Н., доцент кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент).

Lebedeva Margarita Evgenievna, a 2nd-year master student of the Faculty of Training Criminologists of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Supervisor: S.N. Khoryakov, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor).

В ч. 1 ст. 144 УПК РФ закреплены следующие процессуальные действия, которые вправе проводить следователь на этапе проверки сообщения о преступлении: получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-разыскных мероприятий.

В настоящее время имеются дискуссионные вопросы относительно классификации, целей и степени правовой урегулированности действий следователя, перечисленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Ст. 144 УПК РФ называется «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении», и данный порядок, как следует из анализа статьи, включает в себя следующие этапы: принятие, проверка сообщения о преступлении и принятие по нему решения. При проверке сообщения о преступлении могут быть произведены действия, указанные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. При этом в ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ в контексте разъяснения прав и обязанностей говорится о лицах, участвующих в производстве «процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении», в виду чего можно назвать все действия, указанные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, процессуальными. Вместе с тем многие авторы считают оправданным обозначение данных действий терминами «способы предварительной проверки»¹⁶³ и «проверочные действия»¹⁶⁴, поскольку стадия возбуждения уголовного дела не должна подменять предварительное расследование, когда уполномоченные органы исходят из того, что было совершено преступление, и когда их деятельность направлена на доказывание всех необходимых обстоятельств. Представляется оптимальным называть действия, указанные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, проверочными, поскольку так подчеркивается задача стадии — установление признаков преступления или обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии основания для возбуждения уголовного дела.

Среди действий, перечисленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, к следственным большинство авторов относит производство судебной экспертизы, осмотр

---

¹⁶³ Мартыненко С.Б. К вопросу об эволюции уголовно-процессуального регулирования предварительной проверки сообщений о преступлении // *Lex Russica*. — 2018. — № 7 (140). — С. 99.

¹⁶⁴ Стельмах В.Ю. Доказательственное значение проверочных действий, производимых в стадии возбуждения уголовного дела // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. — 2017. — № 1. — С. 162.

места происшествия, предметов, документов, трупов, освидетельствование и получение образцов для сравнительного исследования¹⁶⁵.

Особенностью правового регулирования следственных действий на данном этапе является то, что несмотря на закрепление в ч. 1 ст. 144 УПК РФ возможности производства указанных действий при проверке сообщений о преступлениях, в нормах, регулирующих производство данных следственных действий, также указывается на возможность их производства до возбуждения уголовного дела, однако, данные указания не единообразны. Так, в ст. 202 УПК РФ указывается, что образцы для сравнительного исследования могут быть получены не только у лиц, обладающих процессуальным статусом: подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, но и у иных физических лиц и представителей юридических лиц в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, а также то, что получить образцы для сравнительного исследования можно до возбуждения уголовного дела. В ст. 179 УПК РФ, регулирующей порядок освидетельствования, сказано, что производство данного следственного действия возможно до возбуждения дела в случаях, не терпящих отлагательства. Помимо этого, в данной статье, несмотря на то, что перечислены субъекты, в отношении которых может быть проведено освидетельствование (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель), отсутствует указание на возможность освидетельствования иных лиц, как это указано в статье о получении образцов для сравнительного исследования.

Особого внимания заслуживают статьи, посвященные осмотру. В ч. 1 ст. 144 УПК РФ указывается на возможность осмотра места происшествия, предметов, документов и трупов. В ст. 176 УПК РФ, регулирующей производство осмотра, сказано, что осмотру подлежат не только место происшествия, предметы и документы, но и местность, жилище и иное помещение, однако, в ч. 2 рассматриваемой статьи в согласовании с ч. 1 ст. 144 УПК РФ закреплена возможность производства до возбуждения уголовного дела осмотра только места происшествия, предметов и документов. Проблему вызывает то, что ч. 1 ст. 12 УПК РФ установлено производство осмотра жилища только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, в то время как бывают ситуации совпадения места происшествия и жилища. В таком случае возникает вопрос, как должен действовать следователь. Многие специалисты указывают на необходимость применения к осмотру места происшествия, находящемуся в жилище, положений о неприкосновенности жилища, т.е. производить такой осмотр либо с согласия жильцов, либо по судебному решению. Однако в таком случае будет иметь

---

¹⁶⁵ Яковлева С.А., Шарова Д.В. Уголовно-процессуальное регулирование понятия и системы следственных действий // Вестник Марийского государственного университета. 2020. — № 2. — С. 191.

место коллизия: к осмотру места происшествия применяются положения об осмотре в жилище лишь в части, а запрет производства осмотра жилища до возбуждения уголовного дела игнорируется. При этом в законе отсутствует понятие места происшествия, есть лишь научные подходы к определению данного понятия и, что важно, понятие осмотра места происшествия имеет криминалистическое значение и именно криминалисты предпринимают попытки дать определение данному понятию. Выдающийся советский и российский криминалист Р.С. Белкин под местом происшествия понимал «участок местности или помещение, где были обнаружены следы события, требующего расследования», при этом ученый указывал, что место происшествия может совпадать с местом преступления, если следы преступления обнаружены там же, где было совершено преступление; мест происшествия по одному и тому же делу может быть несколько, если следы совершенного преступления обнаружены в разных местах¹⁶⁶. Л.В. Пинчук дает более широкую трактовку месту происшествия — «любые места, где выявлены объекты и следы, относящиеся к расследуемому преступлению»¹⁶⁷. Нельзя согласиться со столь широкой трактовкой понятия места происшествия в виду следующего. Методика расследования отдельных видов (групп) преступлений предполагает производство следственных осмотров не только с целью обнаружения следов преступной деятельности, но и для установления различных обстоятельств, например, для выявления условий проживания несовершеннолетних, характеристики жилых помещений и т. п.¹⁶⁸. Соответственно, место проживания несовершеннолетнего потерпевшего может не хранить следов преступления, но содержать информацию, имеющую значение для предварительного расследования, входить в предмет доказывания, установленный ст. 421 УПК РФ. Также специалистами в области криминалистики подчеркивается неразрывная связь между местом происшествия и местом преступления, обязательное отражение на месте происшествия вредных последствий совершения преступлений и других следов, связанных с событием преступления непосредственно¹⁶⁹. Специалист в области уголовного процесса Н.В. Михайлова предлагает определять место происшествия как «участок (территория) местности, помещение или жилище, в пределах которого обна-

---

¹⁶⁶ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. — М.: 1997. — С. 117.

¹⁶⁷ Пинчук Л.В. К вопросу о понятии осмотра места происшествия // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 5. — С. 227-231.

¹⁶⁸ Куемжиева С.А. Концептуальные основы групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних. Автореф. дис. ... док. юрид. наук. — Краснодар, 2020. — С. 36.

¹⁶⁹ Неупокоева А.Н., Шеховцова Л.С., Кочерова Л.А. Осмотр места происшествия как информационная основа расследования преступления // Закон и право. — 2018. — № 6. — С. 136-139.

ружены или могут быть обнаружены следы преступления»¹⁷⁰. Несмотря на то, что автор допускает совпадение места происшествия с жилищем, его позиция заключается в недопущении осмотра места происшествия, находящегося в жилище, без согласия жильцов или без судебного решения. Всё же, исходя из формулировки ст. 176 УПК РФ, воля законодателя была направлена на недопущение осмотра жилища на стадии возбуждения уголовного дела, соответственно, применение к осмотру места происшествия, находящегося в жилище, норм об осмотре жилища недопустимо в силу отсутствия прямого указания на возможность его осмотра. Так, Конституционный суд в своем определении, касающемся производства проверки показаний на месте в жилище, указывал, что отсутствие дозволения проникать в жилище означает запрет на проникновение в жилище без согласия проживающих лиц или без судебного решения¹⁷¹. Таким образом, применение по аналогии закона положений ч. 1 ст. 12 и ч. 5 ст. 165 УПК РФ к осмотру места происшествия в жилище не соотносится с Конституцией РФ, в ст. 25 которой закреплено, что никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом или на основании судебного решения. Д.А. Делль предлагает решить проблему путем закрепления в ч. 2 ст. 176 УПК РФ возможности производить осмотр места происшествия, в том числе являющегося жилищем, до возбуждения уголовного дела, применяя к такой ситуации положения ч. 5 ст. 177 и ч. 5 ст. 165 УПК РФ¹⁷². Таким образом, автор не допускает производства осмотра жилища в иных целях. Представляется, что необходимо допустить возможность производства до возбуждения уголовного дела как жилища, так и места происшествия, совпадающего с жилищем. При этом остается открытым вопрос, есть ли необходимость законодательно закрепить возможность производства осмотра места происшествия, совпадающего с жилищем, без выполнения требований, установленных ч. 7 ст. 177 УПК РФ, подобно тому, как возможность проникновения в жилище без согласия проживающих лиц и получения судебного решения предоставлена сотрудникам полиции в соответствии с Федеральным законом «О полиции» в установленных законом случа-

---

¹⁷⁰ Михайлова Н.В., Маркелов А.Г. Реализация принципа неприкосновенности жилища при производстве следственного осмотра // *Oeconomia et Jus*. — 2017. — № 3. — С. 38.

¹⁷¹ Определение Конституционного суда от 06 июля 2010 г. № 911-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киятова Николая Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 194 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=156093#LPCCYLTGgdvAp4Fq> (дата обращения: 20.10.2022 г.).

¹⁷² Делль Д.А. Некоторые проблемы, связанные с производством осмотра жилища, являющегося местом происшествия // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. — 2020. — № 3. — С. 16-17.

ях¹⁷³. Также необходимо обратить внимание и на ч. 3 ст. 177 УПК РФ, в которой закреплено, что изъятию подлежат только те предметы, которые могут иметь отношение к уголовному делу, в то время как изъятие предметов (документов) может иметь значение и для решения вопроса о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Иные указанные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ действия: получение объяснений, истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ, требование производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, дача органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий относят к иным процессуальным действиям, понятие и система которых, однако, отсутствует в УПК РФ¹⁷⁴. Вопрос вызывают такие процессуальные действия, как требование производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, поскольку законом закреплено право «требовать», а сам процесс производства указанных действий не урегулирован уголовно-процессуальным законом, то есть, данные положения могут быть истолкованы как допустимость лишь инициирования данных действий, а сами действия носят непроцессуальный характер или, как указывает С.Б. Мартыненко, представляют собой форму непроцессуальной формы применения специальных знаний¹⁷⁵.

Список литературы

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. — М.: 1997. — 339 с.
2. Делль Д.А. Некоторые проблемы, связанные с производством осмотра жилища, являющегося местом происшествия // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2020. — № 3. — С. 14-17.
3. Куемжиева С.А. Концептуальные основы групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних. Автореф. дис. ... док. юрид. наук. — Краснодар, 2020. — 47 с.
4. Мартыненко С.Б. К вопросу об эволюции уголовно-процессуального регулирования предварительной проверки сообщений о преступлении // Lex Russica. — 2018. — № 7 (140). — С. 98-113.

---

¹⁷³ Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 20.10.2022 г.).

¹⁷⁴ Яновский Р.С. Система следственных и иных процессуальных действий стадии возбуждения уголовного дела // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2016.

¹⁷⁵ Мартыненко С.Б. К вопросу об эволюции уголовно-процессуального регулирования предварительной проверки сообщений о преступлении // Lex Russica. — 2018. — № 7 (140). — С. 99.

5. Михайлова Н.В., Маркелов А.Г. Реализация принципа неприкосновенности жилища при производстве следственного осмотра // *Oeconomia et Jus*. — 2017. — № 3. — С. 35-40.
6. Неупокоева А.Н. Шеховцова Л.С., Кочерова Л.А. Осмотр места происшествия как информационная основа расследования преступления // *Закон и право*. — 2018. — № 6. — С. 136-139.
7. Пинчук Л.В. К вопросу о понятии осмотра места происшествия // *Вестник Московского университета МВД России*. — 2018. — № 5. — С. 227-231.
8. Стельмах В.Ю. Доказательственное значение проверочных действий, производимых в стадии возбуждения уголовного дела // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. — 2017. — № 1. — С. 162-170.
9. Яковлева С.А., Шарова Д.В. Уголовно-процессуальное регулирование понятия и системы следственных действий // *Вестник Марийского государственного университета*. 2020. — № 2. — С. 187-196.
10. Яновский Р.С. Система следственных и иных процессуальных действий стадии возбуждения уголовного дела // *Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал*. — 2016. — С.205-208.

Мительская Д.Д.*

Судебный контроль при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу понятия «судебный контроль» при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Производится соотношение понятий «правосудие» и «судебный контроль». Делается вывод о том, что оба этих понятия являются функциями суда, но при решении вопроса об избрании либо продлении меры пресечения в виде заключения под стражу такие решения являются юрисдикционными и являются формой реализации правосудия.

Ключевые слова: заключение под стражу, судебный контроль, правосудие, состязательность, равноправие.

---

* Мительская Дарья Дмитриевна, помощник судьи в Заводском районном суде г. Новокузнецка Кемеровской области, аспирант Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Кемеровский государственный университет (КемГУ).

Mitelskaya Darya Dmitrievna, Assistant Judge at the Zavodskoy District Court of Novokuznetsk, Kemerovo Region, Postgraduate Student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Kemerovo State University (KemGU).

Judicial control when choosing a measure of restraint in the form of detention

Abstract. The article is devoted to a critical analysis of the concept of "judicial control" when choosing a measure of restraint in the form of detention. The correlation between the concepts of "justice" and "judicial control" is made. It is concluded that both of these concepts are the functions of the court, but when deciding on the choice or extension of a measure of restraint in the form of detention, such decisions are jurisdictional and are a form of administration of justice.

Keywords: detention, judicial control, justice, competitiveness, equality.

Категория «судебный контроль» часто обсуждается в литературе. Дискуссионным остается вопрос о единой сущности судебного контроля и правосудия как двух основополагающих полномочий суда. Особенно это актуально при избрании мер пресечения (в том числе заключения под стражу), ведь вопрос: «Что есть постановление суда об избрании всякой меры пресечения, в том числе и заключения под стражу — акт судебного контроля или все-таки правосудия?» остается открытым.

Так, В.М. Бозров отмечает, что «процессуальная деятельность суда, связанная с производством по уголовным делам, причем на любой стадии, и есть не что иное, как правосудие»¹⁷⁶. С ним согласна И.Б. Михайловская. Она рекомендует понимать под правосудием всю деятельность суда, осуществляемую в установленном законом порядке судопроизводства¹⁷⁷.

Представляется целесообразным рассмотреть точку зрения авторов, отождествляющих правосудие и судебный контроль. Так, В.А. Лазарева говорит о том, что они рассматриваются по одной и той же процедуре, как и разрешение судом уголовного дела по существу. Процесс разрешения ходатайства органа расследования о заключении под стражу аналогичен процедуре рассмотрения уголовного дела¹⁷⁸. Действительно, согласно п. 50 ст. 5 УПК РФ «судебное заседание — это процессуальная форма осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу».

---

176 Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов [Текст] / В.М. Бозров. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. — С. 32.

177 Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма) / И.Б. Михайловская. — Москва: Проспект, 2003. — 142с.

178 Лазарева В.А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара: Самарский ун-т, 2000. — С. 53.

Судебный контроль, на стадии предварительного расследования, по нашему мнению, не должен отождествляться с правосудием. На этих стадиях досудебного производства он выражается в своеобразной и характерной функции судебной власти — контрольной функции и не связан с вопросом разрешения дела по существу. Целью контрольной функции суда является, в первую очередь, проверка законности и обоснованности процессуальных решений органов, осуществляющих предварительное расследование, и прокуратуры, затрагивающих конституционные права и свободы граждан.

Мнение о том, что судебный контроль и правосудие необходимо разграничивать между собой популярно среди ученых. На это указывают Н.С. Каштанова и В.А. Колбина, которые ссылаются на то, что не все присущие правосудию принципы используются при осуществлении судебного контроля. Так, не наблюдаются при его реализации принципы гласности, открытости, состязательности¹⁷⁹.

В свою очередь В.А. Азаров и И.Ю. Таричко отмечают, что правосудие имеет место исключительно на судебных стадиях уголовного процесса, в то время как судебный контроль осуществляется преимущественно на досудебных стадиях производства по делу¹⁸⁰.

Установить четкое сущностное определение судебному контролю и определить его границы при избрании меры пресечения задача непростая. На протяжении длительного времени этот вопрос является объектом исследования ученых. Так, А.Е. Килымжанова в своей работе указывает, что под судебным контролем на стадии предварительного расследования следует понимать деятельность суда, выражающуюся в разрешительных и проверочных мерах в целях обеспечения законности и обоснованности решений и действий органов уголовного преследования, ограничивающих конституционные и иные права граждан¹⁸¹.

Разделяем позицию вышеуказанного автора, полагаем, что законодатель возлагает на суд не только узкую задачу разрешения спора, но и вводит такую категорию, как судебная защита прав и свобод человека и гражданина, что находит свое отражение в ст. 45, 46 Конституции РФ¹⁸².

---

¹⁷⁹ Каштанова Н.С., Колбина В.А. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. — №1 (50). Судебный контроль в уголовном процессе России — С. 225.

¹⁸⁰ Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: Монография. — Омск, 2004. — С. 9, 139.

¹⁸¹ Килымжанова А.Е. Судебный контроль за законностью и обоснованностью избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Наука, техника и образование. 2017. — №1 (31) — С. 86.

¹⁸² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с учетом поправок внесенных 01.07.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

Не обошел стороной этот вопросы и высший судебный орган. Так, обоснованность, как объект судебного контроля при избрании меры пресечения, фигурирует в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»¹⁸³. Согласно позиции, отраженной в указанном постановлении, обоснованность предполагает наличие достаточных фактических данных, позволяющих сделать вывод о имеющихся или нет основаниях для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Основополагающее значение, наравне с обоснованностью, также имеет законность. Эта категория в целом характерна для всех институтов уголовного процесса, ее суть заключается в беспрекословном следовании предписаниям закона. Судебный контроль при избрании меры пресечения — это упорядоченная законом деятельность суда по разрешению вопросов, связанных с избранием, продлением, отменой или изменением меры пресечения, сопровождающаяся проверкой законности и обоснованности действий (бездействий) и решений следователя (дознавателя), в целях соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Судебный контроль не несет в себе цель рассмотрения дела по существу, он заключается в проверке судом законности и обоснованности действий органов предварительного расследования.

Таким образом, можно сделать вывод, что при рассмотрении ходатайства органа предварительного расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, такая деятельность суда представляет собой самостоятельную функцию судебного контроля, так как при осуществлении правосудия судом решается вопрос о виновности лица и его ответственности за совершенное, а при осуществлении функции судебного контроля судом решается вопрос о законности и обоснованности процессуальных действий, которые производятся в ходе производства по уголовному делу, и при этом не решается вопрос о виновности и ответственности лица, такие решения суда являются юрисдикционными и являются формой реализации правосудия.

Список литературы

1. Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: Монография. - Омск, 2004. 379 с.

---

¹⁸³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) "О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий // Российская газета. № 294. 27.12.2013.

2. Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов / В.М. Бозров. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. 229 с.

3. Каштанова Н.С., Колбина В.А. Судебный контроль в уголовном процессе России. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. — №1 (50). — С. 223-227.

4. Килымжанова А.Е. Судебный контроль за законностью и обоснованностью избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Наука, техника и образование. 2017. — С. 85-89.

5. Лазарева В.А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара: Самарский ун-т, 2000. 232 с.

6. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма) / И.Б. Михайловская. - Москва: Проспект, 2003. 142 с.

Медведева Д.И.*

Актуальные проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста

Аннотация. Рассматриваются проблемы, возникающие при осуществлении контроля уголовно-исполнительной инспекцией за лицами, которым в качестве меры пресечения избран домашний арест. Излагается предложение по доработке ст. 107 УПК РФ.

Ключевые слова: домашний арест, мера пресечения, суд, подозреваемый, обвиняемый, уголовно-исполнительная инспекция

Medvedeva D.I.

Actual problems of the application of a preventive measure in the form of house arrest

Abstract. The problems arising in the exercise of control by the penal enforcement inspectorate over persons who have been chosen as a preventive measure of house

---

* Медведева Дарья Ильинична, секретарь Калининского районного суда Санкт-Петербурга, магистрант Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель: Шиплюк Владимир Анатольевич, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент).

Medvedeva Darya Ilyinichna, Secretary of the Kalininsky District Court of St. Petersburg, Master student of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice (supervisor: Vladimir Anatolyevich Shipluk, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor).

arrest are considered. A proposal is made to finalize Article 107 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Keywords: house arrest, preventive measure, court, suspect, accused, criminal executive inspection.

В соответствии с 107 УПК РФ домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение.

Домашний арест избирается судом на основании ходатайства следователя (дознавателя) на срок до двух месяцев. Срок домашнего ареста может быть также продлен в случае невозможности закончить предварительное следствие и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения в порядке, установленном ст.109 УПК РФ.

В случае нарушения подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в качестве меры пресечения избран домашний арест, условий исполнения этой меры пресечения следователь, дознаватель вправе подать ходатайство об изменении меры пресечения. Если нарушение условий исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста было допущено после назначения судебного разбирательства, эта мера пресечения может быть изменена по представлению контролирующего органа.

Контроль за исполнением меры пресечения осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями, в том числе, с применением специального электронного браслета. К сожалению, на практике специальных средств для осуществления контроля может не хватать, что может сказываться на статистике по избранию данной меры не в положительную сторону, несмотря на рост ходатайств по избранию меры пресечения в виде домашнего ареста.

Количество ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста (п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ; ст. 107 УПК РФ) с 2018 по 2020 год с 7,2 тыс. увеличилось до 8,0 тыс.¹⁸⁴, что позволяет сделать вывод о положительной динамике по избранию данной меры.

При этом рост числа материалов об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, в сравнении с заключением под стражу на 2020 год число

---

¹⁸⁴ Официальный интернет-сайт судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/userimages/OBZOR_stat_SOU_2020.pdf

ходатайств составило 96,4 тыс., или 4,3 % от общего числа ходатайств. Несмотря на увеличение абсолютного числа ходатайств по избранию домашнего ареста, относительное их число остается небольшим, в сравнение с классическим арестом.

В настоящее время в практической деятельности продолжают возникать проблемы и при применении и осуществлении контроля уголовно-исполнительной инспекцией за мерой пресечения в виде домашнего ареста¹⁸⁵. Явка подозреваемого или обвиняемого на следственные и процессуальные действия обеспечивается уголовно-исполнительной инспекцией, а, как правило, на один филиал уголовно-исполнительной инспекции выделяются одно транспортное средство и сотрудник, контролирующий подозреваемого или обвиняемого по установленному судом месту проживания. Однако в случае назначения следственных действий на одно и то же время в разных местах несколькими подозреваемым или обвиняемым, которым судом избран домашний арест, это существенно затрудняет обеспечение их доставки. Практические работники отмечают, что доставка подозреваемых или обвиняемых, которым избран домашний арест, соотносима с бесплатным «государственным такси» и существенно затрудняет деятельность уголовно-исполнительной инспекции, особенно в случае неисправности транспортного средства¹⁸⁶.

В конкретном аспекте кажется, что действующая редакция исследуемой нормы права несовершенно, нуждается в преобразованиях. Использование данной меры пресечения возможно только в развитых городах. Это выражается в том, что для надзора за обвиняемым или подозреваемым необходимо инновационная связь, финансово-экономические средства для покупки оборудования для слежения и контроля, а также дополнительных единиц личного состава УИИ.

К бесспорным «плюсам» домашнего ареста можно отнести экономию муниципальных затрат, коих получается избежать по сопоставлению с использованием заключения под стражу, а еще недоступность кое-каких «острых» факторов, связанных с обеспечением надлежащих условий при содержании лиц под стражей. Практика применения домашнего ареста расширяется, что вызывает различные споры по реализации предоставленной меры. Например, одной из главных проблем является вторжение в сферу конституционных прав, свобод и интересов других лиц, которые не являются участниками уголовного судопроизводства.

---

¹⁸⁵ См: Петровских А.С., Смахтин Е.В. Запрет определенных действий: толкование и проблемы применения // Российское право: образование, практика, наука. 2018. — № 4 — С. 20.

¹⁸⁶ См: Шабанов В.Б. Применение мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий: проблемы реализации / В.Б. Шабанов, Л.Ю. Буданова // Уголовно-исполнительное право. — 2020. — Т. 15(1–4), — № 1. — С. 75–78.

Так, в ст. 107 УПК РФ закрепляется возможность исполнения домашнего ареста в отношении гражданина в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, но не предусматривается получения согласия собственников, а также лиц, проживающих в помещении, которое предполагается местом домашнего ареста.

Также остается открытым вопрос, о применении домашнего ареста к лицам, если они имеют несколько квартир в собственности, но зарегистрированы только в одной из них и постоянно в ней не проживают.

Другим проблемным вопросом является реализация домашнего ареста, которая включает в себя две составляющие:

1. Непосредственное нахождение обвиняемого, подозреваемого в жилом помещении;
2. Осуществление контроля за надлежащим соблюдением данным лицом наложенных запретов и ограничений.

Подводя итог к вышеизложенному, можно сделать вывод.

1. Вторжение в сферу конституционных прав, свобод и интересов других лиц, которые не являются участниками уголовного судопроизводства. Для решения этой проблемы необходимо внести дополнения в ст. 107 УПК РФ в виде части 1.1, которую представить в следующей редакции: 1.1. Домашний арест избирается при наличии письменного согласия лиц, проживающих совместно с подозреваемым или обвиняемым в качестве собственника или нанимателя жилого помещения либо на иных законных основаниях».

2. Применение домашнего ареста к лицу, если он имеет несколько квартир в собственности, но зарегистрирован только в одной из них и постоянно в ней не проживает. Решить данную проблему мы предлагаем следующим путем — при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста суду необходимо проверить и убедиться, что в квартире, используемой для исполнения домашнего ареста, подозреваемый или обвиняемый проживает постоянно, и именно с этой квартирой он связывает свой образ жизни, именно в ней находится его имущество и проживает его семья.¹⁸⁷

В своей статье Ермасов Е.В., Бурмакин Г.А., Габараев А.Ш., указывают о несовершенстве в ст. 107 УПК РФ, указывая, что следует привлекать к ответственности лиц, которые намеренно портят имущество принадлежащее УИИ. С этим бесспорно следует согласиться, но я также хотела бы дополнить своим предложением, что следует в случае невозможности лицом, которому

---

¹⁸⁷ См: Человек: преступление и наказание: сб. материалов междунар. науч.-теорет. конф. адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов (Рязань, 18 марта 2016 г.). — Рязань: Академия ФСИН России, 2016. — URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=34360863>.

избрана мера в виде домашнего ареста, самостоятельно выплатить ущерб нанесенный им, возложить эту обязанность на ближайших родственников, проживающих с ним в квартире, для обеспечения всестороннего контроля, в связи с этим, по моему мнению, родственники проживающие с лицом, осознавая возможную опасность будут контролировать целостность оборудования, что позволит быть уверенными в надлежащем исполнении лицом, находящимся под домашним арестом, своих обязанностей.

В ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не решен вопрос о привлечении к ответственности подозреваемых или обвиняемых, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, за отказ от применения УИИ аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, а также в случае умышленного повреждения либо уничтожения ими применяемых технических средств. Повреждение, утеря либо уничтожение технических средств контроля способствуют уклонению от исполнения наложенных судом запретов и (или) ограничений. В связи с этим в целях усиления функций контроля, а также повышения эффективности применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля в отношении подозреваемых и обвиняемых, которым судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, предлагается ст. 107 УПК РФ дополнить положениями, устанавливающими ответственность подозреваемых или обвиняемых за отказ от применения в отношении них технических средств контроля, а также за совершение умышленных действий, направленных на нарушение функционирования применяемых к ним технических средств»¹⁸⁸.

В целях совершенствования данного направления деятельности УИИ и в соответствии с Комплексным планом научного обеспечения деятельности ФСИН России, ФКУ НИИ ФСИН России запланирована подготовка проекта инструкции «Порядок возмещения ущерба, причиненного при повреждении (утрате) аудиовизуальных, электронных и иных технических средств, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора и контроля за поведением осужденных, подозреваемых или обвиняемых, состоящих на учете в УИИ»¹⁸⁹.

---

¹⁸⁸ См: Ермасов Е.В., Бурмакин Г.А., Габараев А.Ш. Вопросы совершенствования и практика реализации меры пресечения в виде домашнего ареста в деятельности уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России // Уголовное право. 2016. — № 1. — С. 130-137.

¹⁸⁹ См: Бурмакин Г.А., Габараев А.Ш. О некоторых проблемах применения электронных средств контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста // Ведомости УИС. 2017. — №1 (176). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-primeneniya-elektronnyh-sredstv-kontrolya-za-nahozhdeniem-podozrevaemyh-ili-obvinyaemyh-v-meste-ispolneniya-mery> (дата обращения: 16.10.2022 г.).

В качестве заключения, можно сказать, что есть много проблем при применении меры пресечения в виде домашнего ареста, связанных с нехваткой оборудования УИИ, осуществление необходимого контроля за целостностью тех. средств контроля и за лицом, находящимся под домашним арестом, и т. д. При этом нет задач, которые невозможно решить, это дает надежду, что в будущем при должном совершенствовании данной меры пресечения, она будет более востребованной и чаще применимой на практике.

Список литературы

1. Бурмакин Г.А., Габараев А.Ш. О некоторых проблемах применения электронных средств контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста // Ведомости УИС. 2017. — №1 (176). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-primeneniya-elektronnyh-sredstv-kontrolya-za-nahozhdeniem-podozrevaemyh-ili-obvinyаемых-v-meste-ispolneniya-mery> (дата обращения: 16.10.2022 г.).
2. Ермасов Е.В. Вопросы совершенствования и практика реализации меры пресечения в виде домашнего ареста в деятельности уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России / Е.В. Ермасов, Г.А. Бурмакин, А.Ш. Габараев // Уголовное право. — 2016. — № 1. — С. 130-137.
3. Петровских А.С., Смахтин Е.В. Запрет определенных действий: толкование и проблемы применения // Российское право: образование, практика, наука. 2018. — № 4. — С. 19-25.
4. Человек: преступление и наказание: сб. материалов междунар. науч.-теорет. конф. адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов (Рязань, 18 марта 2016 г.). — Рязань: Академия ФСИН России, 2016. — URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=34360863>
5. Шабанов В.Б. Применение мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий: проблемы реализации / В.Б. Шабанов, Л. Ю. Буданова // Уголовно-исполнительное право. — 2020. — Т. 15(1-4), № 1. — С. 75-78.

Понятие и сущность назначения уголовного судопроизводства

Аннотация. В данной работе рассматривается сущность понятия «назначение», используемого в уголовно-процессуальном кодексе РФ, анализируется различие между понятиями «назначение», «задача», «цель», анализируются результаты, выбранного законодателем подхода, делается вывод о необходимости соответствующих изменений в уголовно-процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: назначение уголовного судопроизводства, цель уголовного судопроизводства, задачи уголовного судопроизводства.

Medovkin K.R.

The concept and essence of the purpose of criminal proceedings

Abstract. This paper examines the essence of the concept of "purpose" used in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, analyzes the difference between the concepts of "purpose", "tasks", "target", analyzes the results of the approach chosen by the legislator, concludes that appropriate changes are needed in the criminal procedure legislation.

Keywords: purpose of criminal proceedings, target of criminal proceedings, tasks of criminal proceedings.

Появление нового Уголовно-процессуального кодекса сразу же вызвало дискуссии. Одним из спорных нововведений стала статья 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ, содержащая вместо имевшихся ранее задач уголовного судопроизводства так называемое «назначение». Определение задач играет важную роль, так как отражает те требования, которые законодатель выдвигает к правоприменителю, а также идеальный результат, которого желает добиться государство. Соответственно, выполнение поставленных задач является главным показателем как эффективности работы государственных органов, так и того, насколько нормы закона помогают в достижении основной цели уголовно-процессуальной политики государства. Именно исходя из задач, которые требуется достигнуть, логически вытекают все

---

* Медовкин Кирилл Романович, студент 3 курса юридического факультета Юго-Западного государственного университета.
Medovkin Kirill Romanovich, 3rd year student of the Faculty of Law of South-Western State University.

остальные нормы и принципы, служащие их реализации. С этим фактом связана структура Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и Уголовно-процессуального кодекса РФ. В обеих кодификациях статья о задачах и позднее заменившая ее статья о назначении шли раньше принципов и большинства других норм.

Вместе с изменением названия статьи сменилось и ее содержание, отразившее смену правовой идеологии в государстве. В новом законодательстве был сделан акцент на защиту прав и свобод личности. В то же время в тексте замененной нормы приоритет отдавался закреплению защиты всего общества как коллектива. Однако, несмотря на различия в тексте и названиях, очевидно, что статья 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ выполняет ту же функцию, что и статья 2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Вместе с тем нельзя полностью отождествлять понятия «назначение» и «задача». На наш взгляд, следует согласиться с проведенным Н.В. Азаренком и А.А. Давлетовым разграничением терминов. Назначение является выражением внешней оценки объекта и определяет его полезность. Оно лишь информирует субъекта о том, для чего объект используется. В свою очередь задачи непосредственно связаны с целью — конечным идеальным результатом, которого следует добиться. Для того, чтобы добиться поставленной цели, необходимо разрешать задачи, являющиеся более конкретизированными целями¹⁹⁰.

Главным разграничением между «назначением» и «целью» выступает необходимость результата в последнем. Назначение не обязывает субъект к какому-либо конечному итогу. Использование объекта по назначению может быть длящимся действием и не иметь никакого итога. Соответственно при использовании термина «назначение» в законодательстве невозможно делать выводы о достижении результата, остается лишь констатировать по назначению ли используется объект.

Содержание статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ нередко воспринимается в литературе как цель уголовного судопроизводства. Например, Л.В. Головкич считает, что в законодательстве были закреплены не юридико-технические задачи, а социальные цели¹⁹¹. При этом им не делается различие между целью и назначением. А.С. Шаталов и А.А. Крымов из рассмотрения содержания самой нормы делают вывод, что она одновременно очерчивает сферу применения уголовно-процессуального закона и обозначает его цель.¹⁹² Л.М. Володина так же связывает предназначение

---

¹⁹⁰ Давлетов А.А., Азаренок, Н.В. Назначение, цель и задачи уголовного судопроизводства // Правоведение. 2013. — №1. — С.127-128.

¹⁹¹ Головкич Л. В. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головкич. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2017. — С. 54.

¹⁹² Шаталов А.С., Крымов А.А. Уголовное процессуальное право Российской Федерации: академический курс по направлению «Юриспруденция». — М.: Проспект, 2018. — С. 74.

с целью, отмечая при этом различие понятий, но не считая их существенными¹⁹³.

На наш взгляд, несмотря на смысловое сходство положений рассматриваемой нормы с целью, и стремлением законодателя указать в них желаемый результат, все же ее содержание нельзя полностью связать с целью, так как оно предполагает не конкретный результат процесса, а скорее является ценностным ориентиром.

Подтверждение указанной позиции можно найти и в перечисленных работах. Так Л.М. Володина пишет, что «задачи не могут быть закреплены в рамках декларативных, лозунговых положений, они должны быть жестко определены»¹⁹⁴. Л.В. Головки указывает, что «можно поставить вопрос о позитивных социальных результатах, которые общество вправе ожидать от оптимально сконструированной и успешно функционирующей системы уголовного процесса»¹⁹⁵. В таком случае речь идет о ценности уголовно-процессуального законодательства с точки зрения аксиологии, а не о тех нормах, которые должны служить руководством к действию для правоприменителя в ходе судопроизводства.

С нашей точки зрения, нецелесообразно закреплять в законе норму, отражающую социальную пользу вместо нормы, понуждающей к конкретным действиям и формирующей конкретный запрос государства к сторонам, подменяя таким образом цель и задачи назначением. Ценностные ориентиры определяются общественной моралью и сознанием. Они получают свое отражение в том числе и в правовых нормах, но при этом вряд ли нуждаются в отдельном законодательном закреплении.

Таким образом, подход к вопросу о целях и задачах, выбранный в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года видится более верным, так как он давал конкретный перечень задач и наглядно демонстрировал результаты, которые должны были достигаться в рамках уголовного судопроизводства. На наш взгляд, следует переработать статью 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ, заменив термин «назначение» «целями и задачами» и сформировать конкретный их перечень.

Список литературы

1. Володина Л.М. Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства // Известия АлтГУ. 2015. — № 2. — С. 14-18.
2. Головки Л.В. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2017. — 1280 с.

---

¹⁹³ Володина Л.М. Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства // Известия АлтГУ. 2015. — № 2. — С. 16.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же.

3. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Назначение, цель и задачи уголовного судопроизводства // Правоведение. 2013. — №1. — С. 124-134.

4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960, б/н — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1>

5. Шаталов А.С., Крымов А.А. Уголовное процессуальное право Российской Федерации: академический курс по направлению «Юриспруденция». — М.: Проспект, 2018. — 864 с.

Минеева А.С., Филатов Д.О.*

Некоторые вопросы стандарта доказывания в уголовном судопроизводстве

Аннотация. Рассматриваются вопросы стандартов доказывания в судопроизводстве и, в частности, уголовном, констатируется проблема отсутствия такого стандарта в российской теории доказательств и доказывания и ставится вопрос о необходимости разрешения данной проблемы, имеющей огромное значение как для теории, так и для практики.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, оценка доказательств, стандарты доказывания.

Mineeva A.S., Filatov D.O.

Some issues of the standard of proof in criminal proceedings

Abstract. The issues of standards of proof in legal proceedings and, in particular, criminal proceedings are considered, the problem of the absence of such a standard in the Russian theory of evidence and proof is stated, and the question is raised about the need to resolve this problem, which is of great importance both for theory and practice.

Keywords: criminal proceedings, assessment of evidence, standards of proof.

---

* Минеева Александра Сергеевна, студентка 4 курса Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; Филатов Денис Олегович, студент 4 курса Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель: Корсаков Константин Александрович, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент).

Mineeva Alexandra Sergeevna, 4th year student of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice; Filatov Denis Olegovich, 4th year student of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice. (scientific supervisor: Konstantin Korsakov, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor).

В России установлена система свободной оценки доказательств. В соответствии с ч.1 ст. 17 УПК РФ¹⁹⁶: «Судья, присяжные заседатели, следователь, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

Однако "оценка доказательств судьей должна быть свободная, но не произвольная. Предоставляя судье право свободной оценки, законодатель предполагает, что судья этим правом злоупотреблять не будет, что он отнесется к своей задаче добросовестно"¹⁹⁷.

Несмотря на то что при действующей системе доказательств, когда отсутствуют заранее установленные правила оценки доказательств, как то имеет место при системе «законных доказательств», тем не менее судья должен оценивать свойства каждого доказательства на их возможность в доказывании, а совокупность доказательств на предмет их достаточности (ч.1 ст. 88 УПК РФ). Убеждение судьи в достоверности отдельного доказательства и в достаточности их совокупности есть "продукт той сложной духовной работы, которая в общем может быть названа взвешиванием или обсуждением доказательств и состоит из установления известных доказательств, их проверки и сопоставления друг с другом и умозаключений на основании этих сопоставлений... Судья должен не угадывать истину тем общим впечатлением, которое остается у него от данных дела и судебных прений, а приходит к ней путем ясно обоснованных умозаключений"¹⁹⁸.

Наибольшее продвижение в деле рационального описания оценки доказывания добилась английская доктрина доказательств. "В Англии постепенно выработана практикой заседающих с присяжными коронных судей целая сеть правил, определяющих допустимость доказательств и меры обеспечения их достоверности"¹⁹⁹. Это так называемые стандарты доказывания (стандарты доказанности).

Стандарт доказывания можно определить как необходимую и достаточную совокупность обстоятельств (*factum probans*), при наличии которой искомое обстоятельство (*factum probandum*) будет считаться доказанным²⁰⁰.

---

¹⁹⁶ "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 № 174-ФЗ. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

¹⁹⁷ Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. — С. 179.

¹⁹⁸ Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. — С. 180-181.

¹⁹⁹ Там же. — С. 182.

²⁰⁰ Калиновский К.Б. Бремя доказывания в уголовном процессе: взаимосвязь стандарта доказанности с презумпциями и правовое взаимодействие участников правоотношений. // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой анализ: Материалы VII Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 1-2 декабря 2006 г. / Под общ. Ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. — С. 245-249.

То есть, в сущности, понятие о стандарте доказывания сводится к понятию о большой посылке силлогизма, которую судья готов принять за достоверную и которой готов руководствоваться при оценке достоверности доказательств и их достаточности.

Из данного выше определения можно вывести, что существуют стандарты доказывания, во-первых, доброкачественность отдельного доказательства, а, во-вторых, достаточности совокупности таких доказательств. Важное значение имеет такое свойство доказательства, как достоверность, ее стандарт.

Стандарт доказывания достоверности отдельного источника можно проиллюстрировать на примере свидетельских показаний. Свидетель сообщает, что видел и слышал такое-то обстоятельство произошедшего. Суд задается вопросом: можно ли доверять услышанным показаниям? Для ответа на этот вопрос суд выясняет ряд обстоятельств: предупрежден ли свидетель об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (дал ли свидетель присягу); из какого источника свидетель узнал об этом обстоятельстве (был ли он очевидцем или ему сообщили третьи лица); сколько времени прошло с момента восприятия факта и сообщения об этом факте на суде; не имеет ли свидетель проблем с органами чувств; не имеет ли свидетель заинтересованности в даче показаний (в каких отношения состоит с потерпевшим и подсудимым); были ли показания свидетеля противоречивыми или несогласными со здравым смыслом и т.п. Выяснив такую совокупность обстоятельств (стандарт доказывания), а именно, что свидетель наблюдал лично сообщаемые им факты, проблем с органами чувств не имеет, времени с момента события прошло не много, свидетель дал присягу, заинтересованности в даче показаний не имеет, а самые показания согласны друг с другом и со здравым смыслом, судья может заключить, что сообщаемые свидетелем факты достоверны.

Стандарт доказывания достаточности обстоятельственных доказательств можно проиллюстрировать следующим примером. Перед нами стоит вопрос виновно ли лицо в краже. Мы выяснили, что краденное было обнаружено у этого лица вскоре после кражи. Лицо не может сообщить о происхождении этой вещи. Суд, решая вопрос, является ли лицо вором, примет в соображение следующий силлогизм: большая посылка: Лица, владеющие краденным вскоре после кражи и не способные объяснить происхождение вещи, завладели вещью, похитив ее. Малая посылка: лицо владеет вещью вскоре после кражи и не может объяснить происхождение вещи. Заключение: Лицо украло вещь²⁰¹. Приведенные примеры условны и приведены, чтобы

---

²⁰¹ Стифен Д.Ф. Уголовное право Англии в кратком очертании / пер. с англ. под ред. В. Ковалевского. СПб., 1865. — С. 333-334.

продемонстрировать суть стандарта доказывания, а именно то, что он сводится известной совокупности обстоятельств, при установлении которой суд готов заключить о существовании искомого обстоятельства.

Выделяются такие стандарты доказывания: или положительные, или нормативные. Положительный стандарт доказывания сводится к той совокупности обстоятельств (большой посылке), которой суды руководствуются на практике (в действительности) при установлении обстоятельств (заключения).

Нормативный стандарт доказывания — это та совокупность обстоятельств, которая требуется от судов первой инстанции и судов апелляционной инстанции при заключении каких-либо выводов о фактах, чтобы их судебные решения не отменялись за необоснованностью вышестоящими инстанциями.

В странах англосаксонской правовой системы существуют три основных стандарта доказывания: баланс вероятностей (*balance of probabilities*) или преимущество доказательств (*preponderance of the evidence*); ясные и убедительные доказательства (*clear and convincing evidence*); вне разумного сомнения (*beyond a reasonable doubt*); также выделяют стандарт в отношении отдельного доказательства, порождающего разумное сомнение (*evidence raising a reasonable doubt*).

Стандарт доказывания "баланс вероятностей" или «преимущество доказательств» означает, что доказываемое обстоятельство более вероятно, чем нет, т.е. суд должен быть уверен, что событие, о котором идет речь, более вероятно произошло, чем нет. По основному своему предназначению стандарт доказывания "баланс вероятностей" используется по гражданским делам, в которых есть позиция истца и есть позиция ответчика. Суд, исследуя представленные истцом и ответчиком доказательства их версий, взвешивает первые и вторые и заключает, какую версию он готов принять с меньшим количеством допущений и оговорок, то есть чья совокупность доказательств подпадает под большую посылку, которая с большей вероятностью ведет к истинному выводу.

Стандарт доказывания "ясные и убедительные доказательства" предполагает, что доказываемое событие будет установлено достаточно вероятно, т.е. что будет достигнута высокая вероятность факта (*high probability*), при этом не требуется устранять все разумные сомнения. То есть, по существу это повышенный стандарт доказывания, заменяющий собой по гражданским делам стандарт доказывания "баланс вероятностей".

Стандарт доказывания "вне разумного сомнения" означает, что в достоверности исследуемого события не должно остаться разумных сомнений, при этом данный стандарт не требует, чтобы в достоверности события не осталось "тени сомнения" (*beyond a shadow of doubt*). То есть представленные

доказательства подпадают под такую большую посылку, при которой ложный вывод возможен, но маловероятен (it is possible but not in the least probable). Поскольку при этом стандарте доказывания возможность ложного вывода о фактах сведена к минимуму, то этот стандарт доказывания используется в уголовных делах.

Стандарт "доказательство, порождающее разумное сомнение" применяется для оценки доказательств, представляемых обвиняемых в пользу своей невиновности. Доказательства, представляемые обвиняемым, должны вызывать разумные сомнения, что на основе доказательств обвинения можно заключить о его виновности²⁰².

В России, как можно заключить из содержания ч. 3 ст. 17 УПК РФ: «Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого», действует стандарт доказывания «вне разумного сомнения», т.е. не иначе как при наличии известной совокупности доказательств, подпадающих под такую большую посылку, при которой исключается разумная возможность вывести ложный вывод о виновности обвиняемого, суд во власти признать обвиняемого виновным.

Представляется, что при действующей системе свободной оценки доказательств, требующей от судьи добросовестного и сознательного (рационального) отношения к установлению обстоятельств дела, обращение к стандартам доказывания в их англосаксонском понимании, как некоторой требуемой известной совокупности обстоятельств, при наличии которой суд может заключить о существовании искомых обстоятельств с наименьшей вероятностью ошибки, имеет практическую целесообразность как для обвиняемых (чтобы упреждать обвинение невинных ссылкой на невыполнение стандарта доказывания), так и для следствия и вообще обвинения (чтобы иметь ясное понятие о состоянии, при котором бремя доказывания будет считаться выполненным).

При этом необходимо отметить, что в настоящее время в теории уголовного судопроизводства России не сформулировано устоявшегося понятия стандартов доказывания. По нашему мнению, это является насущной проблемой и требует своего разрешения, поскольку имеет основополагающее значение как для теории, так и для практики.

Список литературы

1. Калиновский К.Б. Бремя доказывания в уголовном процессе: взаимосвязь стандарта доказанности с презумпциями и правовое взаимодействие участников

---

²⁰² Крет Г. Содержание стандартов доказывания в уголовном процессе стран англосаксонской правовой системы // *Legea si viata*. Украина. 2019. — № 332. — С. 47.

правоотношений. // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой анализ: Материалы VII Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 1-2 декабря 2006 г. / Под общ. Ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. — С. 245-249.

2. Крет Г. Содержание стандартов доказывания в уголовном процессе стран англосаксонской правовой системы // *Leges si viata*. Украина. 2019. — № 332. — С. 46-50.

3. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса [Текст] / [соч.] С.В. Познышева, проф. Московского ун-та. - Москва: Г.А. Леман, 1913. — [2], VI, 329 с.

4. Стифен Д.Ф. Уголовное право Англии в кратком очертании / пер. с англ. под ред. В. Ковалевского. СПб., 1865. 610 с.

Ливенцева П.С.*

Использование материалов средств массовой информации в уголовном процессе

Аннотация. В настоящее время средства массовой информации занимают достаточно важное место не только в общественной жизни, но и может влиять на принимаемые государством, в лице своих органов и должностных лиц, решения. Материалы средств массовой информации в уголовном процессе все чаще стали использоваться правоприменителями в различных целях. Автор выявляет и анализирует отдельные проблемы, связанные с использованием материалов средств массовой информации в уголовном процессе, а также предлагает пути для их своевременного решения.

Ключевые слова: средства массовой информации, уголовный процесс, правоприменитель, суд.

Liventseva P. S.

Use of mass media materials in criminal proceedings

Abstract. Today the mass media occupy a rather important place not only in public life, but can also influence decisions made by the state, represented by its bodies and officials. Media materials in criminal proceedings have increasingly been used by law enforcement officers for various purposes. The author identifies and analyzes individual problems associated with the use of media materials in criminal proceedings, and also suggests ways to solve them in a timely manner.

Keywords: mass media, criminal procedure, law enforcement officer, court.

---

* Ливенцева Полина Сергеевна, студентка Юго-Западного государственного университета. г. Курск.

Liventseva Polina Sergeevna, a student of the South-Western State University. Kursk city.

Вопросы применения материалов средств массовой информации в уголовном процессе приобретают особую актуальность на сегодняшний момент, поскольку в век цифровизации у каждого есть доступ практически к любой информации. Однако с помощью таких средств можно не только узнать важную информацию, но и навредить правам и законным интересам граждан, что обретает особое значение в сфере уголовно-процессуальных правоотношений.

Впервые еще в 2001 году было сделано упоминание о СМИ в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ). На сегодняшний день в действующей редакции уголовно-процессуального закона есть несколько статей, в которых упоминаются СМИ. Например, в ст. 144 УПК РФ закреплена обязанность органа дознания по поручению прокурора рассмотреть сообщение о преступлении, распространенному в средствах массовой информации²⁰³.

А п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ дает нам понять, что материалы СМИ не включены в перечень видов доказательств, но могут быть использованы в качестве «иных документов».

Становится актуальным вопрос понимания материалов СМИ, поскольку от этого во многом зависит и их использование в уголовном судопроизводстве. На сегодняшний день нет единой практики их применения.

Стоит сказать о том, что само понятие СМИ уже понятия «средств массовой коммуникации», однако, эти два понятия объединять нельзя. Также остро стоит вопрос об отнесении отдельных интернет-сайтов к СМИ, несмотря на то что правовой статус «сетевых изданий» как СМИ был определен еще в 2011 году²⁰⁴.

Следует заметить, что уголовное законодательство, четко разделяет такие понятия, как СМИ и информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» (далее — сеть «Интернет»). Например, в УК РФ, слово «Интернет» указывается как квалифицирующий признак при его использовании, например, ч. 2 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности с использованием сети «Интернет»)²⁰⁵. В то же время ст. 137 УК РФ говорит о публично нарушении частной жизни лица в средствах массовой информации.

На сегодняшний момент дефиниция «СМИ» официально закреплена в ст. 2 Закона «О СМИ», где перечисляется все, что следует относить к СМИ

---

²⁰³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. от 14.07.2022 № 258-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

²⁰⁴ Рогова А.А. К вопросу о понятии «Средства массовой информации» в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. — №4 (32). — С. 269.

²⁰⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. от 14.07.2022 № 345-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

(например, сетевое издание, телеканал, телепрограмма, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием)²⁰⁶.

Можно заметить, что в вышеназванной статье некоторые сайты сети «Интернет» признаются СМИ. Однако в данной статье также есть указание на то, что такой сайт должен быть именно зарегистрирован в качестве СМИ в соответствии с законом.

В 2014 году произошло резонансное событие, когда депутаты Государственной Думы выступили с законопроектом, которым предлагали приравнять блоггеров к СМИ²⁰⁷. Многие негативно восприняли эту новость отмечая факт того, что СМИ должно быть обязательно зарегистрировано. Тогда законодатель поступил иначе и принял закон, в котором было сказано, что блоггер — это лицо, распространяющее общедоступную информацию, наделяя их совокупностью прав и обязанностей, которые во многом схожи с деятельностью СМИ.

Также актуальным является вопрос отнесения социальных сетей к СМИ, поскольку законодатель обходит этот вопрос и не дает каких-то официальных комментариев.

Тем не менее такая законодательная неопределенность порождает серьезные проблемы на практике. Суды, несмотря на то что законодатель официально не признал социальные сети в качестве СМИ, игнорируют это отсутствие и в некоторых делах рассматривают социальные сети как СМИ. Например, в деле № 2-320/2020 суд в своем решении указал: «через средства массовой информации социальную сеть «Одноклассники»²⁰⁸. В деле № 1-12/2017 суд пишет: «осознавая публичный характер своих действий, используя интернет-сайт социальной сети «ВКонтакте» как средство массовой информации»²⁰⁹.

В то же время в деле № 2А-3149/2019 суд пришел к выводу, что «социальная сеть «ВКонтакте» как средство массовой информации не зарегистрировано», потому агитационный материал, распространенный доверенным лицом кандидата в депутаты, не может рассматриваться в качестве

---

²⁰⁶ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (с изм. от 14.07.2022 № 277-ФЗ) // Российская газета. 1992. № 32.

²⁰⁷ Самые посещаемые блоги попадут под действие закона о СМИ // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2014/04/08/blogi-site.html> (дата обращения: 03.11.2022).

²⁰⁸ Приговор Саяногорского городского суда Республики Хакасия от 3.01.2020 по делу № 2-320/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://clck.ru/32ZQ9G> (дата обращения: 03.11.2022 г.).

²⁰⁹ Приговор Гороховецкого районного суда Владимирской области от 27.02.2017 по делу № 1-12/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://clck.ru/32ZQGM> (дата обращения: 03.11.2022 г.).

средства массовой информации и, следовательно, не может свидетельствовать о нарушении им законодательства о средствах массовой информации»²¹⁰.

Таким образом, на основании изученной в ходе исследования информации можно прийти к определенным выводам. На сегодняшний день назрела необходимость того, чтобы законодатель подготовил соответствующие разъяснения относительно понятия «материалы СМИ» применительно к уголовному процессу. Видится, что актуальным средством в данном случае бы выступило официальное разъяснение Пленума Верховного Суда, в том числе по вопросам отнесения социальных сетей к СМИ. Пока не будет внесено соответствующих разъяснений, будут продолжаться дискуссии не только среди исследователей, но и самих правоприменителей, что в принципе не допустимо в современном правовом государстве.

Список литературы

1. Самые посещаемые блоги попадут под действие закона о СМИ // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2014/04/08/blogi-site.html> (дата обращения: 03.11.2022).

2. Рогова А.А. К вопросу о понятии «Средства массовой информации» в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. — №4 (32). — С. 268-273.

Кораблёва А.А.*

Адвокатское расследование в России: быть или не быть

Аннотация. В данной статье анализируются существующие проблемы осуществления адвокатского расследования в России. Также приводятся мнения ученых, исследовавших вопросы, связанные с деятельностью защитника, и предлагаются варианты преодоления проблем и пробелов.

Ключевые слова: адвокатское расследование, уголовное судопроизводство, защитник, юридическая помощь, доказательства.

---

²¹⁰ Решение Братского городского суда Иркутской области от 02.09.2019 по делу № 2А-3149/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://clck.ru/3ZZQLL> (дата обращения: 03.11.2022 г.).

* Кораблёва Анастасия Андреевна, студентка 3 курса юридического факультета Юго-Западного Государственного Университета.
Anastasia A. Korableva, 3rd year student of the Faculty of Law of South-Western State University.

Attorney investigation in Russia: to be or not to be

Abstract. This article analyzes the existing problems of legal investigation in Russia. The opinions of scientists who have studied issues related to the activities of the defender are also given, and options for overcoming problems and gaps are proposed.

Keywords: lawyer's investigation, criminal proceedings, defender, legal assistance, evidence.

Реформирование уголовно-процессуального законодательства — трудоёмкий, но необходимый процесс. В первую очередь он способствует постепенной ликвидации существующих пробелов в праве, а также позволяет эффективно устранять проблемы, которые неизбежно сопровождают всю правоприменительную, процессуальную деятельность.

Уже на протяжении нескольких десятков лет в научном сообществе уголовного процесса и среди практиков активно ведутся дискуссии по поводу комплексного совершенствования института адвокатского расследования. Проблематика этой темы обусловлена реальными и объективными факторами. В ч. 1 статьи 48 Конституции России установлено, что каждому, независимо от принадлежности к гражданству той или иной страны, гарантировано право на получение квалифицированной юридической помощи²¹¹. Конституционная норма служит важным источником реализации прав человека и гражданина на всех стадиях уголовного судопроизводства. Возможность защищать себя всеми доступными в рамках закона способами и средствами, в том числе путем привлечения адвоката (защитника), в полной мере раскрывает принцип состязательности сторон, отраженный в части 3 статьи 123 Конституции Российской Федерации и в статье 15 УПК РФ. В части 4 этой же статьи напрямую сказано о равноправии сторон, однако действительность неизбежно имеет расхождения с нормами Основного закона. Даже проанализировав положения уголовно-процессуального законодательства, легко прийти к выводу, что возможности стороны обвинения и стороны защиты неравнозначны, и уже в этом, очевидно, углядывается разногласие как с конституционными нормами, так и с принципом состязательности, закрепленным в УПК РФ.

Нельзя отрицать, что, оказывая юридическую помощь обвиняемому в совершении преступления, адвокаты нередко сталкиваются с рядом проблем, первая из которых, приходится констатировать, — действительный перевес

---

²¹¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2022 г.).

сил на стадии предварительного расследования в сторону следствия, из чего явствует завуалированное неравенство их процессуального положения. Многие ученые и практики объясняют это тем, что в преобладающем большинстве случаев в Российской Федерации характерной чертой уголовного процесса, в том числе и на современном этапе, выступает сильная обвинительная власть и слабая позиция защиты²¹². Такое положение объясняется тем, что полномочия последней, которыми она обладает согласно статье 53 УПК РФ, а в частности — правом собирать установленные ч. 3 статьи 86 УПК РФ доказательства и представлять их, в настоящее время существенно ограничены деятельностью следователя, который и направляет ход расследования. Для преодоления данной трудности в реализации полномочий защитника ученые и практики приступили к активным разработкам вариантов, способных оптимизировать и положительно повлиять на его участие в процессе, особенно в части самостоятельного собирания доказательств как важного этапа установления истины по делу. Кроме того, рядом исследователей, и прежде всего Е.Г. Мартынчиком, были сформулированы и конкретизированы характеристики адвокатского расследования.

Начало его концептуального зарождения в Российской Федерации положила Концепция судебной реформы 1991 года. Содержание ее положений давало понять, что изначально предполагался такой курс развития уголовного процесса, который бы наделил адвоката большей широтой прав. «Защитнику и представителю потерпевшего обеспечивается возможность самостоятельно собирать доказательства по делу, допустимость которых устанавливается законом. Ничем не может быть ограничено право адвоката встречаться с очевидцами события и другими лицами, располагающими какими-либо сведениями по делу, требовать их вызова и допроса», — говорилось в тексте документа²¹³. Прогрессивная, отличительно новая идея, четко определяющая сущностные роли сторон и продвигавшая мысль об их равноправии при собирании доказательств, когда от каждого из них по настоящему зависит ход расследования и дальнейшее разрешение дела, действительно отлично подходила под модель состязательного процесса.

Несмотря на то, что в будущем законодатель сделал решительный шаг к совершенствованию положения адвоката в досудебном производстве, предпринял попытку обеспечить состязательность через ликвидацию пробелов в праве, процесс по-прежнему сохраняет обвинительную направленность. По мнению П.А. Лупинской, полученные защитником при опросе сведения

---

²¹² Польшая Е.С. Адвокатское расследование и перспективы его введения в уголовный процесс РФ // Тенденции развития современной юриспруденции. 2018. — С. 136.

²¹³ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Составитель С. А. Пашин. М., 1992. — С. 93.

или предметы, документы не являются допустимыми, так как отсутствует факт их процессуального закрепления в надлежащем порядке и надлежащей форме. В свою очередь, следователь (дознатель), руководствуясь субъективной оценкой, может оставить ходатайство адвоката без рассмотрения, например, не допросить лицо, которое было опрошено защитником, и тогда протокол опроса, полученный и переданный последним, не будет рассматриваться в качестве доказательства, пусть в теории он и имел большое значение для дела²¹⁴. Необъективность и зависимость стороны защиты от решений стороны обвинения, к сожалению, на протяжении всего времени применения уголовно-процессуального законодательства сопровождают предварительное расследование.

Отметим, что в 2017 году в УПК РФ был введен запрет, касающийся отказа адвокату в приобщении собранных им доказательств к материалам дела, если они действительно имеют значение для уголовного дела. Впрочем, такая новелла, сходящаяся во мнениях исследователи, не преодолевает устоявшейся практики субъективной оценки «значимости» доказательств следователем. В.Ю. Мельников писал: «Несмотря на то, что сбор и оценка доказательств не являются обязанностью для стороны защиты, умаление участия адвоката в процессе доказывания противоречит принципу состязательности» [6, С. 191]. Зачастую подвергнуть качественной оценке уже имеющиеся доказательства для защитника невозможно или, по крайней мере, затруднительно без самостоятельного их собирания. Суть адвокатского расследования сводится к стремлению обеспечить надлежащее, эффективное участие адвоката в процессе доказывания. Приверженцы концепции апеллируют тем, что практика заявления ходатайств не дает нужных результатов и не отвечает принципам уголовного процесса: по причине вышеизложенных препятствий защитник не может полноценно реализовывать свои полномочия. Он лишен возможности придавать полученным им сведениям процессуальную форму и формировать таким образом доказательства по делу²¹⁵.

Отсутствие легальной дефиниции «адвокатское расследование», тем не менее не мешает его формальному существованию, потому как в Российской Федерации наличествует правовая основа для собирания защитником доказательств — это ч. 3 ст. 6, ч. 3 ст. 53, п. 2 ч. 1 ст. 53 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ч. 1

---

²¹⁴ Мартынич Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе: теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования: учеб. пособие. М., 2012. — С. 121.

²¹⁵ Хомякова Н.Я. Теоретико-правовые основы адвокатского расследования на современном этапе развития // Юридический факт. № 54. 2019. — С. 12.

ст. 53 УПК РФ. Авторы-сторонники института адвокатского расследования в своих исследовательских трудах приводят некоторые его сходные с деятельностью следователя черты, однако акцентируют внимание на том, что адвокат при оказании им юридической помощи прежде всего стремится отстаивать интересы своего доверителя, и на это как раз направлена его деятельность при расследовании. Следовательно, его главной целью выступает обстоятельная защита прав, свобод, законных интересов обвиняемого в совершении преступного деяния, сведение на «нет» возможности его необоснованного уголовного преследования. Поэтому для него так важно обладать твердой доказательственной базой — она служит для реализации этой цели и, естественно, при качественном ее составе наглядно демонстрирует невиновность подзащитного. Здесь проявляется и, в некотором роде, тесная взаимосвязь сторон в уголовном процессе: только при детальном рассмотрении всех собранных ими доказательств можно говорить об установлении истины по делу. Дополнительная цель — это восполнение существующих пробелов, которые возникли при расследовании.

Согласно ч. 1 ст. 53 УПК РФ защитник по ходатайству его самого или своего доверителя наделен правом присутствовать при производстве указанных в законе следственных действий. Конечно, термин «присутствовать» не предполагает активных действий: такая норма является гарантией соблюдения законности при производстве следственных действий с участием обвиняемого. Он вправе задавать подготовленные им заранее или возникающие по ходу вопросы, с разрешения следователя использовать какие-либо звуко- и видеозаписывающие устройства. При этом отказ защитнику в удовлетворении его ходатайства о присутствии или ходатайства обвиняемого, кроме исключительных случаев, нельзя считать правомерным.

Таким образом, под адвокатским расследованием следует понимать строго регламентированную законом деятельность адвоката (защитника), направленную на сбор доказательств, а также выявление значимых для конкретного дела обстоятельств, в целях защиты прав и законных интересов обвиняемого в совершении преступления. Этот институт — одна из ключевых гарантий законности и справедливости уголовного судопроизводства, реальный механизм приведения в жизнь принципа состязательности сторон, поэтому противоречия и пробелы в законодательстве, которые препятствуют его нормальному осуществлению, требуют скорейшего разрешения.

Список литературы

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Составитель С.А. Пашин. М., 1992. 110 с. — URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie23244.html> (дата обращения: 29.10.2022 г.).

2. Мартынчик Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе: теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования: учеб. пособие. М., 2012. 239 с.

3. Польшая Е.С. Адвокатское расследование и перспективы его введения в уголовный процесс РФ // Тенденции развития современной юриспруденции. 2018. — С. 136-141.

4. Хомякова Н.Я. Теоретико-правовые основы адвокатского расследования на современном этапе развития // Юридический факт. № 54. 2019. — С. 11-20.

Левин И.С.*

Активность судьи в уголовном судопроизводстве: проблемные вопросы

Аннотация. Рассматриваются типологии уголовного процесса, конкурирующие принципы активной и пассивной роли суда. Делается вывод о том, что данный вопрос не теряет своей актуальности, так как является основой всего уголовного судопроизводства. Отмечается тенденцию к расширению инициативы суда, как в вопросах исследования доказательств, так и в осуществлении процессуальных действий. Дифференциация подходов проистекает из объективной невозможности построения уголовного процесса на каком-либо одном принципе и необходимости нахождения оптимального соотношения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, типология уголовного процесса, активная и пассивная роль суда.

Levin I.S.

The activity of a judge in criminal proceedings: problem issues

Abstract. The typologies of the criminal process, the competing principles of the active and passive role of the court are considered. It is concluded that this issue does not lose its relevance, as it is the basis of all criminal proceedings. There is a tendency to expand the initiative of the court, both in matters of evidence research and in the implementation of procedural actions. Such a differentiation of approaches stems from the objec-

---

* Левин Илья Сергеевич, студент 4 курса Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». (научный руководитель: Корсаков Константин Александрович, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент).

Levin Ilya Sergeevich, 4th year student of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice. (Scientific Supervisor: Konstantin Korsakov, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor).

tive impossibility of building a criminal process on any one principle and the need to find the optimal ratio.

Keywords: criminal proceedings, typology of the criminal process, active and passive role of the court.

Вопрос активности суда традиционно выделяется среди признаков, характеризующих уголовный процесс с точки зрения его типологии. В науке выделяют два основных типа процесса — это состязательный тип и розыскной тип. Для состязательного типа характерна пассивная роль суда, при которой стороны осуществляют функции защиты и обвинения, ведут процесс доказывания, независимо друг от друга и от суда²¹⁶. Суд в данном случае выступает арбитром между ними, не беря на себя функции сторон. В розыском процессе суд, напротив, активен, заинтересован в осуществлении уголовного преследования с целью установления истины, участвует в собирании доказательств как обвинения, так и защиты²¹⁷.

Отечественный уголовный процесс неоднократно менял свою форму по мере развития законодательства, практики его применения и представлений ученых об оптимальном типе уголовного процесса.

В период действия Свода законов Российской Империи в его изданиях 1832, 1842, 1857 гг. уголовный процесс в России относился к следственному виду розыскного процесса. Так, Баршев Я.И. писал, что следственная форма является основной для Русского уголовного судопроизводства, и такая форма является наиболее соответствующей свойствам и цели уголовного процесса²¹⁸. Судья в то время должен был, ради уверенности государства в справедливости приговора, руководствоваться необходимостью действовать против преступления даже в отсутствие всякого обвинения и предпринимать все меры для того, чтобы открыть прямую истину, ради чего он должен отыскивать все доказательства невиновности и вины²¹⁹.

Многое изменилось после введения судебной реформы и принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года. Хотя предварительное расследование оставалось в полной мере розыскным, на стадии судебного следствия производство строилось на началах состязательности. Ключевыми отступлениями от розыскного типа процесса стали: разделение судебной власти и власти обвинительной, в особенности в вопросах обнаружения пре-

---

²¹⁶ Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. — 8-е изд., перераб. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. — С. 69.

²¹⁷ Смирнов А.В. Указ. соч. — С. 78.

²¹⁸ См. Барышев Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству СПб.: Типография II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. — С. 64-66.

²¹⁹ Барышев Я.И. Указ. соч. — С. 65.

ступления и осуществления преследования, допущение защиты со стадии подготовки к суду, проведение судебного следствия на началах равенства сторон, обоснование приговора только на основании доказательств, исследованных при состязании сторон, и возможность пересмотра судебного акта лишь по требованию заинтересованных сторон²²⁰.

Вместе с тем стало очевидно, что процесс не может существовать в одной из названных форм в чистом виде, и в действительности судопроизводство реализуется в смешанном типе. Это следует из необходимости активного участия суда при определенных обстоятельствах. Во-первых, за судом остается юридическая квалификация, которую он дает независимо от толкования сторон. Во-вторых, сохраняется цель нахождения материальной истины, для чего суд имеет право по собственной инициативе вызывать свидетелей и истребовать иные доказательства, однако, действуя таким образом, суд должен лишь компенсировать нехватку доказательств, представленных сторонами и обеспечивать состязательность сторон при их исследовании²²¹.

В советском уголовном процессе суд также занимал активное положение. С целью обнаружения материально истины суд истребовал необходимые для разрешения дела доказательства, не представленные сторонами, отказывал в исследовании неотносимых доказательств, в общем, не ограничивался деятельностью сторон по доказыванию²²². Строгович М.С. указывал на то, что такая роль суда не противоречит начал состязательности, а, напротив, способствует ее реализации, так как служит той же цели, установлению материальной истины²²³.

В то же самое время суд вновь приобрел функцию возбуждения уголовных дел. Ст. 256 УПК РСФСР от 27.10.1960 г. возлагала на суд обязанность возбуждать уголовное дело в случае обнаружения в ходе судебного разбирательства обстоятельств, указывающих на совершение преступления лицом, не привлеченным к уголовной ответственности²²⁴. Такое распределение функций между судом и обвинением представляется неверным с позиций дореволюционной науки уголовного процесса, и УПК РФ²²⁵ не содержит такого порядка возбуждения дела.

---

²²⁰ См. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. Изд. 3-е. — СПб.: Сенатская типография, 1910. — С. 78-80.

²²¹ Фойницкий И.Я. Указ. соч. — С. 72-73.

²²² См. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса Т. 1: основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. — С. 207.

²²³ Строгович М.С. Указ. соч. — С. 149-153.

²²⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. — Москва — URL: <http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&prevDoc=102070173&backlink=1&&nd=102010093> (дата обращения: 08.11.2022 г.).

²²⁵ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) Доступ из СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 08.11.2022 г.).

На современном этапе тип уголовного процесса, заданный УПК РФ, остается смешанным, однако, существенно изменилось соотношение признаков состязательного и розыскного процесса. Помимо упомянутого отказа от возбуждения дел судами, УПК РФ не отражает принцип материальной истины, содержит особый порядок производства без проведения судебного следствия, снял с суда обязанность собирать доказательства в полном объеме в ходе судебного следствия, убрав, таким образом, основную цель активности суда.

Однако эти новые положения вступают в противоречия со старыми, перенесенными из УПК РСФСР 1960 г., например, Головки Л.В. указывает на несовместимость принципа состязательности, закрепленного в ст. 15, с нормами о доказывании, ст. 73, 85, 86 УПК РФ, перенесенными из прежнего кодекса и сохранившими задачу советского уголовного процесса, нахождение материальной истины²²⁶. Эта позиция явно противоположна воззрениям Строговича М.С. о состязательности. Это можно объяснить тем, что Строгович рассматривает состязательность как способ оценки достоверности доказательств, и она действительно способствует этому, так как стороны, стремятся вызвать у суда сомнения в доказательствах противной стороны, тем самым отсеивая несоответствующие действительности доказательства. Однако в данном случае состязательность рассматривается как невмешательство суда в позиции сторон, разделение функций, а у сторон нет цели нахождения материальной истины, то есть их действия по представлению доказательств и истребование доказательств судом выполняют совершенно разные задачи.

Об этом противоречии также писал Петрухин И.Л. в период принятия УПК РФ. По его мнению, эта коллизия может быть разрешена только посредством принятия судом пассивной роли, так как в противном случае суд встает на сторону обвинения, так как недостаточность доказательств в силу презумпции невинности вполне устраивает защиту, в отличие от обвинения²²⁷.

Фойницкий И.Я. объяснял сохранение активной роли суда, при соблюдении начал состязательности, публичным характером уголовного судопроизводства, наличием общественной значимости в разрешении уголовных дел²²⁸. Петрухин И.Л., напротив, указывает на необходимость сокращения публичного начала в деятельности суда в рамках судебной реформы²²⁹.

---

²²⁶ Курс уголовного процесса / под редакцией Головки Л.В. Изд. — 2-е — Москва: Статут, 2017. — С. 175.

²²⁷ Петрухин И.Л. Реформа уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Законодательство. 2001. — № 3. — С. 72–81.

²²⁸ Фойницкий И.Я. Указ. соч. — С. 72.

²²⁹ Петрухин И.Л. Указ. соч.

Наряду с различными позициями в доктрине и неоднозначным законодательством существуют также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, рассматривая конституционность ст. 232, 258 УПК РСФСР, предполагающие возможность направления судом по своей инициативе уголовного дела на дополнительное расследование, Конституционный Суд признал их противоречащими Конституции РФ, так как неполнота доказательств, при отсутствии соответствующих ходатайств от сторон, может отражать лишь интересы обвинения, что нарушает презумпцию невиновности и принцип состязательности²³⁰. Эта позиция отражает идею несовместимости активной роли суда в части истребования доказательств и принципа состязательности.

В отказе в принятии к рассмотрению жалобы Веккера С.В. на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283, 307 УПК РФ Конституционный Суд указывает на то, что уголовный процесс носит публичный характер, и для осуществления функции правосудия суд должен быть наделен правом, не только оценивать представленные сторонами доказательства, но и путем получения новых, в частности для проверки представленных²³¹, что серьезно корректирует возможные выводы из предыдущей позиции, выделяя в качестве нарушения конституционных прав не активность суда сама по себе, а конкретно форму дополнительного расследования.

В отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части 1 статьи 86 УПК РФ роль суда в собирании доказательств обозначена Конституционным Судом не просто как право, а как реализация полномочий суда в рамках обязанности справедливо и беспристрастно рассмотреть дело. При этом указывается, что суд устанавливает обстоятельства как обвиняющие, так и оправдывающие подсудимого²³².

---

²³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П "По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части 1 статьи 232, части 4 статьи 248 и части 1 статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород" — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22840/ (дата обращения: 08.11.2022 г.).

²³¹ Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2003 № 451-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46550/ (дата обращения: 08.11.2022 г.).

²³² Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 104-О "Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса

Огромное значение имеет Постановление Конституционного Суда по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда. В этом постановлении был разрешен вопрос изменения квалификации деяния, в сторону ухудшения положения обвиняемого, что по общему правилу не допускается. Так как суд не может сам изменить квалификацию, данную предварительным следствием, в сторону ухудшения, это является процессуальным нарушением, не позволяющим суду вынести законное и обоснованное решение, а значит, дело можно вернуть прокурору. Конституционный Суд указал на то, что суд может указать прокурору лишь на факт наличия нарушений, ущемляющих права участников процесса. В таком случае суд не осуществляет уголовное преследование.

Постановление Конституционного Суда по делу о проверке конституционности статей 416 и 417 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исакова также касается вопросов активности суда, но в процессуальном отношении. Согласно данной правовой позиции порядок пересмотра уголовных дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам иницилируемый заключением прокурора, вынесенным в результате соответствующего производства, соответствует Конституции, поскольку по общему правилу суды не должны проявлять инициативу в части установления таких обстоятельств. Однако для тех случаев, когда прокурор не возбуждает производство, приходит к выводу об отсутствии новых и вновь открывшихся обстоятельств, отзывает свое заключение и т.д., при условии, что данные действия были признаны судом незаконными, Конституционный суд предусмотрел исключение. В таких ситуациях суд может по своей инициативе, без соответствующего заключения прокурора, установить новые и вновь открывшееся обстоятельства, отменить решение суда и передать дело для нового судебного разбирательства либо прекратить уголовное дело. Данные действия суда возможны лишь при соблюдении принципа *favor defensionis*, то есть при условии, что иницилируемый пересмотр уголовного дела направлен на улучшение правового положения осужденного²³³.

В заключении хотелось бы отметить, что вопрос активности суда в уголовном процессе не теряет своей актуальности. Глубоко теоретическая, на

Российской Федерации" — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=3330#QA3VoMTSgMci7vn4> (дата обращения: 08.11.2022 г.).

²³³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.12.2021 № 53-П "По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исакова" — Доступ из СПС «Консультант-Плюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40_4016/ (дата обращения: 08.11.2022 г.).

первый взгляд, тема соотношения типов процесса регулярно возникает в практике, так как является основой всего уголовного судопроизводства. В доктрине существуют различные подходы в понимании соотношения активности суда и состязательности процесса. Правовые позиции Конституционного суда схожи с некоторыми из них, при этом прямо противоположными. Вместе с тем можно отметить тенденцию к расширению инициативы суда как в вопросах исследования доказательств, так и в осуществлении процессуальных действий. Такая дифференциация подходов проистекает из объективной невозможности построения уголовного процесса на каком-либо одном принципе и необходимости нахождения оптимального соотношения.

Список литературы

1. Барышев Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству СПб.: Типография II отделения Собственной Е.И. В. Канцелярии, 1841. — 297 с.
2. Курс уголовного процесса / под редакцией Головки Л.В. Изд. — 2-е — Москва: Статут, 2017. — 1280 с.
3. Петрухин И.Л. Реформа уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Законодательство. 2001. — № 3. — С. 72–81.
4. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. — 8-е изд., перераб. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. — 784 с.
5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса Т. 1: основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. - 460 с.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. Изд. 3-е. - СПб.: Сенатская типография, 1910. — 566 с.

*Волков А.А.*²³⁴

Оценка прокурором качества досудебного производства по делу, поступившему к нему с актом, оканчивающим предварительное расследование с направлением дела в суд

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие у прокурора при оценке качества досудебного производства по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением. Делается вывод о необходимости законодательного установле-

---

²³⁴ Волков Артем Александрович, соискатель кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета.

Volkov Artem Aleksandrovich, Candidate for the degree of PhD in Law at the Department of the Criminal Procedure of Ulyanovsk State University.

ния единых критериев оценки качества прокурором досудебного производства, которые могут стать основой для программного обеспечения указанной деятельности прокурора.

Ключевые слова: предварительное расследование, прокурор, обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление.

Volkov A.A.

Prosecutor's evaluation of the pre-trial proceedings quality in a case received by him with an act ending the preliminary investigation while sending the case to court

Abstract. The article deals with the problems that the prosecutor has in assessing the quality of pre-trial proceedings in a criminal case received with an accusatory conclusion, an accusatory act, an accusatory resolution. It is concluded that it is necessary to establish legislatively uniform criteria for assessing the quality of pre-trial proceedings by the prosecutor, which can serve as the basis for the software for the specified activities of the prosecutor.

Keywords: preliminary investigation, prosecutor, accusatory conclusion, accusatory act, accusatory resolution.

Статистические данные о результатах работы следственных подразделений в России констатируют, что выявляются не только несоблюдение требований уголовно-процессуального законодательства, но и многочисленные технические ошибки при составлении процессуальных документов, в том числе обвинительного заключения и обвинительного акта²³⁵.

На примере Ульяновской области, можно отметить, что за 6 месяцев 2020 года в производстве следователей Следственного управления Следственного комитета России по Ульяновской области, находилось 1765 уголовных дел. Прокурором для производства дополнительного расследования возвращалось 23 уголовных дела, из которых 3 решения вышестоящим прокурором отменены. Для пересоставления обвинительного заключения возвращено прокурором 24 уголовных дела²³⁶.

²³⁵ См.: Павленко А.Ф., Мавшова Т.А. Типичные ошибки следователя при составлении процессуальных документов на стадии предварительного расследования // Актуальные вопросы охраны общественного порядка и административной деятельности полиции: материалы межведомственной научно-практической конференции. — М., 2020. — С. 101-102; Макарова К.В. Нарушения отдельных норм УПК РФ и УК РФ органами предварительного расследования при направлении уголовного дела в суд и возможные пути их преодоления / К.В. Макарова // Современное российское право. — 2020. — № 8 (17). — С. 23 — 28.

²³⁶ Основные результаты прокурорской деятельности прокуратуры Ульяновской области 12-2020: ведомственная статистика. — Текст: электронный // Прокуратура Ульяновской области: [сайт]. — URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/proc73/activity/statistics/office/result?item=58223905> (дата обращения: 11.07.2022 г.).

Важность прокурорского надзора за предварительным расследованием, и особенно при утверждении прокурором акта, оканчивающего предварительное расследование не вызывает сомнений²³⁷, что подтверждается многочисленными примерами.

Так, прокуратура Иркутской области утвердила обвинительное заключение по уголовному делу в отношении 10 местных жителей. В зависимости от роли и степени участия они обвиняются в совершении преступлений, предусмотренных чч. 1, 2 ст. 209 УК РФ, пп. «а», «в», «г» ч. 2, п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ, пп. «а», «в», «г» ч. 2, п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ, ч. 3 ст. 222 УК РФ. По версии следствия, в начале 2018 года один из обвиняемых, имея преступный опыт, обладая лидерскими качествами, организовал совершение нападений на граждан с целью установления своего криминального влияния и авторитета на территории г. Иркутска, а также незаконное изготовление и сбыт оружия, рассчитывая на постоянное занятие преступной деятельностью. Для осуществления этих намерений он создал банду, в состав которой вошли 6 человек.

Обвиняемые похищали граждан, которых впоследствии жестоко избивали, причиняли ножевые и огнестрельные ранения, а затем вымогали имущество. Потерпевшими по уголовному делу признаны 8 человек. Преступная деятельность пресечена летом 2018 года. В ходе обысков изъято оружие, боеприпасы, сотовые телефоны. Материалы дела были направлены в суд, благодаря слаженной работе следователей и обоснованного составления обвинительного заключения²³⁸.

Другой пример из следственной практики. Прокуратура Красноярского края в декабре 2020 г. утвердила обвинительное заключение по уголовному делу в отношении 5 местных жителей, обвиняемых по ч. 1 ст. 173.1 УК РФ, ч. 1 ст. 187 УК РФ, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ, ч. 1 ст. 327 УК РФ.

По версии следствия, один из злоумышленников, будучи руководителем общества с ограниченной ответственностью «Канский КХП», совместно с другими обвиняемыми создал преступную группу. Целью преступной группы лиц являлось незаконное освобождение юридического лица от уплаты налогов. Так, обвиняемые через подконтрольные фирмы,

---

²³⁷ Осипова Т.В. Основания и причины возвращения прокурором и судом уголовных дел для дополнительного расследования // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 13 ноября 2020 года) / под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. — М.: Московская академия следственного комитета Российской Федерации, 2020. — С. 137.

²³⁸ Прокуратура Иркутской области направила в суд уголовное дело о создании банды, участии в ней, похищении людей, вымогательствах и других преступлениях (15.12.2020 г.). текст: электронный // Генеральная прокуратуры Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://epp.genproc.gov.ru/en/web/gprf/mass-media/news/news-state-main?item=56983560> (дата обращения: 16.10.2022 г.).

не являющиеся плательщиками налога на добавленную стоимость, оформляли на них сделки по приобретению сельскохозяйственной продукции. Фактически вся продукция доставлялась в ООО «Канский КХП», взаиморасчеты между указанными фирмами проводились с использованием поддельных бухгалтерских документов, которые в дальнейшем учитывались при составлении налоговой отчетности. В результате преступных действий злоумышленники незаконно занизили сумму налога на добавленную стоимость на 16,2 млн рублей.

В ходе расследования уголовного дела на имущество обвиняемых наложен арест. Дело направлено в суд²³⁹.

Следующий пример. Калининградский областной суд в декабре 2020 г.²⁴⁰ постановил оправдательный приговор по уголовному делу в отношении исполняющей обязанности главного врача родильного дома № 4 в г. Калининграде Елены Белой и врача анестезиолога-реаниматолога Элины Сушкевич.

10 декабря 2020 года коллегия присяжных заседателей, выслушав доводы стороны обвинения и защиты, посчитала недоказанным событие, описанное в обвинительном заключении, и большинством голосов вынесла оправдательный вердикт. Это как раз пример ненадлежащей работы следователей и некачественного осуществления прокурорского надзора.

Прокуратура в Российской Федерации должна основывать свою деятельность на конституционно-правовых принципах. Под ними ученые понимают руководящие начала, идеи, которыми прокуратура обязана руководствоваться при реализации своей основной функции — функции надзора²⁴¹.

Одним из пробелов в уголовно-процессуальном законе является отсутствие в нем критериев оценки прокурором качества досудебного производства по делу, поступившему к нему с итоговым документом, в котором сформулирован вывод органа предварительного расследования об инкриминируемом лицу преступлении, его уголовно-правовой квалификации, а также содержатся обоснования этого вывода. Также отмечается несогласие с установленным законодателем запретом на корректировку прокурором обвинительного заключения²⁴². Положения приказов Генерального прокурора РФ (Приказ Генеральной прокуратуры от

---

²³⁹ Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/en/web/gprf/mass-media/news/news-state-main?item=56983560> (дата обращения: 16.06.2022 г.).

²⁴⁰ Суд вынес оправдательный приговор Белой и Сушкевич. Текст: электронный // АиФ: [сайт]. URL: https://klg.aif.ru/society/sud_vynes_opravdatelnyy_prigovor_belay_i_sushkevich (дата обращения: 16.07.2022 г.).

²⁴¹ Корнилова Е.В. Конституционные основы деятельности прокуратуры по обеспечению прав несовершеннолетних в РФ // Вестник Пензенского государственного университета. 2017. — № (18). — С. 37-45.

²⁴² См: Дикарев И.С. Полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением / И.С. Дикарев // Российский следователь. 2020. — № 10. — С. 61-64.

19.01.2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания»²⁴³, Приказ Генеральной прокуратуры от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»²⁴⁴ и др.) в определенной мере компенсируют этот недостаток закона, ставя достаточно конкретные задачи, которые прокурор обязан решить на данном этапе. Однако представляется целесообразным законодательное закрепление перечня вопросов, которые прокурор вправе и обязан решать на данном этапе досудебного производства, посредством включения в главу 32 УПК РФ дополнительной статьи, устанавливающей круг этих вопросов. К таковым, в частности, следует относить проверку прокурором всесторонности и полноты проведенного следствия, оценку возможности направления уголовного дела в суд в связи с признанием им недопустимыми обосновывающих обвинение доказательств и т.д.

Реализация данного предложения снимет какие-либо вопросы относительно прав и обязанностей прокурора на данном этапе, заставит следователей, руководителей следственных органов и самих прокуроров быть более ответственными за качество выполняемой ими работы. Ранее предлагалось принять компьютерную программу изучения уголовного дела прокурором — государственным обвинителем, отчасти, на наш взгляд, применимую и прокурором, осуществляющим надзор в досудебном производстве²⁴⁵.

Основные пункты этой программы выглядят следующим образом: изучение фактуры, объема и квалификации предъявленного обвиняемому обвинения так, как они изложены в утвержденном прокурором обвинительном заключении; изучение ее соответствия постановлению следователя о предъявлении обвинения; осмысление прокурором логики расследования, приведшей следователя к формулированию обвинения в его окончательной редакции следователем и т.д.

Комплексы соответствующих рекомендаций и предложений типового характера содержатся и в других работах. Начат постепенный их перевод в программный вариант. Так, заслуживает внимания опыт прокуратур различных регионов, самостоятельно решающих указанную проблему. Разрабатываются специальные программы, используемые в прокурорском надзоре в досудебном

---

²⁴³ Приказ Генеральной прокуратуры от 19.01.2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2022 г.).

²⁴⁴ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2022 г.).

²⁴⁵ Исаенко В.Н. Цифровые технологии в деятельности прокурора на завершающем этапе предварительного расследования // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: Материалы IV международной научно-практической конференции: в двух томах. Тамбов, 2020. — С. 401.

производстве. Эти программы, анализируя исходные данные, выявляют ошибки и несоответствия: в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении, в уведомлении о подозрении и обвинительном акте. Сопоставляя содержание этих документов, программа анализирует: фамилию, имя и отчество обвиняемого, данные о личности каждого из них, существо обвинения. Фактически проводится сличение на идентичность тестов этих процессуальных документов. Использование программного продукта обеспечивает проверку качества составления по нему процессуальных документов.

По нашему мнению, перечень вопросов, решаемых прокурорами при изучении уголовных дел на анализируемом этапе, возможно разделить на отдельные блоки (модули), что позволит рассматривать деятельность прокурора как определенную систему, состоящую из относительно локализованных, но характеризующихся внутренним единством и общей направленностью совокупностей мыслительных операций и процессуальных действий прокурора, выполнение которых призвано обеспечить принятие им законного и обоснованного решения по изученному делу. Блоки (модули) программы могут использоваться: в оценке допустимости отдельных доказательств; для проверки полноты использования в расследовании систем уголовной (криминалистической) регистрации; для оценки полноты расследования за счет использования существующих частных криминалистических методик в других целях.

Соответственно, программа должна иметь должное информационное насыщение для использования, например, в проверке обоснованности уголовно-правовой квалификации инкриминируемых обвиняемым, подозреваемым преступлений с учетом разъяснений постановлений Пленума Верховного Суда РФ, а в целом — быть необходимым элементом автоматизированного рабочего места прокурора, участвующего в уголовном судопроизводстве, а также использоваться в доработанном варианте для проверки и оценки законности и обоснованности прекращения уголовного дела, уголовного преследования. При этом основные разделы программы должны основываться на установленных законом показателях качества предварительного расследования, оцениваемых прокурором при утверждении им акта, оканчивающего предварительное расследование с направлением дела в суд.

Список литературы

1. Дикарев И.С. Полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением / И.С. Дикарев // Российский следователь. — 2020. — № 10. — С. 61-64.
2. Исаенко В.Н. Цифровые технологии в деятельности прокурора на завершающем этапе предварительного расследования // Тамбовские правовые чтения

имени Ф.Н. Плевако: Материалы IV международной научно-практической конференции : в двух томах. Тамбов, 2020. — С. 399-403.

3. Корнилова Е.В. Конституционные основы деятельности прокуратуры по обеспечению прав несовершеннолетних в РФ // Вестник Пензенского государственного университета. 2017. — №2 (18). — С. 37-45.

4. Макарова К.В. Нарушения отдельных норм УПК РФ и УК РФ органами предварительного расследования при направлении уголовного дела в суд и возможные пути их преодоления / К.В. Макарова // Современное российское право. - 2020. — № 8 (17). — С. 23-28.

5. Осипова Т.В. Основания и причины возвращения прокурором и судом уголовных дел для дополнительного расследования // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 13 ноября 2020 года) / под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. — Москва: Московская академия следственного комитета Российской Федерации, 2020 — С 137-141.

6. Павленко А.Ф., Мавшова Т.А. Типичные ошибки следователя при составлении процессуальных документов на стадии предварительного расследования // Актуальные вопросы охраны общественного порядка и административной деятельности полиции: материалы межведомственной научно-практической конференции. — Москва, 2020. — С. 101-102.

Аскарова А.К.*

Обеспечение следователем права подозреваемого и обвиняемого на защиту

Аннотация. Право на защиту — элемент процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого. Этому праву должна корреспондироваться безусловная юридическая обязанность. Ее возложение на следователя влечет внутренний конфликт его процессуальных интересов. Следователь, являясь хозяином уголовного дела, не может в полной мере обеспечить полную реализацию функции защиты (содействовать стороне защиты, обеспечить право на защиту). Обеспечение этого права возможно через реализацию в законе выдвинутой в науке идеи о судебном следователе.

Ключевые слова: уголовный процесс, право на защиту, обеспечение права на защиту, следователь.

---

* Аскарова Алия Ксановна, студентка 3 курса юридического факультета Северо-Западного филиала ГФБОУВО «Российский государственный университет правосудия».
Askarova Aliya Ksanovna, 3-year student of the Faculty of Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice.

Ensuring the right of the suspect and the defendant for defense by the investigator

Abstract. The right to defense is an element of the procedural statuses of the suspect and the accused. This right must be accompanied by a legal obligation. Its imposition on the investigator entails a conflict of his procedural interests. The investigator, as a dominus litis, cannot fully ensure the full implementation of the defense function (ensure the right to defense, contribute to the defense). Ensuring this right is possible through the implementation in the law of the idea put forward in science about the forensic investigator.

Keywords: criminal process, right to defense, ensuring the right to defense, investigator.

Реализация любого принципа, предусмотренного законодателем в главе 2 УПК РФ и имеющего регулятивный характер, может рассматриваться через призму уголовно-процессуальных отношений, что относится и к нормам, закрепленным в ст. 16 УПК РФ. В силу отсутствия в нормативной конструкции уголовно-процессуального закона главы 2 УПК (в качестве нормативного принципа) самого права на защиту подозреваемого (обвиняемого), надо полагать, что выбранное для рассмотрения положение, ориентировано прежде всего на властных участников правоотношений, одним из которых и является следователь.

Актуальность выбранной нами тематики подчеркивается позицией известных российских ученых-процессуалистов А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, включающих правила об обеспечении преследуемым в уголовном процессе лицам права на защиту в систему принципов состязательного уголовного судопроизводства, связанных с юридической обязанностью следователя²⁴⁶. К сожалению, это сущностное начало не рассматривается незыблемым, вызывает дискуссию. В ходе конференции «Регулирование уголовно-процессуальных правоотношений: 20-летний опыт применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» А.В. Смирнов в своем выступлении обратился к проблеме реализации принципа обеспечения права на защиту через рассмотрение типа процесса, реализованного в нашем законе²⁴⁷. По мнению данного ученого реальный

---

²⁴⁶ См.: Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. — Москва: Норма: Инфра-М., 2023. — С. 97.

²⁴⁷ Смирнов А.В. Вопрос о типологической принадлежности уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и его дальнейших перспективах [Электронный ресурс]:

взгляд на уголовно-процессуальные правоотношения позволяет выделять в них полномочия следователя на «уничтожение» своего процессуального противника (защитника), что можно, однако, отнести и к таким участникам уголовного процесса, как подозреваемый и обвиняемый. Это явление фиксируется при наличии в законе юридической обязанности следователя по обеспечению права на защиту этих же лиц.

Методом, который мы использовали в настоящем исследовании, явилось системное рассмотрение норм уголовного судопроизводства, сравнение принципом и отдельных институтов уголовного процесса в эволюционном аспекте.

Совокупность уголовно-процессуальных норм, являющихся объектом нашего исследования, представляется следующими положениями, образующими содержание нормативного регулирования деятельности следователя по обеспечению прав на защиту подозреваемого (обвиняемого).

Диспозиция нормы ст. 16 УПК РФ устанавливает правило о том, что преследуемому лицу обеспечивается право на защиту. Законодатель здесь подчеркивает именно обеспечительную функцию. Очевидно, что само право на защиту — элемент иных регулятивных норм закона. Для обвиняемого — в ч. 3 ст. 47 УПК РФ, для подозреваемого же — в п. 3 ч. 4 и п. 11 ч. 4 ст. 46 УПК РФ. Отличия состоят в том, что в первом случае такое право прямо фиксируется законодателем, а во втором — выводится через упоминание использования помощи профессиональных защитников и иных средств защиты, не являющихся запрещенными. Эта ситуация достаточно логична постольку, поскольку формирование функции обвинения (ее материально-правового аспекта) возникает в отношении обвиняемого, а, соответственно, и функция защиты (право на защиту в полном объеме) — с этого же процессуального момента.

Предназначение принципа ст. 16 УПК РФ, фокусируемое именно на обеспечении, коррелируется с обязанностью следователя обеспечить право на защиту обвиняемого (как и подозреваемого) лично или с помощью защитников. Один из элементов правоотношений (следователь как юридически обязанное лицо) очевиден. При этом отметим, что полномочия следователя, предусмотренные в перечне ст. 38 УПК РФ, не содержат прямой юридической обязанности данного участника обеспечить права на защиту подозреваемого (обвиняемого). Данное — логично. Следователь отнесен законодателем к стороне обвинения (глава 6 УПК РФ). Другой элемент (подозреваемый и обвиняемый как лица, обладающие субъективным правом требовать обеспечения право на защиту) так же присутствует. Объектом же правоотношений, по поводу которых между следователем и обви-

няемым (или подозреваемым) возникает процессуальная связь, является реальность и полнота реализации функции защиты. Приведенная нормативная конструкция предопределена конституционными положениями ч. 2 ст. 45 Конституции РФ.

Официальное толкование описываемых нормативных правил уголовно-процессуального закона дано в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации № 29 от 30 июня 2015 г. «О практике применения законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», согласно которому судам предписывается обращать внимание на каждое нарушение уголовно-процессуальной формы, содержащей правила об обеспечении права на защиту, ограничивающее право подозреваемого (обвиняемого) на защиту (п. 18).

Изменения, которые произошли в уголовно-процессуальном законе в части обеспечения рассматриваемого права в период от УПК РСФСР 1960 г. и до настоящего момента, не видятся существенными.

Нормы ст. 19 УПК РСФСР 1960 г. регулировали схожие уголовно-процессуальные отношения аналогично. В предыдущем законе фиксировалось обеспечение права на защиту тем же субъектам, но без дифференциации (как это сделано в действующем УПК) на личную и профессиональную защиту. Однако объем нормы допускал обе формы защиты (ч. 1 ст. 19 УПК РСФСР 1960 г.). Обеспечение этого права вводилось в правоотношения через обязанность следователя сделать это (ч. 2 ст. 19 УПК РСФСР 1960 г.). Прямой же обязанности следователя в содержании его полномочий обеспечить право на защиту подозреваемого (обвиняемого) в ст. 127 УПК РСФСР 1960 г. не предусматривалось. Субъективное право на защиту обвиняемого определялось в ч. 3 ст. 46 УПК РСФСР 1960 г., аналогичной нормы для подозреваемого в законе не существовало, защитник подозреваемого на данном этапе не допускался.

В Конституции РСФСР 1978 г. право на защиту прав человека в уголовном процессе прямо не выделялось, в основном советском законе доминировала защита интересов советского государства. Одновременно конституционной и уголовно-процессуальной норм, определяющих тип уголовного процесса как состязательный, не было. Характер производства по уголовному делу в досудебных и судебных инстанциях был следственным.

Получается, что правоотношения по советскому уголовно-процессуальному закону, несмотря на построение современного уголовно-процессуального закона на основе принципа состязательности, конструктивно соответствуют нынешнему. В этом мы усматриваем коллизию. Не действующий УПК РСФСР 1960 г., устанавливая розыскной (инквизиционный) тип процесса, обоснованно содержал гарантию, ограничивающую носителя

функции уголовного преследования, отчасти совпадающую с функцией разрешения дела.

В теории уголовного процесса по рассматриваемой проблеме присутствуют следующие позиции.

Во-первых, представители науки единодушно пишут о важности права на защиту для отечественного уголовного процесса. При этом ими используются различные качественные характеристики, но содержание их указывает на понимание единой сущности этого права. Так, профессор А.И. Александров обращает внимание на свойство фундаментальности этого права для конструирования уголовно-процессуального закона и основываемой на нем правоприменительной практики²⁴⁸. Профессор В.Н. Курченко видит в нем особый процессуально-конституционный ранг (признаки конституционализированного субъективного процессуального права)²⁴⁹. Представитель петербургской науки уголовного процесса В.В. Конин фиксирует приобретение правом на защиту пика своего процессуального положения в настоящий период реформирования уголовно-процессуального закона²⁵⁰. Это вновь подчеркивается актуальность проводимого нами исследования, но определенную авторитетными учеными России. В таком понимании рассматриваемое право обязательно для нашего закона, но чтобы оно не стало пустой декларацией, оно должно быть обеспечено надлежащим образом.

Во-вторых, догма уголовного судопроизводства связывает принцип обеспечения права на защиту подозреваемого (обвиняемого), зафиксированный в действующем уголовно-процессуальном законе, с принципом состязательности сторон в уголовном процессе. Такой подход видится нам совершенно обоснованным. Все принципы УПК РФ необходимо рассматривать как систему. Фрагментарный подход к их рассмотрению не будет выявлять реальной сущности отечественного уголовного процесса.

Профессор А.В. Смирнов еще в советский период отмечал, что стремление к построению уголовного судопроизводства по состязательному типу не будет иметь необходимых оснований, если таким субъектам, как следова-

---

²⁴⁸ См.: Александров А. И. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе России: актуальные проблемы // Российский следователь. — 2019. — № 8. — С. 15–18.

²⁴⁹ См.: Курченко В.Н. Обеспечение обвиняемому права на защиту: интерпретация в судебной практике // Уголовное право. — 2019. — № 1. — С. 89–95.

²⁵⁰ См.: Конин В.В. Право на защиту: некоторые теоретические вопросы // Российская юстиция. 2013. — № 4. — С. 34; Конин В.В. Право на защиту // Судебная реформа 1864 года и ее влияние на развитие права: Материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 20–21 мая 2004 года / Калининградский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации. — Калининград: Калининградский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации, 2004. — С. 102.

тель будет вменяться в качестве юридической обязанности необходимость привлечения лица в качестве обвиняемого (привлечения к юридической ответственности) и доказывания того обвинения, которое он сформулирует в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого²⁵¹. Обращая внимание на подобную конструкцию прошлого уголовно-процессуального закона, указанный автор высказывает сомнение в возможности исключения обвинительного уклона в уголовно-процессуальном правоприменении. Такая же ситуация сохраняется и сегодня. Следователь как носитель функции обвинения, входя в систему правоохранительных органов, реализующих публичный интерес, сводимый к обвинению тех членов общества, поведение которых отклоняется от норм уголовного закона, процессуально подчиняясь руководителю следственного органа, не может быть единственным участником предварительного расследования, в компетенцию которого входит обязанность обеспечения права на защиту подозреваемого или обвиняемого. Фактическое следствие из существующего регулирования — «уничтожение» следователем (как носителем функции обвинения) своего процессуального противника (защитника как носителя функции защиты)²⁵².

Весьма логичной видится и позиция В.К. Кониной, считающего, что следователь не может и *de jure* не должен выполнять функцию защиты²⁵³. Конечно же, право на защиту (ч. 3 ст. 47, п. 3 ч. 4 и п. 11 ч. 4 ст. 46 УПК РФ) и обеспечение права на защиту (ч. 1 ст. 16 УПК РФ) являются различающимися процессуальными правилами. Право на защиту — это то, что определяет возможности (субъективные права) в реальных правоотношениях подозреваемого (обвиняемого, их защитников). Обеспечение же права на защиту — это конструкция юридической обязанности следователя, корреспондирующая праву преследуемых лиц (их защитников). Объектом же правоотношений в возникающей конструкции мы должны видеть, вероятно, обеспеченность (защищенность) подозреваемого или обвиняемого действиями следователя, что видится весьма эклектичным подходом законодателя.

В связи с отмеченным, поддерживаем позицию проф. В.Н. Курченко, который считает, что опора законодателя в диспозиции ч. 1 ст. 16 УПК РФ на термин «обеспечение» должна влечь построение уголовно-процессуального закона, «обеспечивающее *реальное* осуществление права обвиняемого на защиту (курсив

---

²⁵¹ См.: Смирнов А.В. Об исторической форме советского уголовного процесса // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1989. — № 5. — С. 60.

²⁵² См.: Смирнов А.В. Вопрос о типологической принадлежности уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и его дальнейших перспективах [Электронный ресурс]: Сайт Международной ассоциации содействия правосудию. URL: <http://www.iaaj.net/node/3190> (дата обращения: 11.11.2022 г.). Режим доступа: свободный.

²⁵³ См.: Конин В.В. К вопросу о функциях следователя в уголовном судопроизводстве // Российский судья. — 2009. — № 4. — С. 32.

наш. — А. А.)»²⁵⁴, подразумевающее такое содержание уголовно-процессуальных правоотношений, в которых каждому субъективному праву подозреваемого (обвиняемого), добросовестно реализуемому для защиты в предварительном расследовании, должна предусматриваться юридическая обязанность следователя. Только это позволит преодолеть обвинительный уклон предварительного расследования и добиться справедливости досудебного производства²⁵⁵.

Действующий же уголовно-процессуальный закон не отвечает этому критерию.

В исследованиях Л.А. Зашляпина подчеркивается, что реализация уголовно-процессуальной функции защиты должна проявляться через уголовно-процессуальную активность, соответствующую интересам стороны защиты²⁵⁶. Данная правовая активность состоит в реальной возможности подозреваемого (обвиняемого, их защитников) задавать вопросы в ходе следственных допросов²⁵⁷. Практика же идет по иному пути. Вопросы, задаваемые обвиняемым (подозреваемым, их защитниками) в ходе следственных допросов для реализации права на защиту, натываются на усмотрения следователя, который может снять их (блокировать реализацию функции защиты).

Приведенные теоретические позиции так же позволяют сомневаться в гармоничном построении действующего уголовно-процессуального закона России. В качестве вывода статьи нашей статьи предлагаем следующее суждение.

Состязательный тип уголовного процесса обязательно должен предусматривать обеспечение права подозреваемого и обвиняемого на защиту. Само право на защиту — элемент процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого (их транслирования на статус защитника). Для построения гармоничных правоотношений этому праву должна корреспондировать безусловная юридическая обязанность. Ее возложение на носителя функции обвинения (уголовного преследования) с очевидностью влечет внутренний конфликт процессуальных интересов следователя. Следователь, являясь хозяином уголовного дела, не может в полной мере обеспечить (содействовать этому) полную реализацию функции защиты (обеспечить право на защиту).

---

²⁵⁴ Курченко В.Н. Обеспечение обвиняемому права на защиту: интерпретация в судебной практике. — С. 89–95.

²⁵⁵ См.: Александров А.И. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе России: актуальные проблемы. — С. 15–18.

²⁵⁶ См.: Зашляпин Л.А. Основные компоненты теории адвокатского мастерства в уголовном судопроизводстве. — Екатеринбург, 2007. — С. 143–222.

²⁵⁷ См.: Зашляпин Л.А. Конституционализация регулирования вопросов в допросе подозреваемого // Конституционализация уголовного судопроизводства (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации): Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 октября 2021 года / Под редакцией К.Б. Калиновского. СПб., 2022. — С. 194–195.

Обеспечение этого права, по нашему мнению, возможно через реализацию в законе идеи о судебном следователе²⁵⁸.

Список литературы

1. Александров А.И. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе России: актуальные проблемы // Российский следователь. — 2019. — № 8. — С. 15–18.

2. Зашляпин Л.А. Конституциализация регулирования вопросов в допросе подозреваемого // Конституциализация уголовного судопроизводства (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации): Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, СПб., 30 октября 2021 года / Под редакцией К.Б. Калиновского. СПб., 2022. — С. 191–197.

3. Зашляпин Л.А. Основные компоненты теории адвокатского мастерства в уголовном судопроизводстве. — Екатеринбург, 2007. — 576 с.

4. Конин В.В. К вопросу о функциях следователя в уголовном судопроизводстве // Российский судья. — 2009. — № 4. — С. 31–33.

5. Конин В.В. Право на защиту: некоторые теоретические вопросы // Российская юстиция. — 2013. — № 4. — С. 34–36.

6. Конин В.В. Право на защиту // Судебная реформа 1864 года и ее влияние на развитие права: Материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 20–21 мая 2004 года / Калининградский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации. — Калининград, 2004. — С. 101–104.

7. Курченко В.Н. Обеспечение обвиняемому права на защиту: интерпретация в судебной практике // Уголовное право. — 2019. — № 1. — С. 89–95.

8. Смирнов А.В. Вопрос о типологической принадлежности уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и его дальнейших перспективах [Электронный ресурс]: Сайт Международной ассоциации содействия правосудию. URL: <http://www.iauaj.net/node/3190> (дата обращения: 11.11.2022 г.). Режим доступа: свободный.

9. Смирнов А.В. О перспективах введения института следственных судей в России // Судья. — 2018. — № 8(92). — С. 58–62.

10. Смирнов А.В. Об исторической форме советского уголовного процесса // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1989. — № 5. — С. 56–61.

12. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. — Москва: Норма: Инфра-М., 2023. — 784 с.

---

²⁵⁸ См.: Смирнов А.В. О перспективах введения института следственных судей в России // Судья. — 2018. — № 8(92). — С. 58–62.

Государственное обвинение в состязательном уголовном процессе

Аннотация. Государственное обвинение включает элементы формулирования обвинения и его поддержание в суде. В состязательном типе процесса, когда деятельности следователя самостоятельна и независима от прокурора, деятельность государственного обвинителя имеет признаки ослабленности функции, касающиеся формулирования обвинения и свободы распоряжения им.

Ключевые слова: уголовный процесс, государственное обвинение, состязательность.

Safiulina K.A.

Public prosecution in adversarial criminal proceedings

Abstract: Public prosecution includes elements of formulating charges and maintaining them in court. In a competitive type of process, when the activities of the investigator are independent and independent of the prosecutor, the activities of the public prosecutor have signs of a weakened function regarding the formulation of the charge and the freedom to dispose of it.

Keywords: criminal process, public prosecution, adversarial.

Государственное обвинение, являясь одним из важнейших институтов отечественного уголовного судопроизводства, образует классическую объектную область российской юриспруденции. В связи с этим известный ученый-процессуалист О.В. Качалова указывает, что содержание процессуальной деятельности государственного обвинителя в стадии судебного разбирательства имеет исключительное значение для хода и результатов производства по уголовному делу²⁵⁹. Мы поддерживаем данную позицию, но при этом нашей задачей в настоящей статье является рассмотрение института государственного обвинения в аспекте состязательности современного уголовного судопроизводства, что может проявлять некоторые проблемы уголовно-процессуальных отношений.

Игнорирование этих проблем не позволит эффективно реформировать отечественное судопроизводство или добиться от него эффективного право-

---

* Сафиулина Карина Александровна, студентка 5 курса Северо-Западного филиала ГФБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Safiulina Karina Alexandrovna, 5th year student of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice.

²⁵⁹ См.: Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. — С. 195.

судия. Учет принципа состязательности через его нормативное масштабирование на институты процессуальных решений и действий при реализации функции обвинения позволит гармонично подойти к их построению²⁶⁰. В связи с отмеченным, профессор А.В. Смирнов, сравнивая современное государственное обвинение и состязательность уголовного процесса, вводит метафору «прямоугольного треугольника»²⁶¹, что является парадоксом для построения состязательных уголовно-процессуальных отношений, но ярко характеризует недостаток рассматриваемого института. Для разрешения данных проблем прежде всего необходимо определиться с моделью реализации государственного обвинения в современном уголовно-процессуальном законе. Как известно, континентальная и англо-саксонская модели рассматриваемого института имеют существенные различия в их реализации в судебном разбирательстве. Заимствую для действующего закона англо-саксонскую модель состязательности, мы, как нам кажется, остались в зависимости от идеи государственного обвинения континентального права, основанной на деятельности двух связанных участников процесса. В нашем случае проблематика может предопределяться также консервативным переносом в действующий закон положений УПК РСФСР 1961 года.

Методами проведенного исследования, представляемого в настоящей статье, являются сравнительно-правовые и формальное логические подходы анализа нормативной и теоретической базы.

Для раскрытия нашей позиции по рассматриваемой теме, начнем с описания совокупности тех уголовно-процессуальных норм, которые характеризуют институт государственного обвинения и принцип состязательности уголовного судопроизводства по российскому закону.

Одна из предполагаемых проблем государственного обвинения в современном уголовном процессе связывается с консервативностью законодателя, по-прежнему тяготеющего к концепции прокурорского надзора, присущего советской системе законодательства. Проявляется это, например, в нормах п. 31 ст. 5 УПК РФ и п. 6 ст. 5 УПК РФ. Первая из упомянутых статей содержит в себе скрытую идею прокурорского надзора, а вот последняя связывается с необходимым для реализации состязательного типа процесса участником — государственным обвинителем. При этом обе нормативные дефиниции указывают на существование в нашем уголовном процессе раз-

---

²⁶⁰ См.: Зашляпин Л.А. Вопрос — масштабируемое процессуальное средство доказывания / Л.А. Зашляпин // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Ц.М. Каз, Саратов, 3 апреля 2020 г. — Саратов:, 2020. — С. 54-56.

²⁶¹ См.: Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К. Б. Калиновский / под общ. ред. А.В. Смирнова — М., 2023. — С. 132.

личных уголовно-процессуальных статусов прокурора и государственного обвинителя, что подтверждается далее всей конструкцией уголовно-процессуального закона. Прокурор проявляет свои полномочия в стадии возбуждения уголовного дела, в судебно-контрольных производствах, на этапе окончания предварительного расследования, в стадиях исполнения приговора. Государственный же обвинитель действует в стадии судебного разбирательства. Законодатель, таким образом, зафиксировав две нормативные дефиниции, задает и две различающиеся нормативные модели для реализации их компетенций в стадиях (институтах).

Указанная дифференциация имеет существенное значения для определения субъекта, формулирующего обвинение. Как видится из позиции законодателя, государственный обвинитель имеет к этому весьма отдаленное отношение.

Согласно нормативным правилам ч. 1 ст. 171 УПК РФ следователь собирает доказательства для формулирования обвинения, он же оценивает их по критерию достаточности (то есть определяет пределы доказывания) и принимают оценивающее процессуальное решение, в котором дает уголовно-правовую квалификацию содеянного, определяет лицо, которому инкриминируется соответствующий состав преступления. Ни государственный обвинитель, ни даже прокурор в принятии следователем этого решения не принимают никакого участия. Влияние прокурора можно усматривать лишь для одной формы предварительного расследования — дознания.

В коррелирующих ч. 1 ст. 171 УПК РФ нормах ст. 220 УПК РФ вновь определяются правила, по которым следователь (и только следователь) реализует свою процессуальную компетенцию, касающуюся формулирования обвинения в материально-правовом и процессуальном смыслах, обоснования этого итогового решения доказательствами, собранными и проверенными им в ходе предварительного расследования. Непосредственно к этой процедуре ни государственный обвинитель, ни прокурор также не имеют отношения.

В последнем случае возможно возражение с отсылкой к правилам ст. 221 УПК РФ, по которым прокурор может влиять на изменение решения следователя о квалификации содеянного, изменение обоснования (мотивировки) этого решения. В этом случае, однако, мы видим роль прокурора в изменении формулировки обвинения, но не в его первоначальном формулировании. Хозяином дела по закону (ст. 38 УПК РФ) является следователь.

Содержание норм ст. 237 УПК РФ подтверждает это. Уголовное дело возвращается судом не государственному обвинителю, участвующему в судебном разбирательства, а прокурору. Положения ст. 246 УПК РФ следуют в фарватере этой же идеи регулирования. Согласно им государственный обвинитель может изменить формулировку обвинения, но в пределах, которые не ущемля-

ют право подсудимого на защиту. Получается, что полномочия государственного обвинителя позволяют ему принимать процессуальные решения не в соответствии с выявляемой фактической стороной содеянного, а лишь в формально определенных пределах его процессуальных возможностей. Однако и данная компетенция государственного обвинителя существенно корректируется п. 3.4 Приказа Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», установлениями которого для государственного обвинителя требуется согласование возможных решений об отказе от обвинения или существенного изменения обвинения с прокурором, распоряжением которого государственных обвинитель вошел в дело в качестве такового. Сам государственный обвинитель как участник судебного разбирательства не свободен принять это решение.

Противоположная сторона (подсудимый, защитник) совершенно нормально для состязательного типа процесса самостоятельно определяют свою позицию. Предполагается, что в состязательном типе процесса противоположный участник (государственный обвинитель) должен иметь равные со стороной защиты права (ст. 244 УПК РФ). Государственное обвинение, таким образом, при его рассмотрении в аспекте принципа состязательности уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК РФ), должно регулироваться как уголовно-процессуальная деятельности стороны. Содержание государственно-обвинительной деятельности (государственного обвинения) в судебном разбирательстве по распоряжению своими правами в ограниченном объеме, указанном выше, и поддержанию государственного обвинения (ст. 246 УПК РФ), представляется ограниченным.

Нормативное понимание состязательности связывается с процессуальной оппозицией сторон защиты и обвинения. При этом стороны должны быть равными в судебном разбирательстве (ч. 4 ст. 15 УПК РФ, ст. 244 УПК РФ), наоборот, неравенство сторон (в том числе защитника и государственного обвинителя) не позволяет отправлять правосудие в состязательном типе процесса (ч. 1 ст. 15 УПК РФ). Всякое неравенство, прежде всего, связывается с неравенством полномочий. Юридическая конструкция, в которой формулирование обвинения есть суть деятельности следователя, а поддержание этого обвинения — процессуальное полномочие государственного обвинителя, по нашему мнению, весьма близка идее следственного типа процесса советского периода. В действующем же уголовно-процессуальном законе регулирование отношений осуществляется иначе.

В качестве промежуточного вывода можно отметить, что нормативно состязание между стороной защиты (подсудимым, защитником), которая вправе, например, признать обвинение, государственное обвинение не представлено участником, полностью самостоятельным в отправлении своей

функции, к тому же, не оказывающим влияние на исходное формулирование обвинения в предварительном следствии.

Переходя к анализу отечественной доктрины, касающейся рассматриваемой темы, прежде всего, обратимся к авторитетной позиции В.М.Савицкого, считавшего терминологические пороки уголовно-процессуального закона дорогой к негативному правопониманию и такому же негативному правоприменению (произволу)²⁶². В термине «поддержание государственного обвинения», десятилетиями присутствующему в науке уголовного процесса, как раз подчеркивается несамостоятельность реализуемой государственным обвинителем функции, зависимость от того участника уголовного процесса, который реально формулирует обвинение, а это следователь. Для следственного типа советского уголовного процесса такая терминология была совершенно допустима. В законе отсутствовало разделение участников на стороны, принцип состязательности не фиксировался, конструкция закона смешивала исполнение функции обвинения и правосудия. Наука советского уголовного процесса, отразив реализацию действовавшего тогда законодательства, представляла положение государственного обвинения как поддержание обвинения, консервативно транслируя это и в современную теорию уголовного судопроизводства.

Государственное обвинение необходимо рассматривать состоящим, как минимум, из трех элементов: а) формулирования обвинения в материально-правовом, процессуальном смыслах и его предъявления; б) утверждения обвинения (обвинительного заключения); в) поддержания обвинения в ходе судебного разбирательства²⁶³.

При этом государственное обвинение должно быть активной формой реализации функции обвинения²⁶⁴. Процессуальная активность государственного обвинителя есть его необходимое качество как участника уголовного процесса²⁶⁵. Для того, чтобы обладать полнотой компетенции государственный обвинитель должен иметь определенную степень процессуальной свободы, зафиксированную в его полномочиях. Современный государственный обвинитель фактически защищает процессуальные позиции (совокупность доказательств), построенные следователем, отстаивает форму-

---

²⁶² См.: Савицкий В.М. Насчет терминологии процессуального закона / В. М. Савицкий // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. — М., 1985. — С. 15.

²⁶³ См.: Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и защита по уголовным делам / Ф.Н. Фаткуллин, З.З. Зинатуллин, Я.С. Аврах. — Казань, 1976. — С. 33–35.

²⁶⁴ См.: Слышкина Е.И. Актуализация в криминалистике вопросов государственного обвинения: связь со стратегией обвинения и функцией защиты / Е.И. Слышкина, Л. А. Зашляпин // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовного процессуального законодательства. — Екатеринбург: Чароид, 2003. — С. 421–427.

²⁶⁵ См.: Зашляпин Л.А. Основные компоненты теории адвокатского мастерства в уголовном судопроизводстве / Л.А. Зашляпин. — Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2007. — 575 с.

лировку, автором которой является носитель функции уголовного преследователя (следователь).

При этом полномочия государственного обвинителя, образующие процессуальную сущность публичного обвинения в суде, не должны быть аналогичными полномочиям следователя, как считал А.Я. Вышинский²⁶⁶. Если такое было возможно в советской системе правоприменения, то современное правопонимание базируется на иных позициях. Одновременно цели государственного обвинения в уголовном процессе, их проявление в полномочиях государственного обвинителя, не может строиться по типу процессуального сотрудничества с судом, как считает Ф. Кобзарев²⁶⁷. Государственное обвинение в состязательном типе процесса обособлено от носителя функции правосудия и не может иметь общих процессуальных целей.

Еще в советской науке уголовного процесса В. М. Парадеевым было сформулировано суждение, имеющее значение и для современного периода. Данный автор подчеркнул, что сущность публичного обвинения сводится к «вынесению правоприменительного акта»²⁶⁸ — постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. В советское время, что надо учитывать, участие прокурора (через институт прокурорского надзора за предварительным следствием) в формулировании обвинения было более существенным, чем сейчас. Действующий же закон по-прежнему относит принятие этого важнейшего процессуального решения к стадии предварительного расследования и реализации полномочий следователя, но воздействие прокурора на конструирование обвинительного суждения ограничивает.

Классическая позиция Ф.Н. Фаткуллина, З.З. Зинатуллина, Я.С. Авраха о том, что «обвинительная функция без формулы обвинения беспредметна»²⁶⁹ должна учитываться в оценке роли и содержания государственного обвинения в состязательном типе процесса. Для того, чтобы активно реализовать функцию публичного обвинения, государственный обвинитель должен иметь процессуальный доступ к формулированию обвинения.

Другой ученый (Е.И. Жидкова), рассматривая вопрос о конкретных лицах, ведущих производство по уголовному делу, фактически подчеркивает понимание того, что государственный обвинитель в нашем уголовном

---

²⁶⁶ См.: Вышинский А.Я. Советский суд и социалистическое правосудие / А.Я. Вышинский. — М., 1938. — С. 54.

²⁶⁷ См.: Кобзарев Ф. Об общности целей и задач прокуратуры и суда как основы их взаимодействия в уголовном судопроизводстве / Ф. Кобзарев // Уголовное право. 2004. — № 3. — С. 122.

²⁶⁸ Парадеев В.М. Формирование обвинения на предварительном следствии в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1978. — С. 144.

²⁶⁹ Фаткуллин, Ф.Н. Обвинение и защита по уголовным делам. — С. 27.

процессе не занимает позиции лица, разрешающего уголовное дело²⁷⁰. Государственное обвинение в судебном разбирательстве фактически опирается на конструкцию обвинения, предложенному носителем функции уголовного преследования, а также на доказательства, собранные следователем. Это основное правило правоприменения, приводящее к ситуации защиты государственным обвинителем обвинительного тезиса, сформулированного следователем, и качества (допустимости, достоверности и т. д.) доказательств, собранных следователем. Государственный обвинитель, таким образом, — лишь процессуальный преемник следователя, но не имеющий полномочий *dominus litis*.

Анализ приведенных теоретических источников подводит к выводу о том, что и ученые-процессуалисты видят современную функцию публичного обвинения в суде ослабленной. В силу требований ст. 240 УПК РФ государственный обвинитель, реализуя функцию обвинения в состязательном типе процесса, должен исследовать (проверять) доказательства и процессуальные решения предыдущей стадии, в том числе касающиеся формулы обвинения. Деление уголовного процесса на стадии, в котором каждая последующая проверяет предыдущую, рационально, что должно учитываться в современном уголовно-процессуальном законе и процессуальном статусе государственного обвинителя. Активное выполнение этой задачи рассматриваемым участниками (в силу его зависимости) маловероятно.

На основании изложенного можем утверждать, что государственное обвинение как уголовно-процессуальная деятельность по реализации публичного обвинения в суде на началах состязательности, имеет признаки ослабленности этой функции, касающиеся формулирования обвинения и свободы распоряжения им.

Список литературы

1. Вышинский А.Я. Советский суд и социалистическое правосудие / А.Я. Вышинский. — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1938. — 56 с.
2. Зашляпин Л.А. Вопрос — масштабируемое процессуальное средство доказывания // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Ц.М. Каз, Саратов, 03 апреля 2020 года. — Саратов: 2020. — С. 54-56.
3. Зашляпин Л.А. Основные компоненты теории адвокатского мастерства в уголовном судопроизводстве / Л.А. Зашляпин. — Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2007. — 575 с.

---

²⁷⁰ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. — М.: Статус. 2017. — С. 78–79.

4. Кобзарев Ф. Об общности целей и задач прокуратуры и суда как основы их взаимодействия в уголовном судопроизводстве / Ф. Кобзарев // Уголовное право. 2004. — № 3. — С. 122–124.
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. — М.: Статус. 2017. — 1278 с.
6. Парадеев В.М. Формирование обвинения на предварительном следствии в советском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1978. — 199 с.
7. Савицкий В.М. Насчет терминологии процессуального закона / В.М. Савицкий // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. — М., 1985. — С. 15–29.
8. Слышкина Е.И. Актуализация в криминалистике вопросов государственного обвинения: связь со стратегией обвинения и функцией защиты / Е.И. Слышкина, Л.А. Зашляпин // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законодательства: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 06–07 февраля 2003 года. — Екатеринбург: Чароид, 2003. — С. 421–427.
9. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский / под общ. ред. А.В. Смирнова — М., 2023. — 783 с.
10. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. — 936 с.
11. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и защита по уголовным делам / Ф.Н. Фаткуллин, З. З. Зинатуллин, Я. С. Аврах. — Казань: Издательство Казанского университета, 1976. — 166 с.

ЧАСТЬ 2

ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Корсаков К. А.*

Замечания и предложения по концепции законопроекта о расширении в уголовном судопроизводстве института примирения

Аннотация. Рассматривается с критической точки зрения ранее представленный проект закона о примирении в уголовном судопроизводстве, понятие «восстановительное правосудие», характеризуется новый проект.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, примирение, «восстановительное правосудие», примиритель.

Korsakov K. A.

Comments and proposals on the concept of the draft law on the expansion of the institution of reconciliation in criminal proceedings

Abstract. The previously presented draft law on reconciliation in criminal proceedings, the concept of "restorative justice" is considered from a critical point of view, the new project is characterized.

Keywords: criminal procedure law, "restorative justice", reconciliation, conciliator.

Основной целью круглого стола являлось обсуждение проблем института примирения в уголовном судопроизводстве. В частности, рассмотрение Проекта Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о введении в уголовное судопроизводство института примирения», разработанного в рамках студенческого научного проекта «Институт примирения в уголовном судопроизводстве» кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Рос-

---

* Корсаков Константин Александрович, доцент кафедры уголовно- процессуального права Северо-Западного филиала ГФБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции.

Konstantin Korsakov, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor, Adviser of Justice.

сийского государственного университета правосудия и возникающих вопросов в правоприменительной деятельности.

Представленный проект можно рассматривать как альтернативный разработанному рабочей группой МОО «Центр «Судебно–правовая реформа» в 2020 году Проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения», в частности, предлагаемому «восстановительному правосудию», несовместимому с Российскими правовыми традициями, представляемому альтернативой существующему «карательному» правосудию.

Основные вопросы возникли в связи с понятийным аппаратом, в частности, с понятием «восстановительное правосудие» и исходящими из него предлагаемыми нормами.

При этом аргументация необходимости более широкого применения института примирения в уголовном судопроизводстве и необходимости более тщательной регламентации критикуемого законопроекта является обоснованной, и авторы Проекта с ней согласны, также как с основными целями и задачами, которые должны быть решены законодательной регламентацией этого института.

Не вызывает сомнения и то, что психологические приемы и методы «восстановительного правосудия» применимы с учетом особенностей примирительной процедуры в уголовном судопроизводстве, где имеются значительные отличия от «медиации», касающиеся в первую очередь качеств сторон примирения, особенно виновного, уголовно-правового и процессуального законодательства, целей судопроизводства, наказания, имеет значение и присутствие представителей сторон — защитника, представителя потерпевшего, другие особенности.

В связи с этим в обоих проектах присутствуют отдельные совпадения формулировок, регламентирования логически закономерных положений и отношений, хотя их сущностью и трактовка, как правило, не совпадают. Также указанное диктуется юридической техникой.

История «восстановительного правосудия» характеризуется следующим образом.

Институт «восстановительного правосудия» возник в последней трети XX века и развивается в настоящее время. Первоначально медиация нашла применение в гражданско-правовой сфере, но постепенно стала проникать и в официальные системы уголовной юстиции. Такой подход к реагированию на уголовные преступления начал складываться в разных странах мира примерно с 70-х гг. XX века. Разнообразные течения, концепции и практики, базирующиеся на идеях согласия и примирения, к началу 80-х годов были объ-

единены термином *restorative justice* («восстановительное правосудие»¹)². Немного позже это было воспринято и в России.

«Важнейшим этапом нашей работы стало освоение концепции восстановительного правосудия, изложенной прежде всего в работах Ховарда Зера³. Основными для нас стали понятие «потребности жертв преступлений», оппозиционное уголовному правосудию и юридическому мышлению; понятие «ответственность правонарушителя»; цели программ восстановительного правосудия. Существенными элементами нашей практики являются идеи кризиса современного правосудия, изложенные в работах Ховарда Зера и Гарольда Бермана⁴. Глубокий криминологический анализ ситуации в современном уголовном правосудии и варианты выхода из него изложены также в работах Нильса Кристи⁵, которые во многом определили направления наших размышлений и разработок»⁶.

Термин «восстановительное правосудие» достаточно часто употребляется в связи с вопросами воспитания несовершеннолетних в тех случаях, когда они совершают правонарушения, в том числе преступления.

Имеет место его употребление и в нормативных документах⁷. По мнению А.А. Ширкина «... в настоящее время существует две концепции правосудия - карательная и восстановительная. Карательное правосудие представляет устоявшуюся модель, имеющую свои преимущества, от которых не следует отказываться. Оно ориентировано на защиту интересов государства, при этом зачастую незаслуженно игнорируя права граждан, пострадавших от реальных преступных посягательств.

---

¹ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер с англ. / Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.

² Карнозова Л.М. Медиация по уголовным делам в российской правовой системе // Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегия развития (сборник материалов) / сост. А.Ю. Коновалов. — М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2013. — С. 34-35.

³ См.: Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 1998.

⁴ См.: Берман Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: МГУ, 1994.

⁵ См.: Кристи Н. Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.

⁶ Максудов Р.Р. Программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций: от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани. — М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. — С. 13.

⁷ См. например: Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2014 № 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 32. Ст. 455. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1_66695/; — <http://government.ru/docs/14110/>. (дата обращения: 19.09.2022 г.).

Другая концепция — восстановительное правосудие, которое во главу угла ставит права и законные интересы пострадавшего, заставляет подсудимого (осужденного) брать на себя ответственность за содеянное и сознательно, добровольно, выбирать наиболее разумный вариант своего посткриминального поведения.

Вместе с тем всецело восстановительным правосудие быть не может. Смысл его реформирования в данном контексте заключается в поиске наиболее оптимальных, в том числе компромиссных, форм реализации для достижения целей (назначения) уголовного судопроизводства, установленных ст. 6 УПК РФ»⁸.

Мы согласны с данным утверждением, но думаем более категорично.

Термин «восстановительное правосудие» вызывает у юристов недоумение и отторжение, но они пока принимают его.

У не связанных с юстицией людей — приватное понимание «правосудия», а у ознакомившихся с концепцией «восстановительного правосудия» — «неправильности» официального правосудия как «карательного».

Для «испугавшихся патриотов» — поддержку как противопоставление «карательному» не только правосудию, а как инструменту «карательного» государства.

Целью идеальной для примирения является восстановление нарушенных прав пострадавшего и, главное, осознание виновным своей вины за содеянное с последующим раскаянием (не обязательным заглаживанием вины). То есть, восстановление справедливости — осознание виновным соразмерности, в данном случае достаточности для перевоспитания, воздаяния за совершенное. Соразмерность, справедливость вознаграждения (освобождение от уголовной ответственности либо смягчения ответственности) и возмездия, кары за поступки (привлечение к уголовной ответственности). Моральной оценки виновным своего поведения и необходимость изменения мотивации поведения, исходя из нравственных основ общественных отношений.

Это не соответствует понятию наказания, но цели в обоих случаях совпадают (ст. 43 УК РФ). Можно говорить об альтернативном разрешении уголовно-правового конфликта.

Рассмотрим непосредственно элементы термина «восстановительное правосудие».

Правосудие осуществляется в соответствии с законом и на основании закона уполномоченными на то государственными органами, обладающими властными полномочиями.

---

⁸ Ширкин А.А. Медиация как направление развития института примирения в уголовном процессе Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Люберцы — 2015. — С.5.

Результатом правосудия всегда является наказание: уголовное, административное, материальное, моральное — публичное признание неправоты, противоправности либо преступности содеянного и требованием загладить причиненный вред, компенсировать ущерб.

Поэтому употребление понятия «правосудие» искажает сущность содержания целей и задач, декларируемых авторами и приверженцами «восстановительного» правосудия.

Кроме того, термин «justice» может быть переведён не только как «правосудие», но и «справедливость», и «юстиция»⁹. Все зависит от контекста, общего смысла, который позволяет уточнить значение входящих в него отдельных слов, предложений, исходя из заданного семантического поля понятий. Это же относится и к термину «restorative justice».

Исходя из контекста, целей под программами «восстановительного правосудия» следует понимать программы «восстановления справедливости», а под институтом «восстановительного правосудия» — «восстановительную юстицию», но никак не «правосудие», которое можно определить «как особый вид государственно-властной деятельности, осуществляемый в процессуальной форме, по рассмотрению гражданских, административных, уголовных, иных дел и разрешению их путем вынесения общеобязательных постановлений с целью защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина»¹⁰.

Термин «восстановительная юстиция» нашел свое место и в научных работах¹¹.

Еще несколько слов о критикуемом проекте закона.

Необходимо отметить, что употребленный в проекте термин «восстановительное правосудие» неприемлем поскольку «программа восстановительного правосудия» противопоставляется, как в них указывается, «официальному» правосудию, как «карательному». «Восстановительное правосудие», именно как «правосудие» соотносящаяся с исковым процессом, о чем говорят зару-

---

⁹ URL: <https://translate.academic.ru/justice/en/ru/> (дата обращения: 19.09.2022 г.).

¹⁰ Банников И.А. Понятие правосудия // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. №1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravo-sudiya-1> (дата обращения: 19.09.2022 г.).

¹¹ Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. — С. 14; Арутюнян А.А. Концепция восстановительной юстиции и современные тенденции развития уголовного процесса [Текст] / А.А. Арутюнян // Адвокат. — 2011. — № 9. — С. 38-44; Марковичева Е.В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Марковичева Елена Викторовна. — Оренбург, 2011; Сесар К. Карательное отношение общества: реальность и миф // Известия вузов. Правоведение. 1998. — № 4. — С. 171; Воскобитова Л.А. Перспективы развития института примирения сторон в уголовном судопроизводстве России // Мировой судья. 2007. — № 1. — С. 8-11 и др.

бежные авторы, а не с публично-состязательным, имеющим место в Российской Федерации. Также нельзя искусственно переносить терминологию поскольку их понятие в психологии, конфликтологии не всегда совпадают с понятийным аппаратом юриспруденции.

Так, под понятием «конфиденциальность», в проекте закона, фактически специалисту-примирителю предоставлен свидетельский иммунитет, то есть право скрывать преступления, совершаемые или готовящиеся.

Конфиденциальность не может распространяться на саму процедуру примирения, в целях ее проверки и оценки в том числе на предмет принуждения к сделке. Не может исключать участия соответствующих представителей сторон в процедуре для защиты прав и интересов доверителей.

Примиритель в любом случае не должен иметь права разглашать сведения, ставшие ему известными в процессе примирительной процедуре, без разрешения суда, следователя, дознавателя, назначившего процедуру примирения, без разрешения сторон. За это должна быть предусмотрена ответственность.

Процедура примирения должна быть в достаточной степени прописана в законе по аналогии с иными процедурами, например, производства следственных действий: основания, цели, условия ее проведения, фиксация и проходить на основании закона и в соответствии с законом и быть понятна как юристам, так и другим гражданам.

Положения о том, что примиритель не вправе «использовать иные не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы для организации, проведения, обеспечения эффективности примирительной процедуры и исполнения примирительного договора» неприемлемы, поскольку, он является процессуальным лицом, он должен действовать только на основании и в соответствии с законом. В связи с этим должен быть прямой запрет на использование при примирении любого принуждения, в том числе психологического, со стороны любого из участников процедуры, в том числе примирителя или иного заинтересованного лица. Должна быть предусмотрена уголовная ответственность за подобные действия.

Процессуальное положение примирителя должно закрепляться в законе, включая обязанности примирителя по пресечению недопустимых действий, а в случае наличия признаков преступления в подобных действиях, сообщать об этом назначившему процедуру примирения следователю, дознавателю, суду либо в соответствующие правоохранительные органы.

Примиритель должен обладать определенными качествами, помимо специальной подготовки, в связи с этим на него должен распространяться институт отводов, в частности, личная прямая или косвенная заинтересованности, компетентности. В то же время примиритель осуществляет действия

для организации диалога, направленного на заглаживание вреда и достижения соглашения между сторонами, значит имеет интерес в его достижении, заинтересованность в заключении договора примирения и в этом он не может быть нейтральным.

Необходимо предусмотреть особенности процедуры и условий примирения сторон в сфере частного и частно-публичного обвинения, а также подсудимый и осужденный, истец и ответчик, в части их касающейся.

Требования к форме и содержанию договора должны быть прописаны: форма; содержание договора — условия выполнения не должно противоречить закону, быть невыполнимым, не унижающим честь и достоинство, не наносящие невосполнимый вред или ущерб стороне, или ее близким, соизмеримым; сроки; последствия неисполнения, другое.

Контроль за соблюдением процедуры примирения и условий договора должен быть возложен на орган, по чьей инициативе начата процедура примирения или принимающий соответствующее решение по делу, материалу, то есть суд, следователь, дознаватель, прокурор должен проверить добровольность, обоснованность и законность договора, в том числе законность самой процедуры, и вправе не принимать его во внимание на основании аргументированного решения.

За исполнением договора должен следить, помимо заинтересованной стороны, государственный орган, поскольку решение, на основании договора принимается от имени государства или Российской Федерации.

Последствием неисполнения договора должны быть возобновление расследования, пересмотр приговора или иного решения, но никак не принуждение к исполнению, поскольку договор заключается добровольно и последствия его заключения и выполнение имеют значение для уголовного судопроизводства, принимаемых решений.

Приостановление расследования не требуется, у сторон достаточно времени для осуществления процедуры, так же как и о приостановления судебного разбирательства, достаточно отложения или перерыва. В противном случае встает вопрос о разумном сроке. Это может касаться разве что ускоренного дознания.

Указанные недостатки и пробелы проекта мы постарались устранить, в процессе создания которого опиралось на сформированное юридическое мышление: как для достижения конкретной цели в схожих ситуациях должны быть сформулированы заданные условия. Под «заданными условиями» понимаются положения Законодательства, не исключая правовое регулирование, в том числе морально-нравственные установления.

Соответственно формирование норм проекта происходило от частного к общему.

Законопроект направлен на решение двух основных задач:

1. Расширение применения института примирения в уголовном процессе;
2. Формирование механизма, обеспечивающего его осуществление.

И преследовал следующие цели:

- Снижение нагрузки на следственные органы, прокуратуру, суд;
- Экономия уголовной репрессии и перераспределения высвобождающихся резервов на расследование и рассмотрение уголовных дел;
- Сокращение сроков принятия решений по существу дела, соблюдение разумных сроков судопроизводства;
- Более широкое участие граждан в отправлении судопроизводства, принятие справедливого решения, а значит повышение доверия к правоохранительным органам и суду;
- Соблюдение баланса частного и публичного интересов;
- Способствование восстановлению прав пострадавшего;
- Стимулирование осужденного к заглаживанию причиненного вреда;
- Уменьшение числа судимых, способствование исправлению виновного;
- Преференции для несовершеннолетних виновных;
- Возможность проверить процедуру примирения и условия примирения;
- Защита процедуры примирения и ее участников от незаконного влияния;
- Пресечение злоупотреблений процедурой примирения;
- Гуманизация правосудия и снижения числа судимых.

Проект страдает недостатками и пробелами, например, остались не разрешенными такие вопросы, как определение соотношения частного и публичного интересов; примирение на стадии возбуждения уголовного дела; роль прокурора, особенно в тех случаях, когда нарушены интересы общества, государства и отсутствуют представители государственных, общественных организаций, учреждений и другие.

Поэтому любая критика будет воспринята с пониманием и благодарностью, тем более от процессуалистов, практиков правоохранителей, медиаторов и других участников дискуссии.

Список литературы

1. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012. — 32с.
2. Арутюнян А.А. Концепция восстановительной юстиции и современные тенденции развития уголовного процесса [Текст] / А.А. Арутюнян // Адвокат. — 2011. — № 9. — С. 38-44.

3. Банников И.А. Понятие правосудия // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. №1. — URL: [https://cyberleninka.ru /article/n/ponyatie-pravosudiya-1](https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravosudiya-1) (дата обращения: 19.09.2022 г.).
4. Берман Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: МГУ, 1994. — 590с.
5. Воскобитова Л.А. Перспективы развития института примирения сторон в уголовном судопроизводстве России // Мировой судья. 2007. — № 1. — С. 8-11.
6. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер. с англ. /Общ. ред. Л.М. Карнозовой. Комментар. Л.М. Карнозовой и С.А. Пашина — М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002 — 328 с.
7. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 1998. — 354с.
8. Карнозова Л.М. Медиация по уголовным делам в российской правовой системе // Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегия развития (сборник материалов) / сост. А.Ю. Коновалов. — М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2013. — С. 34-35.
9. Кристи Н. Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.
10. Максудов Р.Р. Программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций: от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани. — М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. — 256 с.
11. Марковичева, Е.В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Марковичева Елена Викторовна. — Оренбург, 2011. — 482 с.
12. Сесар К. Карательное отношение общества: реальность и миф // Известия вузов. Правоведение. 1998. — № 4. — С. 162 — 171.
13. Ширкин А.А. Медиация как направление развития института примирения в уголовном процессе Российской Федерации: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.09 / Ширкин Антон Александрович; [Место защиты: Рос. таможен. акад.]. - Люберцы, 2015. — 222 с.

Сущность восстановительного правосудия и модель правового регулирования института примирения в уголовном судопроизводстве России

Аннотация. В статье рассматривается модель правового регулирования института примирения в уголовном судопроизводстве России как частный случай проявления восстановительного правосудия. Анализируется сущность восстановительного правосудия в сопоставлении с современным европейским пониманием и его фундаментальными основами. Уделено внимание неоднозначному вопросу истории зарождения и развития восстановительного правосудия в России.

В нашей стране существует интересный опыт восстановительного правосудия, которым можно гордиться. Он достаточно подробно закреплён в «Вестнике восстановительной юстиции». Рассматривается отношение к восстановительному правосудию со стороны органов власти, правоохранительных органов, научного сообщества.

Обсуждение модели правового регулирования концепции института примирения в уголовном судопроизводстве 22 апреля 2022 г. в Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия стало важным событием в истории восстановительного правосудия России. Но будучи социальной реакцией гражданского общества на преступление, восстановительное правосудие строится на принципиально иных началах, отличных от государственного реагирования. Такая деятельность требует принципиально нового мышления и других методов работы. Делается вывод об ошибочности ограничения восстановительного правосудия в России. Высказываются замечания к модели правового регулирования института примирения в уголовном судопроизводстве с точки зрения сущностной природы восстановительного правосудия.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, восстановительное правосудие, «Вестник восстановительной юстиции», медиация, примирение, гражданское общество.

---

* Белоносов Владимир Олегович, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, доктор юридических наук, доцент.
Belonosov Vladimir Olegovich, Professor of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of the Law Institute of the Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Doctor of Law, Associate Professor.

The essence of restorative justice and the model of legal regulation of the institute of reconciliation in criminal proceedings in Russia

Abstract. The article considers the model of legal regulation of the institution of reconciliation in the criminal proceedings of Russia as a special case of the manifestation of restorative justice. The essence of restorative justice is analyzed in comparison with the modern European understanding and its fundamental foundations. Attention is paid to the ambiguous issue of the history of the origin and development of restorative justice in Russia.

There is an interesting experience of restorative justice in our country that we can be proud of. It is fixed in sufficient detail in the «Bulletin of Restorative Justice». The article considers the attitude to restorative justice on the part of authorities, law enforcement agencies, and the scientific community.

The discussion of the legal regulation model for the concept of conciliation in criminal proceedings on 22 April 2022 at the North Western Branch of the Russian State University of Justice was an important event in the history of restorative justice in Russia. But as civil society's social response to crime, restorative justice is built on fundamentally different principles from state responses. Such activities require a fundamentally new way of thinking and working. The conclusion is made about the fallacy of limiting restorative justice in Russia. Comments are made on the model of legal regulation of the institution of reconciliation in criminal proceedings from the point of view of the essential nature of restorative justice.

Keywords: criminal proceedings, restorative justice, «Bulletin of Restorative Justice», mediation, reconciliation, civil society.

Хотя заявленная тема круглого стола посвящена модели правового регулирования института примирения в уголовном судопроизводстве России, но предварительное ознакомление с предоставленными материалами совершенно однозначно натолкнуло на мысль, что речь идет именно о восстановительном правосудии, так как примирение — это частный случай восстановительного правосудия. Поэтому для правильной оценки модели правового регулирования примирения в уголовном судопроизводстве России невозможно обойтись без анализа сущности восстановительного правосудия.

16-17 ноября 2021 г. довелось принять участие в международной заочной конференции «Восстановительное правосудие: многогранность подвижных границ» (*La justice restaurative: des frontières plurielles et mouvantes*), которая проходила на базе Национальной школы пенитенциарной администрации Министерства юстиции Франции и была посвящена 20-летнему юбилею этого учебного заведения. Обсуждались разнообразные во-

просы, связанные с историей, современным состоянием и перспективами развития восстановительного правосудия во Франции и других странах. Несмотря на то, что данное мероприятие называлось коллоквиумом (семинаром), но, по сути, это была именно международная научная конференция с приглашением представителей научного сообщества, учебных заведений, практических работников в основном франкоязычных стран от Канады до Полинезии. Также присутствовали представители Министерства юстиции Франции.

В целом обсуждаемые вопросы производили сильное впечатление. Хотя о России ничего не говорилось, тем не менее содержание дискуссий было исключительно интересно и полезно для правильного понимания природы восстановительного правосудия, его места и роли в системе общественных отношений.

Не секрет, что в сознании отечественных юристов ощущается дефицит, либо некорректное, либо тенденциозное понимание восстановительного правосудия, а порой и всё это вместе. Помню, как в далеком 2003 г. довелось впервые услышать выступление Максудова Рустема Рамзиевича, президента общественного центра «Судебно-правовая реформа» и председателя Всероссийской ассоциации восстановительной медиации. Но как тогда я ни старался вникнуть в сущность восстановительного правосудия, смог только с раздражением констатировать, что восстановительное правосудие — никакое это не правосудие, ибо общеизвестно, что правосудие — это деятельность суда. А в восстановительном правосудии действуют неизвестно откуда взявшиеся добровольцы, которые занимаются какими-то переговорами. И с тех пор я надолго забыл о восстановительном правосудии. Хотя время от времени мне попадались публикации на эту тему, но всё равно восстановительное правосудие продолжало оставаться загадочной экзотикой.

Когда я получил приглашение принять участие в конференции, то, прежде всего, постарался ознакомиться с публикациями по восстановительному правосудию в электронной библиотеке e-library, их оказалось около 400. Несмотря на вроде бы большое количество публикаций, много было повторяющихся, бессодержательных и даже почему-то идеологически критических.

Таким образом к конференции по восстановительному правосудию я подошел со спутанными мыслями в голове в надежде просто послушать, о чем будет идти речь. Если обобщить смысл сказанного, то тезисно его можно представить в следующем виде.

1. В настоящее время в мире (речь не шла о России) наблюдается кризис практики разрешения уголовных конфликтов из-за жесткости (жестокости) его реализации. Судопроизводство не всегда достигает желаемых результатов, ибо государство не всегда может оказать реальную помощь

потерпевшему. Как правило, государство хорошо справляется с карательной функцией, которая составляет суть государственного подхода, а в теории поэтому называется карательным (репрессивным) правосудием. Но это не ругательные термины, а сущностная характеристика. Как это ни парадоксально, но под такие характеристики подпадают действительно демократические в нашем понимании западноевропейские государства.

2. Но параллельно с государственным подходом всё большее распространение получает восстановительное правосудие, которое призвано решать не менее важные задачи оказания помощи личности в преодолении последствий преступления, её восстановления и вовлечения в дальнейшую систему общественных отношений. Если государство не склонно решать подобные задачи, то практика свидетельствует, что они успешно решаются в рамках восстановительного правосудия представителями гражданского общества. Поэтому восстановительное правосудие должно рассматриваться как *социальная реакция гражданского общества на преступление*. И осуществляться такая реакция должна совершенно другими методами, отличными от государственных, а именно:

— в основе восстановительного правосудия лежит любовь в самом высоком и широком смысле. Именно таким подходом общество и граждане могут оказать не меньшую помощь, чем государство. И такой подход показывает, что члены гражданского общества способны (а порой и достаточно эффективно) участвовать в поиске решений для восстановления потерпевшего (а порой и иных субъектов), его вовлечения в привычную систему общественных отношений, заглаживания вреда от преступления, чтобы каждый субъект смог успешно в дальнейшем продолжить свою жизнь;

— в основе восстановительного правосудия лежит принцип коммуникации — возможность безбоязненного, свободного и прямого общения, проговаривания, высказывания о наблевшем. Для этого необходимо быть услышанным и правильно понятым. Большое значение приобретают доверие и индивидуальный подход, но такое возможно лишь на пути реальной либерализации уголовного правосудия, где каждый субъект может и должен быть выслушан. И в процессе такого диалога возможно восстановление;

— важным принципом восстановительного правосудия является восстановление равновесия. Такой процесс должен восстанавливать связи, а не их разрушать;

— совокупность приведенных характеристик приближает восстановительное правосудие к искусству, где нетерпим формально-бюрократический подход, так присущий государственному регулированию.

1. К идее восстановительного правосудия приводит уголовное право. Существуют различные понимания сущности восстановительного правосудия.

дия и его конечных целей. Это не только процедура встреч потерпевший-обвиняемый. Восстановление заключается прежде всего при условии прекращения превосходства личности. Это возможность коллективного проживания без насилия и возможность восстановления юридического статуса. Уголовное право содержит лишь предпосылки для такого восстановления, поскольку восстановление лишь предполагается наказанием. Если в уголовном праве предусмотрено восстановление только в денежной форме, то восстановительное правосудие предполагает реальное восстановление. Отсюда можно предположить, что восстановительное правосудие не противоречит уголовному праву, а является его осознанным выбором. Между ними нет противоречий, они являются двумя сторонами одного целого.

2. Философия восстановительного правосудия предполагает участие общества. Наказание должно быть в интересах общества и потерпевшего, а не обвиняемого. По мнению Ч. Беккариа, наказание должно быть социально полезным¹².

Наказание затрагивает коллективную логику, которая должна объединять, а не разъединять. Восстановительное правосудие — это не всепрощение, а общественное осуждение. Наказание должно быть обращено в будущее, а не в прошлое. Наказание должно быть наименее жестоким, хотя на практике порой жестокость добавляется искусственно.

3. Возникает закономерный вопрос — стоит ли (а если стоит, то каким образом) менять уголовное (уголовно-процессуальное) законодательство? В некоторых странах законодатель пытается мягко вводить восстановительное правосудие, не меняя при этом всю систему уголовного судопроизводства. Это способно породить противоречия и большое количество вопросов, которые в своей совокупности можно сформулировать как «возможно ли восстановительное правосудие на службе репрессивного правосудия»? Самое удивительное, что такие вопросы вполне серьезно на конференции обсуждали представители западноевропейских государств (Бельгии, Швейцарии, Голландии и др.), критикуя свои государства за излишнюю с их точки зрения «репрессивность» государственного правосудия, препятствующую эффективному функционированию восстановительного правосудия.

Несмотря на разнообразие высказанных мнений, в целом отмечено, что:

— ограничения восстановительного правосудия являются ошибочными;

— хотя восстановительное правосудие способно радикально повлиять и изменить карательное правосудие, но у последнего еще сильные позиции (речь шла только о западноевропейских государствах);

---

¹² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс, 1995. — С. 73.

— существует зависимость восстановительного правосудия от типа социальной системы, психосоциального контроля с осознанием необходимости их гуманизации.

И такие простые и понятные высказывания участников конференции позволили изменить отношение к восстановительному правосудию, сделав более ясным не только его, но и всю систему общественных отношений, с ним связанную. Многие вещи стали более понятны: и карательно-репрессивная сущность государственного правосудия; и сложности распространения в России восстановительного правосудия как следствие сложностей с гражданским обществом; и трудности с коммуникацией для безбоязненного, свободного, прямого общения и проговаривания наболевшего; и достижение равновесия в общении; и сложности творческого подхода в условиях преобладающего формально-бюрократического давления; и почему до сих пор восстановительное правосудие в России не нашло своего законодательного закрепления, а попытки ввести в законодательство какие-либо восстановительные технологии наталкиваются на сопротивление в силу своей инородности и порождения большого количества противоречий.

Но после обсуждения на конференции остался самый главный вопрос, на который я так и не смог получить ясного ответа: кто тот субъект, способный выполнять такую не простую, но благородную и довольно хлопотную миссию восстановительного правосудия, и каковы могут быть мотивы его деятельности. Хотя конкретного ответа на этот вопрос я так и не получил, но из выступлений участников сложилось впечатление, что для них такого вопроса не существовало. Видимо для представителей западноевропейских государств с их развитой системой гражданского общества этот вопрос достаточно ясный. Существуют отдельные волонтеры, общественные, религиозные, профессиональные, спортивные и многочисленные другие организации, члены которых занимаются как благотворительной, так и в какой-то степени оплачиваемой деятельностью. На моё отдельное обращение по этому вопросу к организаторам конференции мне был выслан рекламный буклет, в котором сообщалось о возможности участия в обучающей программе по подготовке специалистов по восстановительному правосудию с указанием рассматриваемых тем, количества часов обучения и стоимости курса.

Но каково же было моё удивление, когда я узнал, что в нашей стране уже продолжительное время имеется положительный опыт работы восстановительного правосудия и довольно богатый. Одним из главных достижений является выпуск с 2000 г. до 2018 г. журнала «Вестник восстановительной юстиции» с периодичностью 1 раз в год. Хотя мне пояснили, что выпуск журнала после 2018 г. был прекращен по экономическим соображениям, но такое объяснение не кажется убедительным и должно иметь более глубокие

причины, которые требуют подробного анализа. Для этого нам надо обратиться к сущности восстановительного правосудия в том понимании, как это было изложено на конференции.

Итак, восстановительное правосудие — это социальная реакция именно гражданского общества на преступление. Государство реагирует на преступление другими способами, отличными от восстановительного правосудия. Деятельность гражданского общества протекает по своим собственным закономерностям, отличным от государственных. И подтверждение именно такой позиции мы находим в материалах «Вестника восстановительного правосудия», где показан результат многолетней деятельности гражданского общества в России, выполнявшего не простую, но благородную и хлопотную миссию. Эта деятельность началась в России в 1997 году (значит в 2022 г. движению восстановительного правосудия в России исполнилось 25 лет!) и постепенно, где-то успешно, а где-то с трудом распространялась. И то, чего я не понимал до конца — каковы могут быть мотивы такой деятельности — оказывается в России успешно существовало и развивалось, что чрезвычайно отрадно. И в публикациях журнала представлены убедительные тому доказательства. Это своего рода летопись восстановительного правосудия в России, в которой отразился самый широкий спектр материалов. Он касался вопросов перспектив развития и подведения итогов; проблем и ориентиров; истории и традиций примирения; зарубежного опыта; методических материалов; опыта проведения восстановительных программ, мониторингов. Доброй традицией стала публикация материалов о семинарах, проводимых в Институте государства и права Российской академии наук по вопросам, связанным с примирением, восстановлением, медиацией, что свидетельствует о внимании науки к этому явлению.

Но параллельно с непосредственной деятельностью самого гражданского общества, в «Вестнике восстановительной юстиции» также публиковались материалы по вопросам неоднозначного взаимодействия представителей гражданского общества с государственными органами и учреждениями. Например, Р.Р. Максудов пишет¹³ о двух параллельно существующих, но полностью не совпадающих друг с другом типах проектов: а) *социокультурный*, который реализует концепцию восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций; б) *административно-политический*, реализуемый группой чиновников для достижения плановых показателей и создания служб примирения административным путем. Основной идеей второго типа является идея планируемого снижения преступности несовершеннолетних. Для этого массово создаются службы примирения, показывающие

---

¹³ Максудов Р.Р. К читателям // Вестник восстановительной юстиции. № 10. 2013. — С. 5.

необходимую отчетность, которая связывается со статистикой преступности несовершеннолетних, действительно имеющую тенденцию к снижению в силу разных факторов. Опасность такого подхода заключается в девальвации исходной идеи восстановительного правосудия. По мнению И. Иллича, «наши крупные институты обладают пугающим свойством превращать в свою противоположность именно те цели, для которых они изначально планировались и финансировались»¹⁴.

Последствия формально-бюрократического подхода проявлялись по-разному. Например, мониторинг территориальных служб примирения, проведенный в 2017 г. выявил, с одной стороны, количественное *распространение восстановительных практик*, т.е. учреждение служб на базе разных ведомств, общий рост количества программ, а с другой стороны, — *неустойчивость* функционирования служб¹⁵.

Чуть лучше обстояло дело со школьными службами примирения. Министерство образования и науки РФ выпустило рекомендации по созданию служб примирения/медиации в школах, что привело к их широкому распространению. Но такие службы учреждались в регионах нередко «по приказу» и потому не все из них являлись реально действующими или соответствующими восстановительным принципам¹⁶.

При проведении указанного мониторинга некоторые региональные координаторы столкнулись с расхождениями, когда передаваемые данные органов образования в Министерство образования и науки РФ не совпадали с реальными данными по действующим службам примирения. И у координаторов появилось опасение, что публикация реальных данных вызовет конфликт с органами образования. Поэтому несколько регионов отказались передавать объективную информацию¹⁷.

Данные о более поздних мониторингах и подобного рода исследованиях отсутствуют, так как после 2018 года «Вестник восстановительной юстиции» прекратил свое существование.

Другой пример. В год 15-летия движения восстановительного правосудия в России Р. Р. Максудов так вспоминал тот трудный период: «Летом 1997 г. я познакомился с помощью преподавателя Эрика Шенка из Юго-

---

¹⁴ Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. М.: Просвещение, 2006. — URL: royallib.com

¹⁵ Карнозова Л.М. Мониторинг деятельности территориальных служб примирения за 2017 г., проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. № 15. 2018. — С. 197.

¹⁶ Там же. — С. 198.

¹⁷ Коновалов А.Ю. Мониторинг деятельности школьных служб примирения за 2017 г., проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. № 15. 2018. — С. 231.

Восточного университета штата Флорида с идеей и практикой восстановительного правосудия. Эта идея меня так захватила, что я решил посвятить ее претворению в России всю жизнь. В этот период мое устремление поддерживали Михаил Флямер, Людмила Карнозова, Антон Коновалов... В тот период мы были достаточно наивны и не предполагали, какая машина репрессивных практик нам противостоит. Но может, эта наивность и давала нам возможность работать в полную силу. Нам казалось, что нужно практически создать и теоретически обосновать восстановительное правосудие как комплексную социальную технологию, и власть нам поможет ее реализовать. То есть необходимо было определить форму взаимодействия юридических и социальных институтов. Такая основа была создана, но возникли новые препятствия. В целом ее можно определить как *отсутствие разумного управления социальной сферой и сферой правоохранительных органов*. В социальной сфере России, в отличие от США и многих стран Европы (где социальные услуги населению в основном *оказываются негосударственными организациями*), существует прямое подчинение муниципальных организаций вышестоящим чиновникам. Социальная сфера перегружена огромной и часто избыточной отчетностью, постоянными проверками, большим количеством контролирующих инстанций, труд социальных работников является низкооплачиваемым»¹⁸.

Не менее остро критиковалось репрессивное мышление в МВД и Генеральной прокуратуре, которое не позволяло производить программы восстановительного правосудия на стадии предварительного расследования. Такое мышление тормозило управленческую реформу, поскольку оно видело все проблемы только в несовершенстве законов. Но даже имея огромное количество законов, часто противоречащих друг другу, не было нормального управления различными сферами деятельности¹⁹.

В то же время движение восстановительного правосудия поддерживалось судебной системой. Судьи больше всего были заинтересованы в развитии восстановительного правосудия в России и поддерживали становление этой практики²⁰. Юридическая наука также проявила существенный интерес к восстановительному правосудию, на что указывают научные публикации²¹ и защищаемые диссертации²².

---

¹⁸ Максудов Р.Р. К читателям // Вестник восстановительной юстиции. № 9. 2012. — С. 4.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ См., напр.: Восстановительное правосудие / Под ред. И.Л. Петрухина. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003; Зер Х. Новый взгляд на преступление и наказание: Пер. с англ. / Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002; Восстановительное правосудие в России: технологии взаимодействия общества и государства / Под ред. Р.Р. Максудова; науч. ред. С.А. Пашин. М.: МОО Центр «Судеб-

Но особым примером научной заинтересованности стало обсуждение проблем, связанных с восстановительным правосудием на Всероссийском круглом столе с международным участием «Институт примирения в уголовном судопроизводстве: модель правового регулирования», который проходил 22 апреля 2022 г. на кафедре уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». Материалы круглого стола достойны внимания юридической общественности.

Итак, институт примирения — это частый случай восстановительного правосудия. Общественный центр «Судебно-правовая реформа» в свое время подготовил законопроект «О внесении изменений в УК и УПК РФ для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения», который предлагал внести в УПК РФ новую главу о примирении сторон (состоящую из 8 статей), а также внести изменения в 9 действующих статей УПК.

После своей доработки законопроект в 2020 г. был снова рассмотрен в Государственной Думе, где было высказано большое количество замечаний:

— неприемлемо употребление термина «восстановительное правосудие» как противостоящее официальному правосудию как карательному;

— проект не предусматривает регламентацию: а) процедуры примирения; б) содержания договора о примирении либо отказа от его заключения; в) уголовно-правовых последствий неисполнения виновным условий договора о примирении; г) последствий неисполнения условий договора иными лицами; д) последствий злоупотребления правом на примирение; е) ответственности за неправомерное вмешательство в процедуру примирения; ж) возможности проверить законность процедуры примирения; з) участия в процедуре примирения представителей сторон; и) особенности проведения процедуры примирения с участием несовершеннолетних; к) отвода примирителя; л) компенсации материальных затрат в связи с проведением процедуры примирения.

Как видим список указанных пробелов в модели правового регулирования института примирения достаточно внушителен. В примерно таком же

но-правовая реформа», 2001; Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа: Учебное пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001 и др.

²² См., напр.: Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе. Дисс... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 2012; Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России. Дисс... канд. юрид. наук. Самара: СГУ, 2011; Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность, перспективы. Дисс... канд. юрид. наук. Самара: Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, 2015 и др.

ключе шло обсуждение и на круглом столе в Северо-Западном филиале университета правосудия. Выступающие указывали и анализировали большое количество пробелов, противоречий и иных изъянов в регламентации правового регулирования представленной модели института примирения.

По результатам обсуждения сложилось впечатление, что:

а) как это ни парадоксально, но чем подробнее старались регламентировать модель правового регулирования, тем еще больше в ней обнаруживалось дополнительных несовершенств;

б) к примирителю как представителю гражданского общества, который должен творчески заниматься своим общественным предназначением (относиться к примирению как искусству), стали предъявляться строгие формально-юридические требования и устанавливаться запреты, которым он должен соответствовать, делая из него как бы второго защитника параллельно с уже существующим адвокатом. Может быть и не плохо, когда настоящий примиритель, достойно выполняющий свою общественную миссию, является еще и юридически компетентным субъектом, чтобы соответствовать требованиям модели правового регулирования. Но ставить такое обязательное условие абсолютно ко всем примирителям явно неоправданно, так как невозможно одинаково хорошо выполнять две столь различные функции. Было бы логично, чтобы при такой альтернативе данный субъект оставался именно хорошим примирителем, а все юридические вопросы пусть отойдут к адвокату. И наоборот, было бы печально, если примиритель, даже будучи компетентным юристом, гораздо хуже выполнял бы своё общественное предназначение примирителя;

в) если идти по пути смешения различных функций, то ничего хорошего из этого не получится. Общеизвестно, что как только деятельность примирителя как субъекта гражданского общества начинает регулироваться государством, она становится формальной и малоэффективной.

Поэтому государство должно не только уважительно относиться к деятельности субъектов гражданского общества (что должно быть само собой разумеющимся), но и перестать заниматься регламентацией общественной деятельности, ибо такая деятельность строится на принципиально иных основах, о которых говорилось выше. Субъекты гражданского общества нуждаются не в строгих запретах и ограничениях, а в создании благоприятных условий для своей непростой, хлопотной, но благородной миссии (в данном случае — примирителя).

В качестве образца именно такого подхода хотелось бы привести пример регламентации восстановительного правосудия в УПК Французской республики, где во вводном разделе общих положений имеется отдельный подраздел II «О восстановительном правосудии», состоящий из единственной и относительно небольшой статьи 10-1 следующего содержания:

«Во всех стадиях уголовного процесса, в том числе во время исполнения приговора, потерпевшему и обвиняемому, при условии признания фактов, может быть предложена восстановительная процедура.

Она состоит из *любой меры*, которая позволяет потерпевшему и обвиняемому активно участвовать в разрешении трудностей, возникших в результате правонарушения, и устранять ущерб любого рода, причиненный преступлением. Эта мера может быть применена только в том случае, когда потерпевший и обвиняемый были полностью проинформированы и дали на нее согласие. Эта мера осуществляется независимой третьей стороной, подготовленной для этой цели, под наблюдением судебного органа или, по его просьбе, пенитенциарной администрацией. Как правило эта мера конфиденциальная кроме случаев, когда стороны об этом не договорятся, либо связанных с предотвращением или пресечением других правонарушений, когда в силу особой значимости эта информация может быть доведена до прокурора».

В подразделе III «О правах потерпевшего» имеется ст. 10-2, в которой в самом общем виде сказано:

«Сотрудники и агенты судебной полиции должны информировать потерпевшего любым способом о его праве:

1. Добиваться возмещения причиненного ему вреда путем компенсации либо другим способом, в том числе *восстановительным правосудием...*»

Такая абстрактная формулировка находит свою конкретизацию в ст. D-1-1-1, вступившей в силу 24.12.2020 г.:

«В дополнение к случаю, предусмотренному в статье 10-2, потерпевшему или обвиняемому должна быть предложена возможность участия в мерах восстановительного правосудия в соответствии со статьей 10-1, если эта мера представляется целесообразной:

1. Прокурором или его представителем в ходе реализации альтернативы уголовного преследования или уголовного состава *на любом этапе;*

2. Следственным судьей *на любом этапе расследования*, в частности, когда получает жалобу потерпевшего с гражданским иском или приступает к допросу лица, привлекаемого к ответственности;

3. Председателем суда первой инстанции *в любое время* в ходе слушания дела и после вынесения решения по государственному обвинению и гражданскому иску;

4. Судьей по исполнению наказания в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 707».

Больше в УПК Франции ничего не сказано о восстановительном правосудии. Бросается в глаза, что небольшие, но мягкие и доброжелательные формулировки, составляющие суть разрешительного метода правового регулирования, не содержат каких-либо ограничений и запретов. Не сформулировано никаких перечислений прав и обязанностей субъек-

тов, особых проверочных процедур, никаких договоров о примирении либо не достижении примирения, никаких последствий неисполнения условий таких договоров, никаких других препятствий или надуманных сложных конструкций. Всё гениально просто, компактно, уважительно. Субъекты гражданского общества должны относиться уважительно к государству, но и государство должно относиться дружелюбно к субъектам гражданского общества.

Такой метод правового регулирования коренным образом отличается от того, что говорилось и предлагалось на круглом столе в Северо-Западном филиале Российского университета правосудия, когда участники с исчерпывающей полнотой пытались урегулировать юридический статус института примирения со всеми вытекающими последствиями. Представляется, во-первых, что это порочный путь в сторону взаимных подозрений, который противоречит презумпции невиновности. Во-вторых, законопроект даже в таком несовершенном виде не имеет шансов на свое принятие, так как в последние годы уголовно-процессуальное законодательство отличается высокой репрессивностью и принимается исключительно в интересах правоприменителей²³. В-третьих, принятие законопроекта в таком виде не нужно, так как он не отвечает природе гражданского общества. Он пытается урегулировать статус примирителя, выполняющего общественную миссию, юридическими правами и обязанностями по подобию адвоката. Такой формально-бюрократический подход обрекает примирителя на формализм и неэффективность в работе.

Может быть, в силу объективных причин мы еще не до конца понимаем природу и сущность гражданского общества, т.к. мы к нему еще просто не привыкли. Может быть нам трудно понять его потенциальные возможности и предназначение, а государство в своих интересах пытается урегулировать эту деятельность, невольно внося формализм и неэффективность посредством введения запретов и ограничений в этот специфический творческий процесс. Однако не стоит переживать, если не удастся быстро законодательно урегулировать институт примирения в уголовном судопроизводстве. Это слишком важный вопрос для того, чтобы он был решен в сложное нестабильное время. Думается, что обсуждение этого вопроса необходимо продолжить, он достоин большего внимания не только в рамках круглого стола, но может быть на уровне конференции и с обязательной публикацией соответствующих материалов.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

---

²³ Белоносов В.О. Об уголовно-процессуальном законодательстве в современных условиях // Юридический вестник Самарского университета. 2020. — Т. 6. — № 4. — С. 71.

1. Восстановительное правосудие в России имеет двадцатипятилетнюю историю своего существования и развития благодаря усилиям команды единомышленников во главе с Максудовым Р.Р. Несмотря на официальное непризнание восстановительного правосудия со стороны государства, инициативной группе волонтеров всё же удалось предпринять немалые усилия для продвижения и распространения восстановительного правосудия как принципиально новой парадигмы.

2. За этот период сделано немало. Программы восстановительного правосудия инициировались сначала общественным центром «Судебно-правовая реформа», а с 2009 г. вновь созданной Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации. Проведение восстановительных программ началось с правосудия по делам несовершеннолетних. Организационной формой реализации стали территориальные и школьные службы примирения. Несмотря на то, что никакие законы приняты не были, но работа по восстановительному правосудию продолжалась в более 30 регионах страны. Была создана Всероссийская ассоциация восстановительной медиации, в регионах организовывались межведомственные команды, работу поддерживали судьи. Всё это удалось сделать потому, что с самого начала при появлении Всероссийской ассоциации восстановительной медиации пошли по пути создания и поддержки сетевых структур. Создавалась не административная иерархия с главным медиатором, а другой тип управления. Вместо начальника и заместителя создавалось разнородно организованное взаимодействие различных групп и людей. Сетевая структура организовывалась не в административной, а в управленческой идеологии. Управленческий формат означает, что запуск пилотных площадок связан с самодвижением людей, организаций и сообществ, которые начинают проводить собственную траекторию деятельности, что в управленческой идеологии является основой поддержки²⁴. Видимо таким способом и должно действовать гражданское общество. Эти знания приобретались на основе лично выстраданного опыта реформаторов движения восстановительного правосудия. И то, что такой опыт закреплён в публикациях «Вестника восстановительной юстиции», особенно ценно.

Поэтому стоит обязательно поблагодарить организаторов за бесценный накопленный опыт, который ни в коем случае не должен быть забыт. И если даже сегодня в 2022 г. что-то в этой деятельности идет по-другому по объективным причинам, то память всё равно должна сохранить приобретенные знания и умения. Представляется, что они обязательно будут востребованы, и может быть даже очень скоро.

---

²⁴ Максудов Р.Р. Проектирование школьных служб примирения в государственном масштабе // Вестник восстановительной юстиции. № 14. — 2017. — С. 62.

Но в то же время стоит признать неубедительными объяснения о прекращении выпуска «Вестника восстановительной юстиции» только экономическими причинами.

3. Стоит поддержать озвученный на французской заочной конференции вывод о том, что ограничения восстановительного правосудия являются ошибочными. Но правовое регулирование восстановительного правосудия целесообразно осуществлять с помощью не запретительных или ограничительных мер, а с помощью дозволения в самом общем виде, так как субъекты гражданского общества смогут самостоятельно найти лучший способ выполнения своего общественного долга.

В перспективном плане введение восстановительного правосудия в отечественное законодательство потребует в будущем и определенной корректировки законодательства в сторону уменьшения его жесткости, упрощения и придания более уважительного отношения к субъектам гражданского общества, что зависит, как было сказано на французской конференции, «от осознания необходимости гуманизации социальной системы».

Понимая, что в этом виде такое предложение имеет мало шансов быть принятым, мы рассчитываем на его более подробное обсуждение в масштабе научной конференции с обязательной публикацией соответствующих материалов.

4. В силу вышесказанного нельзя поддержать модель правового регулирования института примирения в уголовном судопроизводстве в том ее виде, как было предложено в Северо-Западном филиале

5. Российского государственного университета правосудия. В таком виде модель неприемлема, поскольку она предъявляет к примирителю как субъекту гражданского общества неоправданно строгие формально-юридические требования с необоснованными ограничениями и запретами, способными отбить у примирителя инициативу и желание выполнять свою общественную миссию, сделав ее формальной и неэффективной. Запретительно-ограничительные методы в данном случае представляются сомнительными и малоэффективными.

Список литературы

1. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе. Дисс... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 2012. — 262 с.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс, 1995. — 303 с.
3. Белонос В.О. Об уголовно-процессуальном законотворчестве в современных условиях // Юридический вестник Самарского университета. 2020. — Т. 6. — № 4. — С. 67-71.
4. Восстановительное правосудие / Под ред. И.Л. Петрухина. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. — 196 с.

5. Восстановительное правосудие в России: технологии взаимодействия общества и государства / Под ред. Р.Р. Максудова; науч. ред. С.А. Пашин. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001. — 78 с.
6. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа: Учебное пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001. — 334 с.
7. Зер Х. Новый взгляд на преступление и наказание: Пер. с англ. / Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. — 328 с.
8. Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. М.: Просвещение, 2006. — URL: royallib.com
9. Карнозова Л.М. Мониторинг деятельности территориальных служб примирения за 2017 г., проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. № 15. 2018. — С. 145-201.
10. Коновалов А.Ю. Мониторинг деятельности школьных служб примирения за 2017 г., проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. № 15. 2018. — С. 202-232.
11. Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России. Дисс... канд. юрид. наук. Самара: СГУ, 2011. — 284 с.
12. Максудов Р.Р. К читателям // Вестник восстановительной юстиции. № 9. 2012. С. 4-5.
13. Максудов Р.Р. К читателям // Вестник восстановительной юстиции. № 10. 2013. — С. 4-5.
14. Максудов Р.Р. Проектирование школьных служб примирения в государственном масштабе // Вестник восстановительной юстиции. № 14. 2017. — С. 61-67.
15. Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность, перспективы. Дисс... канд. юрид. наук. Самара: Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, 2015. — 242 с.

Уголовно-процессуальное принуждение к миру

Аннотация. Рассматривается сущность института примирения в уголовном судопроизводстве как принуждение государством преступника к миру через совершение последним позитивных посткриминальных действий, позволяющих заключить об утрате общественной опасности им самим и его деяния. Сравняются модели трансакции в международной практике, как альтернативные меры уголовно-правового воздействия, баланс между публичным и частным интересом, в которой более гармонично будут достигаться, как публичный, там и частный интересы, отмучается, что соглашение, достигаемое сторонами, должно порождать обязанность прекратить уголовное преследование.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, примирение, частный и публичный интерес, трансакции, прекращение уголовного преследования.

Aleksandrov A.S., Alexandrova I.A.

Criminal and procedural coercion to reconciliation

Abstract. The essence of the institution of reconciliation in criminal proceedings is considered as coercion by the state of a criminal to peace through the latter's positive post-criminal actions, which allow one to conclude that he himself and his deeds have lost public danger. The transaction models in international practice are compared as alternative measures of criminal legal influence, the balance between public and private interests, in which both public and private interests will be more harmoniously achieved, it is tormented that the agreement reached by the parties should give rise to the obligation to stop criminal the pursuit.

Keywords: criminal proceedings, reconciliation, private and public interest, transactions, termination of criminal prosecution.

---

* Александров Александр Сергеевич, профессор кафедры уголовного процесса, Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, Нижний Новгород, Россия.

Aleksandrov Alexander Sergeevich, Professor of the Criminal Procedure Department of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Nizhny Novgorod, Russia.

Александрова Ирина Александровна, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент, Нижний Новгород, Россия.

Alexandrova Irina Aleksandrovna, Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law Department of, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor, Nizhny Novgorod, Russia

Уголовный процесс является основой уголовно-правовой системы защиты человека, общества, государства от преступности. Основным элементом этой системы является наказание. В таком исходе процесса проявляется торжество традиционно понимаемого публичного интереса в каре (неотвратимой) преступника и восстановлении справедливости.

Однако в последнее время приоритеты в уголовной политике меняются.

На смену традиционным публично-правовым ценностям приходят другие.

Все большую моду приобретают альтернативные меры уголовно-правового воздействия.

Институт примирения в уголовном судопроизводстве: медиация, является одной из таких правых мер. Здесь баланс между публичным и частным интересом более смещен в пользу частного. Потерпевший приобретает возможность в своих интересах добиваться урегулирования уголовно-правового конфликта. Угроза наказания делает более договороспособным контрагента по правоотношению.

Можно сказать, что здесь имеет место кабальная уголовно-правовая сделка, обеспечиваемая обвинительной властью государства. Хотя потерпевшему и медиатору (в идеале — общественному, независимому от государства) предоставляется свобода в распоряжении обвинением (публичным) и доказательствами. В идеале соглашение достигаемое сторонами при посредничестве медиатора должно порождать обязанность органа обвинительно-следственной власти прекратить уголовное преследование.

В целом мы поддерживаем проект медиации, разработанный нашими коллегами. Его реализации отвечает потребностям в гуманизации и приватизации отечественной уголовно-правовой системе противодействия преступности.

При этом надо помнить, что медиация является одним из способов разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Не менее перспективны и другие модели. В том числе так называемая транзакция.

Классической надо считать модель «*La transaction pénale*»: которую называют «штраф, чтобы избежать трибунала» или «уголовно-правовая сделка».

В Бельгии аналогичная процедура предусмотрена законом *Penal Transaction Law*, который позволяет суду прекратить публичное преследование в обмен на выплату денежной суммы.

В Дании эта модель носит название «*minnelijke schikking in strafzaken*».

В отличие от медиации сфера применения транзакции, уголовно-правовой сделки о выплате, более широка: она применима там, где нет потерпевшего как такового, а главное требуется только выполнение одного условия от виновника — выплата денежной компенсации. Иногда к этому присовокупляется еще и штраф.

Наиболее близка к этой схеме российская модель, предусмотренная статьей 28.1 УПК РФ. Однако ее недостатком является то, что она имеет привилегированный характер — воспользоваться ею могут только субъекты предпринимательской деятельности.

Подобного нет в других государствах, любое лицо, совершившее мало-значительное преступление вправе заключить подобную сделку с обвинительной властью государства.

Особо надо отметить, что именно в последние годы во Франции модель транзакции получила бурное развитие. В 2021 году изменились редакции ст. 41-1, 41-1-1 (Закон 2021-401 от 8 апреля 2021 года) УПК Франции, в кодекс введены новые статьи 41-1-2, 41-1-3, 41-2 и 41-3.

Новым законодательством предусматривается возможность для сотрудников судебной полиции предлагать (с согласия прокурора) уголовно-правовую сделку виновнику уголовного правонарушения или преступления, предусматривающего максимальное наказание в виде тюремного заключения сроком на один год.

В Италии сходная модель называется «oblazione» («l'oblazione»), т.е. букв. «пожертвование», и определяется, как добровольная уплата, порождающая основание для прекращения уголовного дела. Она предусмотрена ст. 162 и 162 бис УК Италии, а также ст. 141 УПК Италии.

В уголовном процессе Австрии есть своя альтернативная уголовному преследованию модель — Diversion (Диверсия). Этим понятием охватываются все формы окончания уголовного судопроизводства, при которых отказ от уголовного преследования поставлен в зависимость от исполнения подозреваемым тех или иных обязательств.

Таким образом, понятия «сделка», «мировое соглашение», «компенсация» становятся самыми востребованными понятиями для характеристики современного государственно-правового механизма противодействия преступности.

Суть его состоит в принуждении государством преступника к миру через совершение последним позитивных посткриминальных действий, позволяющих заключить об утрате общественной опасности им самим и его деяния. Это договорной способ разрешения уголовно-правового конфликта.

На первом месте здесь целесообразность, прагматизм, утилитаризм. Одновременно надо констатировать утрату значения раскаяния и даже профилактики преступлений.

Как представляется подобный уголовно-процессуальный метод будет особо востребован для разрешения ситуаций, в которых вред или даже смерть человеку причиняется автоматизированными системами, когда вместо традиционного субъекта преступления, то есть человека, будет робот, дрон,

автоматизированная система. Аналогично подходит под такую модель и ситуация, где субъектом уголовной ответственности будет юридическое лицо.

Пока в России на практике преобладает карательный уклон. В силу сложившейся у нас традиции органы предварительного расследования предпочитают направлять уголовные дела в общем порядке, предполагающем разрешение дела судом приговором (обвинительным).

Однако будущее за «альтернативной» моделью, в которой более гармонично, на договорной основе, будут достигаться, как публичный, там и частный интересы.

Артамонова Е.А.*

**Размышления о разработанном СЗФ РГУП Проекте
Федерального закона «О внесении изменений в отдельные
законодательные акты Российской Федерации о введении
в уголовное судопроизводство института примирения»²⁵**

Аннотация. В целом поддерживая идею о расширении применения института примирения в уголовном судопроизводстве, в статье дан критический анализ отдельных положений обсуждаемого законопроекта. Одновременно предлагается более простое и эффективное решение вопроса о необходимости закрепления в действующем УК РФ фактического примирения обвиняемого с потерпевшим в качестве самостоятельного смягчающего обстоятельства.

Ключевые слова: примирение в уголовном процессе, примиритель, смягчающее обстоятельство, фактическое примирение с потерпевшим.

Artamonova E.A.

**Reflections on the draft of Federal Law “On amendments to certain
legislative acts of the Russian Federation on the introduction
of the institute of conciliation into criminal proceedings”
developed by the NWB RSJU**

Abstract. In general, supporting the idea of expanding the use of the institute of reconciliation in criminal proceedings, the article provides a critical analysis of certain provisions of the draft law under discussion. at the same time, a simpler and more effective solution is proposed to the question of the need to consolidate in the current Criminal

---

* Артамонова Елена Александровна, профессор кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, доцент.
Artamonova Elena Aleksandrovna, Professor of the Criminal Law and Procedure Department of the North Caucasus Federal University, Doctor of Law, Associate Professor.

²⁵ См.: — <https://www.iuaj.net/node/3109> (дата обращения: 10.04.2022 г.).

Code of the Russian Federation the actual reconciliation of the accused with the victim as an independent mitigating circumstance.

Keywords: reconciliation in criminal proceedings, conciliator, mitigating circumstance, actual reconciliation with the victim.

Авторы представленного к обсуждению проекта закона выступают за расширение института примирения в уголовном судопроизводстве и с целью реализации этой идеи разработали весьма стройную систему норм. Предлагается ввести в уголовно-процессуальный закон процедуру, которая, с одной стороны, представляется, по сути, параллельной официальному уголовному производству, с другой — чуждой российскому уголовному процессу.

Планируемые преобразования — не просто введение в уголовно-процессуальный закон несвойственного для российского уголовного процесса термина «договор о примирении», это искусственное включение (притягивание) в сугубо публичную государственную деятельность, основой организации которой является публичное (официальное) начало, средств и способов, присущих исключительно гражданско-правовым отношениям. Серьёзные возражения вызывают предлагаемые нововведения и в частности.

Так, не совсем чётко прописана процедура привлечения в производство по уголовному делу примирителя. Инициирование его участия возможно как самостоятельно сторонами уголовно-правового конфликта, так и по их ходатайству или по собственной инициативе правоприменителем. Непонятно, если, например, обвиняемый инициировал участие примирителя в уголовном деле, а правоприменитель категорически против этого возражает, может ли последний отказать в реализации принадлежащего обвиняемому права? Или, что вероятнее, это ещё одна процедура, где волеизъявление непрофессионального участника уголовного процесса будет обязывающим для правоприменителя. Ведь согласно ч. 1 ст. 11 УПК РФ именно правоприменитель обязан обеспечить реализацию права, принадлежащего вовлекаемому участнику уголовного судопроизводства. Буквально в Проекте прописывается, что примиритель — это лицо «привлекаемое» в процесс. Каким образом процессуально будет оформляться этот факт? Правоприменитель будет выносить соответствующее постановление во всех случаях? Или всё-таки примиритель будет «вступать» в дело, если его пригласила сторона? Если так, то какой документ будет подтверждать правомерность его участия в деле? Предварительное соглашение об оказании услуг примирителя с одним из участников уголовно-правового конфликта? И ещё возникает вопрос о кандидатуре примирителя. А если стороны не сойдутся на личности примирителя? Как будет решаться этот вопрос? В Проекте урегулированы только вопросы об отводе и самоотводе примирителя по предусмотренным в законе основаниям, но не в

зависимости от волеизъявления сторон. Может быть, он будет утверждаться волевым решением правоприменителя?

Непонятна и цель применения предлагаемой процедуры примирения между осуждённым и потерпевшим. В представленном определении договора о примирении сказано, что это соглашение, в частности осуждённого и потерпевшего, «дающее основания для прекращения уголовного дела» (предлагается Проектом п. 29.3). Если примирение останется основанием освобождения от уголовной ответственности и будет признано смягчающим наказание обстоятельством, то применять его нужно до назначения наказания, а не после. Иначе получается нелогично. Как фактическое примирение потерпевшего с осуждённым, то есть лицом, в отношении которого уже вынесен обвинительный приговор, в котором уже решён вопрос о виде и мере наказания, может послужить основанием для прекращения уголовного дела? Непонятно.

Если речь идёт о том, что примирение с потерпевшим — это основание смягчения условий отбывания наказания, то какое отношение это имеет к уголовному судопроизводству? Да и основанием смягчения отбывания наказания выступает, прежде всего, соблюдение режима отбывания наказания, положительное поведение осуждённого, получение поощрений и т.д., причём здесь постфактум примирение с потерпевшим?

Не стало меньше неясностей и с заглаживаем вреда. Проектом предлагается ввести отсрочку возмещения причинённого преступлением вреда, но остался без ответа вопрос о том, будет ли иметь правовое значение основания освобождения от уголовной ответственности примирение, когда потерпевший простил обвиняемого и не требует заглаживания причинённого преступлением вреда. Как следует реагировать на это правоприменителю? Согласиться с волей потерпевшего или требовать заглаживания причинённого вреда вопреки воле потерпевшего? И как это согласовывается с предписаниями ст. 76 УК РФ в предлагаемой редакции, где буквально сказано, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, если «обязуется загладить причинённый вред», то есть вред всё равно должен быть заглажен? А может быть в подобных случаях следует применять предписания ст. 415 ГК РФ о прощении долга, влекущем прекращение гражданско-правовых обязательств, предварительно разъяснив потерпевшему последствия освобождения уголовно-преследуемого лица от обязанности загладить вред?

Кроме этого, сам проект сырой не только с точки зрения встраивания в систему действующего уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства, но и с точки зрения законодательной техники конструирования отдельных правовых норм и нормативного акта в целом (он не вычитан, множество нестыковок, недописок, например, в самом

начале ст. 2 Проекта, в п. 1 указано о дополнении ст. 5 двумя пунктами 29.1 и 29.2, а ниже представлены три пункта 29.1, 29.2 и 29.3). Да и название Проекта видится некорректным: «... о введении в уголовное судопроизводство института примирения». А разве в действующем уголовно-процессуальном законе нет такого института? Существует. Более того, насчитывается две его разновидности: примирение потерпевшего с обвиняемым по делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ) и примирение сторон при производстве по уголовным делам в публичном порядке (ст. 25 УПК РФ).

Однако всё вышеуказанное не означает, что институт примирения в уголовном судопроизводстве не стоит вовсе реформировать. Наоборот, здесь необходимо полностью согласиться с авторами рассматриваемого проекта в части расширения института примирения в уголовном судопроизводстве, в частности по вопросу придания большей юридически значимой силы фактическому примирению участников уголовно-правового конфликта. Сегодня примирение сторон влечёт юридические последствия только в том случае, если оно рассматривается с целью использования в качестве основания освобождения от уголовной ответственности.

Фактическое примирение обвиняемого и потерпевшего в тех случаях, когда применить ст. 25 или ч. 2 ст. 20 УПК РФ в силу закона невозможно, практически не учитывается при вынесении итогового решения по уголовному делу, несмотря на то, что ст. 61 УК РФ предусматривает возможность в качестве смягчающего обстоятельства признать любое обстоятельство, в том числе и фактическое примирение сторон. Поэтому следует безусловно положительно оценить в качестве давно назревшей и необходимой меры предложение о законодательном закреплении в качестве смягчающего обстоятельства фактического примирения обвиняемого с потерпевшим (п. 1 ч. 1 ст. 1 Проекта). Но его достижение обоснованно ли перекладывать на третьих лиц (независимого посредника — примирителя)? Зачем усложнять процедуру? Да и требовать от уголовно-преследуемого лица и потерпевшего оформления достигнутого фактического примирения исключительно «договором о примирении» видится нецелесообразным. А ведь именно от наличия этого документа в Проекте ставится в зависимость само решение о прекращении уголовного дела по данному основанию.

Предполагается, что прекращение уголовного дела за примирением станет возможным только при наличии договора о примирении («на основании ходатайства о прекращении уголовного дела **и** [соединительный союз] договора о примирении»). Представляется, что требовать от обвиняемого и потерпевшего составления договора о примирении, если примирение достигнуто сторонами самостоятельно, а такая возможность прописана в ст. 317.10 Проекта, излишне. Получается, что самостоятельно достигнутое сторонами

примирение не будет служить основанием для прекращения уголовного дела, если оно не оформлено должным образом. Необходимо ли так жёстко формализовать этот процесс?

Представляется, что увеличить сферу применения примирения в уголовном процессе можно проще и эффективнее. Как вариант, следует признать фактическое примирение обвиняемого с потерпевшим в качестве смягчающего обстоятельства при назначении наказания. Решение о признании примирения обстоятельством, смягчающим наказание, правоприменитель вправе принять (или не принять), исходя из ясно и чётко выраженного волеизъявления обвиняемого и потерпевшего, зафиксированного в любой форме в материалах уголовного дела.

С целью исключения возможности игнорирования судом (непризнания в качестве смягчающего обстоятельства) достигнутого фактического примирения при вынесении приговора следует законодательно его признать смягчающим обстоятельством, дополнив ст. 61 УК РФ самостоятельным пунктом соответствующего содержания («м) фактическое примирение с потерпевшим»²⁶). А для того, чтобы это обстоятельство, как смягчающее наказание, действовало более эффективно, следует внести дополнения также в ч. 1 ст. 62 УК РФ и изложить её в следующей редакции: «При наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и», «к» и «м» части первой статьи 61 настоящего Кодекса, и отсутствии отягчающих обстоятельств, срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Список литературы

1. Артамонова Е.А. Частное начало в современном уголовном процессе: основные формы проявления. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 200 с.

---

²⁶ Пункт «м» после п. «к» предлагается потому, что ранее доказывалась необходимость внесения в ст. 61 УК РФ ещё одного пункта — п. «л» следующего содержания: «л) обоснованное требование потерпевшего о смягчении наказания обвиняемому». См.: Артамонова Е.А. Частное начало в современном уголовном процессе: основные формы проявления. — М.: Юрлитинформ, 2014. — С. 40.

Примирение сторон по делам частного обвинения

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы прекращения уголовных дел, перечисленных в ч. 2 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса РФ, в связи с примирением сторон в зависимости от того, возбуждались ли они в частном или в публичном порядке, в том числе в случае смерти потерпевшего после совершения преступления. Обосновывается вывод о том, что предлагаемые изменения в УПК РФ относительно отмены института частного обвинения могли бы снять ряд вопросов, возникающих в правоприменительной практике применительно к данной категории дел, и будет направлено на обеспечение прав и законных интересов потерпевших. Указывается на целесообразность урегулирования в уголовно-процессуальном праве процедуры примирения с участием посредника (медиации).

Ключевые слова: дела частного обвинения, примирение сторон, прекращение уголовного дела, медиация, восстановительное правосудие.

Mullakhmetova N. E.

Conciliation of parties in cases of private prosecution

Abstract. The article deals with the issues of termination of criminal cases listed in Part 2 of Art. 20 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, in connection with the reconciliation of the parties, depending on whether they were initiated privately or publicly, including in the event of the death of the victim after the commission of the crime. The conclusion is substantiated that the proposed changes in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the abolition of the institution of private prosecution could remove a number of issues that arise in law enforcement practice in relation to this category of cases and will be aimed at ensuring the rights and legitimate interests of victims. The expediency of the settlement in the criminal procedural law of the reconciliation procedure with the participation of an intermediary (mediation) is indicated.

Keywords: cases of private prosecution, reconciliation of parties, termination of a criminal case, mediation, restorative justice.

Понятие частного обвинения разрабатывается в доктрине уголовного процесса достаточно давно. Так, еще М.С. Строгович писал, что частное обвинение — это форма уголовного преследования, возбуждаемого только

---

* Муллахметова Наталья Евгеньевна, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент.

Mullahmetova Natalia Evgenievna, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Smolensk Branch of the Saratov State Law Academy, PhD in Law, Associate Professor.

по жалобе потерпевшего, осуществляемого им самим и подлежащего прекращению в любой стадии процесса в случае примирения потерпевшего с обвиняемым²⁷. Похожее определение можно встретить и в словарях: дела частного обвинения возбуждаются не по инициативе органов государства, а лишь по жалобе потерпевшего, который и поддерживает обвинение, пользуясь при этом всеми правами стороны²⁸.

В ежегодной статистике преступности дела частного обвинения занимают далеко не первое место. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2020 году в суды поступило 10876 уголовных дел частного обвинения (т.е. по ч. 1 ст. 115, 116.1, ч. 1 ст.128.1 Уголовного кодекса РФ)²⁹. Скоро ситуация может измениться коренным образом, поскольку Верховный суд РФ внес в Государственную Думу РФ законопроект, предусматривающий отнесение названных статей Уголовного кодекса к категории дел частно-публичного обвинения. Такое предложение обусловлено стремлением защитить права и законные интересы потерпевших, прежде всего, жертв семейного насилия³⁰.

Эти изменения вполне ожидаемы, и по прогнозам авторов законопроекта повысят эффективность противодействия семейно-бытовому насилию, а также роль государства в обеспечении прав потерпевших от преступлений.

Рассмотрим проблему существующего порядка прекращения уголовных дел частного обвинения в связи с примирением сторон и затем оценим целесообразность предлагаемых нововведений.

Необходимо пояснить, что дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1, ч. 1 ст. 128.1 Уголовного кодекса РФ, могут возбуждаться как в частном, так и в публичном порядке. Содержание статьи 20 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что если дело возбуждено в порядке, предусмотренном ч. 4 названной статьи (т.е. когда потерпевший находится в беспомощном, зависимом состоянии и по другим причинам не может самостоятельно себя защитить), то оно уже относится к категории не частного, а

---

²⁷ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. — С. 101.

²⁸ Советский юридический словарь. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.вокабула.рф/словари/советский-юридический-словарь/частное-обвинение> (дата обращения: 13.08.2022 г.).

²⁹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год: отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения 13.08.2022 г.).

³⁰ В СФ поддержали запрет на прекращение дел о побоях после примирения сторон // Российская газета. 2021. 7 апреля. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2021/04/07/v-sf-podderzhali-zapret-na-prekrashchenie-del-o-poboiah-posle-primireniia-storon.html> (дата обращения 13.08.2022 г.).

публичного обвинения. На это указывает и формулировка ч. 2 ст. 20 УПК РФ, где определены дела частного обвинения «за исключением случаев, предусмотренных частью 4 этой статьи». С учетом этого обстоятельства будет отличаться и порядок прекращения дел в связи с примирением сторон. Так, согласно ч. 5 ст. 319 УПК РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, приведенным в п. 31 Постановления от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», в случае заявления сторон по делу частного обвинения о примирении судья не вправе отказать в прекращении уголовного дела за примирением сторон, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ, т.е. когда дело возбуждалось в публичном порядке. В таких случаях уголовное дело может быть прекращено за примирением сторон только в соответствии со ст. 25 УПК РФ, т.е. при наличии всех условий: совершение преступления впервые, реальное заглаживание или возмещение вреда. Важно также учесть, что если в ст. 25 УПК РФ содержится диспозитивная норма, т.е. предусматривается право суда прекратить уголовное дело, то в случае, предусмотренном ч. 5 ст. 319 УПК РФ, производство по уголовному делу подлежит безусловному прекращению.

Вместе с тем судами допускаются ошибки: не всегда учитывается, что если уголовное дело возбуждалось в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ, то оно уже переходит в категорию дел публичного обвинения и не может быть прекращено со ссылкой на ч. 2 ст. 20 УПК РФ. Так, Б. органом дознания обвинялся в том, что будучи 8 октября 2018 года подвергнутым административному наказанию в виде штрафа в размере 5000 рублей по статье 6.1.1 КоАП РФ (нанесение побоев, причинивших физическую боль), 7 февраля 2019 года, находясь в состоянии алкогольного опьянения, на почве личной неприязни, умышленно схватил малолетнего Н. рукой за шею и стал сдавливать, чем причинил ссадины и кровоизлияния в области шеи, не повлекшие вреда здоровью. В ходе судебного разбирательства удовлетворено ходатайство законного представителя малолетнего потерпевшего Н. — супруги обвиняемого о прекращении уголовного дела в связи с примирением с Б., и уголовное дело было прекращено по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 20 УПК РФ. Однако данное решение было отменено в кассационном порядке с учетом следующих обстоятельств. 18 февраля 2019 года старшим дознавателем ОД МО МВД России «Почепский» с согласия прокурора на основании части 4 статьи 20 УПК РФ в отношении Б. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного статьей 116.1 УК РФ, в связи с тем, что потерпевший в силу малолетнего возраста находится в зависимом и беспомощном состоянии и не может самостоятельно защищать свои права и законные интересы от лица, совершившего преступление. Поэтому данное дело перестало

относиться к категории частного обвинения и могло быть прекращено в связи с примирением не иначе как в порядке ст. 25 УПК РФ³¹.

Неправильное применение данных норм влечет за собой значимые правовые последствия. Дело в том, что основание, предусмотренное ст. 25 УПК РФ, — в связи с примирением сторон - относится к нереабилитирующим, поэтому сведения о возбуждении уголовного дела и прекращении уголовного дела в отношении лица вносятся в учетную базу ИЦ ГУ МВД РФ в соответствии с Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, утвержденным Приказом от 29 декабря 2005 года «О едином учете преступлений». Согласно п. 2.13 названного Положения при примирении сторон учитывается как прекращенное по реабилитирующим основаниям только дело частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). На практике это приводит к спорам по поводу содержания справки о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования и к препятствиям при поступлении на ряд должностей³².

Интересно, на наш взгляд, позиция Тенсиной Е.Ф., которая считает право на примирение по делам частного обвинения проявлением свободы волеизъявления сторон и предлагает ограничить возможность пересмотра постановления о прекращении уголовного дела по данному основанию только новыми или вновь открывшимися обстоятельствами³³.

Еще одна проблема возникает, когда частный обвинитель умирает после подачи заявления в суд. Можно ли в этом случае прекращать дело в связи с примирением сторон, а если да, то на какую норму ссылаться: на ст. 25 или ч. 2 ст. 20 УПК РФ? По мнению ряда ученых, в случае правопреемства должна исключаться возможность примирения сторон. Так, М.А. Гаврилов пишет, что возмещение вреда в денежной форме или его заглаживание правопреемнику противоречит нормам гражданского законодательства, по-

---

31 См.: Постановление президиума Брянского областного суда от 6.11.2019 по делу № 1-39/2019. [Электронный ресурс]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/WjkVLx2YmEYj/?regular-txt=частного+обвинения+зависимое+беспомощное&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1596186624739&snippet_pos=1006#snippet (дата обращения 13.08.2022 г.).

32 См., например: Постановление президиума Красноярского краевого суда от 2.07.2019 по делу № 2А-4507/2018. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/CQoWpaY6dxZ5/?page=3&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=&regular-area=&regular-txt=частного+обвинения+зависимое+беспомощное&_id=1596195476724&regular-judge=&snippet_pos=3126#snippet (дата обращения 13.08.2022 г.).

33 Тензина Е.Ф. Производство по делам частного обвинения как форма диспозитивности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ижевск, 2004.

сколькo негативные последствия посягательства претерпел непосредственно сам пострадавший, а причиненный вред неразрывно связан с его личностью. А возмещение или заглаживание вреда является обязательным условием прекращения уголовного дела. На практике можно встретить примеры применения ч. 3 ст. 246 УПК РФ о прекращении уголовного дела в связи с неявкой частного обвинителя в случае его смерти, хотя нельзя признать это правильным, ведь для неявки есть более чем уважительная причина³⁴.

Данная проблема затрагивалась еще в трудах дореволюционных процессуалистов. Так, И.Я. Фойницкий писал: «Смерть обвинителя влечет и по нашему праву прекращение уголовного преследования по делам о частных преступлениях, если она последовала тогда, когда явка обвинителя к суду необходима»³⁵.

Представляется, что если непосредственная жертва посягательства умирает, то суть частного обвинения утрачивается. Данную ситуацию можно рассматривать как случай, когда потерпевший самостоятельно уже не может защитить свои права, а, значит, дело переходит в категорию публичного обвинения. Это согласуется с положениями ч. 2 ст. 318 УПК РФ, которая, отсылая к ч. 3 этой же статьи, предусматривает возбуждение уголовного дела в случае смерти потерпевшего в публичном порядке. Тогда примирение сторон может иметь место только в соответствии со ст. 25 УПК РФ. Ведь простить обидчика и отказаться от обвинения мог только человек, непосредственно пострадавший от посягательства. Но полный уход от уголовной ответственности в этом случае для виновного лица противоречил бы принципу справедливости судопроизводства. Отметим, что если смерть лица наступила в результате совершения преступления, допускается примирение с лицами, которые наделены правами потерпевшего согласно ч. 8 ст. 42 УПК РФ (см. п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»).

Очевидно, что вопросы, связанные с переходом прав потерпевшего и частного обвинителя в случае их смерти не в связи с совершением преступления требуют законодательного разрешения. На эти проблемы уже не раз обращали внимание процессуалисты³⁶.

---

³⁴ Гаврилов М.А. Правопреемство частного обвинителя // Мировой судья. 2019. — № 9. — С. 14-19.

³⁵ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. / Под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2/glava1/181.htm> (дата обращения: 13.08.2022 г.).

³⁶ Гаврилов М.А. Некоторые вопросы прекращения уголовного дела за примирением сторон в случае смерти потерпевшего // Вестник Казанского юридического института МВД РФ. 2018. — № 4 (34). — С. 511-516.

Обозначенные проблемы позволяют сделать вывод о том, что изменения в УПК РФ относительно отмены института частного обвинения снимут ряд вопросов, возникающих в правоприменительной практике. Теперь в любом случае для принятия решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон будет необходимо устанавливать наличие обстоятельств, указанных в ст. 25 УПК РФ, в частности, выяснять, был ли возмещен (или заглажен) потерпевшему вред. Таким образом, будут усилены публичные начала в уголовном процессе, бремя доказывания ляжет на лиц, производящих расследование, а пострадавшего освободят от обязанности самостоятельно собирать доказательства и поддерживать обвинение.

Однако по-прежнему остается неурегулированным вопрос о процедуре примирения. В связи с этим представляет интерес обсуждаемый проект закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о введении в уголовное судопроизводство института примирения», а также проект закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для совершенствования порядка освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, примирившихся с потерпевшим»³⁷. Данные законопроекты содержат определения понятий «примирение», «примирительный договор», «примирительная процедура». Предлагается также относить примирение сторон к основаниям для отказа в возбуждении уголовного дела, привлекать к процедуре примирения профессионального посредника. Заслуживает поддержки предложение авторов законопроекта об установлении последствий невыполнения условий договора о примирении, о введении в уголовный процесс нового участника — примирителя. Очевидно, что законодательная регламентация порядка примирения необходима, это обеспечило бы единообразие правоприменительной практики, стимулировало бы лиц, совершивших преступление, возмещать причиненный потерпевшему вред. Программы восстановительного правосудия уже много лет реализуются в ряде регионов при поддержке Центра «Судебно-правовая реформа», специалистами которого накоплен и изучен опыт такой работы. Полагаем, что закрепление в УПК РФ процедуры примирения согласуется с назначением уголовного судопроизводства, способствует защите прав участников процесса с обеих сторон.

---

³⁷ Официальный сайт Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. — URL: http://www.president-совет.ru/members/blogs/post/o_rabote_nad_proektom_federalnogo_zakona_o_vnesenii_izmeneniy_v_otdelnye_zakonodatelnye_akty_rossiys/ (дата обращения: 13.08.2022 г.).

Список литературы

1. Гаврилов М.А. Некоторые вопросы прекращения уголовного дела за примирением сторон в случае смерти потерпевшего // Вестник Казанского юридического института МВД РФ. 2018. — № 4 (34). — С. 511-516.
2. Гаврилов М.А. Правопреемство частного обвинителя // Мировой судья. — 2019. — № 9. — С. 14-19.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса [Текст] / Чл.-кор. Акад. наук СССР проф. М.С. Строгович; Акад. наук СССР. Ин-т права им. А.Я. Вышинского. - Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. - 703 с.
4. Тензина Е.Ф. Производство по делам частного обвинения как форма диспозитивности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ижевск, 2004. 192 с.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. / Под ред. А.В. Смирнова СПб.: Альфа, 1996. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2/glava1/181.htm> (дата обращения: 13.08.2022 г.).

Исакова Т.В.*

Возможности применения восстановительного правосудия и медиации при урегулировании конфликтов в сфере уголовно-процессуальных отношений

Аннотация. В статье дается понятие концепции восстановительного правосудия в соотношении с медиацией при урегулировании конфликтов в сфере уголовно-процессуальных отношений. Анализируются мнения исследователей по данной проблематике и делается вывод о том, что медиация является перспективным институтом и несет в себе большие потенциальные возможности стать реальным эффективным способом урегулирования конфликтов, а также элементом восстановительного правосудия в сфере уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, конфликт интересов, восстановительное правосудие, медиация.

---

* Исакова Татьяна Валерьевна, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент.

Isakova Tatyana Valeryevna, Associate Professor of the Criminal Procedure Law Department of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor.

Possibilities of application of restorative justice and mediation in the solving conflicts in the field of criminal procedural relations

Abstract. The article gives the concept of the concept of restorative justice in relation to mediation in the settlement of conflicts in the field of criminal procedural relations. The opinions of researchers on this issue are analyzed and it is concluded that mediation is a promising institution and carries great potential to become a real effective way to resolve conflicts, as well as an element of restorative justice in the field of criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure, conflict of interests, restorative justice, mediation, transaction.

Чтобы обратиться в небольшой статье к такой сложной теме, как возможности применения восстановительного правосудия и медиации, с самого начала необходима точность.

Прежде всего, определимся с понятиями «восстановительное» правосудие» и «медиация», так как достаточно часто происходит понятийная путаница, которая повлекла за собой неконтролируемое употребление понятий, связанных с альтернативным разрешением споров (сокращенно — АРС).

Восстановительное правосудие — это, прежде всего, концепция, целью которой является превенция совершения правонарушителем новых противоправных деяний, а также компенсация причиненного вреда. В отличие от традиционной системы уголовного правосудия, задачей которой является изобличение и кара преступника, в центре внимания восстановительного правосудия — восстановление нарушенных прав и интересов потерпевшего, а также возмещение нанесенного ущерба. Основной формой реализации концепции восстановительного является возможность встречи потерпевшего и обвиняемого с целью заглаживания вреда, причиненного преступлением, где пострадавший сможет получить извинения от правонарушителя и согласовать условия возмещения причиненного ущерба.

Следует признать, что идея восстановительного правосудия так и не получила должного развития в российском правовом пространстве, хотя практики восстановительного правосудия (в основном с участием несовершеннолетних) реализуются в общественно-государственных инициативных, пилотных и экспериментальных форматах во многих регионах Российской Федерации.

Одним из наиболее эффективных механизмов разрешения уголовно-правовых конфликтов в рамках концепции восстановительного правосудия

является медиация, т.е. разрешение спора путем переговоров с участием третьего лица, в роли которого выступает посредник — медиатор.

Медиация — это процесс (процедура), который, прежде всего, имеет дело с «конфликтом» или «спором».

На современном этапе назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (материально-правовая, публичная цель) и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод (процессуально-правовая, частная цель).

Вместе с тем карательное направление отечественного уголовного процесса, основанное на обязательном наказании преступника, не в полной мере соответствует назначению уголовного судопроизводства и не всегда позволяет удовлетворить потребности потерпевшего от преступления.

В результате ключевое значение приобретает не наказание преступников, а восстановление нарушенных прав потерпевших.

В связи с этим актуальными представляются вопросы о применении примирительных процедур при урегулировании конфликтов в сфере уголовно-процессуальных отношений.

Объявив состязательный характер уголовного судопроизводства, законодатель признал существование сторон, противостоящих друг другу, выполняющих оппозиционные функции и нередко преследующих антагонистические интересы³⁸. Как раз такие, «антагонистические», т.е. враждебные интересы, чаще всего, приводят к конфликтам в сфере уголовного судопроизводства. Основой таких конфликтов являются противоречия между интересами субъектов. Поэтому лучший и наиболее результативный путь разрешения конфликта — это устранение указанных противоречий путем нахождения компромисса противоположных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.

Здесь необходимо отметить, что интересы личности, государства, общества, носящие публичный характер не находятся в противоречии и не создают почву для конфликта. Частные же интересы личности вступают в определенное противоречие с публичными интересами личности, государства, общества, либо могут вступить в противоречие с личными интересами другого участника уголовного процесса.

Согласимся с авторами, считающими, что разрешение конфликтов общественных и частных интересов не представляет большой сложности, когда способы этого разрешения однозначно предусмотрены уголовно-

---

³⁸ Исакова Т.В. Состязательность российского уголовного процесса как структурообразующее начало конфликтной деятельности участников уголовного судопроизводства // Администратор суда. 2018. — № 1. — С. 23–26.

процессуальным законом и достаточно определенно регламентированы правами и обязанностями того или иного участника уголовного судопроизводства³⁹.

Там, где есть противоречие в интересах, там всегда есть конфликт и уголовное судопроизводство здесь не исключение. Преследуя противоположные цели, участники уголовного судопроизводства вступают в конфликт. Конфликты также могут возникнуть как в пределах, законодательно закрепленных полномочий уголовного участников процесса, так за их пределами, не запрещенные действующим законодательством.

25 октября 2019 года в России вступили в действие положения Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴⁰ (далее — Закон № 197-ФЗ). Согласно положениям Закона № 197-ФЗ были введены новые способы разрешения правовых конфликтов: переговоры и посредничество (в формах медиации и судебного примирения).

31 октября 2019 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации утвердил Регламент проведения судебного примирения, распространяющего своё действие на гражданский, административный и арбитражный процессы. Как видно, на уголовный процесс, отличие от других видов судопроизводства, судебное примирение не распространяется. Таким образом, уголовный процесс только стоит перед полноценным открытием института примирения.

Интерес к данному институту существует и среди практиков, и в кругу ученых.

Автором на протяжении 2022 года проводилось анкетирование мировых судей Северо-Западного региона на предмет необходимости законодательного регулирования новых способов разрешения правовых конфликтов. Подавляющее число респондентов (82% от общего числа) высказались за внедрение процедуры медиации и считают возможным применение ее в рамках уголовного процесса. В то же время судьи отмечают, что уголовно-процессуальный закон не определяет процессуальный порядок прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон, не регламентирована процедура примирения, не прописан порядок соглашения сторон о примирении и его оформление.

---

³⁹ Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, Л.М. Володина и др.; отв. ред. Л.Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2022. — С. 27.

⁴⁰ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 30. — Ст. 4099.

В научной литературе к идее введения медиации в уголовный процесс относятся неоднозначно.

Одни ученые считают, что медиация не может быть внедрена в уголовный процесс. Так, Е.А. Брылева пишет, «что медиация как способ разрешения правового конфликта имеет только гражданско-правовой уклон, так как цель медиации — разрешение конфликта. Примирение же в уголовном процессе — это восстановление справедливости и восстановление прав»⁴¹. Е.Е. Коробкова отмечает, что «внедрение в уголовный процесс медиации предполагает целый ряд изменений и дополнений в соответствующей части УПК РФ, Федеральном Законе «О прокуратуре Российской Федерации», принятие закона об учреждении службы профессиональной медиации. С учетом изложенного анализируемый доктринальный проект требует, как минимум, основательной доработки и экспериментальной апробации. В существующих вариантах он привлекателен лишь внешне, а как научный продукт не отвечает требованиям аргументированности, рациональности, экономичности»⁴².

Другие ученые полагают, что возможности медиации в уголовном процессе уже определены ст. 76 УК РФ, ст.25 УПК РФ и поэтому, в соответствии с нормами данной статьи, целесообразно формирование нового для российского уголовного процесса института медиации, или восстановительного правосудия⁴³.

Сторонники такого мнения считают, что в уголовном процессе России имеются предпосылки расширения различных форм согласительных процедур⁴⁴.

К таким предпосылкам ученые относят:

— переоценку возможностей карательного способа уголовно-правового регулирования⁴⁵;

— необходимость возмещения различного рода ущерба самим преступником, а также снижение общей репрессивности и экономической затратности уголовной политики⁴⁶;

---

⁴¹ См., например: Брылева Е.А. От наказания к примирению: наступление на индустрию борьбы с преступностью // *Мировой судья*. 2018. — № 1. — С. 13.

⁴² Коробкова Е.Е. К вопросу о реформировании уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних // *Мировой судья*. 2022. — № 8. — С. 14.

⁴³ Гаврицкий А.В., Коблева М.М. Возможности медиации в уголовном процессе // *Мировой судья*. 2019. — № 7. — С. 26.

⁴⁴ Колесник В.В. Согласительные (примирительные) процедуры в уголовно-процессуальном законодательстве России и отдельных зарубежных стран // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2022. — № 5. — С. 13.

⁴⁵ Забуга Е.Е. Наднациональное регулирование медиации в уголовном судопроизводстве // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2012. — № 3. — С. 80.

⁴⁶ Градский В.Е. Предпосылки внедрения процедуры медиации в уголовном процессе России // *Вестник Уральского института МВД России*. 2020 — №2. — С.11.

— потребность ускорения и упрощения расследования преступлений, что связано с серьезной проблемой — затягиванием сроков уголовного судопроизводства⁴⁷;

— возможность окончания уголовного преследования в рамках двухсторонней договоренности обвиняемого и потерпевшего⁴⁸.

Отметим, что в статье приведена незначительная толика мнений ученых-процессуалистов по вопросам введения в уголовный процесс восстановительного правосудия и медиации: есть и сторонники, и противники.

Обсуждение перспективы имплементации медиации в уголовный процесс РФ позволяет сделать вывод, что медиация является перспективным институтом и несет в себе большие потенциальные возможности стать реальным эффективным способом урегулирования конфликтов, а также элементом восстановительного правосудия в сфере уголовного судопроизводства.

Очевидно, что введение такой формы посредничества как медиации, потребует изменения уголовно-процессуального законодательства в целом. На первоначальном этапе потребуется определить процессуальный статус медиатора, регламентировать саму медиативную процедуру и ее правовые последствия.

Список литературы

1. Брылева Е.А. От наказания к примирению: наступление на индустрию борьбы с преступностью // *Мировой судья*. 2018. — № 1. — С. 13–17.
2. Гаврицкий А.В., Коблева М.М. Возможности медиации в уголовном процессе // *Мировой судья*. 2019. — № 7. — С. 26–29.
3. Головкин Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // *Закон*. 2009. — № 4. — С. 40–42.
4. Градский В.Е. Предпосылки внедрения процедуры медиации в уголовном процессе России // *Вестник Уральского института МВД России*. - 2020 — №2. — С.11-15.
5. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, Л.М. Володина и др.; отв. ред. Л.Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2022. 233 с.
6. Забуга Е.Е. Наднациональное регулирование медиации в уголовном судопроизводстве // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2012. — № 3. — С. 80–84.

---

⁴⁷ Головкин Л. В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // *Закон*. 2009. — № 4. — С. 40.

⁴⁸ Михайлова А.С. Отдельные аспекты медиации споров с участием несовершеннолетних в свете реформирования системы примирительных процедур // *Адвокатская практика*. 2018. — № 5. — С. 42.

7. Исакова Т.В. Состязательность российского уголовного процесса как структурообразующее начало конфликтной деятельности участников уголовного судопроизводства // Администратор суда. 2018. — № 1. — С. 23–26.

8. Колесник В.В. Согласительные (примирительные) процедуры в уголовно-процессуальном законодательстве России и отдельных зарубежных стран // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. — № 5. — С. 13–17.

9. Коробкова Е.Е. К вопросу о реформировании уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних // Мировой судья. 2022. — № 8. — С. 14 — 20.

10. Михайлова А.С. Отдельные аспекты медиации споров с участием несовершеннолетних в свете реформирования системы примирительных процедур // Адвокатская практика. 2018. — № 5. — С. 42–44.

Васильев Ф.Ю.*

Примирение с пострадавшим (потерпевшим) как основание для отказа в возбуждении уголовного дела

Аннотация. В статье рассматриваются особенности участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения — (пострадавшего) потерпевшего. Автор отмечает высокую важность соблюдения в уголовном судопроизводстве интересов потерпевшего как лица, пострадавшего от преступления, что является одним из элементов конституционного баланса интересов в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Обосновывается предложение добавить в уголовно-процессуальное законодательство возможность отказа в возбуждении уголовного дела по основаниям ст.25 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебное разбирательство, порядок возмещения вреда в уголовном судопроизводстве, процессуальный статус потерпевшего, уголовно-процессуальное законодательство зарубежных стран.

Vasiliev F.Yu.

Reconciliation with the injured (victim) as a basis for refusing to initiate criminal proceedings

Abstract. The article examines the peculiarities of the participant in criminal proceedings on the part of the prosecution — the (victim) victim. The author notes the high importance of observing the interests of the victim as a victim of a crime in criminal proceedings, which is one of the elements of the constitutional balance of interests

---

* Васильев Федор Юрьевич, доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского Университета МВД России, кандидат юридических наук.

Vasiliev Fedor Yurievich, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

in the criminal procedure legislation of the Russian Federation. The proposal is substantiated to add to the criminal procedure legislation the possibility of refusing to initiate a criminal case on the grounds of Article 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings, judicial proceedings, the procedure for compensation of harm in criminal proceedings, the procedural status of the victim, the criminal procedure legislation of foreign countries.

Российским законодателем определено, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, а государство должно обеспечивать потерпевшим доступ к правосудию и реализовывать право на компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ).

Потерпевший — это та фигура, ради которой начинается уголовный процесс, и очень важно, чтобы государство, которое взяло на себя функцию защиты человека, поиска его обидчика, возмещения ему вреда, надлежащим образом выполняло эту функцию.

Одним из назначений уголовного судопроизводства является защита прав потерпевшего путем привлечения к уголовной ответственности виновного в совершении преступления (п.1 ч.1 ст. 6 УПК РФ).

Преступление законодатель определяет как виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое уголовным законом под угрозой наказания (ч.1 ст. 14 УК РФ). Как видно из предложенного уголовным законом определения преступления, одним из основных критериев, относящих тот или иной проступок к преступлению, является общественная опасность деяния. Конституционный Суд РФ отметил в одном из своих решений, что, устанавливая преступность тех или иных общественно опасных деяний и, следовательно, их наказуемость, законодатель должен учитывать значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, и существенность причиняемого ими вреда⁴⁹.

Ставя во главу угла критерий значимости нарушенных виновным охраняемых законом интересов, законодатель разделяет преступления на различные категории от небольшой тяжести до особо тяжких преступлений (ст.15 УК РФ). Дифференцированно подходя к степени значимости преступлений в зависимости от общественной опасности, законодатель допускает в публичном состязательном процессе возможность в случае примирения с потерпев-

---

⁴⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей 1 и 2 статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2022 г.).

шим прекратить уголовное дело или уголовное преследование (ст.25 УПК РФ, ст.76 УК РФ).

Доля преступлений, на которые может быть распространен институт примирения в части прекращения уголовного преследования, в соответствии с обзором «Состояние преступности в России за январь - декабрь 2020 года», подготовленным Главным управлением правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации, составляет более 72 %⁵⁰ (деяния небольшой и средней тяжести в структуре преступности). За этот период 24% уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести были прекращены судами в связи с примирением сторон⁵¹.

Из этого следует, что каждое третье уголовное дело, возбужденное о преступлении небольшой или средней тяжести, было в последствие прекращено судом в связи с примирением сторон.

Нужно отметить, что основания для примирения, а именно: принесение извинения виновным перед пострадавшим, заглаживание вреда и другие действия преступника, без которых применение ст.25 УПК РФ невозможно, могут возникать не обязательно в стадиях судебного разбирательства, они могут появляться и раньше, на стадии предварительного расследования или даже в момент проведения процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела.

*Уголовное дело в отношении Евстигнеева В.А. возбуждено по признаку преступления, предусмотренного п. «в» ч.2 ст.158 УК РФ по факту тайного хищения последним у потерпевшего велосипеда. В связи с возмещением имущественного вреда от преступления, от пострадавшего в стадии возбуждения уголовного дела поступило заявление о прекращении уголовного дела в связи с примирением. В суде уголовное дело было прекращено на основании ст.25 УПК РФ*⁵².

Такие случаи не редки, по многим уголовным делам основания для будущего прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим имеются в момент принятия решения в стадии возбуждения уголовного дела. Из этого следует, что в ряде случаев общественная опасность содеянного, несмотря на публичный характер обвинения, ликвидируется в момент принятия решения о возбуждении уголовного дела.

---

⁵⁰ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о введении в уголовное судопроизводство института примирения».

⁵¹ Отчет судебного департамента при ВС РФ о рассмотрении судами общей юрисдикции уголовных дел за 2020 год// Судебный департамент (сdep.ru) (дата обращения: 10.04.2022 г.).

⁵² Уголовное дело № 1-266/2021 // Архив Шатурского городского суда Московской области за 2021 год.

В европейских странах примирительные процедуры давно и с успехом применяются при решении вопроса о целесообразности уголовного преследования. Например, статьей 41-1 УПК Франции⁵³ предусматривается, что если прокурор Республики считает, что без возбуждения уголовного преследования возможно обеспечить возмещение вреда, причиненного потерпевшему, положить конец конфликту, ставшему следствием совершенного преступления, либо содействовать исправлению лица, совершившего преступление, то он до вынесения решения о возбуждении уголовного иска вправе:

1. Напомнить лицу, совершившему преступление, о его обязанностях, закрепленных в конституции и других законах Французской Республики.
2. Предложить ему добровольно возместить вред от преступления.
3. С согласия сторон провести согласительные (медиационные) процедуры между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим.

УПК ФРГ⁵⁴ в соответствии с требованиями §154, 154а допускает прекращение либо отказ от уголовного преследования в целях процессуальной экономии в случаях, когда виновное лицо совершило наряду с «серьезным» преступлением преступления незначительные. В этом случае прокурор может прекратить либо отказать в уголовном преследовании по причине нецелесообразности уголовного преследования в отношении «малозначительных» преступлений.

Все это дает сделать вывод о том, что правоприменительная практика отказа от уголовного преследования уголовно-процессуального законодательства Франции и Германии исходит из того, что стороне обвинения в лице прокурора целесообразно отказываться от уголовного преследования не только в случаях, когда в ходе процессуальных действиях устанавливается отсутствие состава преступления, но и тогда, когда при наличии признаков состава преступления общественная целесообразность допускает при наступлении определенных условий отказ от уголовного преследования.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, если законодатель сочтет возможным расширить основания для отказа в возбуждении уголовного дела и допустит возможность не возбуждать уголовное дела в случаях, когда пострадавший примирился с виновным, это может положительно сказаться не только на количестве уголовных дел, подлежащих расследованию и судебному рассмотрению, но и на выполнении задач уголовного судопроизводства.

Задачи уголовного судопроизводства будут достигнуты путем заглаживания вреда виновным лицом перед пострадавшим, что приведет к проведе-

---

⁵³ УПК Французской республики//<https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 10.04.2022 г.).

⁵⁴ УПК ФРГ. — URL: //<https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf> (дата обращения: 10.04.2022 г.)

нию примирительных процедур и, следовательно, в отношении виновного не будет осуществляться уголовное преследование. Таким образом, преступник будет стараться к выполнению подобных действий, чтобы не подвергать себя уголовному преследованию в тех ситуациях, когда его можно избежать.

Список литературы

1. УПК Французской Республики. — URL: //https://www.legifrance. gouv.fr
2. УПК ФРГ. — URL: //https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/ frontdoor/ deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf

Градский В.Е.*

Медиатор как участник уголовного процесса в Российской Федерации

Аннотация. В рамках данной статьи проведен анализ статуса медиатора, рассмотрены его права и обязанности, полномочия, место в системе участников уголовного процесса, а также возможность выполнения роли медиатора, уже существующими, в Российской правовой действительности участниками уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: медиация; уголовный процесс; медиатор; иные участники; статус медиатора.

Gradsky V.E.

Mediator as a criminal proceeding's participant in the Russian Federation

Abstract. Within the framework of this article, an analysis of the status of a mediator has been carried out, in particular, his rights and obligations, powers, place in the system of participants in the criminal process, as well as the possibility of performing the role of a mediator by participants in criminal proceedings already existing in the Russian legal reality are considered.

Keywords: mediation; criminal process; mediator; other participants; mediator status.

Введение института медиации в уголовный процесс России, безусловно, повлечет за собой включение процедуры в систему производства по уго-

---

* Градский Владимир Евгеньевич, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Gradsky Vladimir Evgenievich, Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

ловным делам, что подразумевает под собой появление нового участника уголовного судопроизводства — медиатора. А.А. Давлетов видит в этом главное отличие медиации от традиционного уголовного судопроизводства, где основными участниками процесса становятся пострадавший, правонарушитель и медиатор, вместо государства и правонарушителя⁵⁵.

Распространение в России практики медиативного урегулирования юридических споров требует научного осмысления многих вопросов, связанных, в том числе с процессуальным статусом медиатора, его местом в системе участников уголовного процесса и с теми субъектами, на которых будут возложены полномочия медиаторов.

На наш взгляд, задачами медиатора являются: 1) оказание содействия в выяснении позиций сторон, 2) создание условий для диалога, 3) организация контакта между участниками конфликтной ситуации, 4) выявление взаимного интереса сторон, 5) оказание помощи в юридических вопросах, 6) определение условий содержания соглашения о примирении сторон.

Из представленных задач вытекает несколько основополагающих функций медиатора, которые он осуществляет при проведении процедуры примирения: *регулятивно-связующая, информационно-аналитическая, эмоционально-психологическая, оценочная.*

К лицу, использующему медиативные приемы в уголовном судопроизводстве, должны применяться особые требования:

- он должен уметь устанавливать контакт с обеими сторонами, разрешать конфликты, возникающие при встречах;
- уметь производить анализ полученной информации и моментально направлять ее в нужное русло;
- должен обладать достаточным жизненным опытом, который позволит ему видеть ситуацию со всех ракурсов и принимать обоснованные решения;
- знать основы правового регулирования процедуры, основы уголовного судопроизводства и уметь применять законодательство на практике.

Суть деятельности примирителя строится не на тех чувствах, которые стороны ощущают от прошедших событий, а на том, как построить конструктивный диалог и дать понимание участникам процедуры, к какому решению они хотят прийти в будущем. При этом медиаторы четко ориентированы на результат — соглашение о примирении сторон.

Заслуга медиаторов и в том, что они не управляют процессом переговоров, а как бы контролируют его со стороны, направляя, но не влияя на фактический результат. Многие участники уголовного процесса зачастую не по-

---

⁵⁵ Давлетов А.А., Братчиков Д.А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России//Российский юридический журнал. 2014. — №5. — С. 168-179.

нимаю тех последствий, к которым могут привести судебные решения по делу. Одна из задач посредника как раз заключается в объяснении сторонам их общих интересов и потребностей. Он оценивает данный факт, как юрист-профессионал, но при этом у него нет цели, защитить интересы какой-либо стороны. Поэтому ему проще обострить понимание ответственности участников и прийти к мирному решению конфликта. О.В. Аллахвердова отмечает, что у медиатора, действительно, множество задач и функций, но среди них следует выделить особую — сохранение психологического климата⁵⁶.

Далее рассмотрим те права и обязанности, которые законодатели определяют для лиц, обладающих статусом медиатора.

Статус медиатора близок к статусу специалиста ввиду особенностей его деятельности. Однако смешивать двух участников уголовного процесса не является обоснованным ввиду различий их целеполагания.

На наш взгляд, место нового участника уголовного процесса находится в главе 8 УПК РФ «Иные участники», так как они не относятся ни к одной из заинтересованных в исходе дела сторон, а основная цель медиации состоит в содействии в разрешении уголовно-правового конфликта. Аргументом в данном отношении выступает также спектр задач, стоящих перед медиатором: организация контакта между участниками, выявление взаимного интереса и т.д.

Исходя из анализа нормативно-правовых актов, уже существующих в Российской Федерации и регламентирующих деятельность медиаторов, а также на основании изученного опыта зарубежных государств и позиций ученых, мы приходим к промежуточному выводу о том, что основа для уголовно-процессуального статуса медиатора уже сформирована. В связи с чем мы предлагаем закрепить в УПК РФ уголовно-правовой статус медиатора. Глава 8. Иные участники уголовного процесса ст. 60.1 «Медиатор».

На данном этапе доклада возникает вполне логичный вопрос: кто из современных юристов-профессионалов в Российской Федерации способен взять на себя правовой статус медиатора? Существует множество точек зрения на данный счет. По мнению А.П. Гуськовой и Д.В. Маткиной, в качестве медиаторов могут допускаться судьи. Э.С. Каминский рассматривает прокурора, как непосредственного участника процедуры, в некоторых случаях способного самостоятельно проводить примирение⁵⁷. Т.В. Худойкина видит перспективу развития медиации посредством развития института судебных примирителей⁵⁸.

---

⁵⁶ Аллахвердова О.В. Медиация как социально-психологический феномен / Аллахвердова О. В. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. — № 2-1. — С. 151-159.

⁵⁷ Каминский Э.С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? / Э. С. Каминский // Российский судья. — 2021. — № 3. — С. 25-29.

⁵⁸ Худойкина Т.В., Ситкина А.Д. Перспективы развития медиации в связи с введением института судебных примирителей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — №5. — С.188.

Мы, в свою очередь, рассмотрим такого участника судопроизводства, как адвокат. Выбор падает именно на адвокатов из-за универсального характера их деятельности, а также наличия опыта в оказании правовой помощи и соответствующей квалификации. Ни в одной стране не существует прямого запрета для адвокатов работать в статусе медиатора. В Республике Казахстан национальная палата медиаторов состоит из 26 человек, указанных в официальном реестре. Из них 18 человек — юристы, 12 из которых — адвокаты, оставшаяся часть — это психологи, педагоги, инженеры. Из данной статистики можно сделать вывод о том, что 50 % зарегистрированных медиаторов в стране — это адвокаты⁵⁹.

В перспективе развития процедур примирения в России есть вероятность создания обязательного проведения медиации. Как следствие, лицо должно получить помощь в любом уголке нашей страны. На территории всей страны есть только адвокатская организационная структура. Существует мнение, что профессия медиатора вообще не сможет состояться без адвокатов, а исключение их из субъектов медиации нанесет колоссальный ущерб всей правовой системе.

На данный момент законодатель пошел по другому пути, официально разрешив судьям в отставке оказывать помощь в примирительных процедурах, в частности проводить процедуру медиации по гражданским и административным делам. Такие лица наделены статусом судебных примирителей. Данное положение закреплено в Федеральном законе от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 1. и регламентировано Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения».

В Уральском Федеральном округе функционируют 5 официальных медиаторов, все они являются бывшими судьями. Согласно статистике, приводимой Председателем Арбитражного суда Свердловской области С. А. Цветковой, по состоянию на февраль 2020 года ими было заключено 11 медиативных соглашений⁶⁰. На наш взгляд, выбор законодателя вполне оправдан, ведь в таком случае опытный судья использует свои профессиональные навыки. Потенциально такие процедуры в больших масштабах могут снизить нагрузку на всю судебную систему.

---

⁵⁹ Градский В.Е. Некоторые аспекты уголовно-правовой медиации в Республике Казахстан// Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 13 ноября 2020 года, 2021. — С. 23-27.

⁶⁰ Статистические данные о работе «комнаты примирения» в Арбитражном суде Свердловской области. — URL: <https://ekaterinburg.arbitr.ru/node/16042> (дата обращения: 15.12.2021 г.).

Подводя итоги статьи, следует представить следующие выводы:

Медиатор — это участник уголовного процесса, основная цель которого заключается в поиске и установлении баланса законных интересов между лицом, совершившем противоправное деяние, и потерпевшим от преступления.

Мы относим его к группе иных участников уголовного судопроизводства, так как его законный интерес выражен в обеспечении равновесия между противоположными интересами конфликтующих сторон.

Для выполнения поставленной цели медиатору необходим самостоятельный правовой статус, состоящий из прав, обязанностей, гарантий и ответственности.

Список литературы

1. Аллахвердова О.В. Медиация как социально-психологический феномен / О.В. Аллахвердова // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. — № 2-1. — С. 151-159.

2. Градский В.Е. Некоторые аспекты уголовно-правовой медиации в Республике Казахстан // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 13 ноября 2020 года, 2021. — С. 23-27.

3. Давлетов А.А., Братчиков Д.А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России // Российский юридический журнал. 2014. — №5. — С. 168-179.

4. Каминский Э.С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? / Э.С. Каминский // Российский судья. — 2021. — № 3. — С. 25-29.

5. Статистические данные о работе «комнаты примирения» в Арбитражном суде Свердловской области. — URL: <https://ekaterinburg.arbitr.ru/node/16042> (дата обращения: 15.12.2021 г.).

6. Худойкина Т.В., Ситкина А.Д. Перспективы развития медиации в связи с введением института судебных примирителей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — №5. — С.188.

Медиатор как участник медиации по уголовным делам в законодательстве Республики Беларусь

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с нормативным закреплением медиации, применяемой при производстве по уголовным делам, и медиатора как ее участника в законодательстве Республики Беларусь. Проанализированы изменения и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, допускающие применение медиации по уголовным делам. Несмотря на то, что положение медиатора не получило закрепления в отдельной уголовно-процессуальной норме, законодатель обозначил определенные аспекты его процессуального статуса, выделенные и рассмотренные в статье.

Ключевые слова: медиатор, уголовный процесс, медиация, примирение, обвиняемый, потерпевший.

Tsykunova I.N.

Mediator as a participant in mediation in criminal cases in the legislation of the Republic of Belarus

Abstract. The article deals with issues related to the normative consolidation of mediation used in criminal proceedings, and the mediator as its participant in the legislation of the Republic of Belarus. The changes and additions to the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus, which allow the use of mediation in criminal proceedings, are analyzed. Despite the fact that the status of the mediator was not enshrined in a separate criminal procedural norm, the legislator outlined certain aspects of his procedural status, highlighted and discussed in the article.

Keywords: mediator, criminal process, mediation, reconciliation, accused, victim.

Медиация по уголовным делам успешно применяется и получила законодательное закрепление в национальных правовых системах многих государств мира. В результате с 90-х годов 20 века наблюдается постепенный переход от карательного (пунитивного) правосудия, в рамках которого доминирует карательно-юридический подход реагирования на уголовное преступление, осно-

---

* Цыкунова Ирина Николаевна, доцент кафедры уголовного права и процесса УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», кандидат юридических наук, доцент.

Tsykunova Irina Nikolaevna, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Educational institution «Francisk Skorina Gomel State University», PhD in Law, Associate Professor.

ванный на обязательном наказании лица, совершившего преступление, к восстановительному (реституционному) правосудию, ядром которого выступают переговоры (диалог) между потерпевшим и правонарушителем, примирительные процедуры, возмещение причиненного преступлением вреда, программы социальной реабилитации для лица, преступившего закон.

В Республике Беларусь применение медиации в целях урегулирования споров, возникающих в сфере частноправовых отношений, предусмотрено Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее — Закон «О медиации»)⁶¹. Указанный закон не распространяет свое действие на разрешение уголовно-правовых споров.

Медиативная процедура по уголовным делам стала допустимой с принятием Закона Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», которым были внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее — УПК). УПК был дополнен статьей 30¹, предусматривающей возможность примирения обвиняемого с потерпевшим путем заключения медиативного соглашения, в пунктах 14¹-14³ статьи 6 УПК⁶² определены основные понятия, касающиеся процедуры медиации, — «медиация», «медиатор», «медиативное соглашение».

Ст. 30¹ УПК закрепляет обращение сторон к медиации и определяет, во-первых, категории уголовных дел, прекращение производства по которым возможно в принципе (в силу пункта 4 части 1 статьи 30 УПК о преступлениях, относящихся к категориям не представляющих большой общественной опасности или менее тяжких в связи с примирением с потерпевшим в соответствии со статьей 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г.⁶³), во-вторых, обязательность принятия такого процессуального решения (уголовные дела частного обвинения в случае достижения примирения на основании пункта 5 части 1 статьи 29 УПК) и, в-третьих, недопустимость прекращения уголовного производства в связи с примирением обвиняемого и потерпевшего (уголовные дела частного-публичного обвинения, возбужденные прокурором при наличии оснований, закрепленных в части 5 статьи 26 УПК).

---

⁶¹ Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 № 58-З (ред. от 06.01.2021) «О медиации». — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11300058> (дата обращения: 14.10.2022 г.).

⁶² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З (ред. от 20.07.2022). — URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295> (дата обращения: 14.10.2022 г.).

⁶³ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (ред. от 13.05.2022 г.). — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 14.10.2022 г.).

Исходя из содержания положения, предусмотренного частью 1 статьи 30¹ УПК, можно прийти к выводу, что примирение при производстве по уголовному делу может осуществляться как в порядке медиации, так и без участия медиатора. Тем самым можно заключить, что медиация «введена в уголовный процесс Республики Беларусь как дополнение к институту примирения»⁶⁴, «в аддитивной форме по отношению к процессу, позволяющей реализовать права на примирение, не изменяя существенно уже сложившийся порядок уголовного процесса»⁶⁵.

Оценивая изменения в целом, согласимся с О.В. Петровой, что «Внедрение медиации не изменило уголовно-правовую политику как таковую: идея примирения и до этого была знакома действующему белорусскому закону. Примирение, проводимое с участие медиатора, стало возможным по делам частного обвинения, т. е. в случае совершения деяний, влекущих ответственность по требованию потерпевшего ..., а также в ситуации возможности освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Таким образом, новый закон затрагивает только те институты, где государство и до этого момента учитывало частные интересы пострадавшего»⁶⁶.

В качестве особенностей закрепленной в УПК отечественной модели медиации можно определить проведение медиативной процедуры одновременно с процессом без приостановления производства по уголовному делу, исключительно по взаимному согласию обвиняемого и потерпевшего, возможность ее реализации по уголовным делам любого вида обвинения: публичного, частно-публичного и частного. Примирение может быть достигнуто по уголовным делам о преступлениях любой категории (в зависимости от характера и степени общественной опасности), однако, как выше указано, процессуальные последствия достижения примирения отличаются.

---

⁶⁴ Зайцева Л.Л. Медиация в уголовном процессе. История одного законопроекта // Государство и право в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, 26–27 ноября 2020 года, г. Минск / БГУ, Юридический фак.; [редкол.: Т.Н. Михалёва (гл. ред.) и др.]. Минск: БГУ, 2021. — С. 719. Электронная библиотека БГУ. — URL:// <https://elib.bsu.by/handle/123456789/263169> (дата обращения: 13.09.2021 г.).

⁶⁵ Самарин В.И. Внедрение медиации в уголовный процесс Беларуси / В.И. Самарин, И.И. Петухов // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под общ. ред. О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова ; Кубанский гос. ун-т. Краснодар : Просвещение-Юг, 2016. — С. 80.

⁶⁶ Петрова О.В. Внедрение медиации в механизме уголовно-правовой политики Республики Беларусь // Эпомен. 2021. — № 66. — С. 87-88. — URL: <https://epomen.ru/issues/2021/65/epomen-65-66-2021.pdf> (дата обращения: 21.10.2022 г.).

В соответствии с частью 3 статьи 30¹ УПК для проведения медиации обвиняемый и потерпевший по собственной инициативе и взаимному согласию выбирают медиатора. Участники медиации на нормативном уровне определены в Правилах проведения медиации, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 г. № 1150⁶⁷. Ими являются стороны (представители сторон) и медиатор (пункт 6 Правил проведения медиации).

Законодательное определение медиатора, принимающего участие в процедуре примирения обвиняемого и потерпевшего, закреплено в п. 14² ст. 6 УПК. Так, медиатором является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, отвечающее требованиям законодательства, участвующее в переговорах обвиняемого и потерпевшего в целях содействия их примирению. Статус медиатора в уголовном процессе не получил закрепления в УПК. Несмотря на это, видится, что законодатель, введя понятие медиатора, обозначил определенные аспекты его процессуального статуса, на которые хотелось бы обратить внимание.

Во-первых, поскольку медиатор — лицо, не заинтересованное в исходе уголовного дела, его можно отнести к иным участникам уголовного процесса (глава 7 УПК).

Полагаем, сложно согласиться с мнением авторов (например, О.Г. Дьяконова, С.А. Пашин, Р.Р. Максудов), считающих целесообразным законодательно предоставить медиатору статус специалиста⁶⁸. По нашему мнению, медиатор, обладая специальными знаниями в области медиации, тем не менее не может отождествляться со специалистом. Специалист — это лицо, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий. Назначение специалиста (цель, задачи) в уголовном процессе заключается в оказании содействия «правосудию». Назначение медиатора также может быть уяснено через цель его участия в уголовном процессе. Ею является оказание содействия примирению обвиняемого и потерпевшего. Медиатор не принимает участия в проведении следственных и других процессуальных действий, он участвует в переговорах обвиняемого и потерпевшего. В этом смысле медиация путем переговоров проводится «вне рамок производ-

---

⁶⁷ Правила проведения медиации, утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28.12.2013 № 150 (ред. от 24.06.2020). — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21301150> (дата обращения: 14.10.2022 г.).

⁶⁸ Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика: дисс. ... док. юрид. наук: 12.00.12 / О.Г. Дьяконова. Москва, 2021. — С. 178; Галимова М.А. Правовое регулирование примирительных процедур в уголовном судопроизводстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. — № 1 (38). — С. 10.

ства по уголовному делу, параллельно с ним»⁶⁹ и не является процессуальным действием. Изложенное позволяет заключить о недопустимости отнесения медиатора к специалисту.

Во-вторых, при определении положения медиатора в уголовном процессе необходимо исходить из того, что он должен отвечать требованиям законодательства, предъявляемым к медиатору: наличие высшего юридического или иного высшего образования; прохождение подготовки в сфере медиации, либо наличие опыта работы в качестве примирителя в соответствии с процессуальным законодательством; получение свидетельства медиатора. Указанные требования и категории лиц, которые не могут осуществлять деятельность медиатора, закреплены в Законе «О медиации», в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 г. № 1150 «Об утверждении Правил проведения медиации», постановлении Министерства юстиции Республики Беларусь от 17 января 2014 г. № 12 «О подготовке в сфере медиации», постановлении Министерства юстиции Республики Беларусь от 17 января 2014 г. № 15 «Об утверждении Правил этики медиатора».

В-третьих, медиатор участвует в переговорах обвиняемого и потерпевшего в целях содействия их примирению. Именно цель участия медиатора в процедуре примирения обвиняемого с потерпевшим, по нашему мнению, определяет сущность медиации, применяемой при производстве по уголовным делам. Целью участия медиатора в уголовном процессе является не «урегулирование спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения» (так сформулирована цель медиации в определении медиации, закрепленном в статье 1 Закона «О медиации»), а оказание содействия примирению обвиняемого и потерпевшего. Такая формулировка, представляется, соответствует специфике отношений, вытекающих из факта совершения лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и будет содействовать в равной степени защите прав и свобод участников процесса и публичных интересов.

Для реализации медиатором своих функций в процедуре медиации он должен обладать определенными правами и наделяться обязанностями, перечень которых в УПК не определен. Представляется, что ввиду специфики спора, возникающего в связи с совершением противоправного деяния, особенностей уголовно-процессуальных правоотношений, необходимости

---

⁶⁹ Зайцева Л.Л. Медиация в уголовном процессе. История одного законопроекта // Государство и право в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, 26–27 ноября 2020 года, г. Минск / БГУ, Юридический фак.; [редкол.: Т.Н. Михалёва (гл. ред.) и др.]. Минск: БГУ, 2021. — С. 718. Электронная библиотека БГУ. — URL:// <https://elib.bsu.by/handle/123456789/263169> (дата обращения: 13.09.2021 г.).

строгого соблюдения процессуальной формы в УПК должны быть закреплены права и обязанности медиатора, а также основания его отвода. Именно по пути закрепления статуса медиатора в уголовно-процессуальном законодательстве пошли законодатели отдельных государств — участников СНГ. Медиация по уголовным делам предусмотрена соответствующим законодательством Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова. Понятие медиатора в уголовном процессе, его права и обязанности определены в статье 85 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V⁷⁰ и статье 59 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129⁷¹. В то же время уголовно-процессуальное законодательство Казахстана, Кыргызстана и Молдовы не содержит отдельной нормы, предусматривающей порядок проведения медиации по уголовным делам. Положения о медиации, применяемой при производстве по уголовным делам, в Уголовно-процессуальном кодексе указанных государств закреплены фрагментарно, в нормах, структурно содержащихся в разных разделах и главах. В этом отношении можно согласиться с мнением Е. В. Мицкой о том, что «процедура медиации должна быть прописана в соответствующей главе УПК РК с целью формирования единообразной практики ее применения и исключения различного толкования процессуальных норм, когда они «рассеяны» по всему кодексу. Тем самым снижается риск возникновения процессуальных конфликтов, обусловленных противоречиями участников уголовного процесса в рамках норм УПК»⁷².

В настоящее время количество медиаторов, внесенных в Реестр медиаторов, формируемый Министерством юстиции Республики Беларусь, составляет 1109 человек. Из них по утверждению Л. Власовой, медиатора, международного эксперта в области бизнес-медиации, учредителя Центра медиации и переговоров (г. Минск), практикуют не более 10 %⁷³. На сего-

---

⁷⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V (ред. по состоянию на 12.09.2022). — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575852#activate_doc=2&pos=3;-98&pos2=2173;-98 (дата обращения: 21.10.2022 г.).

⁷¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 129 (ред. от 18.01.2022). — URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112308> (дата обращения: 21.10.2022 г.).

⁷² Мицкая Е. В. Медиация в уголовном процессе Республики Казахстан // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2018. — Т. 18. Вып. 3. — С. 113. — URL: [//cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-ugolovnom-protssesse-respubliki-kazahstan](https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-ugolovnom-protssesse-respubliki-kazahstan) (дата обращения: 13.09.2021 г.).

⁷³ Власова Л. Медиация в Республике Беларусь // Журнал arbitration.ru. — URL: <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/mediatsiya-v-respublike-belarus/> (дата обращения: 20.04.2022 г.).

дняшний день медиативная практика по уголовным делам в Республике Беларусь хоть и незначительна, но имеется, «предпринимались попытки практического внедрения медиации в разрешении уголовно-правовых конфликтов. В качестве примера можно привести проекты учебно-практического «Центра “Медиация и право”», учрежденного общественной организацией «Белорусский республиканский союз юристов», который продвигает восстановительную медиацию и имеет уникальный многолетний положительный опыт ее внедрения по уголовным делам с участием несовершеннолетних в городах Минске, Барановичи, Солигорске. Работа данного центра демонстрирует применимость процедуры медиации в разрешении уголовно-правовых конфликтов в социокультурных условиях и традициях Республики Беларусь и преимущества альтернативных способов»⁷⁴.

Таким образом, в законодательстве Республики Беларусь получил нормативное закрепление статус медиатора как участника медиации по уголовным делам. Медиатором является независимое лицо, привлекаемое обвиняемым и потерпевшим по собственной инициативе и взаимному согласию для проведения медиации в целях достижения их примирения. Необходимыми требованиями участия медиатора в переговорах сторон является наличие высшего, но не обязательно юридического, образования, профессиональная основа деятельности (специальная подготовка либо опыт работы в сфере медиации) и получение свидетельства медиатора.

В целом эти требования законодательства Республики Беларусь соответствуют тенденции общемировой медиативной практики, которая идет по пути профессионализации медиаторов. Во многих государствах медиаторы проходят специальную подготовку по программам, обучающим навыкам проведения медиативных процедур, и обязательную сертификацию. Представляется, что для медиатора, принимающего участие в примирении обвиняемого с потерпевшим, должно быть предпочтительным наличие высшего юридического образования, поскольку сфера уголовно-процессуальной деятельности характеризуется строгим процессуальным регулированием. Знание медиатором процедур производства по уголовным делам, процессуальных гарантий личности будет содействовать развитию примирения обвиняемого с потерпевшим в порядке медиации в направлении гармонизации с уголовным процессом.

В целях дальнейшего развития медиативной процедуры примирения обвиняемого с потерпевшим представляется целесообразным закрепить в УПК права и обязанности медиатора, а также основания его отвода.

---

⁷⁴ Петрова О.В. Внедрение медиации в механизме уголовно-правовой политики Республики Беларусь // Эпомен. 2021. — № 66. — С. 88. — URL: <https://epomen.ru/issues/2021/65/epomen-65-66-2021.pdf> (дата обращения: 21.10.2022 г.).

Список литературы

1. Власова Л. Медиация в Республике Беларусь // Журнал arbitration.ru. — URL: <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/mediatsiya-v-respublike-belarus-> (дата обращения: 20.04.2022 г.).
2. Галимова М.А. Правовое регулирование примирительных процедур в уголовном судопроизводстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. — № 1 (38). — С. 7-14.
3. Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.12 / О.Г. Дьяконова. Москва, 2021. — 647с.
4. Зайцева Л.Л. Медиация в уголовном процессе. История одного законопроекта // Государство и право в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, 26–27 ноября 2020 года, г. Минск / БГУ, Юридический фак. [редкол.: Т.Н. Михалёва (гл. ред.) и др.]. Минск: БГУ, — 2021. — С. 716-719. Электронная библиотека БГУ. — URL://https://elib.bsu.by/handle/12345_6789/263169 (дата обращения: 13.09.2021 г.).
5. Мицкая Е.В. Медиация в уголовном процессе Республики Казахстан // Науч. ежегодник Инс-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2018. — Т. 18. — Вып. 3. — С. 103–121. — URL: [//cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-ugolovnom-protsesse-respubliki-kazahstan](http://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-ugolovnom-protsesse-respubliki-kazahstan) (дата обращения: 13.09.2021 г.).
6. Петрова О.В. Внедрение медиации в механизме уголовно-правовой политики Республики Беларусь // Эпомен. 2021. — № 66. — С. 87-88. — URL: <https://epomen.ru/issues/2021/65/epomen-65-66-2021.pdf> (дата обращения: 21.10.2022 г.).
7. Самарин В.И. Внедрение медиации в уголовный процесс Беларуси / В.И. Самарин, И.И. Петухов // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под общ. ред. О.В. Гладышевой, В. А. Семенцова; Кубанский гос. ун-т. Краснодар: Просвещение-Юг, 2016. — С. 77-86.

Условия прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон

Аннотация. В статье рассматриваются условия прекращения судом уголовного дела в связи с примирением сторон. Обращается внимание на конкуренцию норм об освобождении от уголовной ответственности при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон и в связи с назначением судебного штрафа.

Ключевые слова: прокурор, суд, примирение, судебный штраф, возмещение ущерба.

Klenina K.A.

Conditions for terminating a criminal case in connection with the reconciliation of the parties

Abstract. The article discusses the conditions for the termination of a criminal case by the court in connection with the reconciliation of the parties. Attention is drawn to the competition of the norms on exemption from criminal liability upon termination of a criminal case in connection with the reconciliation of the parties and in connection with the imposition of a judicial fine.

Keywords: prosecutor, court, reconciliation, court fine, compensation for damage.

Нормами уголовного и уголовно-процессуального законов (ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ) установлено право суда, следователя с согласия руководителя следственного органа, дознавателя с согласия прокурора прекратить уголовное дело в связи с примирением с потерпевшим. При этом прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по такому основанию не свидетельствует о невинности обвиняемого или подозреваемого, не предоставляет ему право на реабилитацию, но и не влечет судимости, а призвано служить целям предупреждения совершения этим лицом новых преступлений.

---

* Кленина Ксения Анатольевна, ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Klenina Ksenia Anatolievna, Leading Researcher of the Department of scientific support of prosecutorial supervision over the execution of laws in the implementation of operational investigative activities and participation of the Prosecutor in criminal proceedings at the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law.

УПК РФ устанавливает и иные нереабилитирующие основания освобождения виновных в совершении преступлений лиц, в соответствии с которыми уголовное дело или уголовное преследование такого лица может быть прекращено. В частности, при сопоставлении положений, регламентирующих условия прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, очевидна общность их юридического содержания с нормами, устанавливающими условия прекращения уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Для освобождения виновного лица от уголовной ответственности оба названных основания предусматривают необходимость одновременного соблюдения определенных условий: совершение лицом преступления небольшой или средней тяжести впервые, возмещение ущерба или заглаживание причиненного потерпевшему вреда иным способом. Различие отмечается только в том, что при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон виновное лицо должно примириться с потерпевшим, в то время как при освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа такого примирения не требуется и мнение потерпевшего о возможности прекращения уголовного дела по такому основанию не учитывается.

Поскольку налагаемый сверх предусмотренной законом обязанности возместить ущерб или загладить причиненный преступлением вред судебный штраф в определенной мере содержит и элемент наказания за совершенное преступление, то освобождение лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа представляется лучшей альтернативой прекращению уголовного дела в связи с примирением сторон.

Возникает вопрос о конкуренции названных норм, так как каждая из них предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности при схожих условиях. Если в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства будут установлены основания, предусмотренные ст. 25¹ УПК РФ, а стороны заявят ходатайство об освобождении подсудимого от уголовной ответственности по иным основаниям (например, в связи с примирением сторон), то суд прекращает уголовное дело по тому основанию, против которого не возражает подсудимый⁷⁵ (п. 13).

В практике встречались случаи, когда при наличии заявлений потерпевших о желании прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон следователи, дознаватели, оставляли эти заявления без рассмотрения и направляли в суд ходатайства о прекращении уголовного дела и назначении

---

⁷⁵ Пункт 13 Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76² УК РФ). Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019 г. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2022 г.).

судебного штрафа в порядке, установленном ч. 2 ст. 446² УПК РФ. В таких случаях, а также если о наличии оснований для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон было заявлено в ходе рассмотрения судом ходатайства следователя или дознавателя о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа суд в соответствии с п. 2 ч. 5 ст. 446² УПК РФ принимал решение об отказе в удовлетворении ходатайства в связи с наличием иного основания для прекращения уголовного дела и возвращал ходатайство и материалы уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору.

Учитывая, что прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа возможно только при условии согласия на то обвиняемого, можно предположить, что он скорее примет меры к примирению с потерпевшим, чем, полностью возместив причиненный преступлением ущерб, согласится на применение к нему судебного штрафа, при неуплате которого в установленный срок он будет привлечен к уголовной ответственности. Если же примирения с потерпевшим по каким-либо причинам не удалось достигнуть, а остальные необходимые для прекращения уголовного дела условия соблюдены, то уголовное дело может быть прекращено с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

При кажущейся простоте понимания и оценки соблюдения предусмотренных законом условий прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон на практике применение этих норм продолжает сопровождаться сложностями и ошибками правоприменения.

В соответствии с одним из установленных в ст. 76 УК РФ условий лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, если оно совершило преступление впервые. Поскольку в законе отсутствует определение понятия лица, совершившего преступление впервые, правоприменители руководствуются устраняющим этот пробел правового регулирования разъяснением, данным в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». В частности, таким лицом признается то, которое ранее было освобождено от уголовной ответственности. На практике это приводит к тому, что одно и то же лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением сторон два, три и более раз, например, за совершение угрозы убийством (ч. 1 ст. 119 УК РФ). Кроме того, нередки случаи, когда в связи с примирением с потерпевшим судами прекращены уголовные дела в отношении лиц, ранее неоднократно совершавших преступления, в том числе тяжкие, судимости за которые погашены.

Очевидно, что такая правоприменительная практика не способствует реализации принципов справедливости и неотвратимости наказания виновных за совершенные преступления. Полагаем необходимым регламентировать в УК РФ понятие лица, впервые совершившего преступление, в которое, помимо лиц, не имеющих неснятую или непогашенную судимость, включить лиц, освобожденных ранее от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям в течение определенного периода, предшествующего совершению преступления, например, в течение одного года.

Наибольшие затруднения при применении вызывает оценка соблюдения обязательного условия прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон — о необходимости возмещения ущерба и иным образом заглаживания причиненного преступлением вреда. В частности, сложности встречались по уголовным делам о преступлениях, в которых нет потерпевшего; которые создают угрозу только общественным интересам; по которым не предусмотрены последствия в виде причинения вреда или возникновения имущественного ущерба (преступления с формальным составом); которыми наносится вред двум объектам, при этом основным объектом преступления является, например, нормальная деятельность органов власти, а дополнительным — честь и достоинство представителя власти; преступления с двумя формами вины; с административной преюдицией; неоконченные преступления, а также когда причиненный преступлением ущерб возмещен (вред заглажен) не в полном объеме, а частично.

Полагаем, что примирение сторон в рамках положений уголовного и уголовно-процессуального законов может признаваться таковым только в случае полного возмещения потерпевшему ущерба, причиненного ему преступлением (заглаживания вреда). Частичное возмещение ущерба или обещание возместить ущерб в будущем не может, как представляется, рассматриваться как соблюдение условия, необходимого для освобождения виновного лица от уголовной ответственности.

Еще одно условие прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим связано с категорией преступления, в совершении которого обвиняется лицо — преступления небольшой или средней тяжести. Применение данного положения не вызывает трудностей, когда лицо обвиняется в совершении одного преступления небольшой или средней тяжести. Однако если лицом совершено несколько преступлений, одно из которых относится к категории тяжких или особо тяжких, то, полагаем, в этом случае уголовное преследование этого лица по обвинению в совершении преступления небольшой или средней тяжести может быть прекращено, если не образуется его идеальная совокупность с тяжким преступлением.

В любом случае вопрос о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, как представляется, следует рассматривать в каждом

конкретном случае индивидуально, с учетом личности лица, обвиняющегося в совершении преступления. Так, при выявлении у обвиняемого по итогам проведения судебно-психиатрической экспертизы синдрома зависимости в результате употребления наркотических средств представляется необходимым исключить прекращение уголовного дела в отношении этого лица в связи с примирением сторон с тем, чтобы рассмотреть вопрос о возложении на него обязанности прохождения лечения от наркомании, что позволит обеспечить в будущем предупреждение его противоправного поведения, обусловленного зависимостью.

Великая Е.В.*

К вопросу о возможности прекращения уголовного дела о преступлениях, причинивших ущерб государству, в связи с примирением сторон

Аннотация. Статья посвящена вопросам прекращения органами предварительного расследования, а также судом уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон. Рассматривается возможность прекращения по данному основанию уголовных дел в отношении лиц, совершивших преступления, которыми причинен ущерб государству. В частности, речь идет о коррупционных, экологических преступлениях, преступлениях против порядка управления. Затрагивается вопрос о возможности возмещения государству ущерба, причиненного преступлением. Обращается внимание на противоречивую судебную практику, приводятся примеры судебных решений о прекращении уголовных дел о преступлениях, причинивших ущерб государству, в связи с примирением сторон.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела; примирение сторон; ущерб государству; возмещение ущерба государству.

Velikaya E.V.

To the question of the possibility of terminating a criminal case on crimes that caused damage to the state in connection with the reconciliation of the parties

Abstract. The article is devoted to the issues of termination by the preliminary investigation bodies, as well as by the court of a criminal case (criminal prosecution) in connection with the reconciliation of the parties. The possibility of termination on this

---

* Великая Екатерина Видадиевна, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации.
Velikaya Ekaterina Vidadievnna, Senior Researcher of the Scientific-Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

basis of criminal cases against persons who have committed crimes that have caused damage to the state is being considered. In particular, we are talking about corruption, environmental crimes, crimes against the order of governance. The question of the possibility of compensating the State for the damage caused by the crime is raised. Attention is drawn to the contradictory judicial practice, examples of court decisions on the termination of criminal cases of crimes that caused damage to the state in connection with the reconciliation of the parties are given.

Keywords: termination of a criminal case; reconciliation of the parties; damage to the state; compensation for damage to the state.

Лицо, совершившее противоправное деяние, предусмотренное УК РФ, подлежит уголовной ответственности. При этом преступления имеют разный объект посягательства (жизнь и здоровье человека, собственность, общественные безопасность и порядок, государственная власть), носят различный характер и степень общественной опасности. Суд, рассмотрев уголовное дело по существу и признав подсудимого виновным, назначает ему наказание, вид и размер которого зависят от многих факторов: тяжести содеянного, впервые ли лицо совершило преступление, признало ли вину в содеянном и т.д.

В то же время важно отметить, что одним из важнейших направлений совершенствования правосудия является гуманизация уголовного судопроизводства, направленная на сокращение количества осужденных лиц. Председатель Верховного Суда Российской Федерации Вячеслав Лебедев в своих выступлениях неоднократно обращал внимание на работу судов по гуманизации уголовного судопроизводства. В частности, выступая на совещании делегатов X Всероссийского съезда судей Приволжского федерального округа, он отметил, что в Российской Федерации продолжена реализация системных мер, направленных на гуманизацию уголовного законодательства и правоприменительной практики. Судами Приволжского федерального округа в первом квартале 2022 г. осуждено 27,9 тыс. лиц, оправдано 72 лица, а в отношении 7,2 тыс. лиц или 20% уголовное преследование прекращено судом⁷⁶.

Действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность прекращения уголовных дел в отношении лиц, впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести по различным основаниям. Одним из таких оснований является примирение сторон. Для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон необходимо соблюдение нескольких условий, предусмотренных ст. 76 УК РФ. Лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред.

---

⁷⁶ Председатель Верховного Суда России провел совещание с делегатами съезда судей ПФО. URL: https://vsrf.ru/press_center/news/31255/ (дата обращения: 05.09.2022 г.).

Предусмотренные законом условия прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон требуют детального рассмотрения.

В свою очередь, в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Однако преступлениями причиняется вред не только физическим или юридическим лицам, но и государству. Это налоговые, экологические, коррупционные преступления, преступления в отношении представителей власти и пр.

В результате совершения указанных преступлений причиняется не только материальный ущерб государству. Такие преступления представляют большую общественную опасность, так как подрывается авторитет власти, в связи с тем, что такие преступления совершаются должностными лицами с использованием своих служебных полномочий в корыстных целях для личного обогащения.

Признавая тот факт, что по уголовным делам о рассматриваемых преступлениях ущерб причиняется интересам государства, необходимо отметить, что «государство» понятие абстрактное, непосредственно его нельзя признать потерпевшим. Это обусловлено тем, что государство осуществляет свою деятельность через органы государственной власти в различных сферах общественных (правовых) отношений путем делегации им соответствующих полномочий. Именно поэтому в рамках уголовного процесса органы государственной власти представляют интересы государства. Обращая внимание на такое условие прекращения уголовного дела как возмещение вреда применительно к преступлениям, причинившим вред государству, возникает вопрос каким именно образом будет возмещен этот вред⁷⁷?

Для ответа на этот вопрос необходимо определиться с понятием вреда и ущерба. В самом УК РФ понятие вреда и ущерба не раскрывается, однако некоторые разъяснения по данному вопросу дал Верховный Суд Российской Федерации.

В частности, что именно понимать под ущербом, указанным в ст. 76² УК РФ Верховный Суд Российской Федерации разъяснил в Постановлении Пленума 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». В частности, согласно п. 2.1 данного Постановления Пленума под ущербом следует понимать имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денеж-

---

⁷⁷ В данной статье понятия «вред» и «ущерб» рассматриваются как идентичные.

ной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т.д. Под заглаживанием вреда (ч. 1 ст. 75, ст. 76² УК РФ) понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства.

И если вопросы возмещения материального вреда, причиненного государству в результате совершения преступлений, не вызывают особых сложностей (например, при незаконной рубке леса возмещается предусмотренная нормативными актами стоимость древесины, по преступлениям, связанным с неуплатой налога, возмещается сумма неуплаченного налога, а также пени), то возможность возмещения вреда нематериального характера, причиненного авторитету государственной власти, вызывает сомнения.

К примеру, в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 318 или ст. 319 УК РФ, вред причиняется, с одной стороны, непосредственно физическому лицу — представителю власти, а с другой — государству. При этом в данном случае вред причиняется физическому лицу в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, поэтому нельзя говорить о причинении вреда частному лицу. Общественная опасность такого преступления состоит в том, что оно посягает на нормальную деятельность органов государственной власти и местного самоуправления в лице представителей власти и на здоровье и телесную неприкосновенность представителей власти и их близких. Таким образом, преступное посягательство осуществляется на иной, отличный от личности, защищаемый законом объект. В связи с этим в указанных случаях не только невозможно достичь примирения с объектом, но и полностью загладить причиненный преступлением вред.

Тем не менее, как показало изучение правоприменительной практики, решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон по уголовным делам, причинившим ущерб государству, принимаются как органами предварительного расследования, так и судом, если такое ходатайство не было заявлено в стадии предварительного расследования уголовного дела.

Например, дознавателем отдела дознания отделения МВД России по Тяжинскому району Кемеровской области — Кузбасса 21.10.2019 вынесено постановление о прекращении уголовного дела в отношении М., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159² УК РФ, а именно в незаконным получением пособия по безработице в сумме 19 793,54 руб., по основанию, предусмотренному ст. 25 УПК РФ. Однако данное решение признано незаконным и отменено прокуратурой области, поскольку при принятии решения о прекращении уголовного дела не учтено, что объектом

преступного посягательства являются общественные отношения, сложившиеся в сфере государственного социального обеспечения населения. Кроме того, представитель государственного казенного учреждения «Центр занятости населения Тяжинского района» не наделен законом или иными нормативно-правовыми актами полномочиями от имени государства высказываться о возможности прекращения уголовного дела. По результатам расследования уголовное дело направлено в суд.

Но в то же время судебная практика по вопросам прекращения уголовных дел, причинивших вред государству не однозначна.

В частности, Железнодорожным районным судом г. Самары прекращено уголовное дело в отношении К., обвинявшегося в совершении двух преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 318 УК РФ в связи с примирением сторон. В обоснование своего решения суд указал, что подсудимый на момент совершения преступления не судим, впервые совершил преступления, средней тяжести в одно и то же время, в одном и том же месте, при одних и тех обстоятельствах, вину свою подсудимый признал в полном объеме, раскаивается в содеянном, состоялось примирение подсудимого с потерпевшими, причиненный вред потерпевшим заглажен полностью, за свои действия извинился, потерпевшие к нему претензий не имеют. При этом суд, не соглашаясь с возражениями государственного обвинителя указал, что закон не запрещает прекращать уголовные дела о таких преступлениях⁷⁸.

Аналогичное решение принято и Пушкинским районным судом г. Санкт-Петербурга, суд указал, что уголовный и уголовно-процессуальный законы не содержат запретов на прекращение уголовных дел в соответствии со ст. 25 УПК РФ по делам о двухобъектных преступлениях при наличии потерпевшего, при вышеуказанных обстоятельствах суд считает, что посягательство на основной объект - порядок управления в силу малозначительности может быть признано формальным, данных, свидетельствующих о том, что действиями подсудимой порядку управления был причинен какой-либо существенный вред, не имеется, с потерпевшими достигнуто примирение, и препятствий для прекращения уголовного дела в связи с примирением не имеется.

В то же время противоположное решение принято Куйбышевский районным судом г. Самары по уголовному делу в отношении Ч., также обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК

---

⁷⁸ Постановление Железнодорожного районного суда г. Самары по уголовному делу № 1-369/17 в отношении Коноплева О.А. — URL: https://zheleznodorozhny-sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=119775288&_uid=6baef85f-c435-49c2-b385-6bb7cddf2a6&_deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&srv_num=1 (дата обращения: 18.04.2022 г.).

РФ. Отклоняя заявленное подсудимым ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, суд указал преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 318 УК РФ, относится к преступлениям против порядка управления, и имеет два объекта преступного посягательства: общественно - опасное посягательство на нормальную деятельность государственных органов власти и здоровье конкретных представителей государственной власти, их телесная неприкосновенность, их безопасность и их близких. Преступные действия, связанные с применением насилия к потерпевшему — сотруднику полиции, при исполнении должностных обязанностей, посягали не столько на личность последнего, сколько на нормальную деятельность органа государственной власти, поскольку потерпевший являлся ее представителем и, исполняя должностные обязанности, пресекал противоправные действия. Посягая на порядок управления, как объект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, подсудимый совершает преступление против порядка управления и государственной власти. Ни о какой безопасности в сфере охраны общественного порядка нельзя говорить, если не будет обеспечена безопасность сотрудников полиции. В связи с чем прекращение настоящего уголовного дела за примирением сторон не будет отвечать задачам уголовного судопроизводства.

Существует практика прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон и по преступлениям коррупционной направленности.

В частности, Солнечногорским городским судом Московской области в противовес позиции прокурора прекращено в связи с примирением сторон уголовное дело в отношении А., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286, ч. 2 ст. 292 УК РФ. В качестве обоснования суд указал, что преступления средней тяжести, совершено подсудимым впервые, вред подсудимым заглажен. При этом в решении не указано в чем именно выразилось заглаживание вреда.

Столь противоречивая судебная практика обусловлена тем, что закон не содержит запрета на прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон по уголовным делам о преступлениях, причинивших ущерб государству, а рассматриваемые преступления, подпадая под категории небольшой или средней тяжести, формально соответствуют требованиям закона.

В тоже время в комментарии к УПК РФ, подготовленным Верховным Судом Российской Федерации, указано, что ст. 76 УК РФ прямо не предусматривает каких-либо ограничений для освобождения лица от уголовной ответственности в зависимости от объекта преступления, поэтому положения данной статьи применяются и к лицу, совершившему двухобъектное преступление (например, неуважение к суду — ч. 1 ст. 296 УК РФ). Если вред причиняется только интересам общества или государства и отсутствует по-

терпевший в уголовно-процессуальном смысле, то положения ст. 76 УК РФ применены быть не могут⁷⁹.

Кроме того, разрешая вопрос о возможности прекращения таких уголовных дел в связи с примирением сторон, нельзя не обратить внимание и на правовые позиции, высказанные Конституционным Судом Российской Федерации в своих решениях.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 04.06.2007 г. № 519 — О — О отметил, что указание в ст. 25 УПК РФ на то, что суд вправе, а не обязан прекратить уголовное дело, не предполагает возможность произвольного решения судом этого вопроса исключительно на основе своего усмотрения. Рассматривая заявление потерпевшего о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, орган или должностное лицо, осуществляющие уголовное судопроизводство, не просто констатируют наличие или отсутствие указанных в законе оснований для этого, а принимают соответствующее решение с учетом всей совокупности обстоятельств конкретного дела, включая степень общественной опасности совершенного деяния, личность обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность.

По буквальному смыслу действующего уголовно-процессуального законодательства, решение вопроса о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон зависит от конкретных обстоятельств уголовного дела, исследование и оценка которых является прерогативой судов общей юрисдикции⁸⁰. Действия, направленные на заглаживание вреда и свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, не могут быть одинаковыми во всех случаях, а определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния⁸¹. Таким

---

⁷⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. — С. 273-274.

⁸⁰ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.06.2007 г. № 519 — О — О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июня 2011 г. № 860-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зяблина Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.01.2022 г.).

⁸¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года N 323-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности". — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.01.2022 г.).

образом, суд должен разрешать вопрос о возможности прекращения уголовного дела руководствуясь не только соблюдением формальных условий, но и учитывая обстоятельства конкретного дела.

Так, рассматривая вопрос о возможности прекращения уголовного дела о таком преступлении, как взяточничество, следует учитывать следующее. Взятничество посягает на основы государственной власти, нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие»⁸².

Прекращаются судами в связи с примирением сторон уголовные дела и об экологических преступлениях.

Так, Даниловским районным судом Ярославской области прекращено уголовное дело в отношении Р., обвиняемого в совершении незаконной, в результате которой наступила смерть животных двух особей лося, тем самым причинив особо крупный ущерб охотничьим ресурсам государства в лице Департамента охраны окружающей среды и природопользования Ярославской области в размере 160000 руб.

Свое решение суд обосновал тем, что стороны примирились, причинённый вред потерпевшей стороне полностью заглажен, подсудимый ранее не судим, положительно характеризуется по месту жительства и работы, раскаивается в содеянном, согласен с предъявленным обвинением, инкриминируемое ему деяние, совершенное им впервые, относится по категории к преступлению средней степени тяжести. Представитель потерпевшей стороны Департамента охраны окружающей среды и природопользования Ярославской области, просил производство по делу прекратить, так как подсудимым полностью возмещен ущерб, причинённый Департамента охраны окружающей среды и природопользования Ярославской области, на счёт данного учреждения подсудимым перечислены денежные средства в счёт возмещения ущерба⁸³.

Тем не менее следует принимать во внимание, что экологические преступления имеют не один объект посягательства. Специфика экологических преступлений заключается в том, что всегда наряду с непосредственным объектом преступного посягательства в рамках конкретного состава другим объ-

---

⁸² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.01.2022 г.).

⁸³ ГАС «Правосудие». — URL: <https://bsr.sudrf.ru/biggs/portal.html>. (дата обращения: 02.09.2022 г.).

ектом преступного посягательства будут интересы неопределенного круга лиц, а также государства⁸⁴. Кроме того, нередко экологические преступления совершаются с использованием подсудимыми своих должностных полномочий, служебного положения, что как уже отмечалось наносит не только материальный ущерб, но и серьезный урон авторитету государственной власти.

Поэтому возникает вопрос каким именно образом может быть возмещен ущерб такого рода, причиненный государству. На наш взгляд, это не представляется возможным.

Следует согласиться с мнением А.П. Анисимова о том, что не подлежат прекращению за примирением сторон уголовные дела о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка или против государственной власти, так как примирение с потерпевшим по делам о преступлениях против правосудия противоречит смыслу закона, защищающего от преступного посягательства интересы государственной власти. Пострадавшему от преступных действий физическому лицу в данном случае вред причиняется исключительно потому, что это лицо является представителем власти и исполняет определенные служебные обязанности. Следовательно, его волеизъявление о прекращении дела в связи с примирением с обвиняемым не имеет правового значения⁸⁵.

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, отметим, что прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон по тем уголовным делам, по которым преступлением нанесен ущерб интересам государства, невозможно, так как речь идет о возмещении вреда, нанесенного авторитету государственной власти.

Список литературы

1. Анисимов А.П. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон // Законность. 2009. — № 10. — С. 43–45.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. 1359 с.
3. Лукомская А.С. Многообъектность преступных посягательств по делам об экологических преступлениях при принятии судами решений о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. — №1 (52). — С.62-67.

---

⁸⁴ Лукомская А.С. Многообъектность преступных посягательств по делам об экологических преступлениях при принятии судами решений о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. №1 (52).

⁸⁵ Анисимов А.П. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон // Законность. 2009. — № 10. — С. 43–45.

Сравнительный анализ института примирения сторон в гражданском и уголовном процессе России

Аннотация. Примирение сторон является институтом и гражданского процесса, и уголовного процесса. Мы проводим исследование примирения сторон как процессуальной категории уголовного процесса. Для этого нам необходимо провести сравнительный анализ норм, регулирующих данный институт в двух названных отраслях права. Это мы делаем для уяснения возможности заимствования более совершенных норм из гражданского процесса в уголовный процесс. В результате, мы уяснили, какие правовые конструкции нам можно заимствовать.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, примирение, гражданское судопроизводство, заимствование.

Isaev F.R.

Comparative analysis of the institute of reconciliation of the parties in the civil and criminal process in Russia

Abstract. Reconciliation of the parties is an institution of both the civil process and the criminal process. We are conducting a study of the reconciliation of the parties as a procedural category of the criminal process. To do this, we need to conduct a comparative analysis of the norms governing this institution in the two named branches of law. We do this to clarify the possibility of borrowing more advanced norms from the civil process into the criminal process. As a result, we figured out what legal constructions we can borrow.

Keywords: criminal proceedings, civil proceedings, reconciliation, borrowing.

Введение. Примирение сторон издавна более развитым было в гражданском процессе. Даже во времена Российской Империи нормы, регулирующие такой институт прекращения дела, были в уголовном процессе по небольшому ряду составов преступлений. Современный институт примирения сторон в уголовном процессе почти не менялся с момента вступления в законную силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК

---

* Исаев Флюр Рифович, аспирант 1 года обучения кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета. (научный руководитель: Тарасов Александр Алексеевич, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, профессор).

Isaev Flur Rifovich, 1-year postgraduate student of the Department of Criminal Law and Process of the Institute of Law of Bashkir State University. (Scientific supervisor: Tarasov Alexander Alekseevich, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of Bashkir State University, Doctor of Law, Professor.

РФ)⁸⁶. Однако 26 июля 2019 г. были внесены изменения в Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - ГПК РФ)⁸⁷, изменивших до неузнаваемости процедуру примирения⁸⁸. Поэтому, на наш взгляд, стоит сравнить примирение сторон из Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации со схожим институтом из Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации.

Исследование норм о примирении в УПК РФ. В УПК РФ прекращению дела по примирению сторон посвящено не так много статей. В ч. 2 статье 20 закреплено правило, что примирение по делам частного обвинения обязательно прекращает дело, в ч. 3 ст. 20 — запрет на прекращения дела по делам частно-публичного обвинения. Необходимые условия прекращения дела по этому основанию содержатся в ст.25: субъект, полномочный прекращать дело: суд, следователь с согласия руководителя следственного органа, дознаватель с согласия прокурора; заявление потерпевшего; преступление небольшой или средней тяжести; примирение обвиняемого с потерпевшим; заглаживание причиненного потерпевшему вреда.

В статье 319 УПК РФ содержится интересная формулировка прекращения дела по примирению сторон: «В случае поступления от них заявлений о примирении производство по уголовному делу по постановлению мирового судьи прекращается в соответствии с ч.2 ст. 20 настоящего Кодекса, за исключением производства по уголовным делам, возбуждаемым следователем, а также с согласия прокурора дознавателем в соответствии с частью 4 статьи 147 настоящего Кодекса, которые могут быть прекращены в связи с примирением сторон в порядке, установленном статьей 25 настоящего Кодекса». То есть данная статья содержит отличные от ст. 25 УПК РФ правила: для примирения здесь необходимо, чтобы дело было частного обвинения, заявления о примирении поступило от обеих сторон и отсутствовало возбуждение данного дела следователем или дознавателем в предусмотренных законом случаях. Также интересно то, что в случае возбуждения данного дела органами предварительного расследования, дело будет прекращаться в порядке ст.25 УПК РФ.

---

⁸⁶ Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001г. № 174–ФЗ (с посл. изм. и доп. от 26 марта 2022 №63–ФЗ) // Официальный интернет–портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 06.04.2021 г.).

⁸⁷ Гражданско–процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138–ФЗ (с посл. изм. и доп. от 01 июля 2021 г. №243–ФЗ) // Официальный интернет–портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 06.04.2021 г.).

⁸⁸ Федеральный закон «О внесении отдельных изменений в законодательные акты Российской Федерации» от 26.07.2019 №197–ФЗ // Официальный интернет–портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 06.04.2021г.).

Иных принципиально отличных положений УПК РФ не содержит.

Ввиду проведенного анализа следует сделать краткий вывод: УПК РФ как нормативно-правовой акт содержит положения ст. 25 об условиях для прекращения дела и ст. 319, где закреплен несколько иной порядок прекращения дела по примирению сторон по делам частного обвинения. Однако ни одна норма УПК РФ не содержит правил определения, что есть примирение сторон, в какой форме должно быть совершено примирение, каким образом его можно заключить. Также А.В. Гришин и М.Н. Таршева считают, что должны быть уточнены пределы полномочий и круг обязанностей должностных лиц при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон⁸⁹.

Исследование норм о примирении в ГПК РФ. В ГПК РФ 26 июля 2019 г. были внесены масштабные изменения, которые преобразили существовавший слабо урегулированный порядок примирения сторон. Новые правила из разрозненных упоминаний в статьях Кодекса были преобразованы в целую главу под названием «Примирительные процедуры».

Так, исходя из смысла ст. 153.1 ГПК РФ, под примирением сторон понимается достижение состояния урегулированности спора между сторонами по делу без судебного разбирательства в полном объеме. Здесь указан ряд принципов примирения и предусмотрена возможность применения этого института на любой стадии процесса, включая стадию исполнения судебного решения, также указаны два вида примирительных процедур: переговоры и посредничество. При этом посредничество законодатель подразделяет на медиацию, судебное примирение и другие виды процедур, не противоречащих закону.

Переговоры осуществляется на порядке, определяемом сторонами. Особенности переговоров: присутствуют сами стороны и никого более, условия переговоров определяются по соглашению сторон. Условия переговоров обычно включают в себя уточнение предмета спора, изложение правовых позиции сторон относительно предъявленного иска, обсуждение взаимных доводов и другие условия⁹⁰. При этом переговоры могут быть обязательны в силу закона.

Посредничество в виде медиации урегулировано положениями отдельного Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — ФЗ «О медиации»). Здесь присутствует третья сторона,

---

⁸⁹ Гришин А.В. Об инкорпорировании частноправовых институтов в уголовном процессе / А.В. Гришин, М.Н. Таршева // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2020. — Т. 30. — № 6. — С. 851-857.

⁹⁰ Голованов Н.М. Примирительные процедуры в гражданском процессе России и зарубежных стран / Н.М. Голованов // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — № 5-3(107). — С. 92-96.

которая будет способствовать разрешению спора — медиатор, определяемой из организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации. Порядок проведения медиации определяется соглашением сторон, законом, и, возможно, самим медиатором. Стороны при осуществлении процедуры равны, преимущественного положения ни у одной стороны нет. Еще одной особенностью этого вида посредничества является то, что медиатор не вносит предложений об урегулировании спора, а лишь содействует выработке таких предложений каждой из сторон⁹¹. Одним из преимуществ данного вида посредничества является наличие у медиативного соглашения силы исполнительного листа⁹².

Следующим урегулированным законодательством видом примирительной процедуры является судебное примирение. Особенностью данного вида примирения является наличие у судебного примирителя статуса судьи в отставке и нахождение в списке, утверждаемым Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. Кандидатура такого примирителя утверждается определением суда, рассматривающего дело. Также особенностью является возможность общения примирителя помимо сторон с другими лицами, участвующими в деле, право на знакомство с материалами дела, дачу рекомендаций сторонам и осуществление иных действий для урегулирования спора. Одной из главных особенностей, в отличие от других форм примирения, является возможность запроса судьей данных о ходе примирения не чаще одного раза в четырнадцать дней.

Проведение примирительных процедур может привести к таким результатам, согласно ГПК РФ:

- «1) мировое соглашение в отношении всех или части заявленных требований;
- 2) частичный или полный отказ от иска;
- 3) частичное или полное признание иска;
- 4) полный или частичный отказ от апелляционной, кассационной жалобы, надзорной жалобы (представления);
- 5) признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения».

Далее в ст. 153.8 ГПК РФ определяет, кто может заключать мировое соглашение. Здесь можно выделить, как особенность участие третьих лиц,

---

⁹¹ Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010, № 193–ФЗ (с посл. изм. и доп. от 26 июля 2019 г. № 197–ФЗ) // Официальный интернет–портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 06.04.2021 г.).

⁹² Александрова Е.Ю. Развитие в Российской Федерации примирительных процедур / Е. Ю. Александрова // Modern Science. — 2020. — № 4-4. — С. 35-39.

заявляющих самостоятельные требования (могут участвовать в качестве стороны при заключении соглашения), а также лиц, не заявляющих самостоятельные требования (могут участвовать в случае, если соглашением они наделяются правами либо на них возлагаются обязанности). В ст. 153.9 — определяется форма мирового соглашения, в ст. 153.10 — определяется порядок утверждения мирового соглашения судом и в ст. 153.11 — как исполняется мировое соглашение.

Таким образом, делая небольшой вывод по изложенному, можно сказать, что примирение сторон в гражданском процессе получило очень качественное регулирование: установлен, кто может участвовать в процедурах примирения в качестве сторон (помимо истца и ответчика — третьи лица с заявленными и не заявленными требованиями) и в качестве третьей стороны для разрешения спора (медиатор, судебный примиритель), обозначен порядок осуществления примирительных процедур, определены разновидности примирения с допущением использования сторонами иных видов, закреплены в законе основные результаты, отражаемые в мировом соглашении.

Сравнение институтов примирения двух разных процессуальных отраслей. Из вышеизложенного можно понять, что регулирование самого процесса примирения сторон в УПК РФ на данный момент не имеется. Для улучшения правового регулирования данного института, принимая во внимание нормы ГПК РФ, предлагаем обозначить основные направления взаимодействия в УПК РФ.

Так, необходимо переработать существующие нормы об институте примирения сторон и, возможно, изложить нормы в качестве отдельной главы, предположим 4.1. «Примирительные процедуры» по аналогии с гражданским процессом. В главу следует включить возможность примирения вплоть до стадии исполнения приговора, установив свободу выбора вида примирения для сторон: переговоров, посредничества в виде медиации или судебного примирения (этот вид примирения разрешить применять и следователям и дознавателям), либо иного, не предусмотренного законом вида. Помимо этого, считаем необходимым учитывать в примирении сторон мнение участника каждой из сторон: гражданских истцов и ответчиков, иных участников уголовного судопроизводства (например, лиц, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве) иных лиц (например, супругов обвиняемых, если в ходе обыска было изъято какое-либо совместное имущество), в случае, если их права были затронуты производством по уголовному делу. Данные нормы стоило бы распространить и на примирение по делам частного обвинения, ввиду обособленности его от общих положений ст.25 УПК РФ.

Помимо этого, стоит рассмотреть целесообразность включения в УПК РФ возможности примирения сторон отдельным обвиняемым и в этом случае прекращать в отношении него уголовное преследование (как, например, в ГПК РФ есть возможность мирового соглашения в части заявленных требований).

Заключение. Таким образом, стоит сделать вывод, что ГПК РФ предусматривает подробную регламентацию примирения сторон, как основания прекращения разбирательства. Учитывая, что последние изменения были внесены в УПК РФ летом 2007 года, подобная регламентация института прекращения уголовного дела была бы нелишней. Это связано, в первую очередь, с тем, что современный УПК не предусматривает норм, регулирующих порядок проведения самого примирения сторон, а лишь указывает на условия принятия или непринятия результата примирения в виде заявления потерпевшего органами предварительного расследования или судом, что позволяет говорить о неполной урегулированности института примирения сторон. Соответственно, в результате сравнительного анализа, нами были обозначены отдельные положения по усовершенствованию законодательства для устранения его пробелов. Подробный анализ возможных изменений и формулирование наиболее полных по содержанию норм обновленного института примирения сторон оставим для последующих исследований.

Список литературы

1. Гришин А.В. Об инкорпорировании частноправовых институтов в уголовном процессе / А.В. Гришин, М.Н. Таршева // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2020. — Т. 30. — № 6. — С. 851-857.
2. Голованов Н.М. Примирительные процедуры в гражданском процессе России и зарубежных стран / Н. М. Голованов // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — № 5-3(107). — С. 92-96.
3. Александрова Е.Ю. Развитие в Российской Федерации примирительных процедур / Е.Ю. Александрова // Modern Science. — 2020. — № 4-4. — С. 35-39.

Основания для отказа в возбуждении уголовного дела в суде

Аннотация: В статье рассматривается вопрос уголовного судопроизводства, связанный с новыми основаниями для отказа в возбуждении уголовного дела в суде.

Ключевые слова: отказ в возбуждении уголовного дела, уголовное преследование.

Nikolaeva E.A.

Grounds for refusing to initiate a criminal case in the court

Abstract. The article deals with the issue of criminal proceedings associated with new grounds for refusing to initiate a criminal case in court.

Keywords: refusal to initiate a criminal case, criminal prosecution.

Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает случаи, при которых суд вправе не возбуждать уголовное дело или же прекратить возбужденное уголовное дело. Незаконный отказ в возбуждении уголовного дела уничтожает возможности восстановления нарушенных прав и преследования виновных.

15 июня 2021 года Конституционный Суд вынес Постановление № 28-П по делу о проверке конституционности п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, закрепляющего отсутствие в деянии состава преступления в качестве основания для отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения.

В ходе рассмотрения, Конституционный Суд признал, что пункт 2 части 1 статьи 24 УПК Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — он предполагает, что:

1. Отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления возможен только при условии предварительного установления наличия и совершения конкретным лицом самого общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления;

---

* Николаева Елизавета Андреевна, курсант факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России. (научный руководитель: Васильев Федор Юрьевич, доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского Университета МВД России, кандидат юридических наук). Nikolaeva Elizaveta Andreevna, cadet of the Faculty of Staff Training for human resources departments of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (Scientific supervisor: Vasiliev Fedor Yurievich, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law).

2. Законность и обоснованность выбора основания для отказа в возбуждении уголовного дела подлежат судебной проверке по жалобе заинтересованного лица в предусмотренном статьей 125 УПК Российской Федерации порядке с учетом всех имеющихся в материалах фактов, на основании которых принималось соответствующее решение, обстоятельств, влияющих на вывод о наличии фактических и правовых оснований для отказа в возбуждении уголовного дела по тому или иному основанию, и позиций сторон⁹³.

Одним из оснований отказа в возбуждении или прекращении уголовного дела является отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления, отсутствие заявления потерпевшего, истечение сроков давности уголовного преследования.

В связи с этим Президент Российской Федерации, В.В. Путин выступил с заявлением о том, что необходимо отказаться от уголовного преследования по делам экономических преступлений. По его мнению, данный шаг в уголовно-процессуальном законодательстве позволит обеспечить максимальную экономическую свободу для людей, которые занимаются бизнесом.

Также Президент отметил, что уголовные преступления налоговой направленности должны возбуждаться только по данным налоговых служб⁹⁴.

Уже был издан законопроект, содержащий поводы, которые ограничивают поводы для возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям.

Наказание при уклонении от уплаты налогов закреплено в ст. 199 УК. В примечаниях к статье указано, что лицо, впервые совершившее такое преступление, освобождается от уголовной ответственности, если им или организацией, уклонение от уплаты налогов которой вменяется в вину, уплачены все недоимки и пени, а также штраф.

Согласно статистике МВД России, в 2021 году в стране было зарегистрировано 117,7 тыс. преступлений экономической направленности, из них 5,5 тыс. — налоговые. Это почти на 14% больше, чем годом ранее. Раскрыто 3,3 тыс. налоговых преступлений (на 10,8% больше год к году)⁹⁵.

После изменений в Уголовно-процессуальном кодексе следственные органы смогут возбуждать уголовные дела только по материал налогового ведомства, указывающим на возможное наличие в действиях налогоплательщика состава преступления. Можно сказать, что в связи с новыми из-

---

⁹³ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 15 июня 2021 года № 28-П по делу о проверке конституционности п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2022 г.).

⁹⁴ Путин одобрил отказ от преследования по экономическим статьям [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/239602/> (дата обращения: 20.04.2022 г.).

⁹⁵ Путин высказался против возбуждения налоговых дел после погашения долга [Электронный ресурс] — URL: https://www.rbc.ru/business/03/02/2022/61fc0d07_9a79470f0f4b49ee/ (дата обращения: 20.04.2022 г.).

менениями, расширяется круг оснований отказа в возбуждении уголовного дела. Кроме того, возможны новые основания для других составов преступлений.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство либерализуется и изменяется согласно современным тенденциям.

Список литературы

1. Путин высказался против возбуждения налоговых дел после погашения долга [Электронный ресурс] — URL: <https://www.rbc.ru/business/03/02/2022/61fc0d079a79470f0f4b49ee/> (дата обращения: 20.04.2022 г.).

2. Путин одобрил отказ от преследования по экономическим статьям [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.ru/news/239602/> (дата обращения: 20.04.2022 г.).

Морозова М.А.*

Нравственная проблема примирения в судебном производстве по уголовным делам: заглаживание вины, примирение в случае гибели потерпевшего

Аннотация. Рассматриваются вопросы примирения родственников умершего потерпевшего, аргументируется отсутствие права на примирение в этом случае.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, примирение, смерть потерпевшего.

Morozova M.A.

The moral problem of reconciliation in judicial proceedings in criminal cases: making amends, reconciliation in the event of the death of the victim

Abstract. The issues of reconciliation of the relatives of the deceased victim are considered, the lack of the right to reconciliation in this case is argued.

Keywords: criminal proceedings, reconciliation, death of the victim.

---

* Морозова Мария Анатольевна, студентка 2 курса магистратуры факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (научный руководитель: Корсаков Константин Александрович, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного, кандидат юридических наук, доцент).

Morozova Maria Anatolyevna, 2nd year master student of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law) of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice (Scientific Supervisor: Konstantin Korsakov, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law, PhD in Law, Associate Professor).

Основным назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, то есть непосредственных жертв соответствующих общественно опасных деяний, жизни, здоровью, нравственности и имуществу которых причинен вред в той или иной форме. В случае же прекращения уголовного дела за примирением лица, совершившего преступление, и представителя погибшего, данное условие фактически не выполняется.

В соответствии с ч. 8 ст. 42 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников, который также может изъявить желание примириться с лицом, совершившим преступление.

В соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016)⁹⁶ такая практика признана правомерной.

Представляется, что необходимость в данной норме обусловлена тем, что в случае смерти пострадавшего от преступления лица, причиняется вред его близким, которым он может быть возмещен только при признании их потерпевшими. Поэтому возникает необходимость наделения таких лиц процессуальными правами, которые обеспечат возможность осуществления надлежащего уголовного преследования лица, совершившего преступление, а также возможность возместить им вред, связанный с гибелью близкого человека.

При этом в научной среде высказывается мнение, что в этом случае «представители потерпевшего не могут обладать правом совершать те или иные действия, не отвечающие интересам погибшего, в том числе лишаящие последнего права на уголовное преследование виновного лица, посягнувшего на самое дорогое и ценное, что у него было, - жизнь»⁹⁷.

В буквальном толковании конструкция, предусмотренная ст. 25 УПК РФ при соблюдении требований ст. 76 УК РФ, предусматривающая освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, требует волеизъявление потерпевшего на примирение. Поскольку законодателем данное обстоятельство включено в качестве одного из обязательных условий прекращения уголовного дела,

---

⁹⁶ Пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=Xhxed0TOQG8SLcMH1&cacheid=81F94867E0AF4E8A97A98691793EAFDB&mode=splus&rn d=A3D94A7912839E268FB428C42220BEA3&base=LAW&n=207951#rhyed0TWQNazyzcP2> (дата обращения: 11.04.2022 г.).

⁹⁷ Воронин В. В. Возможно ли примирение сторон в случае гибели потерпевшего? // Уголовный процесс. 2007. — № 2. — С. 1-11.

именно потерпевший и должен представить соответствующие доказательства о заглаживании причиненного ему вреда.

Представляется, что при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел о преступлениях, результатом которых явилась смерть потерпевшего, в формулировке ст. 76 УК РФ и 25 УПК РФ заглаживание причиненного вреда близкому родственнику, признанному потерпевшим, условно говоря «правопреемнику», при проявлении им прощения и милосердия к виновнику трагедии, ошибочно понимать как соблюдение обязательного условия для прекращения данного уголовного дела в связи с примирением сторон.

Справедливо ли подобное положение вещей и допустимо ли с морально-этической точки зрения в случаях, к примеру, когда смерть потерпевшего наступила в результате дорожно-транспортного происшествия и виновное лицо освобождается от уголовной ответственности, примирившись с одним из близких родственников погибшего? Данный вопрос очень спорный.

Косвенно позиция автора настоящей статьи подкреплена изложенным в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», согласно которому «исходя из того, что потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред (часть 1 статьи 42 УПК РФ), все иные лица, в том числе близкие родственники потерпевшего, на чьи права и законные интересы преступление не было непосредственно направлено, по общему правилу, процессуальными возможностями по их защите не наделяются»⁹⁸.

Стремление к нравственному порядку при разрешении вопроса о возможности примирения сторон в уголовно-правовом конфликте можно встретить в настоящее время и на практике, в частности, возникшей в 2022 году. Так, в соответствии с указанием прокурора Ленинградской области работникам прокуратуры, участвующим в рассмотрении уголовных дел в судах, не следует давать согласие на прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон по составам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей), а также ч. 2 ст. 143 УК РФ (нарушение требований охраны труда, совершенное лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, повлекшее по неосторожности смерть человека).

---

⁹⁸ Пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2022 г.).

Таким образом, представляется целесообразным предусмотреть в ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ запрет на освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица.

Список литературы

1. Воронин В.В. Возможно ли примирение сторон в случае гибели потерпевшего? // Уголовный процесс. - М.: Изд. дом "Арбитражная практика", 2007. — № 2. — С. 52-54.

Наволоцкая М.Д.*

Отдельные элементы процедуры примирения: стадии процедуры примирения

Аннотация. Рассматриваются этапы и стадии процедуры примирения в уголовном судопроизводстве и их содержание.

Кодовые слова: уголовное судопроизводство, этапы и стадии процедуры примирения.

Navolotskaya M.D.

Separate elements of the conciliation procedure: stages of the conciliation procedure

Abstract. The stages and stages of the reconciliation procedure in criminal proceedings and their content are considered.

Keywords: criminal proceedings, stages and stages of the reconciliation procedure.

В настоящее время существуют различные способы разрешения уголовно-правовых споров, одним из которых является процедура примирения, относящаяся к так называемому «восстановительному правосудию»⁹⁹. В

---

* Наволоцкая Мария Дмитриевна, студентка 3 курса бакалавриата факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». (научный руководитель: Корсаков Константин Александрович, доцент кафедры уголовно-процессуального права, кандидат юридических наук, доцент).

Navolotskaya Maria Dmitrievna, 3rd year undergraduate student of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law) of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice. (Scientific supervisor: Konstantin Korsakov, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law, PhD in Law, Associate Professor).

⁹⁹ См. например: Дубровин В.В. Медиация в уголовном судопроизводстве России-основа восстановительного правосудия // О некоторых вопросах и проблемах современной юрис-

большей степени институт восстановительного правосудия применим к зарубежным странам, однако, часть приемов и технологий данного института вполне применимы в Российской уголовно-процессуальной практике.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2021 году за примирением сторон прекращено 103 649 уголовных дел, это на 23 788 дел меньше, чем в 2018 году и на 5018 меньше, чем в 2019 году¹⁰⁰. Наблюдается общая тенденция уменьшения дел, прекращенных по данному основанию.

Представляется правильным утверждение, что «после введения в 1996 году в России институтов примирения с потерпевшим и деятельного раскаяния отечественный законодатель планомерно идет по пути построения системы избирательной уголовной политики, приведшей к развитию компромиссного способа разрешения уголовно-правовых конфликтов»¹⁰¹. Однако требуется конкретизация и расширение института примирения.

Процедура примирения начинается с подготовительного этапа, на котором принимаются следующие решения: решение о примирении, определение условий примирения, решение об участии примирителя, определение времени и места проведения процедуры примирения.

Первая стадия процедуры примирения, «переговоры», включает в себя деятельность с момента первой встречи участников до заключения соглашения о примирении либо констатация невозможности прийти к соглашению о примирении. Причем, соглашение может быть заключено сторонами как на досудебной стадии производства, так и на судебных либо на стадии исполнения приговора.

Следующая стадия, «принятие процессуального решения», начинается с момента подачи ходатайства о прекращении уголовного дела, смягчении наказания или смягчения режима отбывания наказания, и до принятия такого решения либо отказа в удовлетворении ходатайства.

Обжалование отказа в удовлетворении ходатайства не является стадией примирения и соотносится с обжалованием иных решений и может происходить на любой стадии судопроизводства.

Заключительной стадией примирения является исполнение условий примирения либо установление его неисполнения и принятие соответствующего решения.

пруденции / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. №4. г. Челябинск, 2017. — С. 41-44.

¹⁰⁰ Хохрякова Э.А. Прекращение дела за примирением: как исключить необоснованный отказ суда // Уголовный процесс. № 6. г. Москва, 2022 — С. 28-33.

¹⁰¹ Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве. Дисс. ... док. юрид. наук. Оренбург — 2017.

Данная стадия не зависит от стадии уголовного судопроизводства, также, как и проведение самой процедуры примирения.

На стадии переговоров выделяется несколько этапов.

На первом этапе, «вступительном», происходит знакомство участников между собой и определение правил общения, определение участников процедуры и ведущего процедуру примирения при неучастии в ней примирителя, разъяснение принципов, прав, обязанностей и ответственности участников, последствия заключения договора о примирении и неисполнения его условий, рассматриваются иные вопросы, связанные с процедурой и ее последствиями.

Следующий этап является «основным», во многом определяющим исхода процедуры примирения.

В случае недостижения согласия составляется протокол о завершении процедуры без составления и подписания договора о примирении, в тех случаях, когда она обязательна, в частности по делам в отношении несовершеннолетних.

Важно, чтобы на каждом этапе процедуры обсуждения проходили в уважительной форме, в стремлении к сотрудничеству. Помощь в поиске общего языка сторонами оказывает ведущий, которым оптимально может быть лицо, прошедшее специальную подготовку — примиритель. Нельзя недооценить значение вклада специальных знания в проведение такой специфической процедуры как примирение, требующей владением приемами и методами психологии и юридических знаний.

Сама процедура примирения, ее участники, в том числе и примиритель, должны быть защищены Законом.

Так, запрещено использовать при проведении процедуры примирения такие приёмы как: угрозы, шантаж, вымогательство, а также допускать применения таких приёмов сторонами¹⁰².

Запрещено допускать со стороны ведущего давление на мнение сторон, выказывать своё расположение какой-либо стороне. Ведущий должен быть независимым, нейтральным, беспристрастным в своей работе, а в случае возникновения конфликта интересов - объявить об этом сторонам и отказаться от ведения процедуры примирения. Также ему недопустимо принимать вознаграждение в какой-либо форме (денежного, материального характера или иного характера) вне рамок соглашения сторон.

Недопустима при проведении процедуры дискриминация по какому-либо признаку, проявление неуважения к личности, оскорбления, нетерпи-

---

¹⁰² Машинская Н.В. Анализ проекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения». Пенитенциарная наука. 2020; 14(3):362-367.

мость. Во избежание конфликтных ситуаций ведущий может совместно со сторонами установить правила, по которым будет проходить процедура примирения. Он должен вести дискуссию в мирное русло, разъяснить правила ведения переговоров (например, не отвечать грубостью на грубость, не обвинять) и следить за их исполнением.

Также недопустимо распространение конфиденциальных сведений, полученных в ходе проведения процедуры примирения¹⁰³, если это не затрагивает вопросов проверки законности процедуры примирения и ее результатов.

На стадии принятия процессуального решения следователь, дознаватель, суд проверяет законность процедуры примирения и заключенного договора о примирении и принимает соответствующее процессуальное решение. Утверждения договора указанными лицами не требуется, поскольку они, с учетом представленного им договора и соответствующей проверки принимают решение об удовлетворении ходатайства либо его отклонении.

Процедура принятия такого решения и его обжалования, как указывалось выше, не входят в процедуру примирения.

Стадия исполнения условий договора в установленные сроки предусматривает положительное решение в пользу виновного, а не исполнение условий влечет за собой отмену ранее принятого решения на основе договора о примирении и рассмотрения дела в общем порядке.

При этом стадия выполнения условий договора о примирении может осуществляться в процессе других этапов и стадий, совмещаться с ними, например, на этапе подготовки, в процессе переговоров, на заключительной стадии.

Содержание договора в данной статье не рассматривается.

Список литературы

1. Дубровин В.В. Медиация в уголовном судопроизводстве России-основа восстановительного правосудия // О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. — № 4. г. Челябинск, 2017. — С. 41-44.

2. Машинская Н.В. Анализ проекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения». Пенитенциарная наука. 2020; 14(3):362-367.

---

¹⁰³ Проект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения».

3. Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве. Дисс. ... док. юрид. наук. Оренбург — 2017. 487– с.

4. Хохрякова Э.А. Прекращение дела за примирением: как исключить необоснованный отказ суда // Уголовный процесс. № 6. г. Москва, 2022 — С. 28-33.

Сажина И.А.*

Некоторые аспекты примирения в судебном производстве по уголовным делам: мнимое примирение

Аннотация. Рассматриваются вопросы мнимого и притворного примирения в уголовном судопроизводстве и ставится вопрос о их необходимости предотвращения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, примирение, мнимое примирение, притворное примирение.

Sazhinova I.A.

Some aspects of reconciliation in court proceedings in criminal cases: sham reconciliation

Abstract. The issues of imaginary and feigned reconciliation in criminal proceedings are considered and the question of their need to be prevented is raised.

Keywords: criminal proceedings, reconciliation, sham reconciliation, feigned reconciliation.

В настоящее время уголовное судопроизводство находится в процессе поиска оптимального соотношения между традиционными процессуальными институтами и новыми, внедряемыми для решения задач увеличения диспозитивности при производстве по уголовному делу, предельно полного восстановления прав потерпевшего¹⁰⁴.

---

* Сажина Ирина Александровна, студентка 3 курса бакалавриата факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». (научный руководитель: Корсаков Константин Александрович, доцент кафедры уголовно-процессуального права, кандидат юридических наук, доцент).

Sazhinova Irina Aleksandrovna, 3rd year undergraduate student of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law) of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice. (Scientific supervisor: Konstantin Korsakov, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law, Candidate of Law, Associate Professor).

¹⁰⁴ Григорьев В.Н. О некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: Сб. ст. М., 2010. — С. 23.

Институт примирения с потерпевшим существует в уголовном судопроизводстве многих государств мира, допускающий освобождение от ответственности либо в достаточной мере ослабления наказания правонарушителю, достигнувшему договоренности о примирении с потерпевшим (чаще всего, рассчитывающего на возмещение причиненного вреда, либо за отсутствие таких претензий со стороны потерпевшего). Аналогичные положения могут заключаться как в уголовном, так и в уголовно-процессуальном законодательстве¹⁰⁵.

Данный институт в российском законодательстве обсуждается учеными и практиками, подвергается критике, проекты внесения изменений в законодательство направляются для доработки.

Актуальной проблемой является защита института примирения от злоупотреблений и недобросовестности.

Из Определения Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2022 г. № 188-О¹⁰⁶ усматривается, что такого рода сделки вполне могут иметь место.

В Определении отмечается, что «если примирение состоялось надлежащим образом при ясно изложенном (выраженном) решении (согласии) потерпевшего и подозреваемого, обвиняемого», то «мотивы, включая материальные, ожидания и намерения участников примирения как таковые не заменяют и не отменяют ни ценности, ни юридической действительности соответствующего правоотношения» (п. 2.2.). Однако «такое заявление и тем более согласие подозреваемого, обвиняемого предполагают оценку примирения, которое может быть не принято судом, следователем, дознавателем как достаточное доказательство действительного согласия примириться...» (п. 2.3.). Возможны случаи «когда оно сделано (получено) под влиянием обмана или заблуждения относительно связанных с ним существенных обстоятельств при недобросовестном поведении подозреваемого, обвиняемого. Это может выясниться и впоследствии, по прекращении уголовного дела (уголовного преследования), например из того, что сам обвиняемый опровергает действительность примирения и его оснований, пренебрегая обещаниями относительно должного поведения либо отказываясь, тем более демонстративно, от обязательств или извинений, которые он принес ввиду предстоящего примирения и которым потерпевший мог придать важное, в том числе решающее, значение в решении примириться» (п. 2.4.).

---

¹⁰⁵ Чернышова Т.В. Понятие и виды примирения в российском праве// Журнал российского права. 2010, — № 12. — С.116.

¹⁰⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2022 г. № 188-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзикова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403506688/#review>

Определением предусматриваются и случаи неправомерного воздействия на процесс примирения: «Равным образом не может быть признано надлежащим и действительным примирение, на которое потерпевший согласился вынужденно, например ввиду применения в его отношении или в отношении иных лиц насилия либо под угрозой такового, а также ввиду зависимости от подозреваемого, обвиняемого или других лиц, которые вынуждали потерпевшего согласиться на примирение. Выявление таких обстоятельств, как и подобных случаев недобросовестного и противоправного понуждения лица, пострадавшего от уголовного посягательства, к согласию на примирение, означает его недействительность и предполагает отмену процессуальных решений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), принятых по правилам статьи 25 УПК Российской Федерации» (п.2.4).

Подчеркивается, что решение о примирении должно приниматься «...с учетом всей совокупности обстоятельств, включая вид уголовного преследования, особенности объекта преступного посягательства, наличие выраженного свободно, а не по принуждению волеизъявления потерпевшего, чье право, охраняемое уголовным законом, нарушено в результате преступления, изменение степени общественной опасности деяния после заглаживания вреда, личность подозреваемого, обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность. Такое решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным (как это следует, в частности, из части четвертой статьи 7 УПК Российской Федерации), а потому обстоятельства, дающие возможность его принять, должны быть подтверждены процессуально на основе доказательств и закреплены в процессуальных актах. В противном случае само постановление о прекращении уголовного дела не может отвечать критерию законности и обоснованности — как не основанное на установленных фактах, подтвержденных материалами дела. (п. 3).

Примирение является сделкой между сторонами, и по аналогии с гражданским законодательство, они могут быть мнимыми, притворными, противоречить основам правопорядка или нравственности, нарушать требования закона, посягать на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц (ст. 168, 169, 170 ГК РФ¹⁰⁷).

Несомненно, в таких случаях, сторона, добросовестно заключившая сделку либо добросовестное третье лицо должны быть защищены, а виновные нести ответственность.

---

¹⁰⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

При этом мнимой сделкой о примирении должны пониматься те случаи примирения, когда соглашение заключено лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия, например, когда виновный не собирався выполнять условия примирения, а пытался лишь избежать ответственности за содеянное.

Притворным примирения следует рассматривать те случаи, когда примирение сторон состоялось с целью укрыть виновного от наказания, при этом, с согласия сторон, нарушение прав и интересов как частного лиц, так и общественных интересов, осталось бы неизменным, например, примирение законного представителя с виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ¹⁰⁸ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» или п. в) ч. 2 ст. 241 УК РФ «Организация занятия проституцией» с использованием для занятия проституцией несовершеннолетних. Такая сделка примирения является заведомо противной основам правопорядка и нравственности, нарушала бы требования закона, посягала на публичные интересы, права и охраняемые законом интересы третьего лица.

Во всех подобных случаях виновному лицу удастся избежать уголовной ответственности, нарушенные права потерпевшего не компенсируются и не восстанавливаются, и он остается незащищенным.

Список литературы

1. Григорьев В.Н. О некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: Сб. ст. М., 2010. — С. 23-29.
2. Чернышова Т.В. Понятие и виды примирения в российском праве // Журнал российского права. 2010. — № 12. — С 116-124.

---

¹⁰⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

Участие прокурора в процедуре примирения по уголовным делам

Аннотация. Анализируется роль прокурора, участвующего в процедуре примирения. Выявляются некоторые проблемные аспекты, которым необходимо детальное изучение и развитие.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, примирение, прокурор, защита прав и свобод участников примирения.

Sazhinova I.A.

Participation of the prosecutor in the reconciliation procedure in criminal cases

Abstract. This article analyzes the role of the prosecutor involved in the reconciliation procedure. Some problematic aspects that need detailed study and development are identified.

Keywords: prosecutor, supervision, reconciliation, protection of rights and freedoms of reconciliation participants.

Основными целями при разрешении конфликтов в уголовном производстве являются защита прав и свобод всех участников. При этом необходимо учитывать такой важный принцип уголовного права как неотвратимость ответственности. Именно неотвратимость, а вовсе не жестокость наказания обуславливается предупредительным значением наказания. «Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания, произведет всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемой надеждой на безнаказанность», — писал Ч. Беккариа¹⁰⁹.

Закрепленный в уголовном законе принцип гуманизма (ч. 2 ст. 7 УК РФ¹¹⁰) состоит в необходимости обеспечения безопасности человеку государством, а

---

* Сажина Ирина Александровна, студентка 3 курса бакалавриата факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». (научный руководитель: Корсаков Константин Александрович, доцент кафедры уголовно-процессуального права кандидат юридических наук, доцент).

Sazhinova Irina Aleksandrovna, 3rd year undergraduate student of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law) of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice. (Scientific supervisor: Konstantin Korsakov, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law, PhD in Law, Associate Professor).

¹⁰⁹ Беккариа Чезария. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2004. — 184 с.

¹¹⁰ "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к субъекту преступления, не способны иметь своей целью причинения физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Наличие в Уголовном праве и процессе РФ нормы позволяет разрешить не только конфликт участников, а также найти компромисс, побуждающий к достижению позитивного постпреступного поведения лица, совершившего преступление. Однако при этом нет полной гарантии, что будут соблюдены все права и свободы участников данных отношений.

Примирение с потерпевшим — институт, имеющийся в уголовном судопроизводстве многих государств мира, предполагает освобождение от ответственности либо значительное смягчение наказания правонарушителю, достигнувшему с потерпевшим соглашения о примирении (как правило, предполагающего возмещение причиненного вреда, либо отсутствие таких претензий со стороны потерпевшего). Соответствующие положения могут содержаться как в уголовном, так и в уголовно-процессуальном законодательстве.

Следовательно, рассуждая над оценкой сделки (соглашения) о примирении в уголовном процессе через процессуальную «призму», мы не можем не обратить внимание и на такой важный аспект, как последствия возможных злоупотреблений процессуальными правами участниками примирения.

Рассмотрим Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2022 № 188-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзикова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации", регламентирующей порядок освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим¹¹¹.

Из данного определения следует, что в сентябре 2020 г. следователь с согласия руководителя следственного органа прекратил уголовное дело и уголовное преследование подозреваемого по ст. 116 УК РФ в связи с примирением сторон. Соответствующее постановление было вынесено по заявлению потерпевшего в отсутствие возражений подозреваемого.

Затем потерпевшим было обжаловано постановление в суде, однако, суд отказал в удовлетворении жалобы, апелляция и кассация поддержали такое решение. Судами отмечено, что потерпевший ранее заявил о примирении

---

¹¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2022 № 188-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзикова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации". — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403506688/#review>

с подозреваемым и об отсутствии к последнему претензий материального характера, собственноручно написав о том, что положения ст. 76 УК и ст. 25 УПК РФ, а также правовые последствия прекращения уголовного дела ему разъяснены и понятны. В дальнейшем Верховным Судом Российской Федерации было отказано в рассмотрении кассационной жалобы.

Конституционный Суд РФ упомянул, что действующее законодательство допускает примирение с потерпевшим как основание освобождения подозреваемого (обвиняемого) от уголовной ответственности с прекращением уголовного дела при обязательном условии, что он загладил вред, причиненный потерпевшему в результате преступного деяния небольшой или средней тяжести. При этом само примирение не связывается с какими-либо конкретными его мотивами, намерениями или ожиданиями участников, в том числе с их изменением в будущем, а равно с инициативой той или другой стороны.

Исходя из анализируемого нами определения Конституционного Суда РФ, возникает вполне закономерный вопрос.

Если прекращение уголовного дела по основанию, указанному в ст. 25 УПК РФ¹¹², является правом суда, следователя и дознавателя, то каким образом данное право связано с восстановлением, заглаживанием нарушенных прав потерпевшего?

Тем не менее, если необходимые условия соблюдены, а обоснованных аргументов против освобождения лица от уголовной ответственности не приведено, то должно ли быть обязательным прекращение уголовного дела?

Суд, следователь и дознаватель, обладая распорядительными полномочиями для прекращения дела по данному основанию, должны ли следовать диспозитивному решению сторон конфликта?

В теории и практике решения по этим вопросам не найдено.

Представляется, что это связано с отсутствием развитого института примирения в уголовном судопроизводстве.

Одни из направлений разрешения этой проблематики видится в следующем.

Согласно ст. 21, 26 Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹¹³ прокурор осуществляет надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными органами исполнительной власти, Следствен-

---

¹¹² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

¹¹³ Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" от 17.01.1992 № 2202-1 (последняя редакция) — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/2057d2b6ad00aa864dbfa2aa093412e46bf8346a/

ным комитетом Российской Федерации. Деятельность прокуратуры по защите прав и свобод всех граждан является комплексной. Именно многофункциональность прокурора предполагает наличие широкого круга процессуальных полномочий.

Так, в соответствии со ст. 37 УПК РФ, прокурор является должностным лицом, уполномоченным не только поддерживать от имени государства уголовное преследование, но и осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного расследования.

Таким образом, в деятельности прокурора сочетаются как процессуальные (реализованы в максимально эффективном и целесообразном обеспечении неотвратимости уголовной ответственности лица, совершившего преступление), так и уголовно-правовые функции (воплощены в реализации строгого и неукоснительного соблюдения закона).

Одним из полномочий прокурора является дача согласия на прекращение уголовного дела по не реабилитирующим основаниям, в частности, прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ).

При принятии данного процессуального решения, прокурору надлежит следовать общеустановленным требованиям, приведенным к процедуре принятия решения.

Однако процедура примирения законом не установлена.

В ходе осуществления надзора, прокурор рассматривает жалобы на действия следователя или органа дознания, устанавливает фактические обстоятельства примирения обвиняемого и потерпевшего, а также наличие других условий, предусмотренных ст. 9 УПК РФ, по результатам которого выносит постановление о прекращении производства по делу, либо дает необходимые указания органу следствия.

Согласно ст. 214 УПК РФ, прокурор уполномочен рассмотреть дело, поступившее к нему с обвинительным заключением, и принять по нему процессуальное решение. Данная статья предусматривает также и основание для прекращения уголовного дела.

Возникает разумный вопрос: если после прекращения уголовного дела, выяснятся обстоятельства, ранее никому не известные, но как результат, влияющие на обоснованность принятия решения о прекращении дела? Уполномочен ли прокурор отменить данное постановление о прекращении уголовного дела органу следствия? А если потребует отмена своего же постановления о прекращении уголовного дела?

Видится следующее: после признания постановления органов предварительного следствия о прекращении уголовного преследования и дела в связи с примирением сторон необоснованным или незаконным, в срок не позд-

нее 14 дней с момента получения материалов уголовного дела, прокурор выносит мотивированное постановление об отмене, в котором излагает все обстоятельства, подлежащие дополнительному расследованию. Данное постановление вместе с материалами дела незамедлительно направляются руководителю следственного органа. Отменить своё постановление самостоятельно прокурор не может.

Что касается дел частного обвинения, то постановление о прекращении уголовного дела за примирением сторон, прокурор может направить представление об отмене судебного решения по жалобе одной из сторон. Это могут быть как потерпевший, так и подозреваемый (обвиняемый), а также и сам прокурор, если ему стали известны обстоятельства, ранее неизвестными по ряду причин.

Стоит обратить внимание и на правовые функции прокурора в суде. Согласно ст. 246 УПК РФ, прокурор от имени государства поддерживает государственное обвинение, предоставляет доказательства причастности и вины, излагает своё мнение по поводу дела, изучает обстоятельства и улики, высказывает предложения о применении уголовного закона в адрес подсудимого. Вместе с тем прокурор не должен препятствовать желанию примириться обвиняемого с потерпевшим. Скорее, для соблюдения и восстановления нарушенных прав участников, а также мотивов и условий, прокурор может ходатайствовать о выяснении всех обстоятельств примирения. Только после этого прокурор должен поддержать ходатайство потерпевшего и обвиняемого перед судом, подтверждая истинное намерение участников примирения к закрытию конфликта.

Таким образом, на сегодняшний день в уголовном процессе сформировалась потребность в необходимости совершенствования действующего порядка заключения соглашения о примирении, а также необходимостью исключить данные пробелы. Ко всему прочему, имеется недостаточность регулирования как самой процедуры, так и функции прокурорского надзора при проверке условий соглашения о примирении, а также для выявления нарушенных прав и законных интересов участников.

Следует обратить внимание, что участие прокурора в медиативных процедурах имеет положительный опыт в ряде стран Европы. При участии прокурора также определяются: порядок, размер и сроки возмещения вреда, прокурор может предложить пройти в течение шести месяцев курс лечения, профессионального обучения или выполнить работы в общественных интересах. Если предложенные условия не принимаются - прокурор может возбудить уголовное преследование. Процедура медиации состоит из стадий отбора дел; подготовительной (не менее трех месяцев); слушания дела с составлением протокола (там фиксируется либо невозможность достижения

компромисса, либо условия соглашения); исполнение соглашения. Проект соглашения, а также помощь в проведении медиации осуществляются помощником прокурора по медиации¹¹⁴. Во Франции инициатива о медиации может исходить от прокурора, который принимает решение, исходя из интересов обвиняемого, потерпевшего и общества, процедура примирения проводится прокурором самостоятельно ("судебная медиация") либо делегируется посреднику ("общественная медиация")¹¹⁵.

Все, что нами указано выше, незаконные действия и последствия возможных злоупотреблений участниками примирения можно избежать при условии внесения изменений в уголовно-процессуальный закон, предусмотрев главенствующую роль прокурора — как гаранта соблюдения прав и законных интересов всех участников сделки по примирению.

Кроме того, прокурор должен выступать стороной в процедуре примирения в тех случаях, когда затрагиваются интересы общества и государства.

Список литературы

1. Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе: учеб.-метод. пособие / Л.Л. Зайцева [и др.]; под ред. У. Хелльманна, С.А. Балашенко, Л.Л. Зайцевой. — URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/187872>.
2. Беккариа Чезари. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2004. — 184 с.
3. Герасименко Ю.А. Возможные пути имплементации института медиации в уголовный процесс России // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. — № 1. — С. 51-55.

---

¹¹⁴ Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе: учеб.-метод. пособие / Л.Л. Зайцева [и др.]; под ред. У. Хелльманна, С.А. Балашенко, Л.Л. Зайцевой. — <https://elib.bsu.by/handle/123456789/187872>

¹¹⁵ Герасименко Ю.А. Возможные пути имплементации института медиации в уголовный процесс России // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. — № 1. — С. 52–53; Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. — С.185.

**Специфика осуществления переговорного процесса
как одного из видов примирительных процедур
в уголовном судопроизводстве**

Аннотация. Одним из актуальных вопросов современного уголовного судопроизводства является поиск и совершенствование эффективных механизмов и способов разрешения уголовно-правовых конфликтов. В рассматриваемой статье анализируется один из видов примирительных процедур в уголовном судопроизводстве, а именно — процесс ведения переговоров сторон, который зачастую позволяет добиться наиболее быстрого и комфортного для всех участников решения юридического конфликта.

Ключевые слова: переговоры, переговорный процесс, уголовное судопроизводство, примирительные процедуры, институт примирения, конфликт, медиация.

Golod E.P.

**The specifics of the implementation of the negotiation process
as one of the types of conciliation procedures
in criminal proceedings**

Abstract. One of the topical issues of modern criminal justice is the search for and improvement of effective mechanisms and methods for resolving criminal law conflicts. This article analyzes one of the types of conciliation procedures in criminal proceedings, namely, the process of negotiating the parties, which often allows to achieve the fastest and most comfortable solution for all participants in a legal conflict.

Keywords: negotiations, negotiation process, criminal proceedings, conciliation procedures, reconciliation institution, conflict, mediation.

В современной практике разрешения юридических конфликтов все большую популярность приобретает процесс переговоров, при котором у

---

* Голод Елизавета Петровна, курсант 182 учебного взвода факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России. (научный руководитель: Васильев Фёдор Юрьевич, доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук).

Golod Elizaveta Petrovna, a cadet of the 182nd training platoon of the Faculty of Staff Training for personnel units of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (Scientific supervisor: Vasiliev Fedor Yurievich, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law).

всех участников появляется больше шансов на мирное урегулирование возникших разногласий. Такой вариант примирения известен обществу с древних времен, однако и сейчас он не теряет своей актуальности. Переговоры принято считать одним из наиболее доступных и результативных способов разрешения конфликтов как в юридической, так и в других сферах.

Одним из видов правовых институтов в уголовном судопроизводстве является примирение сторон, закрепленное в ст. 25 УПК РФ. Важным является и область применения данного института — уголовные дела по преступлениям небольшой и средней тяжести. Также следует указать, что примирение сторон путем переговоров должно быть закреплено в установленной процессуальной форме. В современном уголовном законодательстве Российской Федерации также указано, что помимо достижения согласия сторон, обвиняемая сторона обязуется возместить причиненный потерпевшему вред¹¹⁶. Потерпевший может требовать, как возмещения материального, так и компенсации морального вреда.

Переходя к основной сущности переговорного процесса в уголовном судопроизводстве, в первую очередь, необходимо дать общее определение понятия «переговоры». В словаре по конфликтологии приводится следующее понимание этого термина. «Переговоры — механизм урегулирования конфликта; совместная деятельность оппонентов по поиску взаимоприемлемого решения проблемы. Переговоры часто проводятся с участием третьей стороны»¹¹⁷.

Сам переговорный процесс состоит из трех основных этапов: начальный, дискуссионный, заключительный.

Изначально к переговорам конфликтующих сторон необходимо тщательно подготовиться, грамотно решить все организационные вопросы, в которые входит: достижение сторонами согласия на участие в данной процедуре, выбор времени и места проведения, определение тактики ведения переговоров, подготовка необходимых процессуальных документов¹¹⁸. Уже на данном этапе каждая из сторон должна осознавать, для чего она будет принимать участие в данном мероприятии, что она для себя выяснит, какие привилегии получит, каких потерь сможет избежать. Субъект переговорного процесса должен преследовать цель, обоснованную реалиями и правовой действительностью, а не собственным вымыслом.

Зачастую реализация плана ведения переговоров становится невозможной уже на начальном этапе, поскольку масштаб конфликта не позволяет его

---

¹¹⁶ Ст.76, Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2022 г.).

¹¹⁷ См.: Давлетчина С.Б. Словарь по конфликтологии ВСГТУ, 2005.

¹¹⁸ См.: Борисов Н.А., Брыжинская Г.В. Психология участников правового конфликта // Евразийский научный журнал. — 2015. — № 29. — С. 154–156.

участникам снисходительно отнестись к возможности мирного урегулирования спора, а также принять чужую точку зрения. В таких случаях исправить ситуацию можно при помощи нейтрального участника, способного выслушать позицию каждой из сторон, и позволяющего рационально оценить сложившуюся ситуацию. Переговоры непосредственно между участниками конфликта в современной научной литературе принято называть прямыми, а с нейтральным участником они становятся непрямыми.

Далее наступает дискуссионный этап, при котором важно учитывать такие аспекты, как: мотивы возникновения конфликта; участники конфликта; предполагаемое поведение каждой из сторон после окончания переговоров; процесс осуществления переговоров; коммуникация между конфликтующими сторонами и нейтральными участниками; коммуникация только между конфликтующими сторонами¹¹⁹.

Во время переговорного процесса каждому участнику необходимо предоставить слово, чтобы он озвучил собственное видение разрешения конфликта. Выступающий должен четко и ясно изложить свою позицию, привести достаточное количество аргументов в пользу своей точки зрения, чтобы его оппоненты смогли полноценно ознакомиться с выдвигаемыми тезисами. Субъектам переговорного процесса важно четко определить причины возникшего между ними конфликта, предмет, а также возможные варианты его мирного разрешения.

В процессе выступления участников переговоров определяются предполагаемые варианты результата переговоров. Учитываются особенности поведения субъектов переговоров (спокойное состояние, нейтральное отношение к другим спикерам, чрезмерная агрессия и др.), их взаимоотношения в процессе обсуждения спорных вопросов, настрой каждого из участника и иное.

Специфика переговоров в ходе разрешения юридических конфликтов также заключается в том, что у этого процесса нет временного регламента, он продолжается до тех пор, пока стороны не придут к одному из двух возможных вариантов. Первый заключается в том, что субъекты переговоров учли мнение друг друга и пришли к общему решению проблемы. Второй базируется на усилении конфликта между его участниками вследствие усиленной критики со стороны друг друга.

На заключительном этапе подводятся итоги состоявшихся переговоров. Зачастую такой процесс имеет благоприятный исход, однако известно и достаточное количество случаев, когда активная коммуникация не привела ее

---

¹¹⁹ См.: Брыжинский А.А., Худойкина Т.В. Общие задачи совершенствования негосударственного урегулирования конфликтов в Российской Федерации // Вестник Мордовского университета. — 2006. — №1. — С. 181–186.

участников к разрешению спорного вопроса, а в отдельных случаях даже усугубила ситуацию.

Процесс обсуждения спорного вопроса между конфликтующими сторонами имеет ряд функций. Базовыми функциями являются:

1. Функция по совместному поиску наиболее рационального решения;
2. Информационная — функция, заключающаяся в распространении и получении конкретной информации по рассматриваемому вопросу, изучении точек зрения других сторон;
3. Коммуникативная — функция, реализующаяся в обсуждении спорных тем, налаживании взаимоотношений с оппонентами;
4. Регулятивная — функция, включающая в себя строгий контроль на совершаемыми действиями при ведении переговоров по урегулированию конфликта. Например, отслеживание соблюдения условий составляемых в процессе переговоров договоров;
5. Пропагандистская — функция, направленная на демонстрацию субъектов переговорного процесса с наиболее выигрышной стороны, привлечение внимания со стороны СМИ, общественности;
6. Маскировочная — функция, заключающаяся в сокрытии истинных корыстных мотивов в целях получения большего количества времени, а также ранее неизвестной информации, которую можно будет использовать для собственной выгоды.

Такая процедура разрешения юридических конфликтов позволяет достичь благоприятного для всех сторон результата, мирно решить стоящие перед ними спорные вопросы, выслушать позицию каждого участника, прийти к общему выводу, а также минимизировать возможные потери или избежать их вовсе. При этом одной из специфических особенностей переговоров является то, что они результативны только в том случае, когда каждый участник желает участвовать в них, настроен на рациональное обсуждение насущных вопросов, а не на дальнейшее развитие конфликтной ситуации, на выплеск агрессии.

Благоприятный результат проведения переговоров напрямую зависит от глубины знаний участников конфликта, а также иных привлекаемых лиц правовой ситуации. Важно грамотно оценить потребности и интересы правового характера участников спора, при этом следует не только получить и скомпоновать правовую информацию по возникшему вопросу, но и изучить ее, провести анализ, сделать акцент на наиболее значимых аспектах. Особенностью успешного ведения переговоров служит умение быстро и правильно ориентироваться в поступающей в ходе обсуждения информации.

При ведении переговоров не всегда можно добиться располагающей обстановки, которая важна для принятия удовлетворяющего каждую сторону

решения по завершению юридического конфликта. Добиться единогласного решения при быстро сменяющейся обстановке практически невозможно.

При достижении согласия сторон в уголовном судопроизводстве путем переговоров в заявлении потерпевшего на имя судьи указывается, что он достиг примирения с подсудимым гр-ном А., тот принес свои извинения за совершенное преступное деяние, стороны обговорили порядок возмещения материального и морального вреда потерпевшему, отсутствие претензий. Подсудимый, в свою очередь, составляет заявление на имя судьи от своего имени, в котором указывает аналогичную информацию и предоставляет расписку для процессуального закрепления результата переговоров.

Мировая практика демонстрирует, что переговорный процесс — это лучшее средство управления и разрешения конфликтных ситуаций и деструктивных конфликтов даже в развитых правовых системах.

Наиболее значимым примером ведения переговоров в мировой практике служит обсуждение остро стоящих вопросов, затрагивающих безопасность крупных государств, между советским и китайским премьером в сентябре 1969 года. Четырехчасовые переговоры между двумя значимыми представителями государств в аэропорту Пекина были организованы экстренно. Они были спровоцированы острым кризисом в отношениях между СССР и Китаем, который дошел до вооруженных конфликтов на границе. Данный саммит в зале для почетных гостей в западном крыле Международного аэропорта Шоуду в Пекине принес практические результаты — волнения в государствах стихли, был сформирован пакет мер по деэскалации приграничной напряженности, закрепленный на законодательном уровне.

Обращаясь к современной российской практике ведения переговоров, важно отметить, что Верховный Суд России приводит в качестве примера около тридцати законов, обязывающих предъявлять претензии или предпринимать меры по урегулированию конфликта путем переговоров. Среди них, в частности, отдельные виды споров в уголовном судопроизводстве (с выполнением определенных условий), налоговые споры, нарушения в сфере перевозки грузов всеми видами транспорта, оказания услуг связи, дела об изменении или расторжении любых договоров и т.д.

Подводя итог, хочется отметить, что переговорный процесс как способ разрешения юридических конфликтов в уголовном судопроизводстве является доступным, эффективным и востребованным в современной практике. Помимо этого, он имеет ряд специфических особенностей, позволяющих эффективнее добиться благоприятного результата. Проведение переговоров дает возможность решить порой самые сложные конфликты, кажущиеся безнадежными. Данная процедура обладает гибкостью, она происходит по инициативе и в интересах исключительно спорящих сторон, не требует стро-

гой регламентации, законодательного закрепления. Несмотря на очевидные преимущества переговорного процесса в разрешении юридических конфликтов, следует отметить, что в современной практике есть многочисленные примеры ситуаций, когда стороны не пришли к единому соглашению, а иногда и ухудшали отношения друг с другом, усугубляли конфликтную ситуацию. Отмечая данный опыт, можно сказать о том, что необходимо уделять особое внимание организации переговоров, созданию благоприятной для каждой из сторон обстановки, в отдельных случаях стоит пригласить нейтральное лицо, которое сможет сгладить накаленную атмосферу, рационально оценить предмет спора, дать правовую оценку ситуации.

Список литературы

1. Борисов Н.А., Брыжинская Г.В. Психология участников правового конфликта // Евразийский научный журнал. — 2015. — № 29. — С. 154–156.
2. Давлетчина С.Б. Словарь по конфликтологии. — Улан-Удэ. Издательство ВСГТУ, 2005. — 100 с.
3. Брыжинский А.А., Худойкина Т.В. Общие задачи совершенствования негосударственного урегулирования конфликтов в Российской Федерации // Вестник Мордовского университета. — 2006. — № 1. — С. 181–186.

Научное издание

РЕГУЛИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
ПРАВООТНОШЕНИЙ:
20-ЛЕТНИЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сборник статей по материалам
Всероссийской научно-практической конференции
28 октября 2022 года

Под общей редакцией:

Константина Александровича Корсакова,
доцента кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия, кандидата юри-
дических наук, доцента.

Владимира Анатольевича Шиплюка,
доцента кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидата юридических наук, доцента.

Технический редактор: Белова И.А.

Корректор: Петрова Т. А.

ЦНИТ «Астерион»

Подписано к использованию 30.03.2023, заказ № 036
191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 61, пом. 23Н.

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru/>

📄: https://vk.com/asterion_izdatelstvo